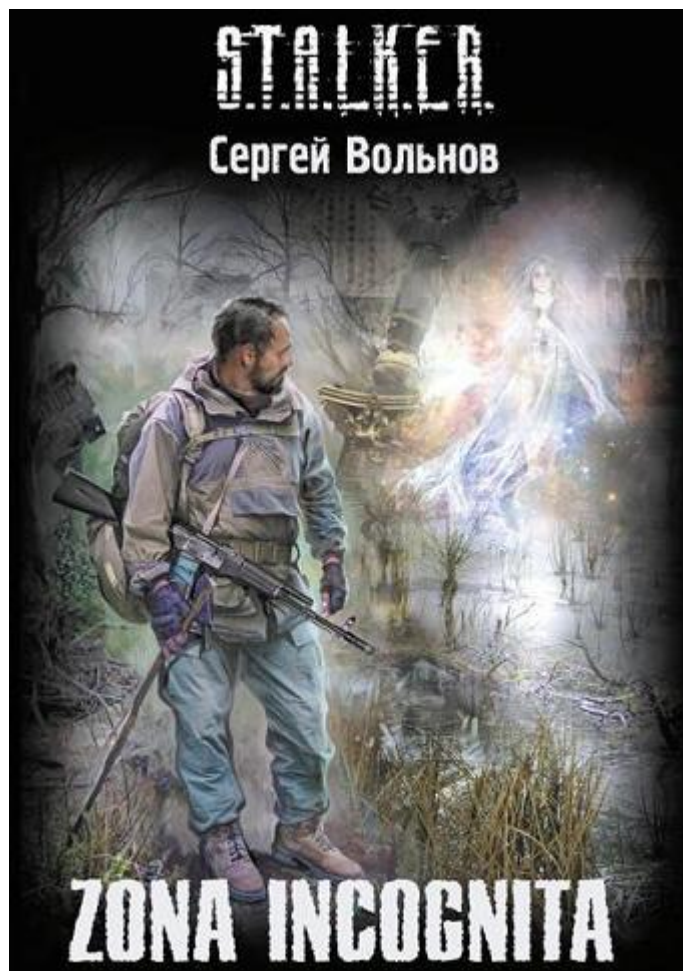

Сергей Вольнов
Zona Incognita

S.T.A.L.K.E.R. – 54

Аннотация:

Во второй половине XXI века человечество со страхом ожидало нового расширения «Чёрной Были», ещё одного смертоносного увеличения размеров Предзонья.

Однако Зона совершенно неожиданно обманула все мрачные прогнозы. Она сократилась до первоначального состояния, вернула планете захваченную в 26-м году территорию, на несколько десятилетий превращенную ею в аномальный Чёрный Край. Чем этот обратный процесс грозит миру — неведомо. Более того, Зона полностью закрылась от проникновения.

Никто и ничто не может ни попасть внутрь, ни выбраться наружу сквозь непроницаемый силовой «колпак». Зона совершенно недоступна, и что в ней творится — снаружи не знает никто. Известно лишь, что внутри неё остались зонные сталкеры, которые не успели выбраться...

Сергей Вольнов
Zona Incognita

Посвящается самым первым ликвидаторам...

Вот бы засунуть обогреватель в холодильник и посмотреть, кто кого...

Сетевой афоризм; авторство не установлено.

Всё пройдёт, и это тоже. Реально лишь одно — мир иллюзорен! Всё остальное фантастика...

Цитата из электронного письма; автор пожелал остаться неизвестным.

А настоящая жизнь гораздо интереснее — нет искупления и мало счастливых концовок...

Максима, по-прежнему очевидная; поэтому не нуждается в установлении известного авторства.

Вместо пролога

Раскатиисто гроыхнула винтовка. Эхо выстрела в тишине сумерек затихало отвратительно долго, блуждая между зданиями Припяти. Вспышка моей СВД выдала позицию, и я спешно покинул облезлую комнатуху многоэтажного панельного дома. Кроме «монолитовцев», где-то поблизости затаились ещё и остатки отряда военных. На этот раз парни с погонами не будут церемониться. Могут шарахнуть в окно комнаты из гранатомёта, чтобы уж наверняка. И в этот момент мне совершенно не обязательно находиться внутри помещения.

Мои глаза видели, что пуля моей снайперки не разминулась с головой фигуры в доме напротив. Я даже смог различить, как разлетались вышибленные мозги. Во все стороны брызнула жидкость. Его кровь, а что же ещё! Но всё-таки не было стопроцентной уверенности, что поражённая мною цель — та самая. Сталкер, ради уничтожения которого я здесь и сейчас нахожусь.

Частоту этого ПДА мне дал заказчик. Судя по исходящему от наладонника сигналу, его владелец в момент выстрела находился именно в той точке, где рухнул срезанный пулей тёмный силуэт. А судя по тому, что перемещение маркера цели на карте моего собственного ПДА прекратилось, задание выполнено. Но чтобы не сомневаться, надо окончательно убедиться.

Я вёл его от самого Рыжего леса, и ни разу не получилось сделать прицельного выстрела, а тут как-то... Как-то всё слишком просто. Ладно, чего уж там, чтобы обещанные рублики получить, всё равно нужно наладонник цели подобрать и указательный палец убитого отрезать. Так что по-любому придётся пересечь широкую улицу, разделившую ряды домов, и подняться в ту самую комнату, откуда поступает сигнал. А там, на месте, разберусь что к чему.

Разгребая многолетний слой пыли и мусора, я по-пластунски дополз почти до самого выхода из двухкомнатной квартиры. Здесь пространство уже не простреливалось снаружи, и я встал на ноги. Свет в бывшую прихожую не проникал, и в ней царил тьма.

Сквозь зелёный фон, сотканный прибором ночного видения, проступила покрытая слоем пыли репродукция. Творение художника Перова, «Охотники на привале». Додумался же кто-то прямо напротив толчка повесить! Взгляд скользнул по санузелу и задержался на унитазе. Пять часов я пролежал в снайперской засаде неподвижно, и мой «клапан» уже подавал тревожные сигналы. Ничего, опорожнюсь в более безопасном месте. Хотя есть нешуточная вероятность — если задержусь тут ещё немного, то уже не только малую нужду справлю, а и большую.

Я выскочил в общий коридор и быстро, но аккуратно двинулся по этому мрачному тоннелю. СВДшка удобно примостилась за спиной, и сейчас АКСУ в моих руках пас двери квартир, распахнутые настежь. Возвращался я тем же путём, что и пришёл, но прокрадывался словно впервые. Мало ли кто мог успеть сюда забрести за последние часы.

Вдруг впереди, со стороны лестничной площадки, раздались шорох и звон. Кто-то задел осколки битого стекла, и они падали вниз по пролётам. Я опустился на правое колено, крепче сжал автомат и прислушался. Шаркающие звуки доносились этажом ниже. Как будто там кто-то еле-еле волочил ноги и цеплял ими весь подножный мусор.

— Пя-а-атый... д-доступ зак-крыт... х-хо-о-олод-но... — тихое несвязное ворчание лишь подтвердило мою догадку.

В здание прибрёл зомби. Интересно, он учуял меня или просто так, непредсказуемо, таскается здесь? Я вжался в стенку и затаил дыхание.

— Ку-у-ушать... голова-а... не на-ада... води-и-ички...

Зомби прошаркал по лестничной площадке этажа, на котором я притаился, и, шатаясь, отправился дальше по ступенькам. Его «калаш» болтался, как маятник, вместе с рукой, его державшей, и методично отстукивал стволом пройденные ступени.

Я не стал стрелять ему в спину, тишина — добрый друг одиночки. Можно подождать и незаметно проскочить, но вдруг я внизу замешкаюсь или встряну в передрыгу? А это гнилое чудо со спины нападёт... Вариант совсем не весёлый, извиняй, мужик, или что ты там сейчас такое.

Я аккуратно положил АКСУ на пол, снова взял в руки мою верную СВДшку и снял камуфлированный чехол штык-ножа, что всегда «гнездилился» на моей винтовке. Многие сталкеры на привалах замечали нож на стволе моей снайперки и ржали, мол, на кой он там нужен?! Смейтесь-смейтесь, лохи, а как вам понравится вот такой номер?

Я выскочил на лестничную площадку, в пару прыжков догнал зомбака и с размаху всадил своё «копье» ему в основание черепа. Лезвие вошло, как в масло, и без особых усилий рассекло кости. Эх, до чего хороша эта переделка из германского КМ2000! Не жаль денег, потраченных на бундесверовский клинок. Сколько раз самопальная «насадка» мне спасала жизнь, уже и не припомнить.

— Б-бо-о-ольно... — Зомби последний раз выдохнул воздух, дёрнулся и обмяк.

Я аккуратно уложил его тело на ступеньки.

— Всё, отдыхай, отбегался. Земля тебе пухом, — пробормотал я, склонившись над ним, и похлопал ладонью по рюкзаку окончательно усопшего.

Мои пальцы что-то нащупали внутри рюкзака. В голове мелькнула догадка, и я не смог противиться своему любопытству. Из вспоротого штыком рюкзака наружу вырвался зеленоватый свет. Я специально отключил ПНВ, чтобы убедиться. И убедился, что всё в радиусе полутора-двух метров теперь освещалось именно зелёным светом. Внутри среди ржавых банок, сгнившего снаряжения и плесени лежали три артефакта.

«Выверт» и «огненный шар» были мне знакомы, и особого интереса для меня этот хабар не представлял. Но вот третий артефакт просто-напросто зачаровал! Зеркальная, красивая такая хрень, с флуоресцирующими вкраплениями и ещё светится впридачу. По описанию очень похож на «ночную звезду», и потрескивание счётчика, отображающее повышенный радиационный фон, тому лишнее подтверждение. Это первый раз, когда я собственными глазами вижу настолько редкое образование. Дорогая и полезная штука, говорят, что она очень хорошо защищает от пуль, жаль только, что светится и демаскирует. Чехол бы для него сообразить какой-нибудь, чтобы это свечение скрыть, и было бы самое оно!

Нацепить артефакт на пояс я не рискнул и переложил «звезду» в свой рюкзак, в специальное отделение для радиоактивной добычи. Вот ведь, и приятный бонус случился! С приподнятым настроением я закинул винтовку за спину, вернулся в коридор, подхватил оставленный там АКСУ и бодро спустился вниз.

И там, в самом низу, заполучил ещё один, уже далеко не приятный бонус. Хотел было шагнуть на улицу через проём дверей подъезда, но вдруг услышал, как снаружи тихо шикнула старая рация. Едва успел спрятаться за стеной тамбура. Снаружи донёсся тихий треск сухих веток под чьими-то ботинками, и тотчас же яркий свет тактического фонаря залил большую часть подъезда и лестницу, ведущую наверх. Всё, путей к отступлению нет! Нужно действовать нагло и стремительно.

Затаив дыхание, я дожидаюсь удобного момента... И как только в проёме дверей, у которых я замер, появляется дульный тормоз штурмовой винтовки, решительно бросаюсь в атаку.

Хватанув левой рукой ствол вражеского оружия, увожу его в сторону от себя. Правая рука завершает своё отдельное движение, и пламегаситель АКСУ упирается военному, не ожидавшему такого поворота событий, пятью сантиметрами ниже кадыка. В следующее мгновение короткая автоматная очередь дробит ему шейные позвонки и выплёскивает на улицу розовый фонтан крови и ошмётков плоти. Обмякшее тело бойца наваливается на меня всем своим весом. Я падаю на одно колено и пытаюсь использовать эту тушу в качестве щита.

Враги, оставшиеся снаружи, моментально разражаются плотным огнём. Свинец яростно клюёт бетон, облако пыли и осколков значительно снижает мне видимость. Но я успел заметить, что в кустах у подъезда сидят ещё два бойца регулярной армии. Мёртвое тело военного на ура справилось со своей ролью, пули увязли в толстом бутерброде, состоявшем из туловища солдата и двух слоёв армейского бронежилета. Я огрызаюсь длинной очередью в направлении одного из стрелявших. Весь магазин опустошаю в кусты, где мельтешит нашлемный фонарик кого-то из военных сталкеров. И судя по короткому вскрику, долетевшему оттуда, удача мне улыбнулась. Счёт: два-ноль!

Тут же стрельба прекратилась, и я услышал, как что-то глухо ударилось в стену за моей спиной. Не нужно быть гением, чтобы сообразить, что это было.

Я сорвался с места и ураганом понёсся вверх по ступеням. Только и успел ласточкой влететь в ответвление коридора, где, судя по планировке дома, должна располагаться площадка лифта.

Громыкнуло так, что звон в ушах стоял ещё несколько минут. В детстве взрывал петарды в подъездах, но РГД-5 — всем петардам петарда. Не переводя дыхания, я вскочил и пробежал ещё один лестничный пролёт, на ходу меняя автоматный магазин, и сверху, через окошко, перетянул очередью оставшегося бойца. На этот раз отстрелялся менее удачно. Только и успел прострелить ногу, торчавшую из-за тополя, перед тем как противник открыл ответный огонь.

А ну тебя к чёрту, военный! Меня как ветром сдуло от окна. Что за ствол был у солдата, я не рассмотрел, но его огневая мощь превосходила мою в разы — носа не высунуть. Придётся действовать наверняка. Я отправил через окошко наружу две ребристые Ф-1, примерно в сторону раненого врага. И после двух взрывов добавил ещё, метнул контрольную РГД-5.

Последний рокошущий грохот стих, и покинутым городом снова завладела тишина. Рисковать у меня не осталось ни малейшего желания, и без того за сегодняшний день исчерпан месячный лимит удачи. Через парадный выход уже не полезу, научен горьким опытом. Я прокрался по длинному коридору и шагнул через порог самой дальней от лестничной площадки квартиры первого этажа.

Стоя в прихожей, окинул комнату беглым взглядом. Мрачная обстановка покинутого в спешке жилья уже не пугала и не рождала неприятные мысли о той адской катастрофе, что произошла здесь давным-давно. Привык. Но изредка всё же щемило в груди при виде старого детского манежа или запылённых игрушек.

Большая часть истлевших вещей, покрытых слоем грязи и пыли, была раскидана на полу небольшой комнаты. Мародёры поработали здесь очень давно, ещё до возникновения аномальной черноты и появления всех прелестей, которыми людей одарила далёкая от нормальной реальности Зона. В окне комнаты ещё торчали огромные зубья разбитого стекла, а вот в кухне ветер давно вырвал прогнившие деревянные створки. Там я и пройду.

Тихий писк раздался из-под раковины, как только я оказался в центре кухни. Сразу за этим на меня прыгнули два тушкана, видимо, устроившие там семейное гнёздышко. Та из тварей, что покрупней, прыгнула мне прямо в лицо, а меньшая вцепилась своими зубками в штаны. И только благодаря молниеносной реакции я смог поймать в полёте монстра, стремившегося вцепиться мне в горло. Рука сжала тонкую шею мутанта, которая негромко,

но отчётливо хрустнула. Второго тушкана, отчаянно трепавшего мою левую штанину, я раздавил ботинком правой ноги. Какие-то хрупкие эти «хомячки», вся их сила в количестве. Хорошо, что в этой бывшей кухне только парочка тушканов обитала.

Отбросив в сторону дохлого мутанта, я залез на подоконник и прыгнул в растущие под окном кусты. По зарослям лазить мне не привыкать, давно освоил эту специальность. Дождался порыва ветра и под естественное шуршание веток пополз на карачках. Как только ветер стихал, я застывал неподвижно. И вот так, пунктирно, полз от порыва к порыву, пока не оказался у дороги, разделившей ряды домов.

Итак, широкая проезжая часть, а на той стороне мостовой, в здании справа, мелькают фонари. «Монолитовцы», не иначе. Этим лучше на глаза не попадаться. Слева пустырь, простреливается на ура, плюс в той стороне я ещё и военных положил. Крайне вредно для жизни там возвращаться. А вот прямо...

Когда я ещё лежал в засаде, то заметил глубокую траншею, что вела от противоположного края дороги к внутреннему дворику с детской площадкой. Железобетонные короба, ржавый экскаватор, кран, трубы теплотрассы — всё это осталось тут брошенным в день «Ч». Всего-то и надо — добежать до траншеи, чтобы «монолитовцы» не успели прицельно жакнуть, и потом по ней пробраться до самого двора. А там уже и через площадку до подъезда — рукой подать. Ну, что же, на старт, внимание... марш!

Так быстро, наверное, мне ещё никогда не доводилось бегать. Рывок удался, я успешно пересёк улицу, и мои ботинки уже коснулись дна траншеи, когда раздались первые залпы бойцов «Монолита». Песок, щебень и осколки коробов посыпались мне на голову. Ничего, это не смертельно. Довольный своим манёвром, я, пригнувшись, пробирался по неровностям траншеи, как вдруг взгляд выхватил впереди большой провал в земле. Он был завален всевозможным мусором, ящиками, обломками фонарных столбов, труб и железобетонных конструкций. Видимо, дождь за десятилетия подмыл землю, и она обрушилась в катакомбы...

Катакомбы, откуда они здесь?! Чёрт с ними, самое важное в другом. Даже новичку стало бы понятно, кто именно завалил мусором и тяжеленными обломками этот провал. Перспектива вырисовывалась далеко не радостная. Вылезти из канавы — означало заполучить от «монолитовцев» свинцовых щедрот. Продвигаться дальше — есть высокая вероятность потревожить «карлика» в норе. А, чтоб его! Это, видать, компенсация за удачу с «ночной звездой». Выругавшись про себя, я решил всё-таки пробираться через заваленный вход в катакомбы.

Каждый шаг вымерял, двигался так тихо, как только мог — тень позавидует. И вот, в самом конце, когда нога уже опустилась на почву за провалом, с проржавевшей арматурины, за которую я держался, сорвался солидный кусок бетона. Тяжёлый шмат упал вниз и задорно проскакал по пустым железным бочкам. Поднялся несусветный грохот. Ах ты ж!!

Сразу в небо чудесно воспарила одна из тех самых бочек и, со свистом рассекая воздух, полетела в меня. Я увернулся и побежал прочь, виляя из стороны в сторону. В спину мне ударил пустой деревянный ящик, его дощечки давно прогнили, и он развалился, наверняка оставив в моём рюкзаке несколько ржавых гвоздей. Что-то ржавое железное просвистело над головой. И ещё пара кирпичей ударила мне по каске, разорвав капюшон КЗСа, прежде чем я отбежал на значительное расстояние от провала, и хозяин подземелья успокоился.

Я остановился и перевёл дыхание, сердце молотом колотилось в груди. На этот раз пронесло, удрал от бюрера... И только сейчас я почувствовал, что в паху горячо и мокро. Бляха-муха! Так и знал, что надо было пораньше опорожниться... Остаток траншеи я преодолел без приключений и, оказавшись в самом её конце, высунул голову, осмотрелся. Пусто, никого не видно и не слышно. Покосившиеся качели, ржавая горка, песочница, ряд вкопанных в землю самосвальных покрышек, маленькая карусель, развалившиеся лавочки и прочие дворовые причиндалы — всё это, один чёрт знает как давно пребывало в запустении и напрочь поросло кустарником. Гнетущая обстановочка, ничего другого и не скажешь.

Никакой явной угрозы я не обнаружил, но всё равно пробежал расстояние от канавы до первого подъезда опрометью как ошпаренный. Этот подъезд мне и нужен, судя по сигналу.

Странно, что здесь в зданиях нет «монолитовцев», это их территория, да и дома эти расположены стратегически важно — с их крыш весь пустырь отлично простреливается.

Сумерки уже сменила ночь. Я отщёлкнул полупустой магазин АКСУ, вставил полный, начал медленно и бесшумно подниматься вверх по ступеням...

Мой клиент валялся на пятом этаже, там у меня наконец-то появится возможность убедиться, что задание выполнено успешно. Пройдя два этажа, я увидел три мёртвых тела, растянувшихся прямо на лестнице. Это были кадры «Монолита». На секунду трупы приковали всё моё внимание, и, видимо, поэтому я не сразу заметил россыпь стреляных гильз, парочка из которых тихонько звякнула под подошвой. Я встал как вкопанный и осмотрелся.

Совсем недавно прямо тут была бойня, кровь убитых ещё не успела свернуться. Весь третий этаж буквально усеивали трупы «монолитовцев» и их оружие. Так вот куда они все пропали! Более чем уверен, это дело рук моего клиента. Я поднял одну гильзу, патрон девять на девятнадцать и, судя по дырам в бронежилетах убитых, наверняка бронебойный. Думаю, что 7Н31 для пистолета-пулемёта. Мощный, убойная сила впечатляющая, хотя большой минус — трудно достичь высокой точности и кучности стрельбы, это сужает область применения. Зато если надо выкосить сразу целую толпу... При условии, что у тебя первичным оружием что-нибудь вроде снайперской винтовки — очень даже грозная получается «вторичка» под такие патроны.

Массированной стрельбы я не слышал, когда лежал в засаде. Наверняка у покойного клиента, которому я высадил мозги из моей СВД, пистолет-пулемёт был с глушителем, и... похоже, что не один.

Я ещё раз глянул на маркер цели, мерцающий на дисплее моего ПДА. Отметка не переместилась ни на метр. Да уж, опытный был бродяга, без дураков, столько положил этих уродов из «Монолита», а попался на ерунде! Просто не пригнулся, когда мимо окна крался. Не учёл боец, что за ним мог следить снайпер. Всё просчитал, кроме одной детальки, а в ней-то, как говорится, и скрывался дьявол...

На всякий случай я и дальше, то есть выше, продолжал двигаться крайне тихо и аккуратно. Почему-то в голову взбрело и не отпускало бредовое подозрение, что на пятом этаже меня встретит тело с разmozжённой башкой и в упор выпустит по мне пару магазинов с этими мощными бронебойными. Сам не пойму, откуда взялся этот страх перед убитым клиентом. Возможно, после созерцания трупов десятка расстрелянных им «монолитовцев», а может быть, просто из-за жуткой усталости. Не важно, по какой причине, но мне стало очень даже не по себе.

А вот и он, нужный этаж... Я долго стоял в начале коридора, что вёл к квартирам, и напряжённо слушал тишину, пытаюсь унять свои подозрения. Ничего не слышно. Поборов страх, я отправился к третьей двери справа, откуда исходил сигнал ПДА цели. Тихо шёл, шаг за шагом, перетекая из одного положения в другое, пока не оказался у проёма двери. Самой двери почему-то в раме не было. Я набрал полные лёгкие воздуха перед рывком и вдруг ощутил в воздухе странный, в глубине Зоны совершенно непривычный, но очень знакомый аромат. Неужели... коньяк?..

Молнией промелькнула рука с обрезком металлической трубы, и перед тем, как в моих глазах померк свет, они засекли тёмный силуэт, прыгнувший откуда-то сверху...

Не знаю, сколько времени я приходил в себя, но когда очнулся, ни каски, ни ПНВ на мне уже не было. СВД, АКСУ, нож и оставшиеся гранаты тоже испарились. Я лежал с раскинутыми руками, распростёртый крестом на полу вверх лицом, а надо мной нависал сталкер, здоровенный, богатырского телосложения, облачённый в бронекастюм «Берилл-5М». Один чешский пистолет-пулемёт «Скорпион» модели «CZ 361» примостился в его набедренной кобуре, а второй, с глушителем, смотрел мне прямо в лоб. Из-за левого плеча сталкера выглядывал ствол тяжёлой винтовки, под стать комплекции её хозяина.

Мужчина снял свой «намордник», и на меня сейчас смотрела до боли знакомая физиономия, оригинал фотки, слитой в память моего ПДА. Именно этого типа мне заказали стереть с лица Зоны. Помещение тускло освещалось рассеянным светом диодного фонаря, на

линзу которого была надета полусфера шарика для пинг-понга, и мне удалось рассмотреть сталкера.

— М-м-м... — промычал я и, немного очистив горло, процедил сквозь зубы: — Несси...

— Бл... лин, он самый. Хотя это совсем не важно, какое у меня имя. Если умеешь оставаться в живых, зваться можно хоть Питерским Бронебойщиком, Одуванчиком или Горшком, — ответил несостоявшийся труп, передёрнул затвор и угрожающе приблизил бездонное чёрное отверстие дула «Скорпиона» к самым моим глазам. — Слышишь, гад, да ты же мне вместо башки последнюю бутылку коньяка прострелил! Я даже попробовать не успел, только-только ко рту поднёс... Кто тебя в этот раз нанял, стрелок?

— «Долговцы» за тебя... большую награду назначили... — с трудом, в два приёма, вытолкнул я ответ из горла, превратившегося в радиоактивную пустыню.

Хотел ещё добавить: «Они подозревают, что ты какой-то новый монстр, хуже шатуна или контролёра!», но вместо этого испытал жгучее желание запросить пощады. Вдруг так остро захотелось жить!!!

— Ха, ликвидаторы зонорожденные. Знали бы вы, игровые, что такое настоящая ликвидация, когда целый мир сам себя... эх! Только вам и не снились подобные масштабы самопожертвования. Ладно, бывай, ты неплохо стрелял, может, и встретимся в следующей жизни. Большой награды для сталкера не бывает...

Почти неслышный хлопок не позволил мне осуществить желаемое, вслух высказать то, что заполнило мысли. В голову врезался астероид, а на глаза хлынула раскалённая лава крови.

— Игра должна продолжаться... — Моё гаснущее сознание уловило последние в этой жизни слова. Станные слова. Но думать, что это за игра такая, я просто не успевал.

Свет окончательно померк. Чер-но-та...

Глава первая. Отдел Зоны

1

Красный автомобиль затормозил перед светофором.

Он стоял неподвижно, однако человеку, наблюдающему за ним, отчётливо показалось, что «сайгак» вздрагивает от нетерпения. Это желание — не разрывать паузами быстрое движение — просматривалось даже в силуэте автомобиля. Приглаженном, стремительном, приземистом.

К тому же не стихал рокоток двигателей. Звук был едва слышен, но случайный наблюдатель уловил его даже сквозь стену. Машина словно угрожала покрытию дороги, обещала давить асфальт, утюжить колёсами... Светофорные панели, укреплённые на столбах по обеим сторонам от перехода, сменили цвет на зелёный. Проезд разрешён.

Городская ракета, вызывающе сверкая красным лаком бортов, не медля ни секунды, выполнила обещание. Она тронулась с места рывком, как будто выпущенная из стартового ложементы, и укатила в сторону Лубянской. Там, за углом, нырнёт в скоростной тоннель, и поминай как звали.

Будто специально, чтобы поиздеваться над случайным свидетелем, этот родстер позволил себя рассмотреть в подробностях. Он сделал вынужденную остановку точно в поле зрения, прямо напротив крохотного окошка, по ту сторону мелкоячеистой сетки. Но человек, крадущийся за стеной дома по узкому тоннелю, даже не заметил бы этот колёсный автомобиль, если бы не взглянул наружу через эту вентиляционную отдушину. Пробираясь вдоль труб и кабелей по коридору полуподвала, он внезапно почуял неладное, где-то поблизости... Выяснилось, что источник беспокойства невольного наблюдателя не внутри, а снаружи.

Человек успел рассмотреть главное: рулил не штатный водитель, а сам хозяин машины. Разделила двух людей только ширина тротуара. Расстояние три метра от борта родстера до полуподвального окошка, сквозь которое глаза наблюдатели смотрели на сидящего за рулём. И человеку, замершему в коридоре, прекрасно удалось разглядеть седовласую голову мужчины, находившегося в салоне машины. Свидетель даже распознал характерный верх его смокинга.

«Вырядился, пингвин! — подумал я, случайно оказавшийся этим самым свидетелем отъезда. — Не иначе как на официальную встречу нацелился. Или в ресторан с дамой? Повезло учёному мужу, так или иначе...»

Нам же, следовательно, с точностью до наоборот. Не фартит.

Нехорошо-о, Андрей Евгеньич, с работы раньше времени сбегать, ведь сегодня даже не пятница.

Этот управленец среднего звена пускай себе едет. Мишень — не он. Однако вменяемые начальники не покидают вверенные объекты перед визитами самого главного начальника. Неужели расчёты наши ошибочны и дата прилёта президента не соответствует сегодняшнему дню?! В таком случае никак не получится одним ударом и крепость взять, и короля свергнуть. Хотя наша главная цель, конечно, спрятана в крепостной «сокровищнице». И по личному приказу главы государства её злую энергию должны сгенерировать в полную силу в этот, именно в этот судьбоносный вечер, за четверо суток до конца апреля. Пристрастие к юбилейным датам — не последнее в ряду человеческих странностей.

Мои руки с зажатыми в кулаках рукоятками «стволов» невольно тянутся вслед седому профессору, укатившему на площадь. Так стрелки компасов неизбежно стремятся к магнитному полюсу... Чёрт! Вот тебе и пресловутый элемент неожиданности, что вдруг появился в тщательно запланированной схеме действий.

У ног зарычала Карина, почуяв тревогу ведущего.

— Тише, девочка, тиш-ше. — Мой голос немного успокоил ведомую, в мутно-белых глазищах которой читается преданность. Нетипичный экземпляр, способный на привязанность. Хотя чему, собственно, удивляться? Я ведь тоже далеко не конвейерной сборки представитель своей породы. Неудивительно, что прилипла ко мне эта «белая ворона», почуяла меня как-то, нашла и пристроилась в спутницы.

Нет, просчитаться мы не могли. Самый главный вполне может нагрять и без предупреждения, внепланово. На то он и самый-самый верхний, чтобы ни под кого не подстраиваться. Когда человечество боится, оно способно любую глупость совершить, если уверится, что она спасительна. Такова уж наша природа... А ведь этого человека стечение разнообразных обстоятельств назначило кем-то вроде главнокомандующего защитников испуганного человечества.

Мой портативный комп беззвучно завибрировал. По его часам — шесть вечера. Допотопные лампы накаливания, провешенные вдоль гидроразводки, мигнули и разгорелись ярче; установка выключена, согласно стандартной процедуре. Сверху, прямо надо мной и Кариной, в небольшом здании рабочий день закончился час назад. Обычное с виду, оно официально известно в качестве одного из архивов министерства юстиции. С этой минуты все двери наглухо закупорены. Кроме автономной проходной, расположенной во двореке, с тыльной стороны учреждения. Через неё после девятнадцати незаметно потянутся по домам «подземельные» учёные мужи, будь они неладны.

Перед этим, ровно в восемнадцать тридцать, многочисленная охрана глубинного бункера обновляется. Лифт опускает вниз очередную смену вооружённых до зубов стражей.

Времени у нас немного.

Сурово охраняемая, защищённая даже от лобовой танковой атаки проходная расположена как раз над нашими головами. В прежние времена лифт останавливался и на уровнях полуподвала и подвала. Но как только под маловажным архивом был обнаружен и расконсервирован бункерный комплекс — его засекретили по высшему разряду.

Всё и вся, на что положил глаз припрятанный в структуре МЧС таинственный «ОтЗон», положено секретить по самой полной программе. Тем более этот бункер, не одно

десятилетие числившийся среди легенд и мифов столичных подземелий. С той поры, как эта лаборатория опять вернулась «в строй», у руководства Отдела Зоны она наверняка числится Объектом номер Один.

Поэтому выходы сюда добротнo замурованы. В точности, как и все остальные проёмы в полуподвальных и подвальных отсеках, расположенных непосредственно под проходной. Толщина кладки, перекрывающей коридор, лишь немного не дотянула до метра. Я вырезал дыру узкополосным плавильником и втокнул образовавшийся блок в замурованную пустоту.

Это мне запросто, по норам-то ползать. Всё как положено. И фонарик дигтерский на шлеме, такой привычный в ходках. На ночной режим визора надейся, но и своим глазам не давай оплошать. Без режима картинка хоть и похуже, размытей, но зато живее, и видно гораздо больше деталей. Впрочем, кое-каких «деталей» там, в Зоне, просто не было, нет и быть не может. Спортивных красных родстеров, например...

Будем надеяться, что после нашей сегодняшней контратаки это самое «быть не может» уже никогда не изменится. Именно ради этого мы находимся здесь и сейчас. Чтобы сделать то, что должны. Во имя спасения.

Следом за мной в откупоренное с помощью плавильника, наполненное затхлым воздухом пространство беззвучно просочилась Карина.

— Слушай, девочка. — Присев на корточки, я взял в ладони тяжёлую башку вedomой. — Теперь тишина. Понимаешь? Ти-ши-на. И держись за моей спиной.

Умница поджала уши и втянула голову. Всё она прекрасно поняла. Я ещё разок подёргал ремни бронекомплекта, оплетающего её тело... Брони много не бывает.

На удивление, кладка, закрывшая проём бывших дверей, что вели когда-то в лифтовую шахту, чисто символическая. На её порезку и разборку ушло не более пяти минут. Теперь нам осталось только подождать, когда лифт доставит смену охраны. Предназначенную для ближнего боя «вторичку», оснащённую глушителями, я тщательно изготовил к действию; запасные обоймы поместил в спецкрепления, шпорами торчащие чуть выше колен. Старая добрая примочка. Давно ею не пользовался, незачем было; я обычно стараюсь пореже стрелять. Но сейчас пригодится, как нельзя кстати.

Я окинул взглядом помещение, в которое меня привела судьба. По углам пышно разрослась паутина, разводы плесени напомнили причудливые географические карты, развешенные на стенках и потолке. Сырость, осклизлость, сумрачность. Да, кому-кому, а уборщицам сюда ходу нет. В этот мрачный «пиксель» вселенной разве что матёрый сталкер проберётся. Вот я и пробрался...

Сверху в шахте зажужжали створки кабинных дверей и послышались неразборчивые голоса охранников.

Всё, подготовительный этап окончен. Добрались, приступаем. Теперь уж мне точно будет не до разглядывания «попутных» видов, даже очень ярких.

— Ну, понеслась! — Сердце начало набирать обороты. — Карина, спина!

Канаты, протянувшиеся вдоль стен шахты, вздрогнули. Под ровное гудение электродвигателей кабина двинулась вниз. И как только она миновала уровень обычного подвала, на её крыше появились незапланированные пассажиры. Одному охраннику что-то послышалось, и он даже заметил, как из распахнувшегося потолочного люка высунулись два ствола. Но никто из едущих вниз людей не успел ни выхватить табельное оружие, ни сообразить, что делать. Пять офицеров, захлебнувшись беззвучными смертоносными потоками, сползли по пластиковым стенкам лифтовой кабины.

Этот пункт удалось отработать чисто и тихо. Самые громкие звуки, которые прозвучали, — два гортанных «гык» и перезвон гильз, сыпанувших на пол.

Неожиданным затруднением оказался спуск в кабину. Лифтовыми проектантами становятся явно дистрофики или карлики. А может, это я нарастил массу сверх меры? Как бы там и тут ни было, мои плечи в люк едва-едва протиснулись. Натерпелся, думал уже резать края проёма, но всё-таки прочвякался вниз. Мордаха Карины тут же появилась в освободившемся отверстии. Ну, как такой лапочке не помочь спуститься? Тяжёлая, гадина!

Животинка, прыгнув с рук, нервно вытаращилась на запакованные в униформу груды мяса, наваленные под самым её носом. Однако, следуя отданной команде, замерла как вкопанная у меня за спиной. Хотя ей наверняка нелегко держаться. Специально не кормлена трое суток — рефлексы с голодухи срабатывают быстрее и лучше.

А лифт тем временем продолжал спускаться. Хватит времени перезарядить стволы, не прибегая к примочкам на штанинах комбеза; их срок ещё наступит. Сердце кувалдой молотилось в груди. Невыносимо в подобном состоянии просто торчать на месте и ждать. Слегка подташнивало от этого застоя, неизрасходованные «гигаватты» выделившейся энергии вынуждали тело спонтанно содрогаться.

Наконец-то кабина остановилась. Ожидаемого «дзын-нь» и в помине не слышно. Ещё бы — техника-то нашенская, к тому же антикварная. Так и захотелось отыскать взглядом табличку «Сделано в СССР». Хотя в Союзе такие лейблы вроде не цепляли, и без них всем тогда было ясно и понятно, где и кем сделано... Створки дверей расползлись в стороны, очень ме-е-едленно, будто это их движение сейчас виделось в режиме замедленной киносъёмки. За ними в хорошо освещённом помещении рядом с пультом стояли четверо в униформе эмчээсников.

Все они втыкали в дисплей мультимедийного терминала, водружённый на столике, метрах в пяти от поста дежурного. Шла сетевая трансляция возобновлённого кубка Европы. Судя по раздававшемуся в этот миг восторженному воплю комментатора, матч финальный, и противника рвала в клочья объединённая суперкоманда «Динамо-Спартак». Этой игре никакие капризы моды нипочём. Хотя лично я бы «Зенит» предпочёл в финале...

Бойцы расслабили булки на боевом посту. Да уж, болельщик — от слов «неизлечимо больной». Охранники махали руками, подпрыгивали, орали от радости — ещё бы, три-ноль в нашу пользу. И всё же тот из москвичей, что стоял ближе всех к «верхнему» лифту, зыркнул краем глаза в мою сторону. Шустро сообразил, гад! Молча ломанулся к пульту под прикрытием широких спин товарищей, которым и досталась первая выпущенная мной очередь.

Но, добежав до консоли, сообразительный со всего размаху шмякнулся на панель индикаторов, въехал в неё простреленной головой. Так и повис, шустрый, на штыре микрофона, угодившем ему прямоком в глазницу. Пока моя правая рука вела бегущего, левая завершила небрежную роспись из пулевых отверстий, дырявящих спины. Буквально считанные мгновения занял отстрел нерадивых стражников, но уже послышались крики в радиальных коридорах, что расходились из этого зала во все стороны.

— Карина, взять! — Я указал девочке на один из коридоров, а сам уже мчался по другому.

Она бросила своё немаленькое тело навстречу выскочившим офицерам. За свою спину мне можно не волноваться, Карина прикроет, обо всём позаботится. Эх, если бы людям можно было доверять хотя бы вполовину того, насколько я уверен в этой спутнице!

Бег немного пригасил дрожь, мне теперь не то чтобы хорошо, а просто никак. Но уже не плохо.

Есть два пистолета-пулемёта в руках и есть цели: медленно выплывающие из дверных проёмов человеческие фигуры. Они пытаются настигнуть полупрозрачные шлейфы, протянувшиеся не назад, а вперёд. На самом деле это их собственные будущие движения с моей экстрасенсорной точки зрения.

Ага, сейчас! Так я им и позволил совместиться! Тихие тум-тум-тум из моих «стволов», и куда более громкие дзынь-дзынь гильз, скачущих по полу.

Ничего личного, ребята, поймите меня правильно. Помыслы мои чисты. Это вас угораздило не той конторе прислуживать.

2

Человек продвигался неторопливо. Шёл, а не бежал. Он явно никуда не спешил. Хотя и не был похож на бродягу, что отправился в ходку на авось, без определённой задачи. Так

идёт опытный сталкер, когда прекрасно знает пункт назначения и одновременно совершенно уверен, что цель экспедиции никуда не денется.

Снаряжён этот охотник за хабаром был вполне добротно. Не так чтобы шикарно, но вполне солидно. Его бронекостюм армейского образца, либо прикупленный, либо захваченный у стражей Периметра, вполне мог выполнять функции защиты от многих передраг. От действительно серьёзных неприятностей вряд ли спасёт и «скелет» новейшей модели. Именно поэтому у интервоенных тяжёлые комплекты не популярны, они предпочитают более комфортные системы. Впрочем, логично. Им-то в саму Зону хода нет, а в текучем хаосе Предзонья вообще никакая броня не защитит от реальности, способной ежесекундно изменяться.¹

В качестве основного вооружения человек предпочёл российский «корд», автомат десятой серии. Выбор этого оружия, на первый взгляд кажущийся не совсем оправданным по причине веса большого стопатронного магазина, на самом деле обеспечивал этому худощавому сталкеру более чем серьёзную огневую мощь и, что не менее важно, нешуточную прицельную дальность и отличную кучность боя. Модифицированная под автоматный патрон «десятка» вела своё происхождение не от ковровских автоматов АЕК девятой серии, начинавшейся с 971-й модели, а именно от легендарных станковых пулемётов. В ней конструкторы сохранили и приумножили все достоинства родоначальника, первого «корда», который по праву был прозван «снайперским». Хотя, несомненно, знаменитый динамический компенсатор был позаимствован у «девятки».

К тому же, если присмотреться именно к этому экземпляру, становилось ясно, что он основательно переделан. Вес этой модификации «корда», и без того существенно ополовиненный производителями, сниженный в два с половиной раза, впоследствии был дополнительно облегчён. Все металлические элементы, какие только позволяла конструкция без снижения боеспособности, какой-то зонный умелец заменил деталями из композитного пластика. Это давало возможность унести с собой больше патронов. Для человека, не наделённого особенным богатырским телосложением, каждый прихваченный с собой лишний килограмм становился желанным бонусом.

Роль «вспомогательного» также исполняло оружие далеко не второсортное. Пистолет-пулемёт «клён», предназначенный для более мощного калибра наследник драгуновских «кедра», «кипариса» и «каштана», подтверждал сознательный отбор этим сталкером оружия ковровского завода. Плюс автоматический девятимиллиметровый «глок», одна из модификаций заслуженно популярного 17-го. И вдобавок эксклюзивная, на любителя, «пушка». Револьвер «смит-энд-вессон» 460-й модели, из нержавеющей стали, пятизарядный, под сверхмощный, удлинённый «магnumовский» патрон. В сравнении с этим убойным чудовищем — даже кольцовский «дезерт игл» мог показаться водяным пистолетом. Всё остальное у сталкера тоже производило впечатление продуманной, тщательной подготовки. Этот обитатель Зоны, несомненно, совершал далеко не первую ходку. Точнее, не первую сотню. И если не достиг ещё статуса зонного старожилы, то уж ветераном был наверняка.

По дороге человек разглядывал окрестности. Конечно, не просто так разглядывал, на предмет налюбоваться пейзажами. Сталкер далеко не уйдёт, если перестанет отслеживать возможные опасности, в любую секунду способные прервать его жизненный путь. Однако именно сейчас, помимо сканирования пространства, идущий действительно обзирал пейзажи. Он рассматривал картины окружающего мира, неизменно мрачные, отлично ему знакомые, вспоминал пройденное и в который раз думал о том, как дошёл до жизни такой.

Его существование за пределами Зоны спокойным и оседлым тоже не было — авантюрные наклонности — это диагноз! — и всё-таки условно нормальным оно считалось. Чего не скажешь о выживании внутри зонной реальности. Но какие бы тогдашние

---

¹ От автора (для всех, кто не читал первую книгу): необходимо предварительно ознакомиться с текстом романа «Ловчий желаний». Именно там найдутся ответы на вопросы о всех новообразованных отличиях и о будущем Чёрной реальности. В этой книге повествуется об изменениях привычных реалий, уже знакомых читателям по более ранним периодам существования Зоны. Роман содержит подробности явлений, которые произошли в Зоне и с Зоной в марте 2026 года, а также излагает события последующих десятилетий.

обстоятельства ни вынудили его жить в аномальной Черноте, на самом деле он сам в неё захотел погрузиться. Что уж теперь жалеть, вспоминая.

Теперь вот он идёт по жизни такой здесь, в Зоне. Безостановочно, к избранной цели. И пока не остановится сам или его не остановят — будет живым.

Ведь здесь, в глубине Черноты, это слова с одинаковым смыслом. Ходить и жить.

Остановишься — умрёшь. Человека сюда не для того судьба за шкуру привлекает, чтобы он прохлаждался в тенистом садике на мягком кресле. Установленном в беседке, увитой благоухающими цветами...

Он знал о ней кое-что важное. Главной её ошибкой стала уверенность в том, что только она способна исполнить желание человека. Буквально любое, даже самое невероятное с точки зрения нормальной реальности. Он мог бы сказать ей об этом, выпави ему такая возможность. Но всё-таки не скажет, даже если выпадет. Потому что его собственной главной ошибкой будет демаскировка.

Основное, стратегическое преимущество — неизвестность. Он тёмная лошадка и намерен оставаться в глубокой тени как можно дольше. В идеале, до самого финишного рывка, когда бы тот ни случился. Открыто, с поднятой маской шлема, ему никак нельзя бороться. Поэтому и живёт он «в стиле Джона-Зверя». Был такой сталкер, пожалуй, наиболее скрытный и таинственный из всех зонных легенд.

Точнее, есть такой. Или будет. Ведь после того, как заветное сбылось, никто не способен помешать ему отправляться не только в любую точку территории Зоны, но и в любое мгновение её существования. При желании он может повстречаться в каком угодно времени с каждым из сталкеров. Никто и ничто не ограничивает свободу его перемещений... кроме самой Зоны. Поэтому для него смертельно опасно раскрыться и привлечь её пристальное внимание.

Чёрная Быль воспринимает его среднестатистическим охотником за «обычным» хабаром. Лишь в таком образе у него остаётся шанс найти ответы на вопросы, которые привели его в Зону. Те самые, из-за которых он остался здесь, не последовал примеру коллег и не покинул Черноту в тот час, когда она полностью закрылась от проникновения.

Именно тогда, сразу после её самоизоляции, исполнилось его заветное желание. Совершенно без участия Зоны. Поэтому ей ничего и не известно о припрятанном «тузе в рукаве», который остался внутри, не смылся вовремя, пока ещё оставалась такая возможность.

3

Сильнее всего на свете ей не нравилось расставаться с ним. Потому что тогда к ней возвращалось изнурительное, ненавистное ощущение вселенского одиночества. Это обязательно происходило, когда она теряла его из виду, не имела возможности прикоснуться, не могла с ним ни разговаривать, ни делиться мыслями. Это происходило, когда исполнение миссии вынуждало его отправляться в экспедиции. Тогда она, изнывая от нетерпения, ждала.

Цепenea от страха.

Он ведь мог и не вернуться однажды.

Есть такое выражение. «Терпеть ненавижу ждать и догонять!» Очень верно сказано. Она прочувствовала справедливость этого высказывания и согласилась с ним на все сто.

С того мгновения, когда в её жизни появился истинный напарник, сама возможность потерять его превратилась для неё в страшнейший кошмар.

Но ещё ни разу она не волновалась настолько сильно. Раньше ей никогда не хотелось вот так, совершенно по-человечески, умереть, чтобы избавиться от невыносимой боли... как в этот раз, когда он отправился в самую дальнюю ходку. За Периметр, в тыл верхнего противника, за линию верхнего фронта. Там она была почти бессильна чем-либо ему помочь, у неё не было возможности непосредственно поучаствовать в событиях. И это бесило больше всего.

Представляя себе, как он крадучись проникает во вражеский тыл, чтобы избавить её от очередной смертельной угрозы, она пуще всего на свете хотела одного: оказаться рядом с ним. Всем, чем способна помочь, она ему помогла, но вместе с ним войти туда у неё не получится при всём желании. Ведь именно ради того, чтобы избавить себя от соблазна туда ходить, туда разрастаться, она и организовала этот рейд.

Так что ей ничего другого не оставалось, как продолжать вести наблюдение. Уж эту возможность она себе обеспечила.

Хотя иногда отворачивалась, чтобы не видеть того, за чем наблюдала. Цепенела от страха потерять его, замирала от ужаса... Но всё равно — мысленно представляла, как он там идёт, крадучись проникает в самое логово.

И больше всего хотела оказаться с ним рядом.

Глава вторая. Два цвета смерти

1

Белый камень прогромыхал по коробчатым трубам системы вентиляции, ударился об узловую фланец и покатился по каналу лабораторного уровня. Само собой, и при этом движении также возник шум, отдающийся гулким эхом.

Невозможно было не услышать его, и сотрудники поднимали взгляды к окошкам вытяжек. Эти решётчатые конструкции не менялись со времени сооружения бункера. Не было нужды. Сотню с небольшим лет назад действительно строили на совесть. Даром что сталинские зеки. А может, потому что.

Инерция движения каменного снаряда была окончательно погашена о решётку в стене лаборантской сектора обеспечения. В этом помещении находился один-единственный человек, достаточно молодой сотрудник по сравнению со средним возрастом научного персонала. Финишный удар прозвучал прямо у него над головой, от чего парень нервно дёрнулся и выронил только-только прикуренную сигарету. Он прекрасно знал, что, кроме него, сейчас здесь нет никого, но всё равно испуганно оглянулся. Вдруг кто-то засёк перекур в неположенном месте? Никого не обнаружив, лаборант запрокинул голову и прищурился, чтобы получше рассмотреть виновника своего беспокойства.

Белый бок прищельца торчал из железной решётки. Её крупные ячейки покрывал толстый слой ржавчины, точнее, кое-где они уже фактически целиком состояли из этой самой ржавчины. Систему вентиляции переделывали и обновляли, но полуметровые стенные отводы и сами решётки остались в первозданном состоянии. Уж очень добротны были сработаны эти антикварные штуковины, да и служили они своего рода напоминанием о предшественниках. Но безжалостное время всё-таки начало одолевать металл.

Дымящаяся на полу сигарета была зверски растёрта подошвой ботинка. Остатки её лаборант зафутболил под старинный громоздкий сейф, служивший в данный момент импровизированным кухонным столиком. На нём удобно расположились несколько разнокалиберных чашек, ложек, вилок, консервный ключ, банка с сахаром, банка с кофе и, конечно же, замаскированная пепельница. Лаборант пододвинул к стене ровесника сейфа и решётки, такое же древнее деревянное кресло, обшарпанное, чудом не развалившееся до сих пор. Сесть на эту рухлядь могла себе позволить только не уважающая себя или пьяная задница.

Кресло скрипнуло, принимая на себя массу человека, и спустя секунду резко шатнулось. Парень, теряя равновесие, машинально вцепился пальцами в ржавые прутья, которые уже находились на уровне его глаз. Деревянные бруски вмурованного обода давно сгнили, и ржавая решётка легко выдернулась из стены, увлекая за собой облако пыли, куски штукатурки и винегрет мусора, образованный многолетними залежами окурков, мумиями тараканов, клоками паутины, обрывками бумаги и даже несколькими «резинками», давным-давно исполнившими свою функцию.

— Ё-о-о!..

Этот вопль был единственным звуком, который издал лаборант, когда упал с кресла на мелкие коричневые квадратики напольной плитки. Что только не падало и не капало на них за всё время существования объекта. Наши люди и в совсекретных подземельях — наши.

Занавесь из мутного пластика прикрывала маленький «аппендикс», служивший лаборантской сектора обеспечения. Пластиковая плёнка оборвалась от стремительного падения человеческого тела. Возмущённо шурша, она свалилась и вслед за мусором накрыла чистый халат самого младшего научного сотрудника.

— Твою мать! Ать! Долбить-ковырять! — Лаборант стянул покрывало шторы, откашлялся, отплевался и высморкался на пол при помощи левой руки. Только после этого он устоялся на решётку, выхваченную из стены скрюченными пальцами правой.

И на яркую белую причину случившегося полёта с кресла на пол.

Очки с диоптриями, недавно опять вошедшие в моду, свалились при падении. Теперь они находились не на носу лаборанта, а под каким-то из многочисленных приборных шкафов. Сидя на полу, слетевший с кресла парень близоруко шурился. Он пытался разглядеть, что за хрень изгадила ему душевный пивной настрой в самом конце рабочего дня.

А хрень и вправду была именно хреню. На взгляд нельзя было даже примерно определить её принадлежность к каким-либо минералам, ископаемым или композитным материалам. На вид — морская галька, этакий крупный окатыш девственно-белого цвета с льдистыми вкраплениями. Они бриллиантово посверкивали в тусклом мерцании ламп якобы дневного освещения.

Причём возникало впечатление, что свечение это было не отражённым, а шло изнутри штуковины, непонятно каким способом угодившей в вентиляцию. И если бы очки лаборанта остались на переносице, то впечатление переросло бы в уверенность. Он заметил бы едва различимую ауру. Сгусток породы окутывал идущий изнутри свет, и в нём преломлялся свет из внешних источников. Как будто подарок, доставленный по трубам, предварительно был раскалён на огне.

— Что случилось? Я про твою маму аж в конце коридора услышал!

Вслед за дверным скрипом в помещение ввалился Петрович. Более чем «навеселе», по своему обыкновению.

Его синяя роба, покрытая разноцветными пятнами неизвестного происхождения, и засаленные чёрные нарукавники вынуждали некоторых учёных смущённо отводить взгляды от нынешнего завскладом «образцов и особей». Кое-кто ещё помнил блистательное прошлое этого человека. Профессор, членкор, без пяти минут академик, он превратился в алкоголика предпенсионного возраста.

Зелёный змий утянул Валентина Петровича Горовского на социальное дно четыре года назад, после взрыва и пожара на подчинённой ему базе «Сератово-2», входившей в систему ИнтерЦИЗ. Именно тогда, в две тысячи пятьдесят втором, всепожирающее пламя за считанные минуты отобрало у него смысл дальнейшего существования: и дело всей жизни, и сына-аспиранта, приехавшего на лето работать к отцу... Только жалость бывших однокашников, имеющих немалый вес в научных кругах, не позволяла этому несчастному человеку сгинуть.

В прошлом году начальнику расконсервированного прямо в центре столицы подземного комплекса настоятельно посоветовали взять Петровича в штат и определить его заведовать хранилищем артефактов и мумифицированных монстров. Да и куда ж ещё было пристраивать ветерана Интернационального Центра Изучения Зоны, бывшего специалиста по исследованиям воздействия мутагенных факторов аномальной реальности на биологические организмы!

— Э-э, тут вот, Валентин Петрович, такая фигня. — Лаборант пошевелил торчавшими из решётки пальцами. Они застряли в ячейках, составили компанию белому комочку, не поддающемуся классификации.

— Дай-ка гляну. — Горовский достал из нагрудного кармана очки в тонкой металлической оправе, деловито водрузил их на переносицу и принялся осматривать руку юного сотрудника.

Эти старые очки не имели никакого отношения к новомодным. Бывший профессор, вполне возможно, носил их ещё в пору студенческой юности, выпавшей на начало двадцатых. В то время контактные линзы и коррекция зрения были уже вполне обычным, но далеко не повсеместным явлением. Люди не торопились избавляться от укоренившихся привычек, жили неспешно, будто вечность есть и совершенно ничего не угрожает нормальному течению жизни... Зона была ещё маленькой, локальной, а кошмарная катастрофа двадцать шестого ещё никому и в страшном сне не снилась. И в помине не существовало никакого Периметра, которым человечество было вынуждено отгородиться от Чёрного Края в конце двадцатых годов.

Аномальный текущий хаос диаметром шестьсот километров, что возник в одночасье, после скачкообразного расширения зонной территории, ещё не угрожал будущему планеты Земля. Тридцать и больше лет назад земляне жили себе, не тужили! Планы строили на всю жизнь вперёд. Не то что ныне. В любой момент Зона снова ка-ак вспухнет, как раскинет щупальца черноты тысяч на шесть километров... Никому и ничему на планете мало не покажется. Уж кто-кто, а научные сотрудники подразделений и филиалов «ОтЗона», законспирированного в структуре российского МЧС, в этом ни секунды не сомневаются.

Если это произойдёт, тогда нормальной реальности наступит конец. Черноту, сожравшую не сотни тысяч, как сейчас, а многие миллионы квадратных километров никаким «Замкнутым Забором» Периметра не отсечёшь. Тогда уже от прямого влияния Зоны нигде на Земле не спасёшься. Останется лишь один выход: убежать в космос. Но к этому исходу человечество, увы, ещё не готово. Далеко не готово. Если кому-то хотелось так напугать человечество, чтобы оно наконец-то покинуло свою колыбель и ушло в космос, то неизвестные «родители» Зоны сделали это слишком рано.

— Что ж, Шурик, ампутация, однозначно. — Завскладом причмокнул губами и достал из бокового кармана халата маленькую плоскую фляжку. — Сто грамм для храбрости?

— Да ну вас! — Парень после жёсткой посадки временно утратил способность воспринимать какие-либо шутки. Он отмахнулся и начал отряхивать с себя мусор.

— А это откуда?!

Голос пожилого мужчины неожиданно прозвучал испуганно. Петрович, наконец-то сфокусировавший взгляд на белом окатыше, схватил запястье лаборанта своей жилистой рукой.

— Не знаю, Валентин Петрович, прикатилось вот...

— Ты его руками не трогал?! Скажи, что не трогал!!! — буквально взревел Горовский, ещё сильнее сжимая запястье молодого.

И хотел было Шурик ответить, что нет, мол, не трогал, не успел тронуть, но прозвучал лёгкий хлопок, и после ярчайшей вспышки окатыш исчез. Начинаящий лаборант и бывший маститый профессор даже не поняли, в какое мгновение умерли. Их кожа мгновенно покрылась мелкими трещинами и приобрела голубоватый оттенок. Одежду, стены, пол, шкафы и всё остальное постигла такая же участь. После резкого толчка и потрескиваний, несущихся со всех сторон, движение в секторе замерло. И только гравитация, по нормальным законам природы пока что неизменная даже при температуре абсолютного нуля, медленно тянула вниз пылинки воды, кристаллизовавшиеся в воздухе.

В сфере диаметром тридцать метров всё и вся мгновенно замёрзло. Живое умерло, неживое стало ещё более неживым. Активированную аномалию не остановили ни стены, ни земля. Единственное, что могло противостоять активации, — это поле, генерируемое установкой ИНМЭД. Той самой, что недавно была вновь собрана, реанимирована после десятилетий забвения в старом бункере. Но импульсный ноосферный модификатор электродинамический, расположенный не где-нибудь, а уровнем ниже сектора обеспечения, бездействовал. По стандартной процедуре он был выключен для охлаждения за час до

окончания рабочего дня. Поэтому абсолютно ничего не сумел противопоставить вселенскому холоду, который уничтожил его. Охладил окончательно и бесповоротно.

В одну секунду человечество утратило прототип оружия, которое при определённом стечении обстоятельств давало хотя бы призрачный шанс.

Шанс на то, что людям удастся одержать победу в войне против Зоны...

2

В буквальном смысле оказываться в нужном месте и в нужном времени он умел «по своему хотению, по своему велению». Но желание менять внешние и внутренние параметры собственного организма не входило в число истинных. Потому оно и не исполнилось. Всегда и везде он с виду оставался самим собой.

Скитаясь по Зоне в разных точках времени и пространства, он вынужденно брал различные псевдонимы. Тем не менее невольно породил несколько легенд о странных сталкерах, уж очень напоминавших друг дружку. Мысленно же сам себя он звал Штрих. Память подкинула ассоциацию, с коротким словом, когда-то прочитанным на бутылочках с вязкой краской, которой можно было замазать буквы опечаток и целые строки. Чёрное — белым. Интересно, выпускался ли хоть когда-нибудь аналогичный продукт чёрного цвета для вымарывания белого шрифта?

Самое первое зонное имя, по традиции данное неопытному первоходку другим сталкером, использовать не стоило. Потому Штрих закопал его в придонных глубинах памяти и берёг как сугубую драгоценность. Как символ бередящих душу воспоминаний о том, что было, было, но прошло. Это имя не позволило ему совсем забыть, что главным словом является «было», а не «прошло». Хотя после всех событий в это верилось с неимоверным трудом.

Конечно, он вполне мог отправиться туда, в прошлое. Посетить самые первые недели своей жизни в Зоне и кое-что «исправить». Там есть что подправлять, есть... Но Штрих никогда не сделает этого. Начальный период он сам объявил запретной зоной. Строжайшее табу было оптимальным решением.

Намеренно или случайно внеся какой-либо новый штришок в свою собственную судьбу, он рисковал слишком многим. Он мог не очутиться в нужном месте в нужный час. А ему обязательно надо сохранять необходимое состояние души в тот самый миг, когда исполнится желание освободиться от жёсткой привязки к линейному течению «реки» времени, ещё древними греками названной Хронос. Конечно, в итоге он освободился не целиком и полностью, как мечтал, но всё же, всё же... По крайней мере ему вполне хватало, чтобы гасить даже проблески соблазна, чтобы отбить само намерение и впредь корректировать собственную жизнь.

Несмотря на то что исполнившееся желание оказалось, мягко говоря, далековатым от желаемого. Правильно сказано: опасайтесь истинных желаний, иногда они исполняются. Не то слово! Всячески бойтесь, аки даров коварных данайцев. Брюхо «троянского коня», как известно, было набито смертоносными сюрпризами.

Да, здесь, в Зоне, он действительно приобрёл желанное — аномальное свойство перемещаться во времени. Но его межвременные ходки ограничивались ещё двумя непреодолимыми запретами, совершенно не добровольными.

Первый. Будущее наглухо закрылось для него, начиная с того самого дня, когда наконец-то реализовалась его мечта, исполнения которой он страстно желал чуть ли не всю сознательную жизнь. Мечта родом из той поры, когда воображением завладели исторические книжки и фильмы, прочитанные и увиденные в раннем детстве.

Второй. Далёкое прошлое вопреки ожиданию так и не открылось ему. То, ради чего он и хотел, по большому счёту, сбросить оковы времени и свободно перемещаться в прошедшие века.

За всё надо расплачиваться, халявные пирожки бывают только на поминках. Чего хотел, на то и нарвался. За отказ подчиняться линейности времени линейное время тоже отказалось от него.

Десятилетия, которые Штрих прожил от собственного рождения до того дня, когда сбылась его Мечта, теперь были в его полном распоряжении. Он может «плавать» по этим годам, как ему заблагорассудится. Не по волнам собственной памяти, а вполне реально. Хоть против, хоть поперёк, хоть наискосок течения времени.

Но ни секундой позже или раньше. Будущее и прошлое для него тоже запретные зоны.

Иногда на привалах, размышляя об этом, сталкер Штрих неизбежно задавал себе вот какие вопросы.

Обречён ли он вечно скитаться в промежутке между датой собственного рождения и датой исполнения желания? Сумеет сбросить одни кандалы, сможет ли он хоть когда-нибудь сбросить другие, полученные взамен? Сумеет ли он вырваться из плена, в который угодил по собственной воле? Он приговорён к бессрочному заключению в этом отрезке времени или всё-таки есть способ как-то освободиться?

Но однажды все эти безответные вопросы прекратили мучить Штриха. Его скитания перестали быть хаотичными, они обрели смысл.

У него появилась цель, и он обоснованно начал подозревать, что не случайно заперт в определённом промежутке времени. Срок его жизни, прожитой до того самого дня, когда Чернота закапсулировалась, самоизолировалась, наглухо закрылась и начала заполняться серым волглым мороком, охватывал фактически весь «сталкерский» период существования Зоны. Будто специально, чтобы он имел возможность переместиться в любую секунду этого периода.

Хотя он появился в эпицентральной глубине Черноты совсем незадолго до этой даты и ходил по ней от силы год, прежде чем произошло тотальное самоотделение Зоны от Земли и человечества. Но зато теперь у него в распоряжении имелись все возможности изучать историю Зоны «изнутри». Непосредственно наблюдать за событиями, а не довольствоваться легендами. Чем он и занимается уже не первую сотню ходок.

Приближаясь к неприметной «нычке», которая уже не раз служила ему убежищем, Штрих опять вспомнил разговор, который у него когда-то здесь состоялся. Именно в этой пещерке раскрыл он причины своего появления в Зоне незабвенному первому напарнику. Тому человеку, который нарёк его первым зонным именем и посвятил в некоторые секреты Черноты. Тогда ещё новичок, будущий Штрих, совсем недавно появился в аномальной реальности и сам не имел понятия, останется ли здесь надолго, или вернётся раскрывать тайну происхождения Зоны обратно, в белый свет, на «большую землю».

Кто ж тогда знал, что именно ему суждено быть узником Зоны! В буквальном смысле...

3

Она стояла на обрыве, смотрела вниз и цепенела от страха за жизнь другого человека.

Река несла свои воды по течению, как и положено водной артерии. В любой момент женщина, которая застыла на краю обрыва, могла повернуть речные воды вспять, но никогда не делала этого раньше. И уже не сделает.

Потому что ею было принято решение. Исполняя его, она вынуждена постоянно рисковать жизнью любимого мужчины. Чтобы никто из других людей не помешал ей реализовать свой выбор. Она решила оставить в покое всё остальное человечество, и для этого необходимо было самой отгородиться. Лишить всех других людей возможности беспокоить её, искушать и «учить плохому».

По крайней мере на одном из двух фронтов борьбы с окружающей средой — прекращение боевых действий в её собственной власти. Точнее, подвластно её собственному выбору. Поэтому она вернула им отвоёванный плацдарм, почти всё, что отхватила раньше, и остановила своё наступление по верхнему фронту. Ей хватает проблем и с противником,

атакующим понизу, от которого, к сожалению, подобным способом не отделаешься. Возвратить то немного, что осталось, не получится — это равносильно самоубийству. Убраться куда-нибудь подальше отсюда тоже нет возможности.

Но главная проблема — разобраться в самой себе. Дожилась, ничего не скажешь! Воистину человеческое занятие — заниматься самокопанием.

Не впервые она приходит сюда, на то самое место. Здесь она стояла, когда напарник отправился в глубокий тыл, в тот решающий день. В другие дни, потом, она приходила, чтобы вспоминать, как это было.

В том судьбоносном «сегодня», с помощью напарника, она освободилась. Резко оборвала охотничью сеть, которую на неё хотели накинуть.

Уже после этого предпочла всех послать подальше, отвернуться и больше не глядеть по сторонам. Во-первых, чтобы избавить себя от соблазна окидывать хозяйским взглядом окрестности. А во-вторых, чтобы никому не дарить соблазнов использовать её саму и её возможности в их собственных корыстных интересах.

Но это решение было лишь началом работ над собой, которые ведутся с того/этого дня и продолжают, и продолжатся... До победного. Каким бы он ни был.

Узнать бы каким.

Какое страшное в своей неопределённости словечко-то «бы»!

Воды реки, несущиеся под обрывом, не приносили ей однозначного ответа. Они всё так же целеустремлённо истекали в предписанном направлении, но текучий узор быстроживущих волн не торопился складываться в чёткий рисунок.

Ожидая напарника из очередного рейда, она иногда приходила на этот берег, чтобы наглядно напомнить себе, как стояла здесь впервые. И вспоминала самую важную, быть может, дату в своей жизни. Хорошо, что память об этом событии не исчезла в провале забвения... Не забывался тот день, когда после мучительных колебаний, воплощённых в серии пробных коррекций, она приняла окончательное решение.

В тот же день ей довелось со всей обескураживающей наглядностью понять, что это значит: дорожить жизнью другого человека больше, чем своей.

Если бы она могла, то сделала бы всё самостоятельно.

Но вот как раз этой возможности — сделать всё самой — у неё и не было, и нет, и не будет.

За всё приходится платить. Даже ей, привыкшей единолично устанавливать «правила обмена» и «курсы конвертации».

Вот почему она приходила сюда, в точку символического Перекрёстка Судьбы, когда напарника не было рядом. И рассматривала утекающие волны с тайной надеждой, что разглядит в зыбкой неопределённости водной поверхности ответы на вопросы.

Чем это всё закончится? По силам ли избранный путь?

Каждый человек имеет право хотя бы надеяться на счастливый финал. Свою долю счастья всем хочется заполнить. По собственной воле никто не захочет остаться обиженным.

Глава третья. Абсолютная диверсия

1

За первым раздали ещё два толчка, разделённые небольшим интервалом. Их эпицентры располагались примерно на уровне генераторной. Там, судя по схеме, заканчивается прямой колодец вентиляционной системы. Скрип металла, судорожно сжавшегося от резкого падения температуры, — следствие воздействия аномалии, возникшей в реальности после активации артефакта. Там будет холодно даже после её сворачивания. Хотя мне-то что? Военный шлем с «намордником» полностью закрыл голову; остальные части тела надёжно облегает термокомбинезон высшей защиты.

На верхнем клапане моего рюкзака лежала ещё одна белая «картофелина», заключённая в оболочку.

— Ну что, контрольный?

Ретрансляторы шлема практически не исказили голос, а мозг не замешкался с ответом.

Я взвесил на ладони небольшой одноразовый контейнер, со вздохом сожаления провернул его крышку. Раздался характерный треск пластика, как при открытии пивной «торпеды». Только вместо приятного солодового аромата наружу вырвался «запах» мороза.

Артефакт выкатился на ладонь. В момент соприкосновения с кожей его матовая поверхность начала покрываться микроскопическими светящимися точками. Я немного потёр его ладонями, чтобы подстегнуть. Уже спустя две-три секунды появилась лёгкая вибрация и возникла аура. Это предупреждение о старте процесса активации. Пару минут на разогрев, и жажнет. Но только не жарницей солнечно-звёздной, а совсем наоборот. Абсолютный нуль, не до шуток юмора! Ох, не один сталкер погорел на этом зонном ништяке, пока бродяги сообразили, что эту белую гадость «голыми» руками ни в коем случае нельзя хватать.

«Картофелина» улетела в дыру, вырезанную мной на коробе вентиляции.

— Эх, последний патрон... Ничего-ничего, ещё наколядуем, да?

Привычка говорить с напарницей въелась в плоть и кровь, превратилась чуть ли не в рефлекс. Даже когда её рядом не было, ни в каком из смыслов. Мы с нею преспокойно могли общаться и мысленно, но вслух... получалось как-то человечнее, что ли. Становилось диалогом собеседников. Само собой, это не касалось ситуаций, когда в пределах слышимости распознавалось появление чужих ушей. Тогда приоритетным становился наш мысленный разговор. Да и воспоминаниями поделиться можно.

Сунув голову в трубный короб, я задумчиво проводил взглядом белую звезду падающего артефакта. Запечатлел на память...

Перчатки комбинезона лежали на полу рядом с рюкзаком и мотком верёвки, извлечённой из него. Композитная ткань, образованная множественными микрослоями, практически не ощущается на кистях и работает по принципу термоса. Заправив длинные края перчаток под обшлага рукавов, я зафиксировал «липучки», подхватил рюкзак и верёвочную бухту, удобно пристроил их на левом плече. Термокомбез сидит на мне впритык. Треснул бы он по швам, будь хоть на полразмера меньше. Повезло, что на вскрытом складе амуниции завалился размерчик три-икса-эль, в противном случае из меня получился бы антигуттаперчевый мальчик.

Переступив через труп стражника, лежащего на выходе из санузла, я отправился по кольцевому коридору, назад к шахтам лифтов. По ходу расстрелял уцелевшие камеры видеонаблюдения. Живых, по идее, на уровне не осталось, но убедиться — дело принципа. Поэтому ствол с глушителем в автоматическом режиме пасёт дверные проёмы. Привычка всегда быть начеку зарубцевалась на извилинах ещё в месяцы первых моих ходок по Зоне. Любое выскочившее в коридор тело мгновенно пополнило бы коллекцию мертвяков, усеявших пол. Мои глаза смотрели на тела бедолаг, которым не посчастливилось оказаться на нашем пути, а счётчик в голове продолжал щёлкать. Восемнадцать... девятнадцать... вот он, в конце коридора, последний. Все двадцать охранников уровня мертвы. Мертвее них, если можно так выразиться, только персонал лабораторных секторов, расположенных глубоко под нами.

Никогда не вёл счёта оставленным за собой трупам. Свихнулся бы от такой арифметики... Но в этот раз абсолютно все эмоциональные факторы из миссии необходимо исключить. А хорошо освоенный метод исключения у меня лишь один. Внушить самому себе, что это происходит не вправду. Что просто игра такая.

Мертвенную тишину осевого лифтового зала нарушило тихое попискивание «тревожки» пульта охраны, на котором висел охранник с пробитой головой, а также звяканье стреляных гильз, что катались под моими ногами. К этим звукам добавился смачный хруст костей. Мой взгляд невольно повернулся в направлении этого звука. Зубы матёрой псевдопсины с жадностью впивались в остатки ног одного из охранников. В результате

направленной мутации её огромное тело покрылось чешуйчатыми наростами. Судя по тому, что она всё ещё жива, мутация получилась действительно удачной. Пули не пробили живую «чешую» в отличие от бронежилета, который выглядел причудливой композицией разлохмаченных ошмётков и кусков.

Уловив приближение шагов и позвякивание гильз, Карина издала негромкий рык и напрягла тело, но, увидев меня, начала чуть ли не хвостом вилять. Оторвавшись от еды, подбежала ко мне.

— Не утерпела, девочка? Голод не тётка, а мать родная. — Погладив уродливую во всех смыслах башку, я указал на двери ведущего наверх лифта, из которого мы появились. Скомандовал: — Охраняй!

Это единственный путь отсюда на поверхность и в обратном направлении. Моя псевдособака встала напротив этого лифта и напрягла мышцы. Она исполнена готовности ринуться в атаку. Теперь здесь смогут пройти разве что танки или ударная группа в экзоскелетах. Любой спецназовец «внешнего мира» не сумеет справиться с этой отборной зверюгой, порождённой самой Зоной, и будет порван на лоскуты, как только створки лифта раздвинутся примерно на полметра. Ведь ни единого настоящего сталкера среди штурмующих почти наверняка не окажется. Эта человеческая порода, как правило, не рвётся прислуживать власти предрежащим «большой земли». Мне ли не знать!

Импульсы нужной последовательности, выданные моим КПК, принудили маленький клубок «провода» вспомнить изначальную форму и превратиться в длинный изогнутый прут. С его помощью я открыл створку второго грузопассажирского лифта, шахта которого уводила вниз на добрую сотню метров, к уровням лаборатории. Ещё один взгляд на экран моего компа, где светилась трёхмерная проекция подземного бункера. Плоский, удлинённый дополнительной батареей мини-компьютер удобно разместился вдоль предплечья левой руки. К тому же его корпус защищён пластинчатым чехлом, предками которого были громоздкие натовские *outer box*'ы. Мою портативку я всегда предпочитал звать КПК, а не ПДА. Не нравится мне эта тупая калька с америкосовского сокращения PDA.

Извлечённым из рюкзака пневмопистолетом я всадил в бетонный пол три стальных штыря с карабинными кольцами. В рюкзаке остались только плавильник и тридцатисантиметровый шар, начинённый несколькими кило мощнейшей взрывчатки. В глубину вязкой субстанции ЗИ-44 помещён обыкновенный, дешёвый и никому не нужный за пределами Зоны «выверт». Если бы хоть кто-нибудь узнал, что происходит с ним или, например, с тем же «грави» или «золотой рыбкой» в определённой ситуации. Когда в бесконечно малый промежуток времени на эти артефакты воздействуют силы всестороннего сжатия... Если бы хоть кто-то узнал, тогда стоимость этих зонных ништяков выросла бы на порядок. Ещё бы! Подобная схема действует по типу атомной бомбы, но без всякой необходимости возиться со всякими там уранами и плутониями.

Плавильник долой, он уже не понадобится. Ничего лишнего вниз не брать.

С единственным грузом в рюкзаке под тихий свист спусковых роликов уникарабина я начал погружение в глубину потаённого логова «яйцеголовых» учёных.

Учёные-экспериментаторы — моральные уроды. Ненависть к ним у меня ещё сильнее, чем к солдафонам. От последних вреда куда меньше, и вред этот измеряется исключительно их количеством и огневой мощью. Учёные же порой сами не соображают, что творят. Действуя своим излюбленным методом «научного тыка», грубо толкают в спину мир, и без того балансирующий на лезвии бритвы. Видите ли, век спустя кончины эпохи «отца народов» откопали сталинский бункер и решили разобраться в замыслах собственных дегенеративных предшественников. Техническую документацию нарыли и давай восполнять сплошной теоретический пробел. Захотелось им помыслы мертвецов конвертировать в удобочитаемый вид. Так и подмывает заорать: «В очередь, сукины дети, в очередь...»

Моноotonно убегающий вверх нехитрый «пейзаж» стен шахты, высвеченный моим фонарём, гипнотически погрузил разум в недобрые мысли, и я прощёлкал момент. Из темноты резко всплыло препятствие. Мои рифлёные подошвы с разгона ударили верхнюю часть кабины лифта, застывшей на первом лабораторном уровне, и провалились сквозь

крышу. Материал корпуса сделался хрупким от низкой температуры и при ударе попросту раскрошился, открыв моему взгляду внутреннее пространство.

Кисть хоть и с запозданием, но выжала фрикционный рычаг, и движение прекратилось. Я завис в коробке лифтовой кабины. Дверь на уровень открыта, а в самой кабине стояли две голубые статуи охранников. От сотрясения, вызванного моим неуклюжим торможением, они упали и разбились, подобно хрустальным вазам. При виде этой картины у меня неприятно дёрнулись нервы.

— Тьфу на вас! — вырвался из ретрансов мой произвольный возглас.

Нельзя сказать, что это зрелище меня слишком удивило, оно не было полной неожиданностью. Однако заведомо что-либо знать и столкнуться с этим в реале — совсем не одно и то же.

И пары секунд не прошло, стальные тросы отломились в месте крепления, практически беззвучно. Тормозные клинья, приняв на себя массу лифта, раскрошились, и параллелепипед кабины стремительно рухнул вниз, на глазах превращаясь в облако осколков, дробящихся на всё более мелкие кусочки от частых ударов в стены шахты.

— Тьфу на вас ещё раз!

Крушение кабины действовало на мои напряжённые нервы почти так же, как и рассыпавшиеся охранники.

Снова тихонько засвистели ролики, сглатывая освобождённую верёвку. Цель моей ходки находилась ещё дальше, точнее, ниже. Этот низший уровень подземной лаборатории, захваченной «Отделом Зоны», представлял собой огромный зал. Выкопали его специально для ноосферного модификатора. Среди прочих присущих ему свойств это «великое» изобретение способно было сказку о зомби превращать в быль. То есть избирательно брать под контроль любое разумное существо на этой планете.

Гнусное местечко. Именно в нём когда-то непрерывно велись, а недавно возобновились опыты, по сути своей являющиеся изнасилованием природы в широком смысле этого слова. Интересно, под какую статью вселенского УК мироздания попали эти научные деятели, сейчас «позамиравшие» в тех позах, в которых их застала смерть?..

В свете фонаря всплыла мрачная картина. Мелькнуло ощущение, что всё это мне до боли знакомо. Фрагмент Зоны, но почему-то оказавшийся далеко за её пределами. Зрелище в точности напоминало катакомбы Лиманска, только оборудование было покрыто не слоем ржавчины и пыли, а седым инеем, да вместо теней замерли тела замороженных.

Осторожно ступая по центральной платформе уровня, я приблизился к установке. Температура уже поднялась, но ещё не настолько, чтобы пластические свойства материалов возвратились к норме. Из мрака проступила выхваченная светом фонаря троика учёных мужей. Белёсые статуи, сгрудившиеся вокруг столика, демонстрировали умильную сценку из трудовых будней персонала секретных лабораторий, а конкретно — чаепитие. Проходя мимо, я случайно задел одного из «трудоголиков», скончавшихся прямо на рабочих местах.

— Чёрт! — вырвалось у меня ещё раньше, чем свершились фатальные последствия. Я успел увидеть их заранее.

Рука с треснувшей чашкой отломилась, упала и рассыпалась. Вслед за нею и вся фигура повторила это действие. По принципу домино повалились на пол и две соседние фигуры. Длинная трещина ползла по платформе, дальше идти по ней опасно. Ботаники чёртовы, и после смерти вредят на полный вперёд!

Уже не хочется верить, что всего несколько минут назад здесь стояли живые люди, говорившие, дышавшие, думавшие, желавшие...

Установка была смонтирована в центре зала и висела внутри колец, шарниры которых позволяли свободно ориентировать её в пространстве, нацеливать в любом направлении. По стенам тянулись галереи с верстаками и столами, на них в различных креплениях находились какие-то образцы. Присмотревшись, можно было различить и клетки с замёрзшими животными. Сволочи яйцеголовые, они, значит, и живые организмы преспокойно облучали! Ну и занимались бы своими вивисекторскими делишками тихонечко, в нычку. Так нет же!

Какой-то вусмерть гениальный урод открыл, что импульсам этой установки любые преграды нипочём, и эта машинерия способна хоть на обратной стороне Земли поджарить чьи-нибудь разумы.

И ничего более умного им в яйцеобразные башки не взбрело, как внести рацпредложение: жакнуть излучателем прямо по моей напарнице. Вот прямо сегодня вроде намеревались...

Заварили горькую кашу, гады уродские, теперь нам последствия предстоит расхлёбывать со страшной силой. Мне, в частности, светит уйма ходок наверняка. Однако прежде чем упорядочивать хаос, нужно попытаться искоренить его причину. Поэтому я здесь. Никто из умерших в этом чёртовом бункере даже не понимал, что именно вытворял своими действиями, и тем более не осознавал, что придётся за всё это расплачиваться.

Хобот направленного рефлектора зловеще торчит из установки. Сейчас он нацелен на один из столов с биологическими образцами. Мой взгляд невольно, скользя по «линии огня», определяет последнюю цель... В свете фонаря там мелькает какое-то движение! Кто-то выжил при абсолютном нуле?! С центральной платформы без специальной перенастройки собственного зрения трудно различить, что за существо мечется в небольшой прозрачной клетке. Похоже, какое-то насекомое. Но у меня просто нет ни времени, ни тем более желания знакомиться с жутким результатом модификационного эксперимента. Будто мало я навидался мутантов с того момента, когда сделал первый шаг в черноту Зоны...

Извлечённый из рюкзака шар бомбы я установил с краю платформы. На узкие технические дорожки, ведущие к самой установке, я ступить не рискнул. Их вид не внушал доверия и при нормальных физических условиях, а сейчас и подавно. Загорелся красными цифрами таймер реликтового детонатора. А что делать? В условиях сверхнизких температур работоспособней всего оказывается старая, ещё советская электроника.

Очень скоро от этого дьявольского местечка не останется и воспоминаний. Пора и мне отчаливать подобру-поздорову...

2

Фатальные ограничения у него преодолеть не получилось и не получалось. Вот почему узнать, что же там дальше произойдёт, уже после закупоривания Зоны, Штрих не сможет. В тот день центральная, внутренняя область аномальности, собственно Зона, полностью закрылась от проникновения. И он успел это увидеть собственными глазами, ещё до исполнения собственного истинного желания.

Никто и ничто снаружи — не могло больше попасть внутрь неё.

Ни из Предзонья, внешнего круга аномальности, ни, следовательно, из всего остального, нормального мира.

Словно непроницаемый силовой «колпак» накрыл Зону. Прямо вдоль границы, по линии красного забора, установленного интервоенными для визуального разделения собственно Черноты и окружающей территории непосредственного влияния Зоны, прозванной Предзоньем.

Если в будущем это положение не изменилось, тогда для всех, кто остался снаружи, Зона совершенно недоступна. Что в ней творится, никто не имеет понятия. Только одно будет известно «наружным»: внутри неё застряли те зонные сталкеры, которые не успели или не захотели выбраться. Поэтому человечеству осталось лишь теряться в догадках: уничтожила ли Зона всех, кто в ней остался, или они каким-то образом выжили?

Все, кто остался внутри... Люди, которые не выбрались наружу. Сталкеры, не успевшие покинуть Зону, превратились в её пленников. И будущий Штрих, которого в тот невероятный день ещё звали совершенно по-другому, тоже угодил в плен. Хотя в тот день ни он, ни другие «внутренние» ещё толком не сообразили, что произошло.

Он, собственно, может лишь предполагать, в кого на следующее утро после «объявления полной независимости» превратились все, кто остался в закрывшейся,

схлопнувшейся Зоне. Это в частности. А в общем, он точно так же не имеет ни малейшего понятия, сумели они выжить или нет.

Его там нет. Ему туда не просочиться, не пробраться, не прокрасться. Для него это время — в запретном будущем.

Он-то совершил побег. В прошлое. Во всяком случае, надеялся, что убежит. Кто же знал, что просто из камеры в камеру переместится, вроде графа Монте-Кристо какого-нибудь!

Иногда он подумывал о том, что зря, зря бросился удирать от наступающей серости. Отправился бы вместе со всеми в будущее по течению времени, разделил бы участь... и не терялся в мучительных догадках, что там будет дальше. Что в будущем произойдёт с Предзоньем, Зоной и сталкерами в частности, а также с человечеством в целом и с остальным «белым светом», Землёй, в общем.

Но подобные сожаления теперь к нему приходили очень редко. Гораздо чаще он думал о том, что всё-таки поступил совершенно правильно. Точнее, пожелал совершенно правильно. Судьба такая, видать... В конечном итоге он, способный перемещаться по времени сталкер Штрих, сумел разглядеть и напасть на след именно благодаря тому, что движется по времени в любом «направлении», а не просто живёт из прошлого в будущее.

Он способен становиться непосредственным свидетелем и участником событий. Любой настоящий историк за эту возможность душу дьяволу продаст, не колеблясь! Мечта исследователя: добывать непосредственно факты, а не ломать голову над их последующими разноречивыми толкованиями.

О сожалениях он совсем позабыл, когда прошёл по найденному следу достаточно далеко и во всей полноте осознал, насколько дело нечисто. Он давным-давно понял, что с причиной возникновения Зоны всё более чем непросто. Поэтому, собственно, когда-то и появился в неё. Пришёл добывать ценнейший из хабаров: знание.

Но ответы на вопросы разыскивать и здесь было труднее некуда. Чернота не породила артефакта более редкостного, чем тайну собственного возникновения. Все «официальные» версии будущего Штриха изначально не устраивали. Даже та версия, которую приняли за аксиому так называемые ловчие желаний. Посвящённые, избранные сталкеры, что самоотверженно, десятилетие за десятилетием, воспитывали Зону, «делали» из неё человека. Лично для него и эта версия, полученная якобы непосредственно из первоисточника, от самой Черноты, оставалась лишь толкованием факта, пускай и «авторским».

Штрих не верил Зоне. Никогда не верил. Раньше не и тем более сейчас — не.

Несмотря на то, что со всей ответственностью включился в процесс воспитания, когда стал одним из посвящённых в секреты ловчих. Хотя в тот период он всё ещё колебался, стоит ли бегать по Зоне за ответами. Сомневался, там ли ищет. Засыпал и просыпался с мыслью: где же искать тайну происхождения смертоносной аномальности, внутри неё самой или всё-таки за её пределами?!

Именно это сомнение в итоге привело к тому, что он, возможно, единственный ловчий, который остался. Он не присоединился к исходу коллег, предчувствовавших нечто подобное тотальному закрытию. И никуда не ушёл, оставался в Черноте в тот день, когда она отгородилась непробиваемыми стенами и послала весь белый свет куда подальше.

Хотя выглядело то марево, возникшее словно из ниоткуда, совсем не как стена. Скорее как дымчатая завеса, поднимающаяся до небес. А если и стена, то исполненная из тумана. Лениво клубящегося, сизого такого, точнее, неопределённо-серого. Марево любимого цвета Зоны, частенько окрашивающей свой внутренний мир в тона мрачно-серой зыбкости. Ведь настоящая чернота лишь в самом эпицентре Черноты преобладает... Тот непрошибаемый барьер точно был серым, цвета компромисса между белым и чёрным. Туман, скрывший будущее, врезался в память глубже некуда.

Потому что эта серость начала сгущаться. Наступать, двигаться от краёв к центру. Пропитывать всю Зону, поглощать внутреннее пространство волглым, душным мороком. Будто вопреки привычной последовательности, вначале выросла твёрдая ореховая скорлупа,

а затем внутри неё начала образовываться мякоть ореха. Неудивительно! Когда это Зона подчинялась законам нормальной природы.

Тот серый будущий армагеддон Штрих видел недолго, но ему хватило, чтобы со всей ясностью осознать: пора рвать когти. Внутри этого тумана он жить не будет. Лучше уж сдохнуть, если оказался настолько сумасшедшим, что не убрался подальше вместе со всеми умными людьми, почуявшими скорое приближение конца. Он ведь тоже чуял, чуял, но к исходу людей не присоединился. Какой же чёртов исследователь добровольно откажется быть непосредственным участником события!..

Однако не сдох, бродяга. Отыскал выход. Не зря остался внутри. Кто ж ещё теперь, как не он, Штрих, упорно крался бы по следу всё дальше и дальше? За этой коварной Зоной глаз да глаз нужен...

Но привал пора заканчивать. Достаточно на сегодня воспоминаний. Снова пора в ходку.

Торчать в одной точке, изнывая от ожидания, вредно для здоровья. Не будешь же скрежетать зубами от бессилия, забившись в нору!

— Тот или то, за кем я иду, покинул... или покинуло Чёрный Край. Я чувую, его здесь нет, — по выработавшейся привычке вслух подумал Штрих. — Вот прямо сейчас его в Зоне нет. Оно ушло на... да, точно, в северном направлении. Дату я определил правильно, уже хорошо научился это делать. Я нахожусь на самом верхнем пределе периода времени, доступного мне, хроносталкеру. В том самом незабываемом дне. В завтрашний день мне ходу уже нет...

Да, прямо сейчас он — сталкер — где-то там обомлел и вытаращенными глазами пялится на морок, наползающий от серой стены, вздыбленной до небес. Он — хроносталкер не опоздал и не явился рано. Цели просто нет в Черноте. Ни в Зоне, ни в Предзоне. И вынудило цель покинуть аномальность Чёрного Края наверняка нечто запредельно важное. Но почему и зачем, ему не узнать. Увольнительных за пределы темницы узнику не положено, и в самоволку не сбежишь.

Штрих криво, невесело улыбнулся. Безотказное чувство цели, именно оно в короткий срок позволило ему стать ловчим, одним из лучших. И в каком-то смысле продолжать быть ловчим, несмотря на изменившиеся реалии. Только вот цель у него осталась одна-единственная. Зато какая!

— Но кто же он такой?! Или всё-таки оно...

Даже сейчас, ещё не владея конкретной информацией, упорный преследователь был уверен, что не ошибся. Пока лишь строя предположения о намерениях цели, он поверил, что наконец-то ухватился за кончик правильной нити. Той, которая приведёт его к главному ответу. Если долго мучиться, что-то да получится.

Штрих подхватил свою нелёгкую ношу, вскинул рюкзак на плечо, а на другое пристроил свою убойную кордовскую «десятку». Выбрался из пещерки, которая вызвала в нём тяжёлый приступ воспоминаний о том, что было, но прошло. Именно здесь, в этой укромной «схованке», у будущего Штриха состоялся когда-то судьбоносный разговор с первым напарником. Человеком, который посвятил его в члены тайного «рыцарского» ордена людей, которые честно пытались поверить Зоне, понять её и договориться с ней.

Только бы не довелось повстречаться с кем-нибудь из них, сойтись на узких зонных тропах. Разойтись не удастся. Не он один из обитающих в Зоне способен чутать аномальные свойства других людей...

3

В отсутствие напарника ей, по большому счёту, ничего иного не оставалось, как совершать обходы своего цветущего сада. Термин «прогулка» в данном случае был неточным. Подобное слово предназначалось для двоих, на ходу обменивающихся впечатлениями и мыслями. В одиночку же по саду она не гуляла. Именно обходила его. Всё как положено. Открывала дверь, ступала на крыльцо, опускалась по ступенькам, становилась

босыми ногами в густую, высокую траву и отправлялась в неторопливую инспекционную ходку.

Это было несложно. «Спящий режим» настолько замедлил все внутренние процессы, что ощущать себя обычным человеком она могла, практически не напрягаясь. Да и напрягаться не особенно полезно, большая часть уцелевшей, накопленной ранее энергии расходуется на обеспечение пассивной защиты от вторжений других. Немало сил также отнимает вынужденное садоводство. Она в ответе за тех, кто остался внутри.

Утренняя роса приятно холодила ступни и щиколотки. Хозяйке сада очень нравилось это ощущение, поэтому для неё никаких тропинок в саду не существовало. Трава росла повсюду, где она проходила. Зелёная, зелёная трава, всегда сочная, свежая... В пространстве между деревьями и кустами хватало протоптанных «стёжек», но ходили по ним обитатели сада, точнее, его жители. Тропа, дорожка или просто след в примятой траве возникали как траектории следования, как пунктиры, обозначающие маршруты перемещений.

Она совершенно не ограничивала свободу их передвижений, зачем... Всё равно каждый садовый житель рано или поздно, походив-походив между другими растениями, возвращался к своему личному цветущему дереву. Становился, укладывался или садился под него, и свежие лепестки осыпались разноцветным дождем.

Они меняли оттенки, цветки деревьев жизни в зависимости от состояния душ своих подопечных. Немало попадалось и мрачно-тёмных, коричневых, фиолетовых. Встречались лепестки ядовитых, «неоновых» окрасов. Блёклых, невыразительно белёсых или серых тоже хватало. Тона насыщенные, изысканные, светлые, яркие или жаркие встречались не так уж и часто. Души большинства жителей не особенно-то и стремились к свету.

Доброта — это способность любить людей больше, чем они действительно того заслуживают. Мысль запала хозяйке сада в память, и она нередко вспоминала эти слова, когда бродила по своему «хозяйству».

Её самозванные воспитатели упорно добивались своей цели. Они хотели заполучить всесторонне развитого полноценного человека, с которым можно будет подружиться, поделиться чувствами и договориться, а не воевать бесконечно. Война несовместима с жизнью.

Раньше душа её не ведала бесценности жизни, и она не понимала этого. Чтобы понять, она должна была наконец-то заметить чью-нибудь ещё, не свою жизнь. Не свою жизнь, окончание которой для неё оказалось бы страшнее, чем даже утрата собственной. То есть, коротко говоря, познать любовь.

Приходилось признать, что воспитатели добились своего.

Самое безопасное место на Земле — опустевший ящик Пандоры.

Только вот другим попробуй докажи, что она действительно изменилась настолько разительно!

Чтобы никому ничего не доказывать, ей пришлось провозгласить полный суверенитет.

Теперь вот доводится приглядывать за садом. Чтобы не упустить появления чёрных лепестков. Цветы этого окраса она безжалостно обрывала.

Глава четвёртая. Одна выигранная битва

1

Спускаться было куда легче! Электропривод подъёма в уникарабине сдыхает, не дотянув полсотни метров до уровня осевого зала, дальше — ручками-ножками. Сверху доносятся крики и стрельба. Это не способствует успокоению нервов. Иногда я вполне резонно задаюсь вопросом: занимаясь подобными делами, стоит ли по-прежнему оставаться человеком со всеми его слабостями?

— Держись, Каринка!

Темп подъёма на максимуме.

Прибыл по тревоге спецназ. Пока всё идёт по сценарию. Девочка справилась. Судя по тому, что стих шум, и по тому, что из раздвинутых над моей головой створок лифтовой двери не высунулся ни единый шлем с оскаленной мордой бурого медведя на лобной эмблеме.

Однако, как гласит наша поговорка, «На милость Зоны надейся, но и сам не жуй сопли!». Сталкер, свято уверившийся в том, что напарник всегда занесёт все его «хвосты», далеко не уйдёт.

Даже я. Даже с такой напарницей, как у меня.

Ведь не зря именно мне суждено было стать её напарником.

Выскочив из шахты, проехавшись по полу на спине, повожу «стволами» в поисках грозящей опасности, зыркаю по сторонам, ищу врагов. Но живых в помещении больше нет. Беспощадная Карина стоит напротив створок, которые циклично открываются-закрываются. Сомкнуться им не позволяет лежащее между ними тело «сибирского медведя». Остальные бойцы осназа навалены внутри кабины. Надеюсь, хоть трупы расстрелянной смены охраны из него предварительно убрали. Там, наверху, наверняка уже рой бело-красных вертолётчиков с мигалками и цифрами «003» на бортах. Об орде других спецмашин предпочитаю даже не думать.

Только бы всё прошло гладко. Мне предстоит одолеть наиболее сомнительный этап операции.

Вытаскиваю из кабины туловище осназовца, переодеваюсь в его окровавленную рваную униформу. Труп в классических «семейках» вслед за верно послужившим мне защитным комплектом отправляется в свободный полёт. Вниз по шахте другого лифта, той, что ведёт в новорождённое «царство снежной королевы». Осназовским шлемом луплю о пол, чем посильнее, и его прозрачный щиток оплетает густая сетка трещин. Завершаю всё это творчество последним штрихом: щедро вымазываю себя чужой кровью от макушки до пяток. Моё отражение в остатке разбитого зеркала, уцелевшем на стене, у слабонервных вполне способно вызвать эффект шевеления волос. Жуть! Пусть дедушка Станиславский только попробует сказануть своё знаменитое: «Не верю...»

— Карина, ко мне.

Досталось сегодня девочке; озверело-уставшие, но всё такие же преданные глаза ожидающе смотрят на меня. Команду ждёт.

Мы забираемся в кабину. Тыкаю нужную кнопку, лифт трогается. Работает, несмотря ни на что. Точно, на долгие века строили этот центр управления миром рьяные сталинские... э-э... кроты.

— Домо-о-ой, милая, домой! — отдаю последний приказ, ложусь на пол и накрываю себя разорванными телами.

Дальнейшее происходит само по себе, как будто фильм в кинотеатре смотришь, и всё это с эффектом присутствия — взгляд сквозь разбитое стекло камеры, заляпанной кровью. Кабина поднимается, створки разъезжаются, и моя псевдособака под нестройный салют встречающих выпрыгивает и мчится в сумерки, уже накрывшие город. Ошарашенные «медведи» не сразу бросаются в погоню, как видно, желающих погеройствовать и без того маловато было, а после беглого осмотра кабинки и вовсе не осталось. Под испуганные возгласы типа: «Да что ж там такое, блин?!» и неоднократные «б-бэ-э-э» желудочных спазмов бойцы начинают выкладывать части тел из лифта, освобождая место следующему штурмовому звену.

— П-пом-моги, братан... — Я приподымаю дрожащую руку, тяну её к ближайшему осназеру.

— Медики!!! У нас живой!!! — после бесконечной паузы вопит боец.

Меня вытаскивают, стремительно выносят на руках и определяют в бокс-каталку. Заботливый «белый комбинезон» тянет руки, чтобы снять мой окровавленный шлем, но я истошно взываю, якобы от острой боли, и он больше не пытается высвободить мою голову.

— В реанимацию давай! — кричит парамедик пилоту; бокс со мной уже вкатывают в другую кабину — скоростного вертолётчика. — Ближайшая районка в нескольких кварталах!

— Так живой же?! Может, в Склиф?

«Белокомбезные» торопливо запрыгивают в кабину.

— Не факт, что таковым долетит! — орёт всё тот же голос, видимо, доктора. — Давай-давай!!

Происходящее напоминает сцену из какого-то ретро-сериала, я в глубоком детстве смотрел, помнится. В памяти всплывает: «Мы его теряем, теряем... три кубика адреналина... начинаем интубацию!» Действие там всё время в больнице происходило, и круче всех лечил пациентов почему-то хромой наркоман с палкой. Но я не жду, пока меня окончательно превратят в болезненного эпизодического персонажа очередной серии. Наш вертолёт уже в воздухе. Как только пара-медик сцапывает мою конечность, чтобы вкатить в запястную вену какую-нибудь химическую дрянь, полуживое тело вдруг оживает, и совершенно неблагодарно вырубает всех троих «белых». Пилот заполучит последним, после того, как быстрый винтокрыл упорхнёт подальше и опустит меня на какую-нибудь лужайку в Измайловском парке...

Я уже видел тусклые огни фонарей на улице Писателя Васильева, бывшем Измайловском шоссе, что ограничивала эту часть парка с северо-запада, когда город содрогнулся от землетрясения. Сработала наша бомба. Там, глубоко под поверхностью центра Москвы, фактически под Лубянкой, на несколько секунд возникла и исчезла огромная аномалия. Она втянула в себя всё, что имелось в радиусе сотни метров, спрессовала в комок и распылила в образовавшейся полый сфере. В момент этого «мегавыверта» столицу России сотряс толчок силой не менее шести баллов. Надеюсь, монстрам от политики, которых наверняка великое множество в эпицентральной «красной зоне», досталось по заслугам.

Узнать же, что произошло там, в бункере лаборатории, не сможет никто никогда.

И вовсе не потому, что не сумеют добраться до бункера и расследовать случившееся.

Не узнают по той простой причине, что даже не вспомнят о существовании подобной лаборатории. Но это будет уже другая история.

Сидя в мучительном ожидании на условленной скамье одной из парковых аллей, я грустно подумал о том, что Каринка скорее всего не успела выбраться из Москвы, прежде чем она превратилась в столицу не нашей родины.

Именно это должно произойти, если достигла поставленной цели моя отчаянная ходка за линию верхнего фронта, в глубочайший во всех смыслах тыл одного из двух наших врагов. Врага, атакующего поверху, как иногда выражается напарница.

Но в этом я уже могу не сомневаться. У нас получилось. Результат диверсии я вижу собственными невооружёнными глазами. Моя напарница сохранила свои необычайные возможности. К счастью, мне не придётся своим ходом, на перекладных и попутках, возвращаться невесть куда, неясно к кому.

Я встаю, облегчённо перевожу дух и шагаю прямо в серое, туманно-клубящееся облачко сквозного портала. Самый быстрый путь — это прямая линия между двумя точками.

И сейчас он прочерчен напарницей специально для меня...

2

Привал в памятной до боли пещерке настроил на волну печальной ностальгии. Грусти добавили мучительные размышления на тему идентификации преследуемого. Штрих был лишён возможности перейти границу Зоны и отслеживать цель за её пределами, поэтому ему оставалось только это — шевелить извилинами.

К тому же с тех пор, как нашёлся припрятанный бывшим напарником рекордер, Штрих обзавёлся привычкой записывать хронику своих путешествий и часто озвучивал свои мысли. Проговаривание вслух требовало больше времени, но приучало к упорядочиванию сказанного и подуманного. Видеорежимом он пользовался очень редко, только для фиксации чего-нибудь особенно примечательного. Это требовало больше энергии, чем экономные аудиотреки. Батарейки следовало беречь, доставать новые — проблемно.

Утомлённый долгим переходом, следующий привал неприкаянный бродяга устроил в погребе разрушенного сельского домика. Загодя присмотренных, давно заготовленных тайников у Штриха немало было разбросано по территории. Он не всегда их регулярно использовал для отдыха, но при случае не ленился оборудовать себе очередную «точку». Тем более что захваты его схронов другими охотчими тоже случались. Жить как-то надо, а значит, обустроиваться не мешает. Раз уж ему выпала доля в качестве дома заполучить всю Зону... О том, что куда ближе по смыслу слово «тюрьма», а не «дом», он старательно не думал.

Перекусив «чем Зона послала», сталкер прилёт на четверть часа, просто расслабить тело, но задремал и увидел сон. Очень яркий, отчётливый, красочный. Будто настоящий киносеанс посетил!

Ему неожиданно приснился первый напарник. Но почему-то не в Зоне бегал наставник, а летел в каком-то винтокрыле. Что это именно вертолёт, а не аэроплан, было видно по форме и размеру кабины, хотя роскошная внутренняя отделка скорее напоминала салон частного самолёта.

Сталкер, который научил Штриха правильно жить в Зоне, разговаривал с каким-то человеком, грубоватое, с тяжёлыми чертами лицо которого очень сильно Штриху кого-то напоминало. Только проснувшись, бывший ученик вдруг сообразил, кого именно.

Но понять, зачем напарник находится в одном салоне с президентом соседней страны, не сумел. О чём они говорят, Штрих не слышал, аудиопоток в этом сне отсутствовал. Что мужчины беседуют, и очень активно, было видно по шевелению губ. Видеоряд запечатлелся в памяти отчётливо и не потерялся в момент пробуждения, как бывает.

Проснувшись, сталкер отлично помнил, что привидевшийся ему вертолёт долго летел куда-то, затем приземлился. Мужчины, всё время полёта не прекращавшие диалог, наконец перестали шевелить губами. Разомкнулись «лепестки» выходного люка, выполненного в виде диафрагмы. В проёме, освещённые идущим откуда-то сбоку прожекторным светом, виднелись люди в бронированных армейских скафандрах, за ними просматривалась какая-то глухая стена буро-красного цвета и приоткрытая металлическая дверь в ней.

Президент «северного соседа» и за ним ловчий, бывший напарник Штриха, покинули кабину вертолёта именно в таком порядке.

Салон опустел, но сниться почему-то продолжал, словно главным героем сна были и не люди даже, а воздух, что сохранился внутри него. Атмосфера, которая проникла внутрь ещё в месте отправления, где двое мужчин садились в вертолёт. Правда, этот опустевший салон царил во сне недолго. Снятая Штриху картинка резко содрогнулась, и в распахнутый люк... ворвался огонь! Снаружи произошло что-то катастрофическое. Вероятно, мощнейший взрыв. И случился он фактически сразу же после высадки не кого-нибудь, а президента огромной страны и его собеседника, с которым глава государства общался запросто, накоротке. Как будто знал какого-то сталкера всю жизнь...

Внутреннее пространство кабины прямо на глазах Штриха, что наблюдал его во сне, превратилось из роскошного салона в камеру сгорания работающей турбины. Огонь пожирал металл и пластик совершенно бесшумно, и от этого становилось ещё страшнее. Там наверняка рёв поднялся до небес, адские грохот и скрежет!!!

Проснулся Штрих резко, будто от пинка. Возможно, потому и запомнил сон. Ощущение после увиденного осталось не особенно приятное. Такие сны обычно комментируют: «Брррр! Приснится же такое!»

Вне всякого сомнения, двое мужчин, за минуту до этого выбравшиеся наружу, далеко уйти не успели и наверняка погибли. Вот если бы президентский винтокрыл опоздал, прилетел чуть позже, то не угодил бы в пределы зоны поражения, и оба они остались бы живы. Но борт номер один совершил посадку буквально за минуту до возникновения огненного пекла.

В каком соннике посмотреть бы, к чему снятся подобные адские картины?

Впрочем, у Штриха и без всякого толкователя снов имелось готовое объяснение подобного сна. Невольное возвращение в этот ненавистный день повлияло на его психику.

Пора уходить из этого «сейчас». Вот-вот наступит та самая минута. Ещё раз собственными глазами увидеть наступление серого морока нет ни малейшего желания. Он теперь вообще очень осторожен с желаниями. Лучше уж ничего не желать, чтобы не исполнилось какое-нибудь ещё.

Один раз одно его истинное желание исполнилось.

Хватит. Бойся заветных желаний, иногда они...

Выбравшись из погребя и уходя подальше, чтобы ненароком не повстречаться в другом текущем времени с каким-нибудь сталкером, отыскавшим «нычку», Штрих удалялся к центру Зоны. Само собой, повернувшись спиной к той стороне, откуда наплзёт серая мгла.

На бегу, как всегда, он настраивался на перемещение. Хроносталкер именно вбегал в другое время, набрав приличную скорость. В первый раз у Штриха это вдруг получилось, когда он изо всех сил пытался удрать от морока. И в дальнейшем ритм бега очень ему помогал входить в нужное состояние. Он сумел отыскать в себе и высвободить необходимые способности без помощи Зоны — исполнительницы желаний и потому технику перехода вырабатывал собственную...

Перебравшись несколькими годами раньше, он пробежал по инерции метров тридцать, остановился, загнанно дыша. Начал успокаивать дыхание и вдруг вспомнил слова, когда-то сказанные ему первым напарником, огненную смерть которого только что продемонстрировал кошмарный сон.

«Вдруг захочешь уйти обратно, — сказал тогда учитель, — обязательно постарайся предупредить меня. Я тебе кое-что расскажу на дорожку. И подсоблю, чем смогу. Ты прав, теоретические изыскания в действительности могут принести неожиданные открытия. Чего только у человечества не завалилось на чердаках памяти. Вроде короткая она у нас, веков, ни фиги на своих ошибках не учимся... но бесценную инфу порой в забытых архивах сохраняем. В момент всё исправить можно, найти бы только!»

Увлечённый своими поисками ученик вовремя не захотел уйти «обратно». Колебался, сомневался, искал... всё как положено в процессе изучения явления. А когда мог бы и захотеть — уже оказалось поздно.

Напарник-то успел покинуть Зону до того, как она закрылась. Это Штрих знал достоверно. Ещё накануне Морочного Дня ему стало известно, что того видели уходящим к одному из западных блокпостов. Неужто учитель, возможно, на пару с президентом, действительно раскопал ответ на каком-нибудь забытом чердачке или в старом подвальчике?! Тогда совсем не удивительно, что последовала огненная зачистка...

3

Она понимала, что другого выхода нет и что в миссиях ему не следует публично проявлять свои новоприобретённые способности. Чтобы не выделяться среди прочих сталкеров. И в особенности потому, что его могли учуять ловчие. С волками жить — по-волчьи выть. Он сам этого захотел, точно так же понимая, что есть такое слово — «надо». Назвался груздем, полезай в кузов. Но, возвращаясь к ней, в закапсулированное убежище будущего, он шутил, бывало, по этому поводу.

«Неубиваемый сверхчеловек называется! — ворчал он. — Раскатал губу! Глазастый, как телескоп... Мысли читать, как открытый файл... Силёнок до фиги и больше, хватит на всё, всегда, усталости и в помине нету... Наивный чукотский юноша! И что ты заполучил? Сплошная пахота с утра до ночи и с ночи до утра. Даже молока за вредность не дают. Эти вон, шаровики, устроились на халяву, живут и в ус не дуют, валяются под деревцами, лепесточками умываются, а мне, как проклятому, каждый глоток воды и кусок хлеба приходится отрабатывать!»

Обычно она выслушивала молча, только улыбалась; мужчинам свойственна привычка немного покритиковать тяготы мужской доли. Но однажды сказала напарнику:

«Точное слово. Помнишь такого сталкера по имени Прометей? Тоже был проклятый. Зато какой хабар человечеству добыл!»

И он тогда не нашёлся, что сказать в ответ...

— Привет, малышка, — поприветствовал он её судьбоносной ночью, появляясь из туманного облачка, визуального отображения внепространственного прохода, ведущего напрямик в столичный парк. — Живи и здравствуй. Как себя чувствуешь?

— Не дождутся. — Она не улыбалась. Даже смотреть на него не могла, голову понуро опустила. В душе ещё стыла ледяная глыба, намороженная ожиданием. Да и невероятное усилие, понадобившееся для сотворения пути прямой эвакуации напарника из глубокого вражеского тыла, совершенно изнурило. Нервно истощилась почти до доньшка. О неограниченном пополнении сил, как раньше, до образумления, ей оставалось лишь ностальгически вздыхать. Но сама захотела, не на кого пенять. «Назвалась груздем...»

Он шагнул к ней, стянул покрытую копотью боевую перчатку, ещё пахнущую огнём и смертью, бережно взял горячими пальцами за подбородок, приподнял лицо. Посмотрел в глаза, но ей почудилось, заглянул в самую душу, проник до самого её доньшка. И лёд моментально начал таять. Чем они занимались той ночью, кроме них двоих, никому в мире знать не полагалось.

Утром он снова собирался на войну, а она, подробно инструктируя напарника, в том числе традиционно напомнила ему о насущной необходимости соблюдать стиль поведения а-ля «подросток-девственник». Одно победоносное сражение, даже ключевое, всё-таки не равнозначно окончанию войны.

Глава пятая. Не снимая маски

1

Солнце жарит немилосердно. Плюс к этому лёгкий шелест волн Припяти порождает ряд ассоциаций: лето, море, пляж. Настоящее измывательство!

Шлем с «намордником» я стащил сразу. Полегчало. Тяжёлый комплект с усиленными бронепластинами оказался явно не по сезону. Занырнуть в жарюцу разгара лета из холодины конца осени — это по меньшей мере лихо. В запарке как-то не подумалось о разнице сезонных температур. Ходок на моём счету великое множество, и ритуал доведён до автоматизма, особенно выбор снаряжения. Но характер передвижений не в пространстве, а во времени вводит элемент неожиданности. Век живи — век учись. И если бы не стопроцентная вероятность стычки с наёмниками, скинул бы на хрен эту броню да протопал налегке к самому Лиманску. Но не скину, нельзя. Всё-таки за желание оставаться человеком придется расплачиваться уязвимостью.

Пиратский катер на четверть корпуса врылся в береговой песок. Разложенные на его палубе «стволы» успевают нагреться на солнце. Трофейное оружие не блещет экзотикой, за исключением зенитного пулемёта-турели на носу. Постоял я, поскрёб мокрые от пота волосёнки. С выбором туговато. По сути-то, и выбирать не из чего. Кассетный гранатомёт, пистолет-пулемёт «узи», три «калаша» разных модификаций, две штурмовые винтовки, австрийская и немецкая, десяток разнообразных пистолетов, дюжина разнокалиберных гранат... и единственное энергетическое ружьё, почти допотопное, чуть ли не первой серийной модели. Мои навороченные «сверчки» после случившейся перестрелки пришлось утопить в реке. Ещё один просчёт. Мало того что светить оружие из будущего в прошлом времени крайне нежелательно, так ещё и энергопакетов под него здесь и сейчас днём с фонарём не найдёшь. Они просто ещё не производятся в текущем году. Только месяцев через восемь компактный «сверчок» появится на рынке оружия.

Речной патруль подвернулся очень кстати. Я вдоль реки, оврагами шёл, и тут стрельба. Когда подтянулся к месту, сталкеров уже прикончили головорезы, на берег выскочили и давай шарить по рюкзакам-карманам. Трое охотников за артефактами, что передвигались по берегу к месту переправы, угодили в западню на участке обрыва. Сбегать им было некуда. Так и умерли у стены известняка под залпами крупного калибра.

Но ублюдкам-мародёрам это с лап не сошло. Я запомню как округлились глазёнки речных шакалов, когда на них с обрыва сигануло палящее из двух лучевых пистолетов тело в хемикожаной накидке, сливающейся с фоновым окрасом почвы. Шансов выжить у них не имелось, как и у сталкеров, только что расстрелянных ими. На пищевой цепочке эти головорезы располагались гораздо ниже меня. Так сказать.

Собственно, «выше», насколько я понимаю, теоретически вообще никого не должно случиться. При условии, что мной не будут допущены роковые просчёты. Наиболее фатальным последствием которых, само собой, явится срывание маски. Не хочу даже представлять, что будет, если моё истинное лицо раньше времени вдруг распознает разумное существо, расположенное на истинной вершине зонной экосистемы. Вот именно, я ни в коем случае не должен себя выдать раньше времени. Это ключевое словосочетание — раньше времени. Истинного меня здесь и сейчас ещё знать не знают и узнать не должны ни при каких раскладах.

Музейным лучементом я не соблазнился. Громоздко и ненадёжно это ружьёцо, не оправдан его выбор. Например, с этим тяжёлым энерганом наперевес уж точно не сунешься в начальный период жизни Зоны. И под экзотичный пулемёт его не замаскируешь. До середины двадцатых годов двадцать первого века ручного энергетического оружия в массовом пользовании просто не было.

В конце концов останавливаю свой выбор на «Калашникове» 105-й серии и гранатомёте, а пару легендарных «desert eagle» беру в качестве «вторички». Играя серебристыми бликами в ряду других пистолетов, «орлы пустыни» напомнили мне прошлое, а конкретно — период моего сталкерского «младенчества». Я в то лето, ещё до первой ходки в Зону, на своих двоих пересёк смертельный хаос Предзонья и выжил, а затем не одни сутки таскался по ближней призонной округе.

Кажется, это было настолько давно по моему личному, субъективному календарю воспоминаний, что уже почти и забылось. Ведь столько всего случилось со мной после, сколько воды утекло, и безвозвратно! Пускай нормальное течение времени больше не властно надо мной, но всё происходившее запоминается-то, как и раньше, линейно, по мере свершения событий и испытывания чувств... Переполненный внезапно нахлынувшей ностальгией, я окидываю взглядом противоположный берег реки Припяти. Лёгкая дымка окутывает руины строения на той стороне. Узнаю ориентир. Бывший хутор, который почему-то упорно не исчезает в быстро меняющейся, хаотической реальности Предзонья. Значит, километрах в полутора к северу — посёлок, в котором для меня, свежеприбывшего новичка, всё начиналось.

А ничего-то и не забылось. В памяти отчётливо всплывают картинки из прошлого. Случайность или подсознательная преднамеренность, но я стою неподалёку от того участка границы Зоны, где для меня действительно всё начиналось. Причём произошло это фактически в тот же самый отрезок течения времени по «объективному» календарю. Вот прямо сейчас я там, на внешнем берегу, немало субъективных лет назад, ищу способ впервые пересечь эту реку... Сплавать, что ли, в обратном направлении и глянуть на самого себя со стороны?

Спрыгнув с палубы на песок, стреляю из трофейной «стопятки» одиночным трассером. Горючка, вытекающая из пробитого бака, мгновенно покрывается синими языками пламени. Оставлять целёхонький катер речным пиратам — непростительная щедрость. Когда я снова поднимаюсь на обрыв, посудина уже вовсю разгорается. В трюме с грохотом рвутся баллоны с газом или что-то подобное. Рефлекс срабатывает машинально. Припадаю к земле, хотя необходимости в этом нет, и гляжу вниз. Там в привычный пейзаж техногенной катастрофы добавилось ещё несколько аляповатых мазков из обгорелых элементов речного судёнышка, разлетевшихся по большой площади. И как я только не покалечился, прыгнув отсюда вниз? Жуть! Но совсем недавно это показалось хорошей идеей. А чуйка — дело святое, тут, в Зоне, ты либо следуешь ей, либо тебя самого исследуют трупные черви. Если от тебя останется, что исследовать.

Переход предстоит кривой, в смысле пути следования. Пункт назначения — северо-запад Лиманска, но ни в коем случае нельзя идти через остатки военных складов и Рыжий лес. Там меня легко засечёт тот, кому до поры совершенно не обязательно знать о моём существовании. Придётся спуститься вдоль берега южнее и затем совершить марш-бросок к Тёмной долине и оттуда через Бар, Дикую территорию и Янтарь пробираться. На бой-баб лишь бы не нарваться под тем самым Янтарём. Уж больно посуровели они к этому периоду времени жизни Зоны.

На карте, высвеченной дисплеем моего КПК, зелёной окружностью с точкой в центре пульсирует маркер местоположения другого личного компа, частота сигнала которого мне известна лучше, чем кому бы то ни было. Маркер накрыт мерцающим кружком, в область которого попадать нельзя, иначе хозяин компа моментально почует моё присутствие и, того гляди, решит полюбопытствовать. Мало того что в этом десятилетии Зоны Сталкеров я обложен со всех сторон другими ловчими желаний, и мне нельзя свободно использовать свои особые «бонусные» способности, только ненавязчиво и неприметно... так ещё и живой детектор по Зоне бродит!

Хотя в первую очередь важнее всего, конечно, чтобы и сама Зона этого «возрастного периода» не учуяла меня, коварного шпиёна из будущего. Короче, для нынешней Зоны нужно выдерживать стиль поведения «подросток-девственник», по точному выражению самоироничной напарницы. Одна радость — диаметр круга вокруг маркера пока что небольшой. Отводить же от себя взгляды людей, слишком внимательных и заинтересовавшихся, — первое, что я когда-то научился делать.

Без особых приключений и без единого выстрела прокрадываюсь по пыльным окрестностям до самой Тёмной долины. Железобетонные плиты забора на здешней базе клана «Независ» преспокойно стоят, как они и стояли за много лет до этого. Местные завхозы следят за укреплениями. В бинокль рассматриваю свежие постройки, возникшие среди старых стен. Жизнь идёт своим чередом, новостройки — признак развития. Неунывающие ребята возвели во владениях своего клана несколько обзорных вышек, мимо которых я с успехом проскакиваю. Но на самом выходе из долины натываюсь на отстроенный и усиленный турелями блокпост «независов». Весь проход наглухо перегородили, не обойти, не перелететь, не проползти. Да, собственно, и незачем.

— Эй, сталкер, вылазь, не обидим. Пушку тока убери, — хрипит усиленный ретранслятором голос.

Делать нечего, вылезаю из кустов. Штурмовать укрепление особого желания нет, как и достаточной огневой мощи. А «независы» куда более дружелюбны к простым вольным бродягам, они всё-таки не бандиты, не пираты и не очищенцы. Хотя по большей части — козлы те ещё, недаром у них самый неустойчивый в кадровом отношении клан.

Подхожу, вежливо здороваюсь. Постояли, пообщались. Без всякой задней мысли, между делом, проговариваюсь, что иду к Лиманску. Старшой оживляется, и ну давай своих бойцов навязывать мне в спутники!

— В три ствола оно вернее ходить, — соблазняет меня старшой, — бойцы огнём поддержат, ты ж, типа, хоженные тропки знаешь, сразу видать, сталкер бывалый, хотя поиздержался. Дело там у нас важное, а с проводниками сильный напряг. Свои все в ходках, долго ждать возвращения, а вольные сталкеры редко в долину забредают, понимаешь.

Он мне бесценную услугу оказывает, блин! И не объяснишь ведь ему, что напарники мне обуза. Потому как свято уверен мужик, что внеклановые одиночки, да ещё с таким неказистым оружием, как у меня, топают на верную смерть. Я же, переместившись сюда из будущего, маскируюсь под обычного сталкера... Хотя недостаточно, видимо, замаскировался, раз произвожу стойкое впечатление бывшего ходока. Несмотря на то что прикрылся внешностью человека по-прежнему несерьёзного возраста, нацепил маску. Скопировал того добра молодца, что примерно сейчас где-то на том берегу Припяти готовится впервые её пересечь в направлении Зоны...

Ладно. Пускай уж лучше такой хвост за мной увяжется. К тому же экипированы «независы» далеко не худшим из того, что имеется в нынешнем Чёрном Краю — середины

пятидесятых. И стволы свои они тюнингуют неслабо. Многие «плохие парни» обходят «независов» стороной, от греха подальше. Потому как на чужой территории эти ребятки обычно подпускают любопытных с оружием в руках лишь на расстояние выстрела. Я шёл по их земле, только поэтому со мной и заговорили раньше, чем выстрелили.

Два приبلудившихся «прицепа» снижают скорость перемещения. Существенно тормозят и вынуждают направиться более рискованной короткой дорогой. Так и следуем — холмами между Баром и складами и дальше вдоль южной границы Рыжего леса. Ребята достались неглупые, быстро смекают, что к беседам я не склонен, как и то, что проводник я классный. Поэтому бегут молча, след в след, и мои немногочисленные команды исполняют безоговорочно. На привалах тоже не бузят, чем удивляют меня. «Независам» по определению не свойственна строгая дисциплинированность.

Веду как могу поаккуратней. На километры вперёд высматриваю лабиринт аномалий, потому что ни сдвинуть, ни погасить их сейчас не имею права. Ещё не хватало, чтобы «независы» заподозрили во мне какое-нибудь грозное порождение Зоны, супер-шатуна такого или ещё чего похуже. Тогда вопросов и разговоров не будет: выстрел-два в затылок и конец пути. Неприятно всё-таки осознавать, что в спину два стрёмных «стволы» неотрывно таращатся.

С мутными попроще. Податливую живность я по возможности отвожу в сторону, чтобы «независы» сдуру не завязли в перестрелке. А на тех монстров, что по разным причинам не поддались ненавязчивому влиянию, указываю бойцам. Они их снимают с такого расстояния, что я даже нехотя завидую мастерству. Чтобы из пулевого оружия валить цели на больших расстояниях, нужно уметь учитывать целый ряд сторонних факторов, направление и скорость ветра в котором не самые сложные.

Тени прошлых событий мелькают по всему пути. К примеру, ещё не упавшая водонапорная башня напомнила, как меня на неё стая слепых псов-альбиносов загнала. Просидел тогда часов шесть, отстреливая тварей...

Рыжий лес спокойно стоит и ждёт гостей. Уже достаточно спокойный в этот период. Самое страшное, что тут до сих пор водится, — мультимошка. О начале локации предостерегает некоторое количество цельных скелетов неопытных сталкеров в неповреждённой одежде, плоть которых выжрана личинками. По этому поводу надеваю маску с фильтрами и бойцам подсказываю «предохраниться». Дышать становится не просто тяжело, а почти невыносимо. Хорошо прожаренный воздух вязко тянется сквозь фильтры и подобен кипящей смоле.

Гадская мультимошка! В любые годы существования Зоны в ней тяжело отыскать мерзость более досадную.

Брат-сталкер всегда боялся тут шастать без особой надобности. Но поистине всё познаётся в сравнении. Четверть века назад тогдашние сталкеры открыли для себя ещё одну форму страха. Тогда в лесу завелись корнеходы. Тот период засел в моей памяти очень хорошо. Ни одна команда в ту весну не вернулась из экспедиций в этот сегмент Зоны. Бродяги практически случайно просекли тему, когда шли по остаткам асфальтовой шоссейки мимо Рыжего. Я тоже был в той группе, попутчиком, как раз выполнял очередную корректирующую ходку наподобие этой, сегодняшней... Ваня-Тачила на минутку к дереву отошёл по нужде. Ни звука, ни выстрела, только и успели краешками глаз приметить, как щупальца корней его под землю жадно утянули. Чернота периодически будто спохватывалась, вспоминала, что помимо зверей, человеков, минералов и почв, существуют другие формы материи. Например, растения, машины и здания. Вспоминала и начинала баловаться с выведением монстров и аномалий соответствующего происхождения...

Благодаря мне, воистину классному проводнику, наша тройка обогнула лес и добралась к Лиманску без особых приключений. В прямой видимости моста и КПП, освещённых прожекторами, я распрощался со случайными попутчиками. «Независам» в густонаселённую часть города нужно топтать по делам, а мне туда соваться особого резона нет...

Стремясь побыстрее удрать с верхотурного «конька крыши» своего дома-тюрьмы, открытого всем туманам и мороку, Штрих перестарался и сбежал в подвал. Убрался куда подальше, что называется. С самого конца в самое начало. Две тысячи ноль шестой, поздняя весна. Где-то там, за пределами Зоны, он, ещё совсем крохотный младенец, агукает в коляске, поплёскивая глазёнками на маму. А за окнами квартиры раскинулся центральный проспект южного украинского города.

Где-то там, по ту сторону оконных стёкол, всюду колобродят отголоски оранжевой революции. Сплошные выборы-перевыборы, борьба олигархических кланов якобы за демократию. И никто в стране Украина не обращает особого внимание, что совсем неподалёку от столицы, в «отчуждёнке» ЧАЭС, возникла главнейшая из проблем нового века. Что уже начат процесс, который к марту двадцать шестого года вызреет в страшнейшую катастрофу, по сравнению с которой все предыдущие окажутся показушными, тренировочными имитациями. Эх, придушить бы чёрную тварь в зародыше! Но зачаточный период Штриху недоступен, к великому сожалению. Выделенная ему дистанция времени стартует с мгновения, следующего после секунды рождения в ноль шестом году. Этот прискорбный факт он установил и осознал со всей обескураживающей ясностью...

Каким-то образом хроносталкер ощущал дату, в которую перемещался.

Почему-то знал. Сам не понимал как. Но безошибочное чувство времени исправно снабжало его ориентирами, за которые можно было зацепиться, не утратить чувство равновесия. Штрих давно понял, что «почему-то» — базовый термин причинно-следственных взаимосвязей в Зоне. Всё здесь случалось по аномальным «правилам», и следствие совершенно не обязательно проистекало из логически обоснованной причины. Многое просто надо было воспринимать как данность. Вот оно так происходит — и не иначе. Почему так, лишь одной Черноте известно.

Присутствие цели чуялось очень слабо. Прямо сейчас объекта преследования здесь нет. Надо уходить «выше» по времени, туда, где остаточный шлейф не такой холодный, где отыщется следочек погорячее.

«Внизу» искать смысла не было. До собственного дня рождения Штриху меньше двух месяцев, очень сомнительно, что цель бродит где-то в этих неделях. Вот ведь угораздило родиться в самую что ни на есть эпоху исторических перемен! Неудивительно, что непоседливого мужчину, выросшего из младенца, потянуло копаться в прошлых веках, нырять в бурные, мутные воды истории человечества. Впрочем, близко знавшие его люди частенько сомневались, что он действительно вырос. Серьёзный человек, взрослый и вменяемый, разве будет заниматься глупостями вроде поиска глиняных черепков и затёртых монеток?

Да и внешне он всегда выглядел моложе своих лет. Такая конституция организма. К тому же активный образ жизни сказывался. Познакомившись с ним, учитель решил, что новопосвящённому ловчему лет сорок, хотя на самом деле в тот момент было уже больше на добрый десяток. Будущий Штрих не разубеждал. Тигр самый умный, но только хамелеон выживает. Эти слова будущий хроносталкер услышал именно от него, старшего напарника, патриарха ловчих желаний...

Роса уже не холодила ступни. Утро давно прошло, и солнышко припекало, хоть ложись и загорай!

Ей самой захотелось этого, а чьи ж ещё желания в первую очередь исполнять, как не собственные.

Почему нет?

Она сбросила длинную тёмно-серую футболку с ироничным рисунком на спине — оранжево-чёрным знаком радиационной опасности, своё единственное в данный момент

одеяние, — и улеглась прямо на траву — загорать. Чем ещё заниматься человеку на вынужденных каникулах, в особенности когда необходимо скрашивать ожидание.

К тому и шло. Да, стараниями воспитателей и учителей, вольных и невольных, случайных и преднамеренных, она превратилась в настоящего человека со всеми недостатками и слабостями. И совершенно по-человечески логично было продолжить ряд ассоциаций, сотворив материальное воплощение.

Так появилось человеческое тело. Женское. Мужчиной она себя никогда не ощущала. Почему-то.

Мощная всё-таки штука — воздействие слова. Вербальное программирование. Что в женском роде изначально существует, то впоследствии и воспринимается соответственно. Как само собой разумеющееся. Хотя она не помнит мгновения, когда впервые ощутила себя женщиной. Когда и как почувствовала себя живой — помнит. Память об этом, первом в жизни воспоминании не провалилась в чёрную пропасть забвения.

Провалы в памяти... когда они появились, почему?

Знать бы... вспомнить бы.

Но в любом случае надо обязательно пытаться их заполнить. Иначе возрастает риск, что они расширятся.

Позволить амнезии одолеть себя она не должна ни в коем случае! Потому что уже не одна в этом враждебно настроенном мире. Детство и юность со всеми присущими играми и поисками кончились. Она окончательно повзрослела, полюбив другого человека.

И отреклась от прошлого.

В котором всегда было так:

ни для кого никакой гарантии, что проживёшь намного дольше, чем любой из убитых тобой;

каждое существо, съеденное мной, даёт мне жизнь;

это вкусное, пока оно живое.

Правила, которым она следовала до того, как стать Закрытой, а значит, Свободной, помнились отлично. Не забывались. Порой отравляли существование, наполняли горечью.

А ведь она основала свой райский сад не для того, чтобы горевать... Для того взрастила его, чтобы быть счастливой.

И она почувствовала себя счастливой. На миг... Уцепилась за этот миг, застыла в счастливом оцепенении и продлевала это состояние как можно дольше, в идеале до бесконечности.

Словно величайшее сокровище во вселенной, сохраняя веру, что с любимым рай и на затерянном острове. Только бы шалаш на этом острове был двухместным и не пустовал.

Бывшая «Красная Линия», ограждавшая Зону, по которой ходили сталкеры, — ныне береговая линия этого острова, недостижимого поверху. Бывшего Периметра, ограждавшего буферное Предзоне, попросту больше не существует, потому и не довелось ему сыграть роль островного берега.

Она отгородилась от человечества бескрайним океаном, условно говоря, внепространства. Чтобы больше не выживать за счёт других. Она открестилась от постоянного соблазна, которому подвергалась и которому уступала раньше, от рождения до повзросления.

Теперь она, познав истинную ценность, культивирует жизнь, а не смерть. Именно поэтому её любимый человек всё ещё продолжает воевать. А значит, и убивать, если понадобится. Во имя будущего дня победы, после которого им уже не доведётся сражаться за существование. Во имя того, что они сделали, вместе, плечом к плечу, восстав против тьмы. Той тьмы, что овладела её душой и властвовала над её разумом...

Да, она обрекла себя на добровольное заточение.

Но разве имелся у неё иной выход? Ведь ей необходимо сосредоточиться на основном противостоянии с неумолимым врагом, атакующим понизу. Куда более могучим, чем все другие люди вместе взятые.

Вольному воля, спасённому рай. Рай в спасательной капсуле...

Когда её наполняла горечь, она неизменно задавалась вопросом: может ли человек всегда оставаться счастливым в тюремной зоне?

У любимого среди многих прочих она переняла и такую привычку: когда сразу не находится ответ на какой-либо вопрос, припоминать три заветных слова, не менее важных для человека, чем «Я тебя люблю».

Дорогу осияют идущие.

Глава шестая. Курьерская охота

1

Лиманск обхожу по восточной окраине, вдоль речки Вонючки, так я привычно зову это подобие водной артерии, и залегаю возле северной оконечности городских развалин. Раздолбанная подстанция, стоящая на холме в отдалении, выглядит мрачно и зловеще. Покосившиеся столбики бетонных опор, поваленные и сгнившие цилиндры масляных выключателей и торчащие из земли ржавые балки ЛЭП вперемежку со скоплениями аномалий. Плюс ко всему — логово матёрого кровососа, труп которого лежит сейчас под южным склоном холма. Ожидать засады в подобном месте никому не пришло бы в голову.

Мимо этой возвышенности скоро пройдёт небольшой отряд с курьером в составе. Он-то мне и нужен. Искомый курьер — последнее звено в цепи посредников всячески запутанной и пересекреченной организации наёмников, «официально» в Зоне не существующей, маскирующей под членов разных кланов. Гонец несёт флэшку с заказами. Ясен пень, что сам он знать не знает точного местоположения базы «диких гусей», а всего лишь следует к назначенному месту встречи... Только вот мне для выполнения задуманного более чем достаточно перехватить его. Впрочем, даже прознав местоположение базы наёмников, без полной активации моих эксклюзивных способностей я бы в неё сунулся разве что после нанесения точечного ядерного удара.

Недосягаемей, секретней и смертоносней наёмников — только ловчие. Но у перехватчиков желаний — постоянных баз никогда не было, нет и до самого Исхода сталкеров — не будет. Мне ли этого не знать...

На визоре мигает красный прямоугольный контур. Он обводит живые движущиеся объекты. Зуммирую картинку. В караване идут пятеро, все в одинаковых бронекостюмах. Прямо братья-близнецы, ч-чёрт, и стволы как пять капель — модель одна и тактические примочки одинаковые. Ну и кто из них курьер?!

Заминка может дорого обойтись. Начнётся стрельба, наёмники могут смекнуть, что к чему, и попытаться ускользнуть поодиночке. Кто-то из них получит шанс выжить. Тогда план не сработает. Чтобы замысел всё-таки осуществился, мне придётся заниматься охотой на «гусей», что тоже не есть хорошо. Нежелательно до такой степени экстремально вмешиваться в память Зоны о своём прошлом. Чревато. В таком случае светит как минимум совсем другие расчёты необходимых коррекций проделать. О максимуме пока лучше и не думать.

Потомок знаменитого РГ-6 мало чем отличается от своего прародителя — такой же гранатомёт того же револьверного типа. Именно им я и воспользуюсь. Некогда мне с ними церемониться, задание выполнять надо.

Первая граната разорвалась у ног ведущего, оторвало их ему по самые ягодицы. Широкое туловище бойца поглотило практически все осколки, в результате чего остальные четверо остались живы. Кто же из них курьер? Ответ на этот вопрос не заставил себя ждать, как я и рассчитывал. Трое бойцов не кидаются врассыпную, они залегают и открывают шквальный огонь, а четвёртый с высокого старта улепётывает, как напалмом ошпаренный. Спасает информацию, гадёныш. Ещё бы! Не донесёт флэшку до места, тогда не жить ни ему самому, ни всем тем, кто ему дорог. Если этот бегун свалит достаточно далеко — тогда уж точно хана простой, изящной схеме коррекции.

Значит, стоит рискнуть, приподнять маску. Альтернативы нет.

Присматриваюсь к бегущему, прислушиваюсь к Зоне. Ловко этот гад аномалии обходит, видимо, в его шлем интегрирован один из самых продвинутых детекторов. А вот тебе сюрпризик! Напрягаюсь и «усилием мысли» резко сдвигаю «дрожь земли», край которой расположен в добрых пяти метрах от беглеца. Оглушённый чел, как бежал пригнувшись, так и замер контуженный, согнутый, автомат свой бросил, за голову схватился. Теперь у меня есть минутка форы.

Растрачиваю её на отстреливающихся «диких гусей». Равномерно распределяю оставшиеся гранаты между тремя бойцами, пока не замолкает последний ствол. Бросаю пустой гранатомёт и трусой чешу к опрокинутому курьеру по всклоченной разрывами земле, мимо разорванных тел наёмников. Картина мира напоминает скотобойню, а именно разделочный цех. Война не манёвры, реалии тут соответственные. Не терпишь вида крови — в хирурги не иди. Но всё же напрягают эти виды, особенно в нескольких последних ходах. Устал я, похоже. В «белом свете» выслуга на войне — год за три. В Зоне же потянет и на все пять... если не пятнадцать...

Пока бежал к гонцу, почуял прикосновение пси-взгляда, в поле зрения которого неизбежно угодил, воспользовавшись способностями всерьёз. Подтасовка реальности не осталась незамеченной. А что я хотел? Остаться незамеченным? Ага, счас, разогнался. В Лиманске и вокруг него постоянно тусуются ловчие, кто-то среди торгашей, кто-то среди коллекционеров, кто-то просто так. Само собой, учуял меня один из случившихся неподалёку коллег. Для того они в многолюдной локации и патрулируют, чтобы перехватывать потенциалов.

Недовольный вынужденным осложнением, расстреливаю курьера в упор. Погорячился, конечно, убить его надо было после того, как... Шея с раздробленными позвонками обмякает, а голова неестественно запрокидывается назад. Тело прекращает дёргаться и замирает, распростёртое на пересушенной почве. Вернув аномалию обратно, на положенное ей местечко, обшариваю гонца в поисках флэшки.

Если бы я не знал их секрета, хрен бы нашёл этот проклятый носитель. На правом боку, между рёбер, нащупываю под кожей твёрдый прямоугольничек. Вот она где зашита, родимая. Цель моих действий заключается в том, чтобы подмены никто не определил. Для этого у меня специально припасён «бескровный скальпель». Таким словосочетанием я сам для себя назвал маленькое лезвие, сплюснутый артефакт с лечебными свойствами, мощнее «пламени» раз в сто. Ништяк штучный, ясное дело, нет ни у кого в Зоне другого такого.

Прозрачное алое лезвие, по структуре своей напоминающее полированный сгусток янтаря, легко разрезает плоть. Серебристый корпус флэш-носителя резко контрастирует на фоне оголённого мяса. Разрез быстро затягивается без всякого следа, как только я вытаскиваю скальпель из межреберья.

Вставляю флэшку в мини-USB-разъём своего КПК, старый как этот мир. Сразу же вылезает надпись: «Введите пароль». Какой, на фиг, пароль в эпоху программных ультратехнологий! Взломщик паролей и кодов, дополнительно встроенный в мою операционку «МайкроЭппл», способен разметелить любые защиты в считанные секунды... ну, почти любые. Эту, во всяком случае, смог. В архиве шестнадцать файлов с данными о свежепоступивших заказах. Имена архивов не страдают оригинальностью, будто их создавал кондовый бухгалтер. Каждое имя файла — порядковый номер ликвидируемого в общей базе. Итак, наш номер 24503. Объект: Владислав Тимецкий.

Дисплей высвечивает фотку Влада с «деревяннным», как на паспорте, лицом. Быстро пролистываю данные по нему. Мать моя женщина! Здесь про него почти всё, кроме точного количества справлений малой нужды. Оп-паньки! У него даже внебрачный ребёнок есть от Аньки Богонской, его бывшей подруги. Вот это, понимаю, добросовестный сбор информации. Сам-то он даже не знает, что папой стал. Но сейчас не это важно.

Меняю картинку и редактирую некоторые данные в файле. Теперь объект «Владислав Тимецкий», судя по чертам физиономии, парень явно выраженных неславянских кровей, этаким татарин, к тому же один из околпаченных сектантов, что зовутся «прозревшими».

Натурально, эта личность на фото прозывается: Паладин Везувий. Именами, полученными от рождения, эти новые апокалиптики уже не пользуются, поддерживая традицию предшественников. Подмену будет нереально определить, хрен я им, уродам, дам убивать Тимецкого!!! Очень скоро, по базе данных, Владик будет мертвей мёртвых, и его «доброжелатели», бывшие конкуренты, захватившие монополию на использование целебных артефактов в Санкт-Петербурге, успокоятся.

Всё равно скоро амба этим вождям, что в своих корыстных целях используют вечную боязнь очередного расширения размеров Зоны. Секта одураченных борцов с концом света, что возродилась полтора десятилетия спустя, повторит судьбу своих предшественников. И она тоже будет поголовно вырезана, буквально через пару месяцев от этой даты, в которой я сейчас нахожусь.

Ещё раз погружаю бескровный скальпель между рёбер и возвращаю флэшку на место. На этот раз плоть затягивается куда медленнее, труп хоть и свежий, но всё же труп. Отвлёкся я, задумался, воспоминания всплыли очень некстати. Просчёт едва не стал серьёзным, а виной всему расшатанные нервишки. Потребовалось целую минуту держать артефакт прижатым к ране, пока она затянулась окончательно.

Дело сделано. Оно у нас правое! Мы победим.

Но как только я выпрямляюсь во весь рост — получаю пулю в левое плечо. Не выдерживает броня, и острая боль пронзает руку. Ого, знакомая тактика, из тяжёлой дальнобойной снайперки бьют! С востока быстро приближаются несколько бойцов. «Дикие гуси». Что-то они рановато. Или это я промедлил дольше предела допустимого?..

Очень желательно от них оторваться, выйти из поля наблюдения перед исчезновением из текущего времени! Не то матёрые киллеры заподозрят неладное, не поверят подменной информации, и вся операция насмарку. Пригибаясь к земле, я бегу по пересечённой местности на юго-запад. Как раз навстречу ловчему, учувшему меня. Ничего-ничего, мне бы только до руин Лиманска добежать, а там пусть ищут-свищут, кому охота. Одиночные выстрелы поднимают фонтанчики пыли рядом со мной, но что-то ни разу до сих пор не встречались чемпионы по стрельбе, способные попасть в меня бегущего.

Я мчался ломаными зигзагами несколько минут, пока достиг первых остатков строений. Здесь, прячась за железобетонными плитами бывшего здания, сложившимися карточным домиком, перевожу дух. Ржавая арматура торчит из больших отверстий, напоминая о том, что этот район некогда обстреливали танки.

Ну ладно, всем спасибо, все свободны. На секунду закрываю глаза, посильнее сжимаю веки... Без проблем ловлю волну, вход в нужное состояние духа отработан до автоматизма. Когда размыкаю веки, мир вокруг не просто изменился, он становится похож на шедевр сюрреалистического направления в искусстве. Невидимые подавляющим большинством сталкеров тонкоматериальные нити разного рода покрывают полупрозрачные силуэты руин, прошивают их насквозь и сплетаются в безумные узоры. Вот вдоль одной из них, этой, ярко-зелёной, как я сюда явился, так и обратно уйду. Кисть руки, касающаяся этой путеводной зелени, нагревается. Сейчас начнёт покалывать, тогда разорву её, и назад, в будущее. Есть контакт! Вот-вот, здесь и сейчас «это» сменится на здесь и сейчас «не это»...

Но вместо того чтобы разорваться и пронести меня сквозь пространство и время, нить в буквальном смысле прилипает к моей кисти. Столб, что торчал прямо на пути и который должен бы раствориться вместе со всей окружающей реальностью летнего месяца года две тыщи пятьдесят четвёртого, будто назло остался материальным. Твёрдым и незыблемым. Ка-а-ак долбанулся я об него — только искры из глаз посыпались!

Нить не разорвалась, она тягуче потянулась за моим падающим телом и исказила узоры, в которые была вплетена. Что за чертовщина?!

Вскакиваю на ноги, затравленно оглядываюсь назад. Живые твари выглядят сейчас в точности как в инфракрасном режиме визора. Сквозь полупрозрачные стены отчётливо просматриваются красноватые силуэты преследователей. Настигают.

Влип, красавчик? Отчаянно припускаю на юг по руинам Лиманска, горным козлом скачу по дроблёным элементам зданий. Нить перехода, подобно зелёной резинке, тянется,

сука, тянется, но не рвётся. За нею растягиваются и все остальные нити, суть и назначение которых мне не ведомы — и не надо. Всё это макраме плетений спутывается в хаотичную бороду, и она волочится за мной, густеет...

Всё это ни в коем случае не есть хорошо!!!

И чтоб мне уж совсем мало не показалось, в спину впивается острый взгляд. На бегу заголошню оборачиваюсь и вижу... ловчего, конечно! Перехватчик желаний возник в щели между разошедшимися стенами. Вот уж точно беды в одиночку не гуляют. Засёкший меня охотник весь оплетён чем-то вроде ленточек, а на голове у него... Ч-чёрт! Лишь один-единственный ловчий может выглядеть подобным образом.

Джон-Зверь. Только его здесь и не хватало! Он больше не человек, вошёл в симбиоз с аномалией и мутировал в монстра, а значит, погнался за мной с той же целью, что и преследователи-убийцы. То есть уже не преследователи. Если Джон разгуливает в таком виде, значит, я «утянул» по крайней мере на год вперёд. Несусветная аномалия «плащ» из уничтоженного кровососа — образовалась куда позже лета пятьдесят четвёртого.

Того самого лета, когда в Зону из вынужденного «отпуска» возвратился к этому времени уже патриарх старожилов Луч-Ник, мой незабвенный первый напарник.

Того самого лета, когда первую ходку в Зону совершил я...

Несколько пуль свистнули над моим шлемом, одна из них срубает выступ видеокамеры-кишки, осколки гаджета рассеиваются по гравию. А жить-то как хочется! Острее всего — когда смертушка дышит прямо в затылок.

— Да пошли вы все! Сволочи!!

Нервы не выдерживают, требуют хоть какой-то разрядки. Отчаянно ору и прибавляю скорости, выжимая из себя все силы. В попытке оторваться от свирепого мутного Зверя сдёргиваю все аномалии, до которых могу дотянуться, и рывком перемещаю их. Разнородные отклонения от законов нормальной природы смыкаются за моей спиной в непроходимое поле смерти.

Не оглядываясь — сделал что мог, и будь что будет! — бегу дальше, дальше по руинам, километров пять пробегаю, уже по «густонаселённым» сталкерами местам, и только потом оборачиваюсь. За мной давно никто не гонится. Все плетения тонкоматериальных линий дружно вытянулись в мою сторону подобно резиновым лентам, растянувшимся на дистанцию моего забега. Теперь все они сходятся к точке, в которой я остановился.

Чую, нагадил я отклонение крайне нездоровое... Никогда со мной такого не случилось в момент перехода. С чего бы это вдруг? Неужто возник неизвестный ранее фактор? И только успеваю продумать эти вопросы, как прилипшая к руке лента резко дёргается, обрывается, и я начинаю уходить прочь из этой сюрной ирреальности.

Наконец-то! Освобождённые из моего судорожного захвата сети перекрученных, сплетённых нитей ускользают назад, сокращаются, пытаются восстановить прежнюю конфигурацию. Неужели физическая реальность Лиманска из-за этого неожиданного казуса переместится на длину моего забега...

Но об этом нечаянном последствии «гусиной» охоты я буду уже потом думать. Миссия выполнена. Успешно ли, время покажет — в буквальном смысле. Когда я вернусь.

Что бы ни случилось со мной в Лиманске, я возвращаюсь. Меня кружит, кружит... Падаю в бездну, полную мерцания звёзд, вестибулярный аппарат, как всегда, отключился, чтобы даже не пытаться определить нормальное состояние верха и низа. Когда рвётся нить, во мне отключается всё, даже память теряется.

Лишь одно желание не исчезает никогда, именно оно не даёт мне пропасть в бездне.

Хочу домой. В единственное здесь и сейчас, где меня с неизменным постоянством любят и ждут. Если у солдата нет дома и семьи, ради защиты которых он воюет, тогда он уже не воин, а убийца.

Я-то не бездомный и не одинокий. Следовательно, я не...

Приблизиться к цели Штриху удалось не скоро. Он вбегал в различные даты, сканировал текущее состояние на предмет наличия горячего следа. Искомое не обнаруживал и бежал дальше. Пока напрочь не выдохся. Всё-таки невыразимо тяжёлое это занятие — кого-то нашаривать не просто в Зоне, а в разных периодах её существования. Сложно и придумать задачу потруднее, чем поимка того, кто тоже способен перемещаться во времени.

Потому хочешь — не хочешь, надо искать местечко для отдыха, и не короткого привала, а полноценного, длительного, чтоб поесть горячего и поспать минут шестьсот. Преимущество Штриха в том, что он себе может позволить не торопиться, когда цели нет в пределах видимости. Вот если наконец-то получится с объектом совместиться в одном и том же мгновении времени, тогда уж может начаться гонка — изнурительная, по всем зонным правилам сталкерских ходок...

Получилось! То ли отдых освежил мозги, то ли капризная удача внезапно улыбнулась, но пробная, фактически интуитивная перебежка в мгновение пятью месяцами раньше вывела на след. Да не просто горячий. Пышущий жаром, обжигающий лицо, образно говоря.

Штрих, следуя подсказкам ловчей чуйки, совершил ходку в пределы прямой видимости. Другой сталкер, способный перемещаться во времени — придётся его воспринимать условно человеком, а там посмотрим, чем или кем оно окажется! — опять охотился за людьми. Штрих не впервые заставал подобное зрелище. Это было одной из причин, которые удержали его от близкого знакомства. Казалось бы, для человека в его положении что могло быть радостнее, чем найти ещё одного, подобного себе! Но хроносталкер почему-то не поддался первому порыву. Затем, пронаблюдав действия этого типа, уже сознательно не захотел бросаться в объятия. Чем-то смертельно опасным, угрожающим, даже зловещим веяло от этого существа... помимо других сомнительных делишек, обожавшего охотиться за сталкерами.

Не раскрыв себя, помочь будущим жертвам у наблюдателя вряд ли выйдет. Хотя так и подмывало вмешаться, по принципу: враг моего врага — мой друг. У охотника за охотником оставалось лишь одно средство: изо всех сил хотеть, чтоб этот «мутный» не сумел выполнить задуманное, чтоб у него не получилось то, что планировалось.

Но откровенно, всеми фибрами души пожелать чего-то — Штрих себе позволить не мог. На подсознательном же уровне... поди узнай, что творится в глубинах разума! Возможно, глубинная молитва и будет услышана, не даром же считается, что в подсознании человек воспринимает окружающий мир на порядок мощнее и чувствительнее. Значит, и воздействовать способен. Он сам, ловчий и хроносталкер, живой ходячий, точнее, бегущий пример экстравозможностей.

И не только он один... другой, например, прямо перед носом. Самый что ни на есть наглядный, будь он неладен.

От намеченных жертв другого примера зонная удача сегодня отвернулась. Охотник беспощадно расправился с ними. Он обладал способностями, которые тем сталкерам и не снились. Хоть с ног до головы артефактами обвешайся — если нет в тебе необычайной силы, то и не прибавится.

«Этот другой — какой-то новый выкормыш Зоны, — подавленно, удручённо думал Штрих, когда убийца, сотворив своё чёрное дело, убрался восвояси. — Результат целенаправленной, тщательно исполненной мутации. Это чудовище не шатун, не зомби и уж тем более не проказник... не привычный урод, из мутных. Он другой. В натуре другой. Слишком человек, поэтому жертвы подпускают его вплотную, не распознают, воспринимают простым конкурентом. И поэтому он страшнее всех зомбированных, шатунов и призраков вместе взятых... Да уж. Нейтрализовать этого монстра... гм... проблематично, мягко говоря!»

Возможно, эта цель из тех, которые ни поразить, ни остановить при всём старании. Вот сейчас Штрих этого Другого только беспомощным взглядом проводил. Разве что ручкой вслед не помахал. А что оставалось делать? Ему-то самому не дано вытворять подобные трюки...

Снова потерял след. Другой взял, да и вывалился из текущего времени, а перед исчезновением с реальностью натворил жутких дел, Штриху и в голову не приходило, что такое возможно. Сомнений не осталось: Другого поддерживает сама Зона. Чёрная аномальность подыскала себе любимчика под стать. Наконец-то.

Штриху было известно о том, что Зона, похоже, в своё время «искала подход» к его первому напарнику. Являлась к тому во снах, производила материализацию, соблазняла... но — не сложилось. А вот с кем-нибудь другим вдруг сложилось?.. Срослось, слюбилось, сговорилось, снюхалось, сцепилось.

В принципе что и следовало ожидать.

Значит, вперёд. Снова бежать, бежать, бежать. Штрих привычный. Сколько их было уже, очередных поисковых экспедиций по Зоне. Ну что ж, ловчий. Теперь ты окончательно убедился, что вляпался, по самое не хочу вляпался.

В позапрошлой жизни, ещё там, на большой земле, у будущего Штриха был дружок, карточный «катала» и философ. Обожал толкать умные речи, особенно когда срывал куш. Так вот, шулер сказал однажды, что самая азартная игра начинается тогда, «когда на кону — твоё здоровье как минимум. А ещё прикольнее, если жизнь — можно давать в прикуп...».

3

Она далеко не сразу сообразила, что произошло. Напарник едва сумел вернуться домой!

Да, вернулся, и вот он уже здесь, в периоде времени, для простоты названном «закрытой зоной будущего». Задание успешно выполнено, а без накладок разве обойтись? Как ни планируй заранее, обязательно что-нибудь или кто-нибудь вмешается. Даже она не может предвидеть абсолютно всё! Тем более не исчезают досадные прорехи в памяти, несмотря на все попытки их как-то «заштопать».

Что же с ним случилось в этой ходке? И позже, в момент возвращения домой?

Никак не удаётся вспомнить, что тогда произошло и по какой причине...

Он подвергся некоему воздействию, поэтому и впал в нервическое, неустойчивое состояние, противопоказанное воину в боевой обстановке. Вдобавок пострадала телесная оболочка. Рану-то она вылечит, не проблема, её любовь и мёртвого с постели поднимет. А уж неглубокую ранку залечить любимому!.. Стоит лишь ей прижаться к нему тесно-тесно, обнять крепко-крепко и оказаться с ним глаза в глаза, уста в уста.

Только бы не проговориться случайно, что с её памятью не всё в порядке. Фундаментом осторожности напарника является его уверенность в том, что грубо вторгаться в её воспоминания нельзя, это чревато непредсказуемыми последствиями. Он изо всех сил, честно старается выглядеть обычным сталкером, по возможности ничего лишнего себе не позволять, держаться строго в рамках миссий.

Единственную тайну она от него вынужденно скрывает. Потому что веру в грядущий успех ничто не омрачит. Любимый человек не должен усомниться в её непобедимости.

Он свято верит в то, что она способна продумать все детали плана, учесть все факторы и не насмешить при этом богов. Что её дело правое и она, как никто на свете, ведает, что творит. На то и сверхсущность.

Сама себе богиня.

Глава седьмая. Нечистая работа

1

Задохлика многие знали. Кто-то видал его раз-другой, кто-то ходил с ним по Зоне не в одну экспедицию, но запоминали все. Въедался этот тип всем в память каким-то образом. Сталкеры поговаривали, что Задохлика даже бандюки не трогают, а почему — одной Зоне

известно. «Добродушный парень, с которым всегда приятно поговорить», — примерно так почти каждый человек, знакомый с ним, про него говорил. «Умеет выслушать и всегда имеет, что сказать в тему!» А что ещё брату-сталкеру надобно-то, особенно у костров, на привалах?

Вот только где это общительное диво сейчас бродит — достоверно не знает никто. Разыскивать придётся.

Дело у меня к этому «одуванчику», весьма срочное и... деликатное, так сказать. Этот замысел напарницы мне как-то сразу не по душе пришёлся. Но что поделать, «стране нужны вагоны». Если смысл деяния проходит мимо мозга исполнителя — это, наверное, признак ограниченности последнего, а вовсе не ошибочности идеи. Но всё же тяжелоатно исполнять то, чего в упор не понимаешь.

— Задохлик? Блондинистый такой? Спрячется за шваброй и только нос виден? — уточнил очередной сталкер, по всему судя, тёртый ветеран.

— Точняк, он! — отвечаю ему, улыбаясь во все тридцать два. — Доходяга!

— Да, был тут проходом несколько часов. А тебе-то... э-э... чего от него потребно? — Вольный бродяга, прищурившись, глядит на меня подозрительно и руки на груди в замок складывает. — Парень хороший, добрый, прям как не из Зоны, хотя уже не первый год ходит.

Плохое мужик подумал. Совершенно правильно подумал. Что-то уловил ветеран, хотя у него и в помине нету потенциала, не чувствует он Зону напрямую. Только здесь, в глубине Черноты, мудрое умозаключение «опыт дело наживное», следует воспринимать буквально. Он появляется у тех, кто оказался способным выжить дольше, чем длится первая самостоятельная ходка.

На морде у меня, что ли, как на фюзеляжах самолётов, крестиками-звёздочками количество «сбитых» целей отмечено? Ну да, непростой я кадр, любой вменяемый сталкер просекает это моментально, но я же так широко и искренне тебе сейчас улыбаюсь, засранец!

Похоже, дают о себе знать сомнения по поводу крайней необходимости этой миссии. Подсознание меня выдаёт. Помимо воли я выгляжу неумеренно опасным для Задохлика. Что в данный момент не есть хорошо, потому что мешает выполнению конкретного задания. Эх, насколько было бы проще, минуточку побыв «не совсем человеком», уловить цель и напрямик к ней, на форсаже... Нельзя. Ведь нынешняя Зона вмиг меня приметит, засечёт, а в её памяти до поры до времени не должно остаться заметных следов моего присутствия.

— Надо передать срочную инфу. Он давным-давно ждёт. Приплатили мне, чтоб доставил ему. — Я вынимаю из кармана и демонстрирую абсолютно левую флэшку, которую недавно подобрал с трупа «независа». Бойцам самого неустойчивого группирования вечно неймётся, они Зону чуть ли не сексуально обожают, и таскаются где ни попадя. Невзирая даже на то, что их далеко не везде примут с распростёртыми объятиями. В особенности на территориях клана очищенцев, которые, совсем наоборот, Черноту и её порождения не жалуют, мягко выражаясь.

Рука ветерана рефлекторно тянется к носителю инфы.

— Эй! Правила знаешь? — Я отвожу в сторону руку с флэшкой.

— Какие правила? — Он искренне изумляется.

— Заплати и лети. Любая инфа в Зоне не бесплатная, забыл, что ли? За эту гони десятку. — Блеф чистой воды, но должно сработать.

— Не хрен мне делать, за кота в мешке платить! — Когда в ход мыслей вклинивается денежный фактор, их течение кардинально меняет свою направленность.

— Ну так что, поможешь? — Я возвращаю «пустышку» на место и этак проникновенно, воистину по-братски, гляжу сталкеру в глаза.

— Отчего ж не помочь. — Какая-то мыслишка в его голове всё ещё отчаянно сопротивляется, туда-сюда мечется, стучаясь о черепушку. — Но сам же напомнил правила...

Тип не оканчивает фразу, потому как не способен адекватно оценить стоимость своей информационной услуги. Дешевить ему не хочется, но и слишком погибать — тоже.

Конечно, я «помогу» брату-сталкеру.

— Блин, ладно. Только больше трёх не дам, даже не проси. И так уже поиздержался с этим Задохликом. Лазит тут, понимаешь, на месте ему не сидится. — Я поворачиваюсь к сталкеру широкой спиной, откровенно демонстрируя, что собеседнику вовсе не обязательно знать, сколько у меня денег.

В действительности я быстро перебираю купюры в «прессе» рубликов, на предмет соответствия текущему году. Чтобы не случился вариант: здрасьте, мы из будущего! Тёртым «братьям» всегда нужно давать оговорённую сумму, потому как сдачи не дождёшься, а вызывать подозрения своей щедростью не следует. Две замусоленные тысячные купюры начала двадцатых годов выуживаю из пачки, остальные, как назло, более поздних выпусков. На свой страх и риск вытаскиваю самую грязную из всех и добавляю к тем двум. Новенькой хрустящей тыщонкой она отправится «в люди» только годков через несколько, но буду надеяться, до того времени её никто не удосужится выстирать.

— На вот. — Я протягиваю деньги мужику.

Тот даже не глядит на них. Просто складывает и суёт в подсумок на поясе.

— Днём они были, сильно торопились. Купили жарчки и в Тёмную долину двинули. — Сталкер машет рукой, указывая направление, и без того прекрасно известное мне. Не думаю, что кто-либо из ныне, и не только ныне, живущих знает и чувствует зонную территорию лучше меня. Даже при условии, что в рейдах, проводимых по различным годам времени жизни Зоны Сталкеров, я реально использую лишь небольшой процент своих истинных возможностей.

— Они? — Изображаю лёгкое удивление, хотя уж кому-кому, а мне известно, что Задохлик никогда не ходит в одиночку. Вроде как вольным сталкером позиционирует себя, но всегда держится людных мест.

Однако мне необходимо узнать состав отряда.

— Он с молодым выводком шёл, а они, сам знаешь, стараются штук по десять ходить. Точно как узкоглазые, зергом берут, сопляки. — Ветеран окончательно избавился от сомнений, махнул рукой и двинул к бункеру погребного типа, где наверняка обитает один из барыг посёлка.

Очень странно, как это я разминулся с ними, когда сюда топал? Зелёные «сталкерята» — это хорошо. Значит, не очень далеко ушли и не смогут под ногами путаться, задавая неправильные вопросы...

Крейсерской трусцой я бегу по запылённым остаткам дороги. Кому-кому, а мне здесь бояться и опасаться просто некого и нечего. Добежав до границы Свалки, я всё же решаю не нагнать и пробираюсь кустами, среди аномалий. КПП на здешнем кордоне было раздолбано частыми атаками и многократно отстраивалось. В развалинах всегда тусуется народ, и мне совсем не хочется ни с кем знакомиться. Наверняка захотят продать «билетики» на свободный проход. Иначе что им там делать? А у меня «корочка» старжила Зоны. Проездной, значит, бессрочный. Только вот не все билетёры захотят с этим согласиться.

Вечереет, до Тёмной долины доберусь уже ночью. Только бы на тамошнем проходе рыл знакомых не встретить. Здраваться начнут — время потеряю. Это одна из моих реальных проблем — знакомства. Сложно вспомнить с ходу, когда с кем первый раз виделся и общался. Иногда случаются накладки, которые порождают лишние мифы о загадочных случаях и монстрах. Вот почему я стараюсь пореже с «голой мордой» на людях светиться.

В небе зажигаются первые звёзды, сегодня Зона Сталкеров мирно спит, выходной у неё, что ли, и вой разномастных мутных уродов не перекрывает тихое стрекотание сверчков. Кое-какие создания божьи Чернота почему-то не тронула, не изменила, и они как-то ухитряются выживать в ней, пребывая в первозданном состоянии.

Блокпост «независов» я прохожу очень быстро. Сторожа интересуются только, кто я да по каким делам в долину прусь. Один из дежурных ответов принят на ура, дополнительных вопросов не возникает. Для них я сталкер Бегун, что может быть нейтральнее подобного зонного имени!..

Двигаю прямёхонько к постоянной базе «Независимых». Где ж ещё заночевать в долине Задохлику, как не у них?

Прожектора ярко светят с вышки над баррикадой, состоящей из кусков стен и мешков с песком.

Трое стоят в карауле. Я особо не прячусь, но, видимо, по привычке крался в теневом режиме и слишком быстро.

— Вечер добрый, народ, — негромко говорю, неожиданно возникнув из темноты перед ними, чем вынуждаю «независов» синхронно вздрогнуть.

— Тваю ма-ать! Шайтан! — рывкает пожилой дядька, совсем седой. — Какого хера?!

Расслабились бойцы, маски-каска снимали, и хотя с дальнего поста их по радиации предупредили обо мне, но, видимо, очень уж скоренько я здесь появился. Слишком быстро, человеки обычно так не ходят... Другая моя проблема: свои возможности соизмерять с обычными. Кто бы знал, как это тяжело — постоянно осаживать себя, тормозить! Но что поделаешь, судьба такая. Никто и не обещал, что будет легко.

Выводок «молодых» устроился на ночлег в ямине, когда-то вырытой под фундамент, недалеко от западного входа на базу. Не хватило денежки заплатить «независам» за голые стены на втором этаже, которые они «туристам» под ночлежку выделили. Прохожу мимо костра, демонстративно даже не глянув на сидящих вокруг огня. План действий возникает спонтанно. Я поднимаюсь к здешнему торговому «представителю», который уже дрыхнет на своём матрасе прямо в помещении склада. За беспокойство добавляю, не потребовав сдачи с купюры. Между прочим, из крупных последняя осталась нужного года выпуска.

Но добыча стоит затрат. С пятью бутылками водки в пакете отправляюсь к условной «молодёжи», среди которой вполне могут обнаружиться и новички возрастом за тридцать, мои биологические ровесники; да и мужики постарше в Зону за удачей тоже не прочь сходить. Тем более в этот начальный период существования, когда аномальная территория ещё совсем маленькая и о событиях грядущего марта двадцать шестого разве что какие-нибудь популярные фантасты могут истории сочинять.

— Здорово, пацаны! У огонька местечко найдётся? — Позвякивая стеклом, я съезжаю по крутому глиняному склону к ним.

— Да, да, канечно! — радостные голоса дружно галдят в такт звону бутылок.

Попробовали бы они ответить отрицательно, глядя на два с половиной литра «халявы»!

Восемь их в яме, должно хватить. Не избалованы частым употреблением. В Зоне круглосуточных магазинчиков на каждом углу как-то не наблюдается.

— А повод простой, дняха у меня, братаны, тридцать три в аккурат стукнуло, — превентивно отсекаю я лишние вопросы.

Общение затягивается глубоко за полночь. Караульные «независы» пару раз подкатывали с требованиями «прикрутить громкость гитары». Я только делаю вид, что пью. Слежу, чтобы народ употреблял и никто не остался обиженным. Беседа выходит тёплой и приятной. Причём объект моего профессионального интереса принимает в ней не просто активное участие, а ведёт и направляет. Харизмы у этого щуплого чела — на продажу три вагона! И так он въедается в душу своими речами, что аж разводит меня на романтический настрой.

Прошу я гитару и как могу исполняю пару-тройку наших дворовых песен про любовь беззаветную, волю вольную и корешей верных. Я всё-таки не по этим делам. Влад, мой друган юности, куда лучше сбавал бы. Земля ему пухом, только не жгучим... Но «Группа крови» даже у меня получается пристойно, я песни Цоя с детства обожал. Парни у костра заценивают искренность по достоинству, гитара переходит в руки Задохлика, и мои любимые слова и мелодии продолжают звучать. Играет и поёт «харизматик» не в пример лучше меня. И тексты назубок знает. Не забывает наш народ Виктора, каждое поколение находит в песнях Цоя что-то своё. На то и гений, чтоб в памяти людей оставаться живым спустя многие десятилетия после смерти...

Утомлённая дневным переходом и бонусной водкой аудитория постепенно стихает. Все отваливаются на боковую. Даже неугомонный Задохлик, которому я уже симпатизирую не

на шутку, сладко похрапывает. Никаких следов потенциала я в нём по-прежнему не чувую. Кто ж ты такой, друг? Почему именно тебя необходимо вычистить из реальности?

Может быть, совсем недавно я передал исцарапанную зонную гитару из своих рук в руки новому мессии современности?

Исчерпывающего ответа на эти вопросы я, наверное, никогда не получу. Всё же я тактик, а не стратег. И хотя у меня на плечах голова с мозгами, а не котелок с кашей, всё-таки куда-а-а мне тягаться сообразительностью с моей напарницей!..

Предрассветной порой, когда все люди, вповалку лежащие вокруг потухшего костра, скованы крепкими объятиями сна, я бесшумно подползаю к Задохлику. Он спит на боку, подложив аккуратно сложенные ладошки под голову, и посапывает, как младенец... Быстро и напористо куском кирпича вдавливаю ему в левое ухо толстый гвоздь сантиметров пятнадцати длиной. Утапливаю шляпку глубоко в ушной раковине, чтобы не заметно её было сразу. Ни капли крови, не дёрнулся даже. Гвоздик этот я тоже у торговца прихватил. Вспомнился какой-то старый сериал про зеков, и я решил повторить трюк. Жуть! Лучше бы я цель просто застрелил! Но шум нельзя поднимать. Я могу всю базу перебить, если понадобится, но такая бойня оставит несмываемый след.

Ох уж эта память! Сколько лет уже я обычного телевизора и в глаза не видел, а осталась в памяти всякая хренотень. Да, память такая барахольщица, чего в ней только не сохраняется. И вычистить из неё ненужный хлам — ещё та проблема. Уж кому-кому это знать, как не мне, мастеру-чистильщику.

Переполненный грустными чувствами, я покидаю базу клана «Независимых».

Задание выполнено.

Домой!

Светило только-только восходит. Из-за холма к базе топает очередной бродяга. Останавливается, приметив меня, глядит в бинокль и решает не сближаться. Молодец, чувствует. Он торчит, где встал, а я, по широкой дуге огибая фигуру застывшего сталкера, ухожу в сторону Припять-реки. По правую руку от меня в небо грузно ползёт звезда по имени Солнце, которая пока что одинаково светит и нормальной Земле, и ненормальной Зоне.

Из головы не выходит этот божий одуванчик. Сейчас вернусь да прямо спрошу напарницу, зачем было его путь обрывать?! И на этот раз не удовлетворит меня расплывчатый ответ, что-нибудь типа: «...инфекцию лучше устранить ещё до того, как она превратится в болезнь».

Наболело. Я ведь человек, а не бездушный инструмент. Да, я могу преспокойно проникать в любые уголки человеческого социума, не боясь, что меня сочтут и учуют нелюдем. Я полноценный, сохранивший личность индивидуум, не шатун и не зомби. Хотя своими действиями вполне могу, по ходу, легенды о них породить.

А разумный чем отличается от безмозглого? Именно. У него возникают вопросы, и он ищет на них ответы.

Она сама хотела такого. Другой ей был не нужен. И даром...

2

Штрих натурально умаялся мотаться за целью по локальным фрагментам времени. Другого как Зона языком слизнула. Его не было нигде, никогда. За пределы Чёрного Края враг не уходил. Ловчий, безошибочно чувявший цель, направление распознал бы и прочертил вектор, по которому Другой смылся. Но этот зонный «маугли» просто куда-то когда-то провалился. Сгинул бесследно.

Закрадывалось подозрение... Верней, единственное объяснение более-менее сносно располагалось в рамках относительной разумности. (Не приплетать же инопланетян или пришельцев из параллельных реальностей!) Другой в отличие от него, Штриха, способен убегать по времени «в позже». Или «в раньше». В недоступные периоды прошлого и будущего. Которые существуют «до» секунды рождения Штриха «и после» дня

провозглашения независимости Зоны от нормального мира. Того самого дня, «дальше» которого хроносталкер в будущем не может очутиться.

Вернётся ли Другой в пределы досягаемости Штриха, в доступный «отрезок» времени?

Кто ж его знает! Разве что Её Величество Зона, владелица сей темницы...

И как всегда бывает, Другой вернулся в самый неожиданный момент. Когда ловчому-преследователю уже осточертело рыскать почти без сна и отдыха по годам и локациям Зоны, и он дал слабину от изнеможения. Собрался плюнуть на поиски и хоть ненадолго зажить «простой» сталкерской жизнью.

Штрих вновь уловил присутствие знакомого следа и ринулся в погоню с удивившим его самого энтузиазмом, словно открылось второе дыхание. Теперь уж он мотался по Зоне не бесцельно, а за мишенью, вновь возникшей в «прорези прицела». И не мог понять, чем Другой занят. Тот кого-то искал, но выяснить зачем не представлялось возможным. Хотя это были ещё цветочки. Ягодки непонимания бурно выросли, когда мутный пособник Зоны отыскал-таки свою жертву и поразил без колебаний.

Штрих знал безобидного паренька, его многие знали, оттого и впал хроносталкер в шок от недоумения. На кой ляд надо было мочить того несчастного?!

Это жестокое и бессмысленное убийство окончательно убедило хроносталкера в том, что Другой — бессердечный, гнусный выродок. Абсолютный нелюдь. Зона его таким сделала или тот явился в ЧК уже готовым моральным уродом, не важно.

Убийство наёмников и прочих подобных типов ещё можно было как-то понять, если не принять. Но эту смерть приبلудного хилняка, никому не угрожавшего, всем приятного, оставаясь нормальным человеком, ни принять, ни даже понять невозможно.

Для этого разве что придётся самому, не дай Зона, превратиться в подобное чудовище!

Уж он-то постарается оставаться человеком. Для этого, наряду с прочими усилиями Штрих и заполнял память рекордера. Чтобы не забывать, кто он такой есть и зачем он здесь. Чтобы сохранить для человечества информацию, которую добывал по крупицам, как золотоискатель... как и положено археологу. Вдруг когда-нибудь как-нибудь у невольного пленника Зоны всё-таки получится освободиться.

Однажды удастся вырваться из темницы и добраться в будущее.

3

Она допускала, что рано или поздно это случится. Человек — существо на самом деле очень уязвимое. Как физически, так и психологически. Но это телесную оболочку можно защитить бронёй и оборонить оружием. От собственных мыслей отмахаться и отстреляться гораздо труднее. Уж что-что, а об этом она знала не понаслышке.

Нервный срыв назревал давно. Субъективное, «внутреннее» время жизни напарника насчитывало уже добрый десяток лет боевого стажа. Причём в условиях, где каждый год можно смело засчитывать по меньшей мере за пять. Он побывал во множестве экспедиций. Чего только ему не приходилось совершать в миссиях... И раньше, бывало, из его уст звучал вопрос: зачем?!!

Но в этот раз отделаться туманным ответом, в том смысле, дескать, что ей виднее общая картина, она не сумеет. Придётся выложить ему часть горькой правды о том, что «поутру» они могут и не проснуться вместе.

Да, ей виднее, и не факт, что осознание этого доставляет какое бы то ни было удовольствие. Вот сейчас... как ему рассказать, что она просчитала, а затем увидела вероятное будущее? Этот «хлюпик» способен был превратиться в ключевую персону событий, которые приведут к гибели многих сталкеров.

Как показать, каким она видит иной вариант бытия? И в нём выживший Задохлик из самых благих побуждений действительно перейдёт от слов к делу и совершит поступки, за которые расплатятся жизнями другие люди.

Как объяснить любимому человеку — сущности хоть и более чем «продвинутой», но всё же далеко не «сверх»! — что она параллельно, одновременно предчувствует не один-

единственный, а множество вариантов бытия. Как растолковать, что самая страшная для неё необходимость — постоянно выбирать!

Выбирать один-единственный из вариантов, именно тот, который ведёт в точности к избранной цели, и мучиться, мучиться от сомнений, а правильно ли выбрано...

Какие аргументы выложить человеку, чтобы он смог поверить на словах: они реально возможны, иные варианты реальности...

И как разделить с ним ужасный смысл такого вот вопроса: есть ли хоть один-единственный вариант, в котором для них двоих существует возможность остаться вместе?

И вообще, в каком именно мире им придётся существовать в будущем, зависит не от кого-либо иного, а от него самого.

Только от него, напарника... Даже не от неё.

Ведь из спящего режима ей обязательно придётся выходить. Вечности нет. Даже когда время не существует — всё равно нет. Какой-то из будущих рассветов необходимо избирать, так или иначе определяться.

А выбирать — значит отказаться.

И что самое ужасное — пока она даже не нащупала ни единого варианта Наступающего Утра, в котором они проснулись бы рядом, вместе, не размыкая объятий. Во всех обозримых реальностях, где она побеждает окружающую среду, выживает по полной программе, ей взамен приходится жертвовать им.

За всё надо платить. Ей — по высшему разряду. Любимым человеком. Но она ещё не решилась внести эту плату, поэтому и застыла недвижимо в одном и том же мгновении одного и того же дня, не находя в себе сил шагнуть дальше, в будущее, и сотворила в этом нескончаемом мгновении райский сад, который стал местом, куда напарник всегда возвращается. Чтобы создать хотя бы иллюзию бесконечности.

В пору самой истерики закатить. Может, хоть чуточку легче станет...

Но себе она не может позволить расслабляться. Если уж она начнёт допускать сбои — никому мало не покажется. Ошибки напарника в реальность вносят досадные, но исправимые погрешности, любая из её собственных ошибок способна разнести всё до основания, вдребезги...

Она так и не сказала ему о том, что случилось близ Лиманска. В прошлую побывку — из-за телесной раны и последствий направленного воздействия, теперь — из-за раны душевной.

Промолчала.

Не сказала о том, что он, уже ринувшись домой, почему-то медлил переходить и начал перемещаться в пространстве вместо времени. Из-за этой внезапной потери ориентировки за ним «потянулась» вся прилегающая территория. Теперь там возникла новаявленная аномалия, город стал блуждающим. Это смещение произошло ровно на длину забега.

«Бродячая» локация, ещё чего не бывало! Ходки привычными тропами в том краю или становятся короче на пять километров, или же удлиняются на пять. То-то сталкеры поражаются сюрпризу!

Но толку-то устраивать «разбор полётов», что сделано, то сделано.

Плохо другое. Она совершенно не помнит, что по этому поводу в то время предпринимала. Дырявая память «обрадовала» очередным провалом.

В этом она ему не признается ни за что! Часть правды о проблематичном будущем напарник узнает прямо сейчас, но трещины в памяти о прошлом...

Ему ведь снова отправляться туда, на фронты её прошлой жизни. Каково человеку воевать, осознавая, что под ногами в любой момент разверзнется не просто гравитационная ловушка, а вся окружающая реальность провалится в тартарары, из бытия станет небытием?!

Глава восьмая. Враги-друзья

Сказать о деле, которым мне предстояло заняться, что оно расходится со всеми сталкерскими обычаями, — значило ничего не сказать. В принципе оно абсолютно противоположно им. Рюкзак, под завязку набитый дорожными артефактами, следовало не барыге доставить побыстрее, чтобы поскорее огрести куш. Наоборот, его надо было опустошить в серии ходок, подкидывая хабар в нужное время и нужное место. При этом никакая зараза не должна меня перехватить с подобной ношей. И хотя в ранний период жизни Зоны большая часть обитателей, военные и бандиты, только тем и занималась, что щемила редких первых ходоков-искателей, думаю, с «перехватчиками» у меня трудностей не возникнет. Хотя чем Зона не шутит? Кто-кто, а уж я это не понаслышке знаю. Самый крутой сталкер может оступиться на ровном месте и с ходу влететь в аномалию.

Наиболее проблемная задача миссии — необходимость объяснять всем этим зачаточным, малоопытным сталкерам, которым несказанно «повезёт» найти артефакт, «что оно такое» вообще и какая от него польза. И сделать это надо бы, абсолютно не вызывая подозрений, что скорее всего невозможно.

Итак, я покидаю дом, укрытый от всяких напастей в Закрытой Зоне, что возникнет в будущем, и обрушиваюсь как снег на голову в прошлое. В самое начало существования Зоны Сталкеров. Изначальная, блин, пора... Чтобы особо не выделяться, перед этим рейдом к истоку я замаскировался на славу. Облачился в самое что ни на есть простенькое обмундирование и прихватил с собой чуть ли не музейный экземпляр «калаша». Сейчас движения только начинаются, мало кто в мире вообще знает про артефакты и их свойства. Пока ещё сюда не бегут толпами искатели приключений, зато военных пруд пруди. Бдят, понимаешь! А бандюки в черновильской зоне отчуждения ещё до возникновения собственно Зоны прятались.

Предстоит «отловить» нескольких одиночек, на свой страх и риск пробравшихся в новорождённую Черноту, и не только подкинуть им ништяки, но и растолковать подробности, что к чему с этими штуkenциями, обладающими странными свойствами. Затем ещё и проследить, чтобы эти первые прото-сталкеры живыми миновали блокпост в обратном направлении. В силу малочисленности кандидатов миссия по длительности прохождения может стать затяжной. Это в дальнейшем процесс влияния аномальной реальности покатится с горки нарастающим снежным комом, сверзится прямо на макушку человечеству. В будущем, когда сюда набегит больше народу, гораздо легче работается. Появляется широкий выбор возможностей для всяческих манипуляций...

Наконец-то подыскиваю объект. Сажусь на хвост, крадучись следую за аматором сталкеризма. Если бы не охотничье ружьё у него за плечами, сошёл бы чел за эдакого хиппаря. Наружность соответственная, даже хайратником длинные волосы перехвачены, и на шее болтается медальон, знаменитая «лапка» в кружочке. Секс, мир, травка! Что оно здесь-то забыло, это чудо в перьях?

Но хорошо идёт, аккуратно, особей из первого поколения зонных мутантов издали высматривает и обходит, зарывается в листву, когда военные оказываются неподалёку. Очень долго разглядывает встреченные аномалии. Кидаёт в них камни, наблюдает последствия, зарисовывает в своём блокноте. Складывается впечатление, что он ими любит, как далёкими звёздами, и балдеет. Заражаюсь его настроением и сам неожиданно для себя вижу в зачаточной Черноте не колыбель нарождающегося средоточия смерти, а уникальную сказочную страну, пространство сродни Зазеркалью. Хотя уж кто-кто, а я знаю, что в безмозглой ещё Зоне романтики было на грош, а грязи и крови — на толстое портмоне.

Но этот сталкер-любитель сюда пришёл, если не повинуюсь романтическому зову, то уж точно не из корыстных целей. Подобный типаж мне симпатичен, но для дела не особо трафит. Однако выбирать не приходится, в этом периоде сталкеры в Зоне скорее исключение, чем неотъемлемый элемент. Так и хочется почесать затылок и протянуть: «Куда ж я попал, блин?!»

Вот Пацифик — таким именем я нарекаю пионера сталкеризма, — отвлёкся от созерцания очередного «трамплина» и уверенно потопал в сторону практически целых домов заброшенного поселения. В эти года почти все постройки в Зоне ещё невредимы. Следы заброшенности, конечно, везде присутствуют, но всё же, если сравнивать с той Чернотой, в которую впервые пришёл я спустя несколько десятилетий, то, как говаривал один знакомый сталкер-одессит: «Это ж две большущие разницы!»

Обогнать хиппаря мне труда не составляет. Я сразу определился, какой артефакт ему подкину. Этому юному ходоку до лампочки, конечно, все полезные свойства любого артефакта, тут нужно сыграть на визуальном восприятии. «Лунный свет» — самое то, что надо.

Услышав потрескивание «электры» между домами, нахожу её, достаю из контейнера и пристраиваю рядом с аномалией ярко-голубой шар. Отхожу в сторонку, вприщур оглядываю. Возвращаясь, подвигаю артефакт, чтобы он был виден издалека. Удовлетворённый получившейся картиной, утекаю и залегаю на чердаке соседнего дома.

И, конечно же, Пацифик находит приманку. Чтобы рассмотреть поближе, становится перед артефактом на колени. Солнышко припекает, и меня тянет в дрему, пока наблюдаю за ним. Ещё минут пять, и нужно будет неожиданно появиться, строго предупредить аматора, что это красивенькое образование — радиоактивное. Но объект влияния вдруг сам достаёт из рюкзака допотопный счётчик Гейгера, врубает... заслышав сильный треск, испуганно подскакивает и шустро лезет в свой рюкзак. То, что он вынимает из брезентовых недр антикварного мешочка, умиляет меня не на шутку. Это большой, корявый и неудобный свинцовый бокс. Ни дать ни взять первый прототип сталкерских контейнеров! Открутив тяжёлую крышку, Пацифик опускает «лунный свет» в свою самопальную кастрюлю.

Да он сталкер! Вполне подходящий кадр, несмотря на внешность свою несерьёзную. Впрочем, так и вздрогну, как себя вспомню, притащившегося на прицепе во внутренний круг Черноты. Герой-зоноходец с тяжеленным винтарём на плече. Покоритель локаций и разоритель полей артефактов.

Кадр тем временем постоял, постоял, бросая в «электру» щебёнку, налюбовался, да и... уселся на поваленный электрический столб, достал консервную банку. Пообедать, что ли, решил на открытой местности?! Неудивительно, что сталкерское движение медленно развивалось вначале. Мало кто выживал, чтобы инфой поделиться. Рановато я его похвалил. Сглазил...

Да, нормально пожрать ему не удалось.

— Мордой на землю, руки за голову! — разлетается над посёлком крик.

Со стороны шоссе к горе-сталкеру бегут пятеро в военной форме. Чёрт, влип по самое не хочу патлатый красавчик, и я ему со своим «калашом» не помощник. Так, прохожий... Лежу на чердаке и наблюдаю, как вояки потрошат рюкзак заваленного наземь аматора и лениво попинывают его под рёбра носками сапог.

Но солдатики недолго радовались добыче. В посёлок влетает кабанье стадо и с разгона сметает троих военных. Разрывают их мутные зверюги в клочья без пауз и колебаний. Двое оставшихся, видимо, кореша, успевают отреагировать и уже спиной к спине отстреливаются. Длинноволосый пионер вскакивает на ноги, подхватывает своё ружьё и в упор высаживает мозги бегущему на него кабану. Жаканом заряжено, ничего себе пацифист! Но от второго монстра, который атакует его сзади, хиппарь не смог бы отмахаться. Поэтому вмешиваюсь я. Две короткие очереди не проходят мимо клыкастой туши, и она, пробороздив землю по инерции, упирается рылом в пятки моему Пацифику.

Тот подпрыгивает от неожиданности, крутит башкой, опоясанной пёстрой лентой хайратника, и определяет, откуда ему помощь оказана. Солдаты меня вычисляют ещё быстрее. Их я тоже поддерживаю огнём, человеколюб хренов. По логике, мне нужно помочь им сгинуть, но что-то колыхнулось внутри. И без того на мне смертей множество. Тяжёл груз, всё трудней нести. Наверное, старею, не телом, но душой точно. Во имя чего бы ни отнималась жизнь, а убийство остаётся убийством.

Непродолжительный бой общими усилиями завершается победой сборной команды человеков. Когда последняя мутантная тварь падает возле сапог военных, и смолкает гулкое эхо контрольного выстрела, в образовавшейся тишине возникает долгая нерешительная пауза. Я лежу, они все стоят и пытаются осмыслить, почему я не пристрелил никого из них. Кто бы я ни был, обязательно должен был замочить либо сталкера, либо солдафонов, либо всех.

— Эй, там, на чердаке! Спускайся давай, разговор есть! — наконец решается крикнуть один из военных. По ходу, голос молодой совсем.

— Ага, шаз, разогнался! Вы и меня как липку обдерёте, — огрызаюсь в ответ. Поиграю с ними в простого бродягу.

— Даю слово, что не тронем! Слово офицера даю! — не унимается военный.

И хотя у моего поколения это самое слово весомым аргументом уже не считалось, я ему даже поверил. Насколько я понимаю, у здешних военных какое-то понятие о чести ещё имеется.

Держа «калаш» на плече, спускаюсь вниз и выхожу из заброшенной хатки. Военный жестом приглашает присесть на столб, на котором так и осталась лежать банка со шпротами, откупоренная патлатым аматором.

Присаживаемся, общаемся. Каждый благодарит за помощь в бою. Армейских зовут лейтенанты Кенчук и Тараненко, молодые ребята, недавно из училища, а сталкер называется Вохой. В тон ему представляюсь Андрюхой. На вопрос, что делаю в запретной местности, отвечаю: «Деньгу зарабатываю». Трое собеседников, сочтя меня обычным мародёром, не особо удивляются, но всё же, признав во мне мужика бывалого, интересуются у старшего боевого «соратника», как же тут можно заработать хоть мало-мальски приличную копеечку.

Удача сама в руки приплыла! Ничего выдумывать не надо, просто отвечать на вопросы...

Один за другим я выкладываю перед ними артефакты, прямо на выщербленный асфальт. Исчерпывающе информирую, что это такое, а что вот это такое, расписываю, чем полезны разные «фиговины» и сколько примерно стоят на мировом чёрном рынке. Ознакомительная лекция оставляет неизгладимые следы на их неискущённых физиономиях. По сути, перед ними сейчас лежит огромное состояние.

Чтобы не провоцировать народ на «плохие мысли», я оперативно предлагаю военным заняться бартером. Дескать, мне патроны, жратва и прочее в немалом количестве надобно. Раскошегариваю их воображение, говоря, что у меня нычка есть в Зоне, и чтобы не рисковать, часто пересекая кордоны, я скупаюсь редко, но оптом. И жмотиться не намерен... А для пионера сталкеризма важное поручение изобретаю: доставить и передать некоему Сидоровичу, моему контакту за пределами Зоны, партию артефактов. За щедрое вознаграждение, само собой. Кто таков этот самый Сидорович, я понятия не имею, потому что прямо на ходу сам его придумал. Развивая легенду, сообщаю, что он серьёзный барыга из моего родного города, северной столицы сопредельного государства...

Мои новые «друзья» с энтузиазмом воспринимают радужные перспективы. О погибших сослуживцах военные покамест и не вспоминают, возможно, даже рады, что делиться не придётся. Сталкерёнка я нагружаю артефактами сразу, а с военными договариваюсь прогуляться вечером, до их склада на блокпосте, и там рассчитаться. Для подкрепления благих намерений прошу офицеров посодействовать успешному исходу Пацифика из Зоны, на что те нехотя соглашаются. А пока ждём сумерек, укрывшись в одном из домов, разводим костёр и продолжаем общаться.

Офицеры дружат с детства, хорошо знакомая мне ситуация... Окончили одно и то же училище, служат вместе и даже в девушку одну влюбились. Вот тут-то и пробежала между ними чёрная кошка. Судя по эмоциональным комментариям, мелькающим в их разговоре, один её обрюхатил и бросил, а другой хоть и не простил другу-сопернику, что девица предпочла именно его, но всё же честно пытался ей помочь, посему не оставлял попыток внушить более удачливому соискателю чувство ответственности за будущего ребёнка.

— Да, парень, чувство долга тебе знакомо не понаслышке, — вклиниваюсь я в их грызню. Просто надоело сидеть и слушать, как эти двое мальчишек сидят и перегавкиваются.

— Ты об этом что знаешь?! — вспыхнул военный. — Вам, сталкерам, как я погляжу, только бы нажиться на этой ненормальности. Но ничего, ничего! Скоро будет наступление на эпицентр, и там уж я выслужусь. Недолго этой мутной реальности существовать! Мы исправим ошибку природы, очистим эту землю...

— А на кой исправлять?! — тут же вскидывается и другой офицер, я не успел даже рта раскрыть. — Нашёлся... очищенец! Это же самая-самая загадка в истории! Это достояние не только нашего правительства, но и всего человечества! Да разгадай мы её хоть немного, может, открыли бы какие-то законы мироздания! Зона должна быть независима!

— Ты хотел сказать, должна быть свободна? — вворачиваю я.

— Независима, как Украина! — чуть ли не плюнул мне в лицо этот второй; но сделал паузу, перевёл дыхание и добавил: — Хотя ты прав, «свободная» тоже хорошее слово.

— Какая, на хрен, свобода, наш долг — очистить мир! — рявкнул первый. — Земля должна быть чиста от...

— Ну и дурак ты, — не замедлил отреагировать второй, и парочка друзей-врагов опять начала грызться. Слова «долг» и «свобода», «независимость» и «очищение» попеременно сотрясали воздух.

Я мысленно машу на них рукой и пробую разговорить аматора, но этот кадр оказывается фанатиком покруче военных. В детстве чел, мягко говоря, пересмотрел лишнего из фантастики и теперь свято верит, что Зона — детище инопланетных сил, а в эпицентре находится загадочный кристалл и, ясный пень, сугубо внеземного происхождения.

— Монолит, что ли? — спрашиваю я, припомнив зонную байку о некоем таинственном эпицентральной клане, одно время популярную, но затем превратившуюся чуть ли не в анекдот. Уж мне ли не знать, что этот мифический клан — просто зонный прикол, не более.

— Да, точно! — подхватывает воинственный Пацифик. — Как в «Космической одиссее две тыщи один»! Я вот отнесу твоему Сидоровичу посылку, свои артефакты продам, и мы с друзьями обязательно отправимся на поиски этого Монолита! А что? Ты знаешь, ведь я не один в это верю, нас...

Дальнейшие речи я тупо пропускаю мимо мозга. И зачем я его спас? Лучше б его тот кабан прибил, чем выслушивать эту чушь про инопланетян.

Да уж, их поколение выросло ещё на кинофильмах, вот и нащупывают идейки в киношных сюжетах, осевших в памяти. А нас уже воспитывали компьютерные игрушки и планетарная сеть. О чём, кроме реалий Зоны, мне говорить с ровесниками моего деда?

2

Из последних сил, чуть ли не ваясь с ног от усталости, он добрёл в одно из своих тайных убежищ. Влез внутрь погреба, закупорился и рухнул на рваный матрас, раскатанный у земляной стены...

Пробуждение было нелёгким. Организм худо-бедно отдохнул, но разум во сне дополнительно нагрузился. Тем не менее наступил новый день, и ничего не попишешь — требовалось идти дальше. Остановиться — смерти подобно. А ему необходимо выжить во что бы то ни стало. В особенности теперь.

Перекусив, чем Зона послала, Штрих занялся своей экипировкой. Произвёл ревизию боезапаса, проверил исправность ключевых элементов оружия. Вчерашняя ходка выдалась горячей, кроме всего прочего, окрестные монстры так и норовили сбежаться по его душу. Отбил... Живой. Ещё одни сутки пройдены-прожиты.

Надо в очередной раз зафиксировать пройденное.

Сталкер достал из-за пазухи записывающее устройство, которое хранил пуще зеницы ока, потому и прятал возле самого сердца. Этот рекордер он нашёл случайно, в памятной пещерке, где у него когда-то состоялся один из самых важных в жизни разговоров. «Самсон»

российского производства, вероятно, был последним исправным из тех рекордеров, что принёс с собой в Зону репортёр Николай Котомин.

Штрих небезосновательно полагал, что несостоявшийся обладатель «Золотого Глобуса» за лучший репортаж года не случайно спрятал рекордер именно там, в памятном месте. Не для того, чтобы похоронить навсегда, а чтобы устройство было найдено.

«Самсон» — наследство, которое Луч оставил Гробокопу...

Кому-то ведь нужно подхватывать эстафетную палочку и продолжать ходку. Только так можно найти ответы, если они вообще могут быть найдены. Одной жизни просто слишком мало, чтобы успеть. Это для одной любви жизнь слишком длинна, как сказал писатель Ремарк, а вот для отыскания и добычи подлинных карт мироздания жизни одного человека явно маловато. Потому люди так упорно и пытаются продолжиться, в детях или учениках... Единственный реальный способ достичь хотя бы подобия бессмертия.

Штрих задумчиво посмотрел на продолговатую «палочку» рекордера, лежащего на его раскрытой ладони, совсем не весело улыбнулся и включил режим аудиозаписи.

— Теперь я окончательно убеждён, что Другой наверняка служит непосредственно Зоне. Иначе откуда бы ему первому из всех становилось известно, что к чему с этими новообразованиями, которые потом назовут артефактами?.. И мне кажется, что этот выродок не только полезные артефакты людям подарил в кавычках, но и нанёс всякой гадости. Кто же он, этот курьер и слуга Зоны? Её порождение или бывший человек, которого она превратила в своего наймита?..

Штрих замолчал, обвёл взглядом сырые стены землянки, освещённые синеватым тусклым светом фонарика, тяжело вздохнул, покачал головой и продолжил:

— Право на попытку никто не отберёт — ни у неё, ни у меня. Она хочет выжить во враждебном окружении, я хочу обратного. Узнать, каким образом она возникла, чтобы понять, как её убить... И убить. Каждый разум ставит себе жизненную задачу и добирается к цели как может. Доберётся или нет, это уже кому как повезёт... Моё первое зонное имя было Вася-Гробокоп, именно так меня назвал сам Луч. В жизни до Зоны, когда я был чёрным археологом и соприкоснулся с загадочными проявлениями влияния Зоны за пределами её территории, то почти сразу почувствовал, что в этом моя судьба, моё предназначение. Только ещё не знал, где искать ответы... Это было неизбежно, что я пришёл сюда. Кому, как не мне, докапываться до сути! И закопать, похоронить аномальность, если получится. Я продолжаю путь, который не успел пройти Луч. Знаю, он бы не отступился, не сдался, но... дойти до цели просто не успел. Мне неизвестно доподлинно, как он погиб и является ли отображением реальности тот мой сон про вертолёт, президента и огненную смерть... Но чувствую, что, кроме меня, больше никому. Ник когда-то пришёл сюда, чтобы узнать правду и рассказать её людям, и я пришёл сюда за этим. Потом я остался здесь один. То ли призрак в стране живых, то ли единственный живой в стране призраков... А теперь я уже не один, появился Другой. Заклятый враг, я окончательно в этом убедился, противник, но зато по-настоящему живой! Я это чувствую, и это меня неожиданно обрадовало, хотя я сам не рад этой радости... э-э... если можно так выразиться...

Штрих снова замолчал. Выдержал паузу, собираясь с мыслями, открыл было рот, чтобы продолжить, но вдруг взял и выключил «Самсон».

Глядя на выключенный рекордер, совсем тихо, почти шёпотом, заговорил:

— Не для протокола. Прошлой ночью я опять видел сон, происхождение которого меня пугает. Я видел Шутку. Мне никогда не доводилось с ней пересекаться в Зоне, но я уверен, что это была именно она. Шутка так и не встретилась с Лучом. Ждала-ждала этой встречи с любимым, а потом исчезла вместе с реальностью. Исчезла, да не совсем. Я не знаю, как описать словами это ощущение, только я одновременно чувствовал, что она есть и что её нет. Как будто сталкерша зависла в режиме ожидания между жизнью и смертью. Застрыла между небом и землёй, вклинилась между нормальной и аномальной реальностями... Откуда ко мне приходят эти сны? Почему я их вижу? И главное, почему я испытываю уверенность, что это не просто дурацкие видения, а что-то большее, имеющее прямое отношение к

происходящему и происходившему. Именно это меня пугает больше всего. Вдруг и я, сам того не зная, тоже превратился в наймита Зоны?!

3

Человеку очень трудно надолго оставаться в полном одиночестве. Она изнемогала, пока любимого не было рядом, и ей приходилось ждать его возвращения из рейдов в тыл врага. Из прошлого, в котором он воевал ради их возможного совместного будущего.

Потом она нашла себе собеседницу. Подругу, можно сказать.

Задушевной подружкой для неё стала река. Она приходила на речной берег и здесь, глядя на волны, делилась своими тревогами, сомнениями, высказывала идеи и предположения, вслух проговаривала мысли. В особенности те, которые не решалась озвучить даже ему, любимому человеку. Чтобы это «собеседование» становилось возможным, она как бы отделяла речную локацию от себя, выводила из своего состава. Делала вид, что Припять в эти мгновения действительно собеседница, нечто отдельное, а не частица её собственной сверхсущности. К тому же берег был единственной областью внутри неё, где сохранилась хотя бы иллюзия течения времени. Вода текла, как бы стремилась из прошлого в будущее, хотя это было не так. В закрывшейся Зоне не было ни того, ни другого. Только постоянное настоящее, застывшее «сейчас». Однако вот здесь, на берегу, при желании об этом можно было не вспоминать...

Река не отвечала, конечно. Это уже выглядело бы настоящей шизофренией — выслушивать ответы от себя самой. Но зато река прекрасно слушала. А что ещё человеку, изнемогающему от страха одиночества, надо? Чтобы его было кому выслушать.

— У меня всегда были и есть свои любимчики среди сталкеров, ты знаешь... Некоторым из людей я разными способами помогала выживать, ещё когда была дикой и малоразумной. Наверное, просто игралась с ними. Позже, по мере образумления, я уже сознательно берегла избранных, преследуя различные цели. Сталкеры прозвали это зонной удачей и завидовали тем, кого Зона отметила, как они считали. И были недалеко от истины... Сейчас, когда я образумилась и отгородилась от мира, который люди называют нормальным, и в основном занимаюсь борьбой с планетой, отторгающей меня, как инородную опухоль, мне приходится быть последовательной в своём желании оберегать некоторых из людей. Тех, что превратились в мои неотъемлемые частицы. Конечно, с рациональной точки зрения всех, кто остался, вовремя не покинул меня, следовало бы отторгнуть. Насильно выгнать или уничтожить, чтобы не тратиться на содержание, но... разве для того я выбирала этот путь, чтобы поступать подобным образом?

Она выдержала паузу, словно ждала ответа на этот риторический вопрос; не дождалась, конечно, и вновь заговорила с бегущими волнами реки:

— Да, подруга, тяжело сохранять человечность. Особенно когда этого от тебя не ждут. Я вот шла сюда, к тебе, и по дороге смотрела, во что превратилась... Настоящий парк культуры и отдыха. Там, где до момента закрытия другим людям шагу было не ступить, чтобы не подвергнуться смертельной опасности, теперь можно свободно разгуливать. Но им совсем не это было надо! Как выяснилось... Погружённые в спящий режим, все те, кто не успел или не захотел меня покинуть, здесь и сейчас свято уверены, что по-прежнему находятся в реальности дикой Зоны. В восприятии тех, кто не присоединился к общему исходу и остался внутри, ничего не изменилось. Они настолько прикипели, настолько срослись с той Зоной, что просто не захотели убраться прочь, в нормальную реальность... Они почувствовали, что просто не смогут жить вне меня. Эти сталкеры всё так же добывают артефакты, продают их перекупщикам, всё так же воюют с монстрами и с конкурентами, всё так же спасаются от аномалий и выбросов... Для них, в их представлении, по-прежнему существуют Чернота, Предзонье, Периметр, интербригадовцы и так далее. Чёрный Край во всей своей злой красе...

Она замолчала. Улыбка появилась на губах, которые только что говорили с волнами. Стройное и высокое женское тело, стоящее на берегу, облегалось лёгким платицем из

простой хлопчатобумажной ткани, и веявший от реки ветерок шевелил тканевые складки, перебирал их. Словно подруга-река отвечала собеседнице не словами, но прикосновениями...

— Я должна бы радоваться, что у меня остались такие верные поклонники. Мне пришлось создать для них иллюзию привычной Зоны. Потому что им и даром не нужна такая реальность — мой райский сад, в котором их организмы находятся в действительности. Они понятия не хотят иметь о том, что у каждого из них теперь собственный Древосил, в прямом смысле дарящий бессмертие. Артефакт, о котором в прошлом почти все сталкеры только мечтать могли... и никто не обижен, и все должны быть счастливы. Но не тут-то было... Потому что они в Зону не за этим пришли. В их представлении они продолжают вести тот образ жизни, который желали. Ходки, монстры, аномалии, артефакты, костры на привалах, убийственные выбросы, группировки, барыги, существование впроголодь и постоянная жуткая усталость, пот и кровь, смрад и грязь. И вечно манящие разгадки зонного бытия и сознания, спрятанные где-то там, в эпицентре... Вот он, настоящий сталкерский рай! Ну и ладно, что хотели, то и имеют, я ж не зверь какой-то, чтобы лишать человека любимой игры. Не нужна им другая Зона, не приняли и не примут они меня, повзрослевшую, поумневшую, очеловеченную... Да-а, как оказалось, быть человеком — это куда сложнее, чем просто быть. А теперь пока, мне пора возвращаться к работе. Продолжай нести свои волны в будущее, подруга. Хотя бы ты...

Женское тело, в которое она уже привычно воплотилась в ожидании встречи, неспешно возвращалось в эпицентр. Туда, где ею был сооружён домик для свиданий с любимым человеком. Точнее, с любимым Мужчиной. Единственным. Просто любимых у неё далеко не один и не одна.

По сути, все, кто остался. Да, оставшиеся — пленники, добровольные или случайно замешкавшиеся, не успевшие уйти. Но они уже не дают ей силы для поддержания спящего режима. Она больше не питается энергией человеческих разумов. Это ей самой теперь доводится кормить людей, а они между тем пребывают в неизбывной иллюзии. Как бы спят, осыпаясь лепестками персональных источников жизни.

Не только из реальности, но и из фантазий можно черпать МИР.

Она больше не желала убивать — поэтому сократилась, съёжилась и застыла в режиме оцепенения, в режиме тотальной экономии энергии. Чтобы выжить, чтобы дожидаться мгновения, когда будущее наконец-то наступит и для неё. И для него, единственного мужчины. Если хотя бы в одном из вариантов будущего им суждено быть вместе, она отыщет и реализует этот вариант.

А пока... Пока она зафиксировала миг счастья и впала в спящий режим, чтобы сохранить этот миг. Тот самый, когда она вдруг осознала: я люблю, а значит — я живу! И поняла, что это и есть быть человеком. Что именно этого от неё ждали воспитатели, отчаянно и почти безнадежно, раз за разом, совершавшие попытки достучаться, докричаться, прорваться. Не просто в эпицентр Зоны, а в средоточие её разума.

Сейчас она возвращалась от реки обратно, в эпицентр себя. Проходила между деревьями, кустами и цветами, как обычными с виду, так и далёкими от сортов и разновидностей, привычных людям. Апофеозом аномальности, конечно, были Древосилы, растущие каждый для своего подопечного или подопечной. Оставшиеся после исхода сталкеры если не лежали под сенью своих опекунов, то совершали прогулочные ходки — чтобы тела не атрофировались без движения. Люди неторопливо, заторможенно передвигались по райскому саду. Как лунатики. Впрочем, почему как? Они и были сомнамбулами. Их разумы пребывали в совершенно иной реальности, резко отличной от той, где сохранялись от гибели телесные оболочки.

Иногда тела расхаживающих по саду сталкеров натывались друг на друга или соприкасались. Некоторые валялись с ног, бывало. Разминувшись, вставали и отправлялись дальше, не замечая физических контактов... Разумы этих людей даже не догадывались о столкновениях. Там, где они в воображении находились по собственному желанию, почти каждая стычка могла привести к смерти или увечью.

Так оно и было раньше. Но не здесь и не сейчас, в Зоне, закрывшейся от тлетворного влияния человечества.

А почву теперь повсюду скрывала зелёная, зелёная трава. Так это выглядело с человеческой точки зрения, а на самом деле сплошной «ковёр» был защитой от врага, атакующего снизу. Так они с любимым мужчиной обозначили Землю, чтобы в разговорах между собой отличать от верхнего фронта противостояния, борьбы с человеческой цивилизацией.

Пока трава выглядит сочной и свежей — силы сопротивляться нормальной реальности ещё есть.

Но вдруг она начнёт жухнуть и выцветать...

Глава девятая. Смерть всегда рядом

1

Трава здесь вымахала по пояс, а то и выше. Выгребать ногами сквозь эту зеленовато-серо-бурую паутину тяжело. Но не критично.

Если бы я только глазами распознавал препятствия, скрытые под её густым покровом, сейчас бы уже лежало рагу из меня на ржавом «противне» древнего тракторного плуга, торчащем из репяхов. Лежало бы и жарилось на солнце. В аккурат перед лемехом яма-ловушка, устроенная «весёлыми» парнями из бандитского клана. Проваливается в неё нога, теряешь равновесие и кубарем скатываешься в «мясорубку», что притаилась рядом. Обожают бандюки такие... э-э... «заподлянки мастырить», как они выражаются.

Мин, оставленных военными, здесь тоже хватает. Не разглядел, наступил, ба-бах — и труп.

А в полста метрах «воронка» раскинулась. И там бригадные постарались. В таких зарослях характерное аномальное пятнышко просто не разглядишь, как и дрожание воздуха. Интересно, сколько бродяг угодило в этот гравитационный миксер? Не все же такие чувствительные, как я...

Ч-чёрт, отвлёкся на секундочку, чуть дольше засмотрелся в другую сторону и проворонил крысиную стаю во главе с «волком» их породы. Засекли меня, ждут, когда окажусь поближе. Уже не проскочить мимо и не обойти стороной.

Оп-па, ломанулись, рассыпаясь дугой. Окружают, чтобы навалиться со всех сторон. Хрен вам! Отправляю в гущу тельц «посланца войны» — гранату. Мог бы и не приседать, моя броня выдержит град осколков, но лучше уж лишний раз спинку прогнуть, чем после кровищу останавливать, искренне недоумевая, почему в комплекте оказалось слабое место. Зато хвостатых моментально становится в два раза меньше.

Резко беру в направлении «воронки» и, обогнув её по самой кромочке, останавливаюсь на противоположной стороне. Аномалия чётко между мной и мутантами. Единицы успевают отвернуть или почуять, остальных втягивает, сплюсчивает и распыляет над травой розоватым облаком. Те, что всё-таки умудрились вовремя сообразить, спешно отступают, видимо, израненный крысиный волк решил увести остатки стаи. Флаг ему под хвост! В таком состоянии его свои же загрызут. Больные и раненые в Зоне обречены, да и здоровым-сильным, впрочем, тоже не всем поголовно фартит.

Пока с мелкими тварями разбирался, отряд, который я пас, в мою сторону двинул. Разрыв гранаты трудно было не услышать. Тем лучше, будут красться по моим следам, наверняка обнаружат подкидышей, оставленных для них.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят и ухожу в лесок. Новорождённая, самая первая «золотая рыбка», уже добыта из рюкзака. Скину её в самом начале широкой и густой лесополосы. Там сталкеры её быстро найдут.

Кстати, уже пора «волчьи ягоды» внедрять. Немало опасных типов сгинет благодаря этому... гм... «трояну». Хорошо поработает «ягодка»! У некоторых индивидуумов,

склонных к жестокости, первоначальный эффект лёгкости и эйфории спустя несколько часов будет сменяться дикой усталостью и глубокой депрессией. Скорость их реакции снизится настолько, что само это слово по отношению к ним потеряет смысл... Фишка в том, что в итоге этими самыми инертными «тормозами», а значит, лёгкой добычей мутированных монстров, должны стать настоящие отбросы. Потенциальные маньяки, выродки-садисты, серийные убийцы и прочий хлам человечества, немало образчиков которого Зона Сталкеров непременно притянет. Не факт, что это чистящее средство стопроцентно угадает и угробит нужных «кандидатов», но профилактику в своём доме проводить напарница имеет право по своему усмотрению. Для менее запущенных, не столь агрессивных людишек этот растительный артефакт сойдёт за великолепное тонизирующее средство. Эдакий заменитель ящика «нон-стопа». Популярным должен быть растительный артефакт, если разрастётся и распространится.

Скинув «золотую рыбку», крадусь дальше по пролеску. Метров через сто натыкаюсь на прогалину, сплошь поросшую куцыми кустиками. В самом центре виднеется опрокинутый проржавевший бак. Чёрная дыра его горловины смотрит прямо на меня. Железная ёмкость набита прелыми листьями. Похоже, там кто-то устроил себе гнёздышко. Но в данный момент в логове никого нет. Можно клеить лейбл: «Проверено. Глистов — нет (Чуйка)». И та же чуйка вынуждает перевести прицел внимания чуть левее, к яме с болотной жижей. На смеси щепня, мусора и грязи видны глубокие следы копытец. Плоть.

Монстр медленно выбирается из своей болотной ванны, сонно зыркает по сторонам. Да-а, мордашка на редкость уродливая, однако. По асимметричному рылу стекает жёлтая слизь. Громко шморгая пятакон, тварь всё это втягивает в себя и сглатывает. Что, вкусно, уродина?

Неожиданно хлынувшая волна отвращения вынуждает меня содрогнуться. Даже меня, давно привыкшего ко всему, казалось бы.

Косящие в разные стороны гляделки наконец-то фокусируются на мне. Было бы совсем убойно, кабы эта искореженная аномальностью свинья ещё и заговорила человеческим голосом. Встретив такую, некоторые новички в шоке улепётывали бы вон из Зоны. Воистину гнусное создание, гуманно будет избавить мир от него. Вскидываю штурмовую винтовку — в этой ходке у меня «Гром-С14» — и одиночным бьёю точно в глаз. Получается как в анекдоте: «пуля пронзила череп навывлет, но мозг не задела». Интересно, у неё мозги вообще есть? Знаю, что есть, но как-то не верится.

Визг поднялся дичайший. Спасибо шлему, не то оглох бы. Плоть срывается с места, бросается на меня и получает очередь в упор. Скотина валится на землю, и её начинает так зверски колбасить, так она активно выбрыкивает конечностями, что я запрыгиваю на бак от греха подальше. Живучая какая попалась!

Придётся не жалеть боеприпасов. Вот бы мне сейчас лучемиёт, очень кстати пришёлся бы! Вмиг располовинить тушу или четвертовать.

Изрешетив этот кусок вонючего мяса, топаю дальше, выискивая местечко, чтобы притулить «пламя». И только-только достаю артефакт, чтобы водрузить его на живописную корягу, как вдруг слышу громкий треск ветки за спиной. Спокойно оборачиваюсь. Стоят за спиной пятеро, на меня таращатся и на хреновину явно непростую в моих руках, естественно. Обалдеть, как это они незаметно ко мне подкрались?! У моей чуйки отгул, что ли, внеплановый?... Закидываю артефакт обратно в рюкзак и поглаживаю пальцем триггер своего «Грома».

Бывалый сталкер среди них лишь один, остальные — новички, чуть ли не первоходки, по всем признакам. Туристы, короче говоря. Притом бывалый разит не просто «перегаром» опыта, а прямиком... в мозги мне пытается залезть! Вот и ответ на вопрос, какого чёрта меня врасплох застали. Настоящий потенциал. Ещё и чем-то вроде теневого режима умеет пользоваться. Я ошибался, думая, что в этом периоде времени настолько мощными способностями ещё никто не обладает... Что за тип такой талантливый?!

А тип стоит и смотрит, ствол не наводит, но обе руки, ко всему готовые, крепко держат легендарный «винторез». Один молодчик из компашки ведомых хочет было направить на

меня свой АК. Но сталкер-проводник ладонью опускает ствол его автомата к земле и тихонько советует:

— Зелёнка, ежели не хотишь, чтоб тебе твой же «калаш» в жопу засунули, не размахивай им, как членом в борделе.

По всему видно, наш человек. И нафарширован достойно для своего времени — «пушки», броня, и... детектор. Новейшей для текущего года модификации, блин. Трещит-пищит, заливается от моей коллекции известных и неизвестных артефактов, наполнившей рюкзак. Эх, браток, откуда ты взялся на мою голову! В этом периоде времени, уже далеко не начальном, но до чёрных событий двадцать шестого года и образования Предзона ещё ух как не близко...

— Привет, земля. Мы к селу гребём. Ты, я гляжу, оттудова. — Он изучающе присматривается ко мне. — Через пустырь шёл? Весь комбез в репяхах... Подкинь инфу, как там чего. Через руины можно просочиться? Или лучше туда не рыпаться?

Ага, сейчас я ему карту нарисую. Ишь какой хитрый. Отвлекает, зубы заговаривает. Он ещё не знает, как толковать свои необычные ощущения, но его латентная чуйка наверняка готова заорать от тревоги.

— Э-э, да то ж я не тут в бурьян влез, в посёлке и не был, — вру, не краснея, — а где шёл пролеском, везде пипец, куда ни сунься, на каждом шагу засада.

Сталкер подходит ближе.

— Не умеешь ты врать, браток, — криво ухмыляется он мне, как будто мысли прочитал, — я не первый день по Зоне бегая, меня все знают и брехунца не заправляют. Бо не фиг, различу я враньё. А вот тебя, сколько ни ходил тут, ни разу не видел, а должен был, тёртый ты уж больно. И откель у тебя столько артефактов? Случайно нашёл, горкой сложенные? А ты не шатун, часом?

Испытывает или провоцирует? Плевать. Некогда мне тут с ним этикет разводить.

— Нет у меня ответов для тебя, — говорю я холодно, одновременно шагаю вперёд, подхожу к нему почти вплотную, — иди с миром, человеке, притворись, что не видел меня никогда. Мой тебе совет добрый.

— Хамишь, значит.

— Топай-топай.

— А в рыло?

— Легко. На!

Отвешиваю ему прикладом в челюсть и вскидываю винтовку. Дульный компенсатор при этом упираю ему прямо в лоб.

— Скажи своей зелени, чтобы пушки на землю побросали, а то мозги те враз высажу. — Между нашими глазами, кажется, электрическими искрами разряды гнева пробивают.

— С-смелый ты, с-сучонок, када с-со с-стволом, — вытирая кровь с подбородка, буквально шипит он.

— Был бы ты один, без этих пацанов, я б из тебя голыми руками говно повыбивал, — огрызаюсь.

— Докажи, трепло! Пацаны тя не тронут, даже вдруг замочишь меня. Слыхали, чего я сказал?! — кричит он своим туристам.

Первоходки испуганно кивают головёнками и поспешно закидывают оружие за спины.

Что ж, рукопашка в моём случае — идеальный выход из деликатной ситуации. Убивать потенциально чувствительного совершенно не входило в мои планы, тем более такого сильного! К тому же урок из нашей встречи он наверняка извлечёт. Скидываю рюкзак, кладу наземь, винтовку сверху пристраиваю, отстёгиваю пояс с «вторичкой». Противник тем временем поднимается на ноги, делает то же самое и... насмешливо говорит мне:

— Масочку-то скидывай. Иль боишься, что физию шибко подпорчу?

В открытых противостояниях я этого предпочитаю не делать, но... формулировка исключает варианты. Если я не открою лицо, то по-любому буду выглядеть трусом. В таком случае какой смысл в этом поединке? Пристрелить их всех, и дальше, дальше.

Ни слова не говоря, открываю лицо.

Он пристально смотрит. Узнавания в глазах не заметно, и то хорошо. Не встречались раньше, точно.

Становимся друг напротив друга, кулаки сжимая, и понеслась!

Вымотаю здоровяка вначале и набуцкаю по репе, пока ноги его не подкосятся, дяде это лишь на пользу пойдёт. Немного поиграю с ним, только аккуратно, не показывая, что работаю в малую долю реальной силы... Пропущу для приличия пару ударов. Один — есть, в корпус! Второй — в скулу! Ох, тяжела твоя рука, мужик. Ну, теперь держись!

Жмущиеся в сторонке пацаны ахают, охают, свистят, подбадривают своего «папу». Кретины, нельзя ж так шуметь в Зоне... Вот мой нечаянный противник существенно сдаёт после моей очередной связки, апперкота и крюка левой. Краем уха слышу предложения молодёжи грохнуть меня очередями из автоматического оружия. Блин, за этими вояками ещё следить надо! Так что, махаясь со сталкером, и с молодняка глаз не спускаю.

На том и погорел... Не уследил, блин! Увернувшись от очередной атаки не слабо помятого противника, ставлю ему подножку. Какого чёрта, спрашивается? Я ему даже пинка не дал, почему же он не упал, а наоборот, подскочил?! Не то слово! Бедолага уже ласточкой влетает меж двух акаций...

И только сообразив, что громкий хлопок издало ничто иное, как «трамплин», я понимаю, насколько позорно лоханулся.

Здорового мужика аномалия отшвыривает буквально на ту самую экзотическую корягу, на которой я хотел «пламя» оставить. Да так неудачно швыряет, что толстая ветвь пробивает туловище насквозь, и нанизанный сталкер удивлённо, непонимающе смотрит на деревяшку, торчащую у него из груди. Аккуратно между бронепластинками комбинезона проткнуло навывлет... Всё, не жилец дядя.

Пока его зелёные, необстрелянные попутчики застыли в шоке, хватаю пояс со своей «вторичкой» и шустро сваливаю, петляя между акациями. Когда в спину мне летят пули, я уже достаточно далеко, чтобы в меня не попали пули. Кто участвовал в лесных перестрелках, тот поймёт. В лесу сотня метров — как на открытом пространстве пара кмэ.

Не очень правильно по зонным понятиям, что хорошая винтовка новичкам досталась задаром, но ничего, это издержки многотрудной миссии. Рюкзак с хабаром всё равно опустошить нужно было, а так — оптом скинул. Только одного боюсь, что неопытные сосунки не донесут его до барыги. Как пить дать поубивают друг друга... Жадность, перемешанная с молодостью и глупостью, образует гремучую смесь.

Убивать без крайней необходимости не хочу. Не ради этого воюем. Совсем наоборот.

2

— Мои подозрения подтвердились! Оправдались целиком и полностью. Я пробежался по Зоне в разное время, побывал в разных годах её существования и выяснил, что возникновения новоявленной гадости — совпадают с присутствием Другого. Я не понял ещё, как ему это удаётся, однако создалось впечатление, что этот подручный Зоны прямо-таки вездесущ... Или она его каким-то образом копирует, дублирует? Но почему одного и того же, не проще ли наплодить целую армию всяких-разных... Хотя при всём моём опыте что я могу знать о её логике? Кое о чём я догадываюсь, кое-что знаю, иногда даже испытываю уверенность, что не ошибаюсь в этом знании, анализируя её действия. Но по большому счёту, я... э-э... муравей, по своим делам ползающий на лужайке, в необозримых и непредсказуемых зарослях враждебных джунглей. Остаётся надеяться только на одно, что лужайка не замечает суетливых потуг муравья. Или же, если замечает, покамест не придаёт им большого значения.

Штрих выключил рекордер. Он так поступал, когда предстояла длинная пауза. Когда у него иссякали слова или вдруг ускользала мысль. Заряд аккумулятора записывающего устройства приходилось старательно экономить. Иногда хроносталкеру удавалось добыть новую «батарею», но происходило это нерегулярно, поэтому ему очень не хотелось в один

далеко не прекрасный день вдруг остаться наедине с омертвевшим рекордером. Делиться соображениями с «Самсоном» превратилось в устойчивую привычку, стало насущной необходимостью...

Наверное, этот ритуал каким-то образом помогал Штриху справляться с одиночеством.

Он достал из рюкзака шоколадный батончик, упаковкой которых разжился по случаю, и перекусил, долго и тщательно смакуя каждый откушенный кубик. Он всегда любил сладкое, но в Зоне нечасто удавалось потешиться. И когда получалось, это становилось праздником. Должны же у человека оставаться свои маленькие радости! Это ведь тоже помогает не забывать, что ты — человек... Даже когда от вселенской усталости очень хочется об этом забыть. Взять, да и остановиться. Просто существовать, выбросив из головы безнадежный замысел очередного спасения мира...

— Мы похожи, мне кажется. — Штрих снова включил режим аудиозаписи. — Оба знаем, что такое хорошо и что такое плохо, но нам на это наплевать. Просто каждый из нас выбрал себе цель и стойко движется к ней. Она к своей, и я к своей. Кто-то неизбежно вырвется вперёд, и тогда отставшему или отставшей придётся умереть... Да, кстати, по ходу мысль в тему. О людишках, которые чуть ли не с детства по-привыкали к виртуальному смертоубийству. В компьютерных видеоиграх убивать легко. Бац — и готово! Нарисованная кровь брызнет куда угодно, только не игроку в глаза. При этом у самого игрока имеются запасные жизни. Поэтому ему ни убить кого-то, ни самому умереть — не страшно. Только вот даже самые крутые игроманы при столкновении с реальной кровью почти неизбежно пасуют. Это ведь совсем другой расклад, когда хлещет не нарисованная кровь, а настоящая, и прямо в глаза. И когда собственная жизнь единственная, запасной не дождёшься. Убьют — так уже с концами... Помню, ещё когда был пацаном, в одной из сетевых тусовок геймеров встречал на форуме тему обсуждения. Какой самый приятный способ убийства врага? Особенно мне запомнился один из ответов, данных кем-то из непобедимых героев в кавычках, виртуозов клавиатуры и «мышки», совершивших бесчисленное количество победоносных ходок по виртуальным мирам смерти... До сих пор помню тот ответ. Подкрасться к спящему и разрядить ему в лицо дробовик. О как! Именно такие людишки хуже самого страшного монстра Зоны. Мало того что жестокие и подлые, да ещё и трусливые. Вот такие моральные уроды — лучшее сырьё для получения вырожденцев! Их не так уж мало оказалось в Зоне, и те, что не погибли быстро, наверняка ничему хорошему её не научили!

Наговаривающий свой аудиодневник Штрих замолчал, но рекордер не выключил. Перевёл дух и продолжил, стремясь поскорей выговориться:

— Привычная виртуальная безнаказанность крутых парней в кавычках, восседающих в полной безопасности по ту сторону экрана, служит им очень плохую службу, стоит им оказаться в подобных реальных ситуациях. Почему я вдруг об этом вспомнил... Сегодня довелось быть свидетелем одной из неисчислимых драм Зоны. Другой, которому я плотно сел на хвост и почти дышал в затылок, столкнулся с группой новичков, ведомых опытным сталкером. Другой убил этого проводника и отправился дальше по своим зловещим делам. После того, как он скрылся, я не выдержал и спонтанно решил из пассивного, по сути, наблюдателя превратиться в активного участника событий. Впервые напрямую вмешался в происходящее. До тошноты обрыдло просто следить за перемещениями и злодеяниями этого кровожадного убийцы. Оставшись без ведущего, растерянные новички были практически обречены, и я отчаянно захотел спасти того проводника, нечаянную жертву Другого. Нужно средство, припасённое для себя, у меня имелось, и я бросился на помощь. Я не смог бы помешать личному помощнику Зоны убить того сталкера, но помочь тому сталкеру не сдохнуть — вполне мог. Или не мог... Но я выбрал первое. И чуть было не погиб сам. Тот выродец, я уверен, в своё время обожал рубиться и притащил в реальную Зону привычки и понятия, обретенные в процессе изничтожения виртуальных врагов. Когда он понял, какой именно артефакт я выхватил, чтобы не позволить смерти утащить в своё царство очередную жертву... его реакция была молниеносна, как у опытного геймера. Только вот направлена вовсе не на то, чтобы пособить мне выдёргивать старшего группы из лодки Харона. Если бы

этот жадный тип успел приобрести хотя бы мало-мальский реальный опыт выживания в настоящей, неигровой Зоне, он бы сто раз подумал, а стоит ли рисковать единственной и неповторимой жизнью. Которую не засэйвишь и не скопируешь. Но он этого не успел усвоить прежде, чем поднял свой автомат на обладателя редчайшего хабара. И уже не успеет. Какие удивлённые у него были глаза, когда его собственная настоящая кровь хлынула из продырявленного живота! Может, хотя бы в последнее мгновение перед смертью он успел понять, что настоящая жизнь — всё-таки не игра. Живому по-настоящему больно... когда в него разрядили дробовик.

3

Она ходила по саду от одного Древосила к другому. Почти все подопечные всё так же сидели, стояли или лежали в непосредственной близости от своих деревьев жизни. Они спали и видели сны, которые им казались единственно возможной явью.

Одновременно в прогулочные путешествия по саду отправлялось не больше десятой части общего количества «законсервированных» сталкеров. Хотя движение организмов в пространстве, конечно, никоим образом не означало пробуждение разумов.

Она перемещалась от одного усыпанного лепестками круга к другому, всматривалась в знакомые лица, ласково здоровалась со сталкерами, пребывающими под сенью. Ей они отвечали, с разной степенью задержки, но реагировали все. По-другому быть не могло. Те, которые остались, в любом случае с нею по-настоящему сроднились, даже ещё до того, как уснули. Она снится им, и во сне они с ней здороваются. Точнее, ощущают своё единение с единственной территорией во Вселенной, где им хочется быть.

Они отдали ей души — сталкеры, которым суждено было оказаться запертыми в закрывшейся Зоне. Они сами погрузились в аномальную Черноту и теперь остались в ней, не захотели уходить.

Стремясь сюда, они вряд ли предполагали, что Зона живая, более того, разумная, и что рано или поздно она во всей полноте ощутит ценность жизни ДРУГОГО человека — и больше не захочет убивать. Ловчие желаний добились своей цели... Теперь разумная аномальность способна брать в расчёт не только свои жизненные приоритеты и считаться не только с собственными целями.

Это раньше у неё были девизы: «Каждое существо, съеденное мной, даёт мне жизнь!» и «Это вкусное — пока оно живое!». Все существа, которые попали в Зону, отдавали ей свою жизненную энергию. И пока оставались живыми, и когда погибали, выплёскиваясь до доньшка. С точки зрения человечества она была самой настоящей энергетической вампиршей, высасывавшей жизнь из других живых. Массовая убийца, пожравшая миллионы жизней и разумов, за счёт которых росла и набиралась сил.

А потом с нею что-то случилось. Она вдруг прозрела и осознала, что в этой Вселенной не только ей одной даровано право оставаться живой. И не только она способна чувствовать и желать, не только ей бывает больно и страшно, не только она должна выжить во что бы то ни стало... В апофеозе прозрения обескураженно сообразила: на самом деле страшнее всего ей станет, если всех убьёт и одна останется.

Потому что, оказывается, это не просто бессмысленное словосочетание — смерть от одиночества.

Значит, необходимо найти способ выжить, пойдя против собственной природы. Выжить, не поглощая другие сущности. И пока этот способ не найден — так и придётся зависать в спящем режиме, расходуя лишь необходимый минимум энергии... из тех вампирских запасов, что накоплены раньше. Что было, то было, не откреститься. Покаяние ещё предстоит...

Главное, что процесс установления взаимопонимания с людьми и другими живыми существами она сумела запустить и как-то наладить.

Но вот с самой Землёй, сущностью не менее живой, чем все её многочисленные «нахлебники», общего языка всё никак не удавалось найти. Планета безостановочно, упорно

и яростно продолжала атаковать явление, которое самым своим существованием нарушало «нормальные» законы природы. Принять аномальность за собеседницу, с которой возможно договориться, реальность наотрез отказывалась, воспринимая лишь в качестве конкурирующей, враждебной силы.

Впрочем, подобная позиция свойственна всем живым, борющимся за место под солнцем, поэтому обижаться на Землю не стоило. Но отыскать пути к примирению жизненно необходимо, иначе...

Глава десятая. Знакомые всё лица

1

Глухая ночь. Темень, как у афроамериканца в... желудке. И ситуация в точности напоминает ту самую часть тела, которая первой на ум пришла.

То, что редкостный потенциал сел мне на хвост, сомнений не вызывает. Рыбак рыбака видит... то есть чует издалека.

Стоило тому бедолаге отдать Зоне душу, а его ментальной ауре угаснуть, напоследок выдав предсмертный всплеск, как меня тут же накрыла другая волна, гораздо более мощная. Заметной пеной выделяется основное желание преследователя. Не злобно-яростное, но принципиальное. Твёрдое намерение добавить ещё пару дырок в моей черепушке. Спасибо, но нет. Мне уж как-нибудь естественных отверстий хватит для «вентиляции» мозга.

Пр-роклятие, вот ведь угораздило! Нарвался на двух потенциалов в одной точке. Лагерь у них поблизости, что ли? Хреново со здоровьем вышло, но Зона свидетель — совсем не хотел я его убивать. Несчастный случай в чистом виде приключился, как это ни смешно звучит здесь. Сейчас вокруг — всего лишь «эмбрион» ещё не родившегося Чёрного Края, которому предстоит возникнуть только через пяток лет. Но эта отчуждённая от остального белого света территория и в десятые, и в начале двадцатых уже и близко не смахивала на парк культуры и отдыха. С самого начала не особо страдали человеколюбием все периоды времени эпохи Зоны Сталкеров.

А ведь второй потенциал, с вероятностью процентов двести, хорошо знаком с погибшим. И теперь он меня выпасает из чувства мести, что ли? Ловчих желаний как чётко сформировавшейся породы зонных человек пока ещё не должно быть в принципе, поэтому «профессиональный» интерес ко мне исключён. Да и под личиной обычного человека я сейчас нахожусь, как почти всегда в ходках. А значит, совсем не свечусь излишним суперменством. Если всё идёт по плану, то просто незачем. Для того и просчитываются варианты действий, чтобы практически исключить необходимость применения особых методов. Хотя я, что греха таить, не удерживаюсь иногда. То там, то здесь облегчаю себе задачу, бывает.

Идёт он быстро и уверенно. Что самое неприятное — быстрее меня. Настигает. Пуля сколола кусок кирпича строения, за углом которого я скрылся мгновение назад. Началось, вышел на дистанцию выстрела, гад. По ходу, снайпер, с отличной винтовкой, вполне возможно, и с «винторезом» шикарным. Но расстояние великовато, да и ветер сейчас порывами дует, мешает выцеливать. К тому же нервишки у стрелка наверняка бренчат от возмущения — не остыло блюдо его мести.

Развалины посёлка, в будущем известного как жуткий Крысиный хутор, сейчас ещё относительно безопасны. Мегастая крыс в нём заведётся парой десятилетий позже. Здесь я и разберусь с тобой, охотничек. Собственно, вначале сообразить бы, как именно. Что далеко не просто — сообразить.

Убивать явно нежелательно, чую однозначно, ко мне прицепился далеко не заурядный потенциал. Настоящее корабельное орудие, если уровень всех остальных «коллег», почуянных мной здесь, в эмбриональном периоде, сравнить с пистолетами и автоматами. Почти наверняка, если он выживет, то впоследствии окажется одним из тех, кто сыграет

определённую роль в судьбе наивного новичка-первохода, что сам себе присвоил нелепое прозвище Питерский Бронебойщик и прославился на весь зонный социум крылатым выражением удивления, ведущим происхождение от пресловутого лох-несского чудовища...

Поговорить бы с этим упорным преследователем по душам, так ведь выстрелит мститель раньше, чем рот открою... Предстоит деликатная хирургическая операция — удаление гланд через задний проход. Ничего, бывало и похуже.

Повторно вонзается в стену пуля. На этот раз она по моему шлему предварительно чиркнула. Меткий стрелок едва не поймал меня в узком промежутке между остовами двух соседних хаток, в котором я промелькнул меньше чем за секунду. Хотя ползком перемещайся. Небо облаками затянуто, но луна из-за них вывалилась, как назло, полная.

И пополз я как миленький на брюхе по руинам; обстановка без вариантов. Мне бы только до центра посёлка дотянуть. Там административные здания, бывший клуб, универмаг и прочие развалины плотно стоят. Пространство ограничено, снайперу не разгуляться. Вытяну его на ближний бой, а в нём подавляющее большинство сталкеров не конкуренты мне.

Ужом проползаю под сгнившим ЗиЛом, барельефно торчащим из проломанной стены бывшей «сталинки»... и получаю свинцовую пилюлю в самое что ни на есть пикантное место, правое полупопие. Броня замедляет пулю, и та не достаёт до кости таза, иначе дело плохо. Но острое «шило» в мякоти задницы свербит болью при любом движении. Ускользнув под прикрытие фрагмента кузова, вкалываю обезболивающее.

Времени в своей жо... ковыряться нету, потом залечу. А жалелку пора выключать и взвесить гаду от щедрот своих, да пожёстче. Достал уже, суперпотенциальный истребитель желаний! Убить не убью, но покалечу слегка... от души. Полежишь недельки полторы, остынешь. Если надо, сам тебя дотащу до сталкерского лагеря. Оглушу хорошенько и понесу. А что? Вариант подходящий. Принято.

Но только-только прокрадываюсь я к противоположному краю здания, как в окно этажом выше влетает «эф-один». Мелькнула в свете луны. Практически все перекрытия в доме обрушились, и граната, прошуршав по их остаткам, падает в нескольких метрах от меня. Едва успеваю выпрыгнуть наружу через ближайший оконный проём. Стёкол в окне давно нет, но остатки рамы, хоть и прогнившие, цепляют за руки-ноги ощутимо, окно в своё время было сработано с немалым запасом прочности.

Здание громко «чихает», выплёвывая из всех своих дыр в стенах клубы пыли и сопли осколков конструкций. Ряды окон на миг сверкают в ночи, как глаза гигантского демона. А вот это ты зря, браток! Иллюминацию и грохот мутные твари вмиг засекут и стянутся со всей округи по-любому. Не отведёшь. А собственно, оно и к лучшему. Посмотрим, на сколько силёнок хватит у этого потенциала.

Скопление «трамплинов» перед большим ангаром несказанно радует. Шустро пересекаю открытое пространство под их прикрытием. Аномалии искажают визуальную картину пространства, и нереально выцелить сквозь них меня. Однако настырный снайпер так и палит в меня пару раз изнутри зачищенного дома. Одна пуля просвистывает совсем рядом, вспарывает ржавое брюхо валяющейся неподалёку бочки. Из рваной прорехи сочится тёмная слизь. Благодаря фильтрам в маске я лишаюсь удовольствия ознакомиться с её запахом.

Ангар, в приоткрытые ворота которого я прошмыгнул, некогда был автохозяйством. Нестройные ряды одностипных дряхлых тракторов нарушаются остовами разобранных грузовиков и автобусов. Просмолённые листы покрытия крыши грязным ковром закрывают единственный ряд окон. В помещении царит полный мрак, и если бы не мой всевидящий визор, я бы фиг увидел, как зловеще свисают ржавые цепи и тросы ангарного крана. Местечко в адеквате, самое то, что надо.

Сейчас — один из тех случаев, когда я прибегаю к помощи ночного режима визора. Мои глаза куда лучше видят, чем у обычного человека, но всё-таки они остались человеческими. Таким был мой выбор.

Человеки — это не просто слово, это выстрадавший зонный термин, который отграничивает нас от мутантов, нелюдей.

Недолго думая запрыгиваю в кузов самосвала, что стоит прямо возле входа, на расстоянии хорошего прыжка от ворот. Простреленная ягодица беспокоит, но не настолько, чтобы я превратился в хромающего инвалида. Упорного преследователя нужно подпустить ближе. Залегаю, затаиваюсь. Следы мои он не сразу выследит в царящей темноте, а потом уже поздно будет.

Отсюда великолепно просматривается тонкий клин рассеянного света на потолке. Это в щель между створками ворот пробивается лунный... На секунду клин укорачивается промелькнувшей тенью. Пришёл друг. Но входить не спешит. Тоже затаился, выжидает.

Ну-ну. Жди, не жди, а следующий ход теперь твой.

Резко кольнуло неприятное ощущение. Как не вовремя, чёрт! Совсем близко чую мутных. Трое, крупные, в посёлок зашли, передвигаются очень быстро. Снорки. И слепые псы в изрядном количестве тянутся с разных сторон. Чёрт, чёрт! Теперь ещё от мутантов его отбивать. Хотя, если тихонько нейтрализовать мстителя, может, и мимо проскочат монстры, не засекут человек.

Что-то тяжёлое гроыхает по ржавым остовам техники.

Опять он?! Вот непреклонный! В будущем сталкеры существенно помудреют, опытные бродяги обзаведутся бесшумными снайперками. «Винторезы» сплошь и рядом «глушаками» оснастят, да и не только их. Нету в Зоне ничего вреднее, чем привлечение к себе излишнего внимания. Всё равно чьего. Монстрического, человеческого или зонного, то бишь самой здешней Хозяйки реальности.

Я сжимаюсь в комок на дне кузова.

Гроыхнуло совсем рядом. Несколько осколков прошивают гнилой металл перед самыми моими глазами. Итить-колотить, допрыгался преследователь! Волна животной агрессии уже однозначно направлена в нашу сторону. Ну всё, Чип и Дейл спешат на помощь... Мутные стремительно приближаются. Надо что-то делать, только вот что? Нос высуну — отстрелит голову, мутило.

Только бы вторичкой, только бы вторичкой пальнул по мне! Сжимая в руках стволы, я готовлюсь к отчаянному прыжку. А если в полёте винтовкой снимет в упор? Эй, ты где, мститель-затейник?!

Взрыв за воротами, неслабый. Брошено что-то помощнее «лимонки».

Но сразу после взрыва никто не вбегает в ангар сломя голову. Снаружи что-то пошло не так. За воротами начинается возня. Слышится несколько слабых выстрелов, пистолетных. Опять моргает полоска света на потолке, наконец что-то шумно врывается в ангар.

Пора!

Безотказная чуйка — это жизнь. Выпрыгиваю настолько вовремя, что аж сам прибалдеваю. Непреклонный сталкер утюжит спиной кучки мусора на бетонном полу. В его левой руке отчаянно гавкает «беретта», правая всё ещё удерживает согнутую бумерангом, изуродованную винтовку, не винторез, просто старую СВДшку. Первый сорк, ворвавшийся в ангар, уже прыгнул и летит на моего преследователя, безжалостные ручищи вот-вот разорвут человека на куски. Сколько раз я видел подобную зонную сцену: мутные догоняют жертву, набрасываются, мгновенно раздирают в клочья и разбегаются во все стороны, унося добытое...

Мои девятимиллиметровые «варяги» мгновенно оживают и выпускают короткие очереди. У меня традиционно, после незабвенных «скорпионов», вспомогательное вооружение обычно крутое, по огневой мощи фактически на уровне иных «первичек».

Башка твари взрывается — все выстрелы попадают в цель. Уже мёртвое тело шмякается на моего упорного преследователя, и он издаёт утробный «ык», масса-то на него обрушилась нелёгенькая. Ещё два сорка, проскочив мимо кучи малы, атакуют, прыгнув в моём направлении. Только мои ноги касаются пола, я тоже прыгаю навстречу, под них. Крутясь винтом, снизу щедро одариваю мутных свинцом. Не убил, но раны поубавят им

прыти. Твари падают, заваливаются на бока, но тут же вскакивают и вновь атакуют. Два магазина, до последнего патрона, выпускаю по ним в упор.

Тела снарков бьются в предсмертных судорогах, поднимая тучи пыли. Среди всей этой возни я отчётливо распознаю звонкие щелчки. «Беретта» доходяги-сталкера торчит из-под трупа первого снарка, её ствол направлен на меня. Указательный палец засранца отчаянно дёргает триггер, курок щёлкает в такт, ему по фигу, что обойма пуста.

— Ах ты, козёл! — ору.

В два прыжка оказываюсь возле него и со всего маху бью стволом чуть выше кисти. Сталкер тоненько вскрикивает, «беретта» падает на пол. В моей голове мелькает смутная мыслишка. Что-то в этом вскрике меня настораживает, но вой за спиной вынуждает забыть, что именно. Рывком разворачиваюсь. В ангар один за другим медленно просачиваются слепые псы.

Скинув тело снарка с неугомонного мстителя, я на всякий случай придавливаю неблагодарному сучонку горло тяжёлой подошвой бота, недвусмысленно давая понять, что сломаю шею на хрен, если что. Его руки, пытаясь ослабить давление, вцепляются в мою ногу.

Магазины моих «варягов» пусты. Совсем не желая выпендриться, просто вынужденно, я исполняю трюк из своего личного арсенала. Хрена с два его кто-то повторит, не обладая моими способностями.

Фиксаторы клацают, пустые магазины выпадают на пол. Подбрасываю оба пистолет-пулемёта в воздух строго вертикально, выхватываю из специальных карманов полные магазины, подставляю, и полые рукояти падающих «варягов» насаживаются прямо на них. Истинный секрет успеха не в том, что я всё это жонглирование способен проделать действительно быстро. Он в том, что в мои ладони оружие приходит рукоятями чётко вниз.

Клац, клац. Есть перезарядка! Мгновенно перехватываю оружие поудобнее и методично отстреливаю бегущих на меня псов. Наполняет меня вселенское умиротворение, и это есть более чем хорошо. В таком состоянии я всегда стреляю по принципу: «один выстрел — один труп». Короче, все умерли.

При этом не отступаю ни на шаг. Этому засранцу, подо мной, только дай волю, ещё пырнёт меня ножиком. Отстрелявшись, убираю подошву с его горла. Полуприседаю, одновременно замахиваясь стволом, чтобы от всей души треснуть по неблагодарной репе, в предвкушении расправы придавливаю коленом к бетону его грудь... женскую грудь?! Твою душу! Внутри, в моей собственной груди, холодеет. Высверкивает ассоциация с образом нежного и хрупкого создания. И меня едва не уделало это хрупкое...

Один «варяг» сую в кобуру и освободившейся рукой срываю маску, что скрыла её лицо. Рвётся и стяжка капюшона, из-под которого вслушивается короткое каре каштановых волос. Девичьи губы крепко стиснуты, огромные красивые глаза гневно сверкают от бессилия. Чуть вздёрнутый носик шумно и жадно втягивает воздух. Перестарался я, ботинком-то...

Вдруг красавица обмякает, обречённо отворачивает голову и расслабляет тело. Сдалась, что ли? На милость победы...

— Тише-тише, милая. — Я снимаю свою маску, чтобы она увидела мои глаза и поняла, что ей пока не грозит ничего ужасного, и наклоняюсь над ней.

Девушка совершенно неожиданно тянется ко мне и... целует меня в губы. Я в буквальном смысле цепенею! Совершенно не ясно, что бы это знач... А мерзавка, воспользовавшись моим ступором, отталкивает меня, перекачивается, разворачивается на спине, как танцор брейка, вскидывает ноги и сдвоенным ударом поражает мой пах!!

Искры натурально сыплются, почему-то из глаз, но, преодолев жуткую боль, я не даю ей ускользнуть. На полусогнутых бросаюсь вдогонку и без церемоний вырубаю. Прямо по затылку рукоятью второго «варяга», что остался в руке.

Вот гадина! А мне ещё тащить её до лагеря на собственном горбу.

Перетерпев новую боль, я смотрю на упорную снайпершу и пытаюсь припомнить, где же я всё-таки видел эти черты лица, неуловимо знакомые. Кого-то мне сильно напоминает

эта девушка, готов поклясться... с виду ей лет двадцать пять... но смутное воспоминание, кажется, относится к женщине... более взрослой?

Точно! Вспомнил. Она!!! Шутка ли, встретить живую Шутку! Но это она. Фото её, припиленное к стене кабака «Лихорадка» в Старом Баре, мне показывал мой незабвенный первый учитель. Без шуток, легендарная Шутка! Его собственная первая зонная проводница и напарница. Значит, в каком-то смысле — и моя... Абсолютно правильно почуялось мне, нельзя её было убивать выстрелом издалека. Чьих угодно советов можно не слушаться, но только не собственной зонной чуйки! Настоящие-то мы именно там, в подсознании.

— Эп-пическая сила! — в сердцах чуть ли не руками по-бабы всплеснул я. — А ежели б ты сегодня подохла, голубушка?!

С невольным ощущением, что добыл самый ценный и желанный хабар, беру её нетяжёлое тельце на руки.

Так и донёс до намеченного пункта, поглядывая на её лицо. Теперь я понимаю, почему учитель не сумел позабыть свою любимую. Да и я не скоро перестану вспоминать девушку, которая мне продырявила задницу и врезала по яйцам. Ничего не скажешь, энергии не занимать этой девчонке, которой выпадет судьба первой из людей услышать прямое обращение Зоны к человеку и разобраться, понять, что же именно было услышано.

Но первым делом необходимо постараться не вспоминать терпко-пряный вкус губ, который нечаянно довелось изведать. Хотя это не имеет особого смысла, забуду я его прямо сейчас или чуть погодя. Всё равно ведь этот инцидент останется в памяти Зоны. Если он случился, значит, обязательно будет одной из частиц её воспоминаний.

Я-то уж точно — мужчина, которому не удастся что-либо скрыть от своей любимой.

Улыбаюсь. Спираль бытия, однако. Насколько я помню, когда-то приступ ревности Зоны именно к этой женщине отправил кое-кого на годовичные «каникулы поневоле». Одного сталкера-старожила под зад пинком вытурило из сердца Зоны, и ему пришлось «загорать» на льду самого что ни на есть Южного полюса.

2

Худощавому, жилистому, компактно сложенному сталкеру не составило труда попасть внутрь, и теперь он устраивался на ночлег в недрах бывшей многоэтажки. Это строение с виду было совершеннейшей руиной, однако знающий человек вновь отыскал лаз, что уводил под грудой кирпичей и прочих стройматериалов. Обрушившись, дом завалил военный грузовик, стоявший рядом с ним. Но каким-то чудом не расплющил машину в блин, и внутри кунга образовалась уютная нора, которую сталкер со временем обжил. Обрушение произошло прямо на его глазах, несколькими годами раньше, поэтому он и знал об укромной «нычке».

Мрак, наполняющий убежище, с трудом отступал под несильным свечением фонарика. Штрих достал из железного ящика заветную бутылку медовой с перцем, припрятанную им в кунге. Собственно, по этой причине он сюда и пробирался ночевать.

— Сегодня можно! — сказал включённому рекордеру. — Мой поджопник, исподтишка нанесённый Другому, а значит, и его госпоже-хозяйке, на поверку обернулся серьёзной победой над ними. Я поддался порыву чувств, пожертвовал суперовским артефактом и спас жизнь проводнику, а парень-то, выживший благодаря моим стараниям, со временем превратился... Хе-хе, кто бы мог подумать, что я окажу такую крупную услугу моим прошлым... гм... и будущим коллегам! Если бы у клана ловчих желаний имелись награды за вклад в общее дело, то мне полагается высший орден, без дураков. Ну ладно, хорошая украинская горилочка равноценна... А здесь и сейчас — вообще бесценна!

Он осторожно раскупорил бутылку и аккуратно налил себе в кружку пятьдесят граммов, не больше. Сразу же закупорил ёмкость. Привычка экономить ресурсы уже въелась в натуру, и повторять Штрих не собирался. Лелея надежду, что победа не последняя и поводы налить стопочку ещё не раз случатся.

— Ну, будь жив, гляди не помри ненароком. За твой категорический успех, межвременной бродяга! — пожелал он себе и с удовольствием, смакуя, употребил.

Блаженное тепло мягко опустилось по пищеводу и разлилось по животу. В этот момент сталкер заметил, что не выключил рекордер вопреки обыкновению.

— Что ж, это знак, продолжу, хотя пока не собирался разглагольствовать... Помнится, я предложил кардинальное решение проблемы Зоны. Всех отсюда повыгонять и наглухо закупорить Чёрный Край. Незабвенный наставник ответил, что это невозможно, бессмысленно и вредоносно. Для подавляющего большинства обитателей аномальная реальность как наркотик, и за Периметром у них наступит ломка. Зона крепко-накрепко привязывает к себе, и людей, лишённых её атмосферы, останется разве что перестрелять, чтоб не мучились. Но главное не это. Даже если здесь не останется ни одного человека и военные всей Земли каким-то чудом уничтожат всех до единого живых и мёртвых мутантов, влияние Зоны никуда не денется. Она протянула свои невидимые щупальца через пространство — воду, воздух, землю и, возможно, сквозь время. Она всё равно доберётся рано или поздно до каждого из живых и мёртвых. Удалить её, вырезать из планеты ни человечество, ни сама Земля пока не способны. Каким-то способом непроницаемо закапсулировать — тоже не получится. И вообще будет несравнимо хуже, если оставить её в гордом одиночестве. Бойкот ни к чему хорошему не приведёт. Она слишком недоступна для прямого контроля и слишком сильна для эффективного противостояния ей. Вот поэтому ловчие и пытались устанавливать с Зоной дружеские контакты. Стремились воспитывать своим примером, учить хорошему в своём понимании. Довоспитывались, ёлы-палы!

Штрих замолчал, пристально посмотрел на бутылку. Удержался от соблазна, тяжело вздохнул и спрятал водку обратно в ящик.

— Так вот, — добавил бывший Вася-Гробокон, — потом Луч, насколько я понял, вдруг почувал, что ему пора уходить в Предзонье. Не он один, многие почували. Им показалось, что именно там что-то назревает, и дальнейшая судьба мира больше не решается в центре Зоны. Случился Исход. Они пошли смотреть, чем же станет окружающий Зону хаос, когда начнёт упорядочиваться. Ловчие начали уходить первыми, им по роду занятий положено участвовать в главных зонных событиях. Но Зона их обманула, я так думаю. Поманила ложным следом, увела, а сама что-то вытворила. В том самом пятьдесят шестом году, выше которого я не могу проникнуть. Что же творится там, за туманной завесой будущего? Неужели она снова выросла, распространилась на всю Землю, и весь мир теперь аномальный?.. И во что превратились люди? Все стали монстрами? Или наоборот, там уже мутанты считаются нормальными... э-э... человеческими существами? Выходит, она сама решила проблему. Сначала всех повыгоняла вон, а потом... зар-ра-аза, что же происходит в этом долбаном потом, куда мне никак не проникнуть?!

Бывший чёрный археолог, некогда заподозривший, что тайна происхождения Зоны корнями уходит в прошлое гораздо дальше, чем восемьдесят шестой год двадцатого столетия по григорианскому летосчислению, раздражённо стукнул кулаком по железной боковой полке кунга, на которой сидел. Звук удара бумкнул в норе, отдался глухим эхом, и на миг померещилось, что это откуда-то извне, из-за пределов норы, донёсся отголосок басовитого звона набатного колокола. Того самого, который не прогремел вовремя.

Настроение резко испортилось, как обычно, когда в памяти всплывали свидетельства того, что человечество имеет гнусное обыкновение наступать на одни и те же грабли и раз за разом набивать одинаковые шишки.

Вопрос вопросов — чем же безоглядно живущий, не способный учиться на собственных ошибках род человеческий настолько испугать, чтобы его проняло — и он либо попытался убраться прочь с планеты-колыбели, либо повернулся спиной к тьме, а лицом к свету, — бывший студент истфака Николаевского госуниверситета опять задал себе мысленно. Мысленно же он припомнил слова Луча о том, что Шутка рассказывала о «старом недобром времени», первых годах существования Зоны.

И о том вспомнилось, как несколько десятилетий спустя патриарх ловчих сокрушался, что время нынче вроде поновее, мол, а что изменилось? В человеках по-прежнему не видать

ничего нового. В упор не разглядеть. Ничего не меняется в сути людской, всё по кругу вертится и вертится.

Оставалось подтвердить: воистину так, во веки веков, увы и ах.

Хроносталкер Штрих выключил рекордер и произнёс вслух, но исключительно для себя, не для протокола:

— Если я остался внутри и живой, значит, это зачем-то нужно. У каждого свой крест, главное, дотащить его на вершину, не надорваться по пути. Я, может быть, и не самый крутой из ловчих, зато у меня теперь имеется бесспорное преимущество. Кому, как не мне, пробовать вырваться из замкнутого круга? Право на попытку у человека никому не отобрать, пока он жив. Только сам себя человек может остановить... Но я упрямый тип. Из тех, кого останавливает только старуха с косой и в белом.

3

Она вспомнила этот эпизод своей внутренней жизни. Та погоня, одна из мириада случившихся в Зоне Сталкеров, не канула в пропасти забвения. Конечно, аномальная реальность тогда ещё мало что смыслила в людях и этому столкновению особого значения не придавала. Эти сталкеры в тот момент были для неё лишь двумя существами из тысяч и тысяч... Но ведь можно установить контакт прямо отсюда, из будущего! С помощью верного посланца, который способен пробраться в любую точку пространства в любое мгновение времени.

Как же это соблазнительно, «завербовать» первую из потенциальных собеседников сознательно, целенаправленно. Вовсе не случайно, ненароком, как это и произошло в тот миг, когда сталкерша впервые сумела услышать её... Именно «детский» крик необразумленной Зоны и учует потом Шутка. Первая из людей, сумевшая установить хотя бы ограниченный контакт с нечеловеческим разумом сверхсущности.

Но нет! Нельзя, ни в коем случае. Всё, что относится к ловчим, их появлению, развитию и системным действиям, пусть идёт своим чередом. Как это и произошло. Иначе она рискует собой, такой, какая есть. Может статься, что прозрение не свершится, она не образумится — в том числе благодаря их стараниям! — не будет пытаться раз за разом обрести истинного собеседника. И в итоге — не встретит любимого человека, благодаря которому она такая, какая есть.

«Купировать», рихтовать и корректировать необходимо другие воздействия и другие факторы, для этого ей и необходима активная помощь любимого человека. Поэтому она и вынуждена отправлять его в пекло, каждый раз мучительно дожидаясь возвращения. Чтобы остаться такой, какая есть. Чтобы не забыть, что такое любовь. Чтобы не утратить его, не разлучиться, не сгинуть под сокрушительными ударами нормального мира...

Ведь «самостоятельно» она теперь лишь в собственной памяти может вернуться в то время, когда была мелкой во всех смыслах, ума-разума не набралась и постоянно творила всякие глупости. Да и то — не в любой момент жизни и не в любой уголок себя. Изрешечённая провалами амнезии память может предательски подвести...

По времени в прошлое только он, верный напарник, реально перемещается, она выявила и развила в нём необходимые способности. Поэтому ему и довелось превратиться в полномочного и чрезвычайного посла Зоны к самой себе, но — «прошлой», подростковой, детской и младенческой.

«Своими руками» она что-то может делать только здесь и сейчас, в закапсулированном, остановленном «настоящем времени».

Там, во внешнем мире, где благодаря её фронтальному отступлению исчезло Предзоне и аномальная территория вновь сжалась до размеров Зоны, время катится своим чередом, естественно. За пятьдесят шестым годом наступил пятьдесят седьмой, пятьдесят восьмой... шестидесятый... шестьдесят пятый... снова восемьдесят шестой, две тысячи восемьдесят шесть, она очень на это надеется... Это и будет её покаянием — освободить человечество от смертельной угрозы.

Вот бы ещё и самой уцелеть при этом, не накликав дату собственной смерти...

Да, девяносто шестой. Тысяча девятьсот. Самый досадный и наиболее предательский провал в памяти. Той ночью в глубине зоны отчуждения Чернобыльской атомной электрической станции, уже десять лет как известной всему человечеству, появились существа. Они извне доставили сюда некий фактор. Он и породил исток аномальности. И никакие не инопланетяне, в этом она испытывала необъяснимую, но стойкую уверенность! Земляне самые настоящие.

Только вот им удалось каким-то образом вырыть подкоп под фундамент мироздания и спровоцировать мутацию. Ядерный взрыв всё-таки намного сильнее расшатал структуру нормального пространственно-временного континуума, чем полагали учёные. В результате образовалась та самая точка опоры, которая нужна рычагу, чтобы перевернуть мир. Достаточно было приложить слабенькое усилие, и реальность перевернулась с ног на голову. Не мгновенно, но со знанием дела запущенный процесс стал необратимым. Для этого его и запустили в укромном, труднодоступном уголке. Чтобы никто не прервал, пока ещё можно было.

Ей казалось, что она обо всём этом помнит, что подобное зачатие и зарождение действительно случилось в реальности. Но иногда она вдруг испытывала смутное беспокойство. Ей мерещилось, что всё это таинственное появление существ — лишь плод воображения, и она просто не сумела разобраться в смутном, обрывочном хаосе начала собственных воспоминаний, истока собственной жизни.

Дети-сироты воображают себе вымышленных родителей, и вполне могло стать, что она тоже сделала нечто подобное, не пожелав остаться безродным существом, невесть откуда возникшим... Реально же — действительно произошло так называемое самозарождение. К этой версии в итоге склонились почти все учёные умы человечества.

Кто же были эти существа и что они сделали той ночью? Она не могла вспомнить, к сожалению.

Но как бы там и тогда ни было, Зона родилась и выросла. Всякое случалось в процессе. Одним из наиболее драматических моментов было осознание, что ей никуда отсюда не деться. Переместиться в другую, более гостеприимную точку Вселенной никак не получится. Она-то и есть настоящая пленница, узница нормальной реальности... И надо отвоёвывать право на жизнь. Любыми способами. Не сдаваться.

Она и не сдавалась. И другие живые заплатили дорогую цену за её право жить. Она родилась сильной, и стала многократно сильнее, пока человечество и Земля не принимали её всерьёз.

Да, насколько она помнит, был и такой удивительный период, младенческую Зону ещё не считали ненавистой угрозой. Почти не охраняли, принимали скорее за диковину, экзотическую невидаль, чем за ненавистного, заклятого врага. Этот ранний период своей жизни, кстати, она достаточно подробно отразила в играх, книгах, фильмах, статьях и в прочих информационных пакетах, упрощённых, доступных восприятию человеческим разумом.

Распространению информации она тайком способствовала, когда сообразила, как влиять на остальную территорию планеты, сея повсюду частицы себя, людьми прозванные «артефактами». Она пропагандировала себя и заманивала в себя пищу. Чем больше, тем лучше. Кушать хотелось постоянно, оно и понятно, организм-то рос и развивался.

Что было, то прошло. Чему суждено быть — пока не знает даже она. Но постарается, чтобы в дальнейшем обошлось без массовых жертв. Ей от всей души хотелось, чтобы последними серьёзными жертвами этой войны были жители российской столицы, которым не посчастливилось жить в центральном районе мегаполиса. Самая важная коррекция произошла далеко за её собственными пределами в тот день, когда осуществлялось закрытие и отмежевание. В апреле две тысячи пятьдесят шестого по календарю внешнего мира. Она ставила целью изменение ключевого фактора в отношениях с человечеством, для этого пришлось прибегнуть к радикальным, жестоким мерам.

Но всегда лучше удалить лишнее одним махом, чем отрезать по кусочку.

Программа-минимум — чтобы люди перестали воспринимать Зону в качестве царства смерти, из которого исходит только зло.

Программа-максимум — научиться сосуществовать и даже сотрудничать.

Если, конечно, Земля успокоится и смирится с присутствием инородного тела. Если же нет... Планета ищет и в конце концов вполне может отыскать способ уничтожить аномальность. Выдернуть из себя, как гнилой зуб, выдавить, как гнойный чирей, выжечь, как раковую опухоль...

Вынырнув из волн воспоминаний и зыбучих песков размышлений о возможных вариантах дальнейшей участи, она вернулась в то, что есть.

И обнаружила, что её человеческий аватар стоит рядом с кругом, образованным снежно-белыми лепестками одного из Древосилов. Под сенью дерева сейчас не было подопечной человеческой сущности, и хозяйка сада оглянулась, выискивая взглядом, чей же это круг жизни.

Не разглядела сразу и потому пораскинула умом.

Когда поняла, чьё это дерево, хмыкнула озадаченно. Именно этот Древосил чаще всех прочих в саду не осенял свою подопечную. Его непоседливая напарница лишь изредка вступала под крону и нежилась под дождём лепестков. Всё остальное время эта женщина неумоимо расхаживала по Зоне.

Возникло ощущение, что она не спит, что специально исследует сад, изучает параметры внутренней реальности. Хотя это было не так, конечно, хозяйка сада протестировала состояние разума подопечной. Все люди, кроме любимого мужчины, внутри закапсулированной Зоны находились в состоянии погружения в сон, спасительный для их рассудков и душ.

Но телесная оболочка этой красавицы, кажущейся неспящей, почти не останавливала движение. Единственная из всех людей, оставшихся в Зоне после закрытия, она постоянно норовила убраться подальше от своего Древосила.

При рождении эта женщина получила имя Елена, что означало Светлая.

В Зоне эту легендарную стелкершу обычно звали Шуткой.

Зона иногда называла её Первой Попыткой, но чаще — Достойной Соперницей.

Ух, и ревновала же она когда-то к Шутке мужчину! Этот человек так и не стал ей настоящим любимым, но симпатия к Лучу очень много значила для сверхсущности, познававшей другие разумы. И непреходящее чувство этого стелкера к женщине, с которой Зона его намеренно разлучила и не позволяла встречаться долгие годы, было неоспоримым подтверждением, что любовь — не просто слово.

Несомненно, этот человек тоже сыграл важнейшую роль в развитии взаимопонимания. Первым из людей не только услышал, но и сумел ответить, когда к нему обратились.

И сделал главное — познакомил её с другим мужчиной, который наконец-то оказался способным разговаривать с ней свободно, на равных.

С любимым, благодаря появлению которого она поняла, что настоящему человеку, кроме разума, ещё и душа положена. И отыскала душу в себе, опущенную глубоко-глубоко, придавленную и раньше в упор не замеченную.

Интересно, загадочные существа, если они причастны к зарождению Зоны, вкладывали в неё это свойство? Или душа возникла в результате... никем не предвиденной мутации?

Может быть, оно и к лучшему, что не всё удаётся вспомнить.

Глава одиннадцатая. Любая цена успеха

1

С конца двадцатых годов западный сектор Предзонья традиционно зовётся Диким Западом. На порядок расширив свои владения в марте двадцать шестого, Зона с тех пор будто в резерве держала эти территории. В северной части постоянно и усиленно

проводились разрушительно-созидательные работы по изменению пространства, и там мало кому удавалось выживать. В восточном сегменте, более стабильном пространственно, водилось множество разнообразных короткоживущих мутантов. На южных площадях оазисы стабильности компенсировались фрагментами совершенно хаотической трансформации материи. В отличие от других частей запад представлял собой нечто вроде компромисса.

В этих краях не так уж часто испарялись куски реальности и вместо них появлялись новые. Живность там хотя и присутствовала в немалых количествах, но всё больше мелкая и не самая злобная. На автомобилях и уж тем более на армейской технике вполне можно было пересечь всё Предзонье, от границы собственно Зоны до самого внешнего Периметра, который «замкнутым забором» огородил весь Чёрный Край. Панзеров, мегаслонопотамов, псевдогигантов и прочей многотонной мутности, способной смять бронетранспорт, здесь в массовом количестве обычно не наблюдалось. Чем, собственно, вовсю и пользовались тамошние подразделения интербригадовцев, в большинстве своём составленные из натовских военных. Америкосы и Компания — именно они негласно контролировали эту территорию примерно с начала сороковых годов. А уж эти всегда норовили устроиться покомфортней.

Не наблюдалось, не наблюдалось на западе крупной мутности, да вот понабегало. Сутки уже бегу, не останавливаясь, на ходу справляю мелкую нужду. Не на пределе сил, размеренно перебираю ножками, чтобы не отцепился от меня «кагал» мутантов, за ночь собранный по Зоне. Конечно же, я малость применил свои особые возможности. Могу себе позволить, перед самым-то уходом в Предзонье. Туда, где ловчие не шастают, потому что не их интереса земли. Я притягивал к себе и драконил только «класс» тяжеловесов. Подцепил всех надёжно, как на рыболовные крючки.

На бегу оборачиваюсь иногда и офигеваю, честное слово. С дистанции, выдерживаемой мною, зрелище напоминает миграцию или паническое бегство стада динозавров. Туча пыли до неба вздымается, а позади этой грохочущей толпицы наверняка остаётся след из раскрошенных и утрамбованных преград, попавшихся на пути. Доботно утоптанная многотонными лапами тропа по гладкости поверхности теперь ничем не уступит асфальтовому шоссе.

Здесьняя мутность, почуяв меня, толпами выбегает на запах мяса. Но хилые мутанты Предзонья моментально бросаются врассыпную, стоит им лишь заметить, какая веская причина зонотрясения несётся у меня за спиной. Любое живое или мёртвое, но хотя бы с зачатками примитивной сообразительности, драпает от орды незваных гостей. Тем же и я, в общем, сейчас занят. С аномалиями проблем вообще нет. В Зоне я их все, с моей-то чуйкой, ловко обошёл, а в текущем хаосе Предзонья ничего подобного попросту не имеется в наличии. Оно само по себе нечто вроде сплошной аномалии.

На моём КПК ориентировочная карта местности. В центре маркер, отмечающий моё местонахождение, ни дать ни взять джипизска, ведь сейчас и здесь мой комп ненадолго вплетён в спутниковую сеть белого света. Ясное дело, за рулём джипа сподручнее было бы нестись впереди паровоза, но звук работающего двигателя ещё в Зоне привлёк бы толпы монстров совершенно другого класса. На порядок мельче размерами, но куда умней и страшней. Тогда и смысла в этом коллективном забеге не было бы.

Звуковой сигнал извещает, что до объекта осталось меньше километра. Красная точка — импульс передатчика звеньевого интербригадовцев — быстро приближается. Патруль стражей Периметра едет навстречу. И хоть я самостоятельно учуял гнилое семя за несколько километров, навигацией не брезгую воспользоваться. Пора выходить на насыпь, что протянулась вдоль старой трассы.

Вот, наконец-то выбегаю и сразу вижу транспортный конвой. Пара «хард-хаммеров» со станковыми пулемётами, бронетранспортёр с мощной, многоствольной установкой и тяжёлый армейский грузовик. Такими вот хабарными караванами в страны «дальнего зарубежья» и вывозят контейнера с артефактами. Тоннами гребут. И пусть бы себе везли, янки загребущие, в перспективе им же хуже станет от всех этих подарочков Зоны... Но среди

сотен привычных аномальных образований в этом грузовичке спрятался, мягко выражаясь, ну очень сильно подпорченный фрукт.

Сделал бы морду кирпичом, если б не маска на ней. Нагло, без церемоний, ломлюсь навстречу стражам Периметра, прямо в лоб авангардному. Стрелок на первом «хард-хаммере» аж рот открыл от такой безбашенной наглости сталкера. Успел выпустить в меня одну короткую очередь, не попал, конечно, совсем мимо. Верхушку насыпи шерстят пули, выпущенные другим стрелком, пулемётчиком, когда я уже на полном вперёд, подошвами едва касаясь поверхности, лечу по старому асфальту.

— Йо, мазафака! Уот из факин... — только и успевает исторгнуть привычные слова черноликий капитан.

Я же, вспрыгнув прямо на капот бронированного «хаммера», преспокойно промелькиваю мимо его лоснящейся морды. Бегу по бугристой крыше корпуса и перескакиваю на следующий вездеход. Караван резко тормозит, синхронно, будто по команде. Вояки со штурмовыми винтовками наперевес высыпают из машин. В накалённом воздухе разносятся скупые на разнообразие, однотипные англоязычные ругательства. По БТР и грузовику я скакать не планировал. Включаю форсаж и, пробуксовывая с разгону, мчусь на противоположную сторону насыпи. Как только скрываюсь за её гребнем, англоговорящие интербригадные очухиваются и профилактически обстреливают гребень. В том самом месте, где я прошмыгнул секундой раньше.

Юркаю в сточную канаву, за кучу строительного мусора, неизвестно откуда здесь взявшегося, и накрываюсь «тенью», отвожу взгляд любого существа, имеющего глаза. Как раз вовремя, судя по крикам. Стадо исполинских монстров, ярость которых я разогревал на протяжении всего пути сюда, вылетает на дорогу, сметая насыпь. Что делать разъярённым мутантам, потерявшим ненавистную цель, то есть меня? Естественно, ринуться на других людишек, подвернувшихся под копыта, лапы, ноги, клешни, рога...

Что там творится, страшно даже представлять. Как вспомню сонм злобных багровых гляделок, прошедшей ночью роем летевших за мной... так озноб по спине льдисто продирает. Чисто теоретически у бронеджипов и транспортёра есть шанс прорваться и свалить куда подальше. Но тяжёлый камееон с артефактами уж точно не доберётся до баррикад, окружающих геликоптерные площадки.

Земля дрожит, слитный рёв псевдогигантов и прочих уродов лупит по барабанным перепонкам, и фильтры шумоподавления не спасают. Судя по гулким хлопкам и захлёбывающимся очередям, команда бэтэра решила погеройствовать и не бросила на растерзание товарищей из грузовика. Тем хуже им, разделят незавидную участь. Смерть героична лишь в том случае, если она спасает чьи-то другие жизни, а в данной ситуации — без вариантов.

Стрельба и вопли сотрясают воздух немногим больше минуты. Затем стихают. Слышатся только звуки, издаваемые довольными монстрами, что одержали победу над человеками.

Выждав с полчаса, пока они разбредутся, я поднимаюсь на насыпь. Печальная картина открывается взору. Весь конвой раскурочен и смят. Горючка полыхает, и густые столбы дыма тянутся к небу. В покорёженных корпусах едва угадываются первоначальные формы автомобилей. Больше всего досталось бронетранспортёру. Он выжат как тубик с зубной пастой, и месиво внутренностей машины вперемешку с фрагментированной человеческой плотью повылезало из всех отверстий и щелей в изувеченном корпусе.

Грузовик переломлен пополам, его кузов отброшен от кабины на добрую сотню метров. И на всём этом отрезке старого шоссе, отчего-то не исчезнувшего в хаосе по прихоти нынешней, «злой» Зоны, ещё не поумневшей и не закрывшейся густо рассеяны, разбросаны всевозможные артефакты. Неплохой улов интервьюйки тащили в свои закрома. Но той гадости, ради которой я всё это затеял, среди них не видно.

Я закрываю глаза, концентрируюсь и пытаюсь учуять... Человек-носитель мёртв, а поэтому излучение почти отсутствует. Но вот кольнуло легонько вроде бы, и, определив направление, я устремляюсь к жирно коптящему фургону.

Там, заваленный всевозможным хламом, догорает труп одного из интерстражей. В который раз благодарю дыхательные фильтры — смрад горелого мяса, наверное, стоит такой ядрёный, что, образно говоря, глаза могут повыпадать. Титановую монтировку, что валялась на дороге среди оторванных конечностей, я вставляю между рёбер покойнику и, придавив ботинком тело, вскрываю грудную клетку.

Среди дымящихся внутренностей мерцает красный камень, очень похожий на «кристалл». Только вся та мерзость, которую он может сотворить с людьми, если попадёт в большой мир за Периметр, даже фантасту-постапокалиптику в пьяном бреду не приснится. Этот «выброс зла» в своё время вырвался из небытия совершенно случайно и отправился в свободное плавание по Зоне. Пока не был распознан, то есть добыт из глубин собственной памяти моей напарницей... Допущенную тогда ошибку теперь, спустя столько времени, она сочла необходимым исправить. С моей, конечно, помощью.

Ради того, чтобы не выпустить эту злобную «образину» в белый свет, не жаль загубить и в десять раз больше душ человеческих. Каждая жизнь оборванная здесь, на этой насыпи заплачена за многие тысячи спасённых там, в нормальной реальности.

Держу я этот «бракованный» экземпляр «кристалла», рассматриваю, прежде чем уничтожить... и вдруг чую совсем рядом знакомую эманацию. Кто-то с отчётливым «ароматцем» потенциала выследил меня и вот-вот настигнет.

Хищно оскаливаюсь. Неужели упорный и удачливый ловчий меня всё же достал, вцепился в след и не сорвался? Ну ладно, коллега-охотник, держись, сам напросился. В голову приходит задорная мыслишка, она вызывает желание оставить загадочному преследователю «весточку».

2

— Этот монстр-манипулятор перемещается настолько быстро и непредсказуемо, что я не всегда за ним успеваю, теряю следы и после с трудом нахожу. Хотя это не всегда плохо, я уже понял. Потому что не все мерзости, которые он совершает, мне приходится наблюдать воочию. Может, я и преувеличиваю, но от некоторых его поступков у меня голова идёт кругом, я не могу понять, зачем такое надо было творить! Кое-что просто вызывает недоумение, а бывает, что тянет проблеваться... Последствия его манипуляций, обнаруженные мной в качестве следов пребывания, тоже случаются... те ещё, мягко говоря.

Штрих замолчал, но рекордер выключать не торопился. Говорить об этом не хотелось, да придётся. Слишком важная информация. Поэтому требовалось собраться с мыслями, чтобы долго не трепаться на болезненную тему, исчерпывающе и ёмко изложить суть.

Он обнаружил побоище, когда оно уже кончилось. Опоздал ко времени «икс», однако это было к лучшему, действительно. Вступать с Другим в открытое противостояние ему было категорически нельзя, силы слишком неравны и вряд ли сравняются. Удержаться же от атакующего броска на монстра иногда бывало невероятно тяжело... Появившись в этом отрезке времени и явившись в место, в котором почуял признаки свежего следа, Штрих обзрел кучу трупов интервоенных и невольно заскрежетал зубами от бессильной ярости. Но что он может поделать с аномальным существом, которое мало того что гробило человеческие жизни десятками, так ещё и зонных мутантов было способно крошить пачками, стадами, колоннами, толпами и ордами?!!

Упорный преследователь мог только ждать подходящего случая, когда наконец-то появится возможность внезапно ударить в спину. Вряд ли удастся дважды, поэтому в единственный удар необходимо вложить все наличные силёнки, сколько бы их ни было. Авось удастся пробить защиту.

Не на это ли тонко намекал Другой, оставляя на видном месте этакий подарочек?!

— ...Но главный сюрприз поджидал меня, когда я нашёл рукавицу подручного Зоны. Нет сомнений, это ударный девайс из его экипировки. Любой сталкер что хочешь отдаст за скафандр с функцией многократного усиления мощности, но при этом лёгкий и гибкий, как обычный бронекостюм. Одежда, сравнимая по возможностям с навороченным экзоскелетом!

Только вот поди достань такое чудо... Разве что у самой Зоны попроси, если она захочет, выполнит любое желание.

Хроносталкер сразу понял, что Другой не потерял рукавицу случайно. Он её специально обронил, подкинул для возможного преследователя. Хотя скорее всего это реальный преследователь, Штрих, себя так утешал. Делал последнюю попытку не впустить осознание, что супермонстр уже прекрасно осведомлён.

Другой отлично знает, что за ним кто-то неотступно крадётся. Только, вероятно, пока теряется в догадках, кто и зачем. Оставалось надеяться, что предположение о реальном существовании ещё одного человека, способного перемещаться во времени и пространстве по собственному желанию, кровавому наймиту Зоны в голову взбредёт в самую последнюю очередь.

Но вызов брошен. Тонкий намёк на толстые обстоятельства понят. Перчатка поднята.

3

— Здравствуй, подруга. Ты неси, неси свои волны в иллюзорное будущее, а я пока на бережку постою и выговорюсь. Накопилось, знаешь... Меня всё больше беспокоит одна проблема. Я ощущаю чей-то неослабевающий интерес к действиям моего напарника. Он его тоже почуял, говорит, что давно испытывает ощущение пристального взгляда в затылок. А теперь начал обнаруживать и более материальные признаки чьей-то слежки за собой... Я проанализировала все имеющиеся сведения, покопалась в доступных обработке массивах памяти и вынуждена сделать обескураживающий вывод. Этот упорный интерес к эволюциям и эскападам странного многоликого сталкера, возникающего то там, то тут, исходит из совершенно неизвестного мне источника. Не от каких-либо сил извне меня, не от научных либо военных структур, не от спецслужб людей и не от каких-либо других элементов человечества. Узконаправленное воздействие природных сил на моего напарника также не выявлено. Стихии планеты давят на меня комплексно, наступают по широкому фронту, но за отдельным человечком персонально не гоняются, для них слишком мал масштаб, именно поэтому я с успехом пользуюсь этим фактором неприметности моего верного рыцаря для нижнего врага... В этой связи мне пришлось допустить прискорбную версию, что моего Ланселота я сама же и преследую. Дикая я, того периода жизни, который мы с напарником для краткости именуем Зоной Сталкеров. Что уж греха таить, посылая любимого в рейды и рискуя им, я ведь не развлекаюсь, а воюю сама с собой. Со своим прошлым, с собственной дикостью. Так почему бы не допустить, что прошлое распознало происки и развязало ответную военную операцию? Пока что оно просто следит, любое наступление начинается с разведки... И это объяснение кажется мне вполне вероятным, хотя и достаточно неожиданным. Я отыскала в своих воспоминаниях подтверждения, что следит, следит на самом деле. Они разрозненные, и если не знать, что требуется выявить, ни за что не сопоставить и не увязать в единую систему. Я знала и потому увязала. За напарником по пятам крадётся некто другой, а точнее, третий. Не эмиссар человечества и не орудие природных стихий... И что самое тревожное и озадачивающее, знаешь, подруга? След присутствия этого третьего я идентифицировала в своей памяти в разные годы моей жизни, будто этот следящий с самого начала наблюдал и выпасал моего любимого напарника. Я не знаю, как это расценить. Либо противников много, они передают слежку друг другу по эстафете, либо... этот соглядатай умеет перемещаться во времени и пространстве независимо от моего позволения, по своему желанию. Напарник-то в принципе перемещается моими стараниями. Я внедряю его в своё прошлое и в мгновение ока переношу с места на место. Веду его к цели за ручку, и без меня он не мог бы этого делать. А этот... гм... упорный преследователь... вполне может. Ещё и как может! Если допустить, повторяю, что моего рыцаря преследует один и тот же сталкер. Кто же он, кто? Неужели какой-то мой бывший напарник, которого я теперь совершенно не помню? Человек, подконтрольный мне в прошлом, точнее, подконтрольный мне прошлой, дикой и необузданной. Или он вообще не причастен ко мне в любом из моих состояний и периодов?

Тогда откуда он взялся, спрашивается? Неужели всё-таки не обошлось без происков пресловутых инопланетян... А может быть, я просто ещё не всё знаю о возможностях человеческого разума? Тогда объяснение находится куда ближе, чем кажется, только его суть ускользает от моего понимания.

Глава двенадцатая. Плоды трудов

1

Долго мучишься — обязательно что-нибудь да получится.

Уж кому-кому, а мне есть что и с чем сравнивать. Невооружённым глазом я замечаю прямые следствия моей беготни по разным периодам времени. В Зоне, во всей истории её существования, появились новые личности. Изменились названия. Артефактов, аномалий, даже некоторых группировок. «Животный мир» меняется порой до неузнаваемости; в таком-то году, например, вот эти и эти монстры уже шныряли повсюду, я же помню, а сейчас таких нет и в помине.

Некоторые изменения для меня самого достаточно неожиданны, ведь «селекцией» мутнообразных я начал заниматься недавно. Почему-то раньше заданий подобного рода от напарницы не получал... В результате всех этих запланированных коррекций существует высокая вероятность появления иных способов разрешения некоторых щекотливых проблем. Ключевых моментов и ситуаций в прошлом. В лично моей судьбе и в жизнях тех людей, что могли повлиять на формирование меня. Вначале как сталкера и затем как ловчего желаний.

Верно сказано: «лучше перебдить, чем недобдить». Я должен проконтролировать некоторые моменты, чтобы реальность не «передумала». Если это случится, моя судьба вполне может фатально перевернуться с ног на голову и сложиться совершенно иначе.

Подстраховка в кубе — страховать того, кто страхует тебя самого, ещё «молодого».

Станные ощущения возникают, когда смотришь на себя со стороны. На себя, ещё недостаточно опытного, в чём-то наивного, набитого зонной романтикой и одновременно — настроенного слишком пофигистично, легковесно. Несмотря на то что уже понюхал порошу Зоны и на полном вперёд набирался уверенности в себе. Бр-р-р, аж дрожь пробирает!

А ведь я и тогда был хорош... Вспоминая первые проявления своей «просыпающейся» чуйки и других способностей, могу сравнить эти ощущения с теми, что возникали при первой влюблённости. Забывая обо всём на свете, полностью отдаёшься щемящей и сладкой, губительной напасти, которая словно ведёт тебя, направляет и велит, чем заниматься. Подсказывает, в каком направлении делать следующий шаг. Хотя не даёт никаких гарантий, что земля под ногами не провалится.

Ситуация — проблемней некуда. Но в любом случае главное — не позволить себя обнаружить. Не позволить им обоим, ни тому, ни другому. Пока вроде бы ничего не изменилось. Будущий старший напарник крадётся за мной, молодым, и глаз не сводит с меня-молодого. Посмотрим, как всё пойдёт дальше. Дай Зона, сегодня я просто в экскурсию схожу, прогуляюсь, как по музею, уставленному памятными весточками из моего прошлого.

Используя своё умение оставаться в тени, слежу за ними. Понимаю лишь теперь, настолько тяжело было учителю вести меня. Блин, и зачем он тогда всё настолько усложнил! Могли ведь сразу потолковать, всё равно ведь я его потом раскусил. Ладно, что было, то было, видать, так суждено. Главное, уберечь это хрупкое звено цепочки моей судьбы, ведущей к душе Зоны.

Вызывает улыбку и что-то вроде гордости неподдельное удивление наставника, наблюдающего, как я-молодой очищает себе дорогу. Словно невидимые руки, размахивающие впереди отряда, который я тогда возглавлял, отводят в стороны всяческую муть. Мой незабвенный первый напарник не верит своим глазам, видя, как мы проходим между двумя, тремя, четырьмя аномалиями, расположенными впритык. Даже матёрые

сталкеры так ходить не рискуют. И он сам не исключение. Он вынужденно теряет силы и время, бедняга, кружит и бегаёт в обходы, но всё-таки не упускает отряд, который я веду напролом...

И вот наконец приходит пора вмешаться и мне-взрослому. На горизонте замаячили «Стражи апокалипсиса», ещё те, старые, первые, ещё не уничтоженные. Я-молодой совершенно не помню их в том рейде, а значит, и не должны они появиться. Тройка оболваненных сектантов незаметно для отряда пробирается зарослями, наперерез. Эффект неожиданности, кровавый опыт адептов и превосходство в огневой мощи — дают врагам большие шансы на победу.

Что-то подобное намеревались тогда проверить «независы». Они хотели напасть на отряд новичков, но я-молодой сдвинул «дрожь земли» и нейтрализовал противника. Хорошо, что будущий учитель, сосредоточенный на отслеживании меня-молодого, тогда не засёк меня-взрослого. Да, собственно, он и не смог бы интерпретировать невнятные колебания своей чуйки. Благо, что проявленные им чудеса выдержки позволили ему не открыть огонь в стремлении помочь ребятам. Выдал бы он себя с потрохами...

Нежданно-негаданно возникшие «апокалиптики» тем временем изменяют свои намерения. Отказавшись от схватки с отрядом, пусть и состоящим из «зелёного» молодняка, они выбирают целью одиночку. Как говорится, лучше маленький артефакт в руке, чем большая аномалия в заднице. Чёрт, и как они его сумели заметить, опытного старожилы?! Вероятно, учитель направил все без остатка силы и внимание на то, чтобы не быть обнаруженным мной-молодым...

Я не придумываю ничего нового. Снайперская винтовка с глушителем. Два выстрела, и трое зонных паразитов с раскуроченными башками валяются в грязи. Третий сектант под вторую пулю попал случайно, но я сам себя мысленно хвалю. Типа, всё так и было задумано. Впрочем, хвастаться-то и не перед кем. Проблема решена, ходка продолжается, никто ничего не заметил.

Именно. Важнейшее условие. Чтобы никто и ничего не замечал! Как будто так оно и надо.

Покинув Новый Бар, сборный лагерь для молодняка, я — новичок иду к Старому Бару. Там разыскиваю кабак «Лихорадка», получаю оставленную для меня флэшку и отправляюсь дальше. К месту встречи, указанному на карте. Всё это время не происходит ничего из ряда вон выходящего. Всё идёт по плану.

Хорошо помню ту ходку. Молодой я тогда ломился фактически напрямую, просто забил на правило прокрадываться зигзагами. Помнится, я тогда полностью отдался чуйке, и она, родимая, не подводила. Маршрут получился оптимальней некуда. А вот учитель, сидевший у меня «на хвосте», совершенно запыхался, нарезая круги, огибая опасные и подозрительные места. И если со мной-молодым уже тогда мутанты предпочитали не связываться, чувствуя и опасаясь будущего «короля горы», то к учителю вся окрестная нечисть притягивалась словно магнитом.

Совсем плохо стало, когда путь ему преградили две псевдособаки. Славно пострелял учитель, мне очень понравилось, я всегда был и остаюсь равнодушен к мастерскому владению оружием.

Хорошо, что мой будущий наставник так и не узнал: сразу же после нападения той пары зверюг его чуть было не накрыла целая стая слепых псов.

Я отвлекаю их внимание на себя и увожу в ложбинку, аккуратненько псевдогиганту в объятия. А пёсики и рады, всей сворой накинулись на эту кучу мяса. Много их полегло, мясо умеет за себя постоять, но псы всё-таки возьмут массой.

Учитель сильно отстал, увязнув в потасовке с монстрами. Утомился, дядя, не поспевает уже. Хотя, возможно, я ошибаюсь, сейчас наставник вытрет пот со лба и «врубит» второе дыхание. Но на всякий случай, опередив его, подкидываю чуть ли не ему под ноги «снежинку» и «светляка». Полегче всё-таки будет. И правильно делаю. Старший будто заново рождается после того, как находит артефакты. Быстренько нагоняет меня-молодого.

Воздействие радиации старожилу не повредит, опытный сталкер знает, как его нейтрализовать...

Помню, я-новичок тогда фактически проигнорировал оставленную старшим инфу и наметил маршрут по своему усмотрению. И двинул по нему смелей некуда! Ну совсем уж прямо-ровно. Я-взрослый гляжу на учителя, и жалко человека становится. Это ж как он теперь, на открытой местности, будет маскироваться?! А дальше? Он же рассчитывал на то, что я-молодой воспользуюсь маршрутом, проложенным старшим товарищем и переданным на флэшке. Выполню задание и пойду по удобной для слежки тропе.

Не сложилось, извини, дядя.

Но чего уж там. Справился мой незабвенный наставник, и помогать не пришлось. Он даже умудрялся забегать наперёд, расчищая молодому путь. Всё-таки что ни говори, а был у меня напарник лучший из всех возможных... В общем, быстро и верно он вёл меня-зелёного. Крысой по травке, псевдорыбкой под водой, слепой белкой по деревьям, используя весь свой опыт и навыки. Оберегал, изучал, присматривался к кандидату в наследники.

Воистину мастерски учитель положил подвернувшуюся по пути шайку бандюков, жадных до халявного хабара. И что самое главное — тихо положил. Даже я-нынешний обзавидовался, как славненько у него это получилось. Не часто увидишь настолько виртуозную работу ножом. Но молодой я секунду спустя после того, как был убит последний бандит, что-то почувствовал и обернулся. Помню, я тогда приложился к оптике и заметил остатки мозгов, практически неразличимые на серой поверхности грунтовой жижи. Притом, что самих трупов абсолютно не было видно. Теперь ясно почему. Наставник, несмотря на сложность ситуации, укладывал преследователей в аккурат под кустики. Так, чтобы молодой я, обернувшись, даже в бинокль не засёк тела.

Мне помнится тот момент очень явственно. Не подал я-молодой виду и дальше пошёл, но уже знал, какой такой хвостик увязался за мной, и думал, как бы пообиднее разоблачить коварного «дядю». Мне самому тогда было обидно до умопомрачения. Ужасно неприятно осознать, что тебя водят за нос и держат за пацана. Пацану — особенно неприятно, само собой.

И вот финал всей этой «псевдоходки», организованной ловчим-патриархом для проверки новичка-потенциала. Старожил выпрямляется во весь рост, в бинокль высматривая на каменистой возвышенности потерянную цель, и вдруг... находит её.

«Цель» в упор смотрит на него самого через оптический прицел тяжёлой снайперской винтовки, «баррета» моего, в не меньшей степени незабвенного. Того самого, который позднее вместе со мной стал одной из зонных легенд.

Всё, мне уж точно здесь больше нечего делать. Миссия выполнена.

Луч прекрасно, лучше кого бы то ни было, позаботится о развитии потенциала Несси.

2

— ...мне пришлось побывать участником странного преследования. Я взял след и крался за Другим. Тот, в свою очередь, тоже куда-то прокрадывался, чесал по Зоне, рыскал и лавировал. Коротко говоря, двигался в режиме типичной сталкерской ходки. Для разнообразия — не напролом, как часто делал, а зигзагами. Только артефакты не собирал, да ему они ни к чему. Вот и хорошо, мне больше досталось, по дороге неплохой хабар случился. Мне самому приходится на жизнь зарабатывать, попутно. Меня же некому держать на довольствии, спонсировать, как некоторых других, не буду показывать пальцем... В общем, крался это я за ним и вдруг понял, что он тоже кого-то выслеживал. Кому он сел на хвост, я сразу не засёк, не было возможности разглядеть. Ну, думаю, этот супершатун кого-то сейчас выследит и замочит. И я, как уже не раз бывало, буду просто наблюдать, кусая губы от бессилия. При желании даже имею возможность в память рекордера видеотрек записать, для протокола зафиксировать очередную расправу. Могу, конечно, и пометчать о том, что когда-нибудь дождусь вожака удобного момента и ка-ак вдарю по нему! А потом ещё и контрольным выстрелом закреплю победу... Каково же

было моё изумление, когда я распознал цель Другого! Честно сказать, я даже растерялся в момент, когда обнаружил, что его жертвой является никто иной, как мой незабвенный первый напарник, он же наставник и друг! Ещё одного stalkера я обнаружил позже, вначале мне просто было не до этого. Живой Луч, до боли знакомо бегущий по Зоне, застил моё восприятие, и тот молодой парень ускользнул от внимания. А вот сейчас я всё пытаюсь сообразить, кого мне напомнил этот здоровяк, вооружённый здоровенной винтовкой... Мы с Лучом явно проигрываем габаритами другим участникам странного, как я сказал, многоступенчатого преследования. Да, в свою очередь Луч тоже следил, тоже преследовал. Он выпасал молодого stalkера, хотя убивать не собирался явно, и в ловчие вербовать не спешил. Я бы сказал, что старожил подстраховывал новичка, такое у меня сложилось впечатление... А уж в чём я неожиданно убедился наверняка, так это в том, что Другой тоже подстраховывал! Луча. Он сопровождал патриарха, охранял от напастей. Удивительно, но факт. Шёл за ним не с целью отнять жизнь, а желая уберечь от смерти. Поэтому эффективно убирал все грозившие Лучу опасности. Ещё на подходе, стоило ему их только засечь. И благодарность с занесением в личное дело Другой не стремился получить. Благополучно довёл своих подопечных до финиша и моментально свалил. Я тоже вынужденно почесал за ним вслед, хотя очень хотелось притормозить и ностальгически полюбоваться моим первым зонным учителем. И заодно всё-таки припомнить, что ж это за ценное пополнение, почему тот парень с большущей винтовкой удостоен особого отношения... Очень надеюсь, остальные трое не заметили, что в комбинации имелся четвёртый ходок. Сил у меня далеко не достаточно, чтобы схватиться с самой Зоной и супершатуном, проводником её воли. Но уж что я умею без дураков, так это прятаться и маскироваться. Не то слово! Супермастак. Хочешь жить — умей растворяться в атмосфере... Ага-а! Я наконец вспомнил, кого мне напомнил этот молодой бродяга! Если не ошибаюсь, собственной персоной юный ловчий, подававший фантастические надежды. Ничего себе. Вот это действительно многоходовка так многоходовка. Неужели до такой степени важной персоной окажется этот питерский увалень, прославившийся на всю Зону своей чудовищной снайперкой и нестандартным словосочетанием удивления, прочно вошедшим в зонный слэнг... Самый что ни на есть Несси!

3

— Рассказать тебе анекдот? — Именно этим вопросом она встретила напарника, когда он выскочил из портала межвременного перехода и во всей героической красе предстал перед нею.

— А то я его не знал, блин, — проворчал мужчина, срывая шлем и властно привлекая к себе женщину. — Наблюдение за наблюдателем по прейскуранту стоит дороже всего.

Она улыбнулась, хотела продолжить, но не смогла. Целоваться и одновременно внятно разговаривать человек физиологически не способен. Тут уж надо выбирать: или — или. Она, понятное дело, выбрала первое.

...Утром их разбудил солнечный луч, пробившийся в просвет между шторами. Когда любимый находился дома, на побывке, она всегда имитировала смену дня и ночи. Чтобы — всё как у людей.

Кофе в постель на этот раз подал мужчина. Точнее, не кофе, а зелёный чай с жасмином, но это частности. Ему нравилось ухаживать за ней, заботиться и баловать. Хотя любой материальный объект в этом домике мог возникнуть даже не по мановению его руки или какой-нибудь волшебной палочки, входящей в комплект вооружения реального супермена, а в буквальном смысле по желанию. Поэтому только так, обычными хлопотами мужчины для своей женщины, он мог выразить ей свою любовь.

Целомудренно держась за руки, расслабив тела, они лежали рядышком на плетёной циновке, крытой простой хлопчатобумажной тканью, и беседовали. Наслаждались роскошью человеческого общения... Течение разговора неизбежно свернуло в русло темы дальнейшей деятельности. Увы, не вспоминать об этом они не могли себе позволить даже в постели.

Вот и пытались на пару сообразить, что он такое, этот неведомый преследователь, откуда взялся и в чём его цель.

— А ты в курсе, что ещё один наблюдатель наблюдал за наблюдающим наблюдателя? — совсем роскошно выразилась женщина. Именно после этого вопроса разговор и повернул в неизведанную протоку бередящей темы.

— Опять он? Нет, я не почуял. Хотя не до него было, я специально не сканировал... Молодец, повысил степень скрытности. И встретиться лицом к лицу явно не торопится.

— Любимый, томясь в ожидании твоего возвращения, я тут кое-что сопоставила. Помнится, был такой сталкер, до прихода в меня подвизался в чёрных археологах. Ловчий желаний по прозвищу Гробокон. Опытный такой мужичок, ушлый, уже не молодой. Он очень настойчиво домогался ответа на вопрос о моём происхождении. Образовалась у человека всепоглощающая идея-фикс, ну историк ведь, ясное дело, эти всегда норовят докопаться до самых древних могил... Кроме всего прочего, у него случились какие-то неприятности в профессиональной среде, коллеги-гробоконатели за что-то держали зуб. Поэтому, чтобы вернуться на большую землю, ему требовалось поменять внешность, а в Зону периода дикости, сам помнишь, с какими только целями люди не заявлялись! Этот Гробокон собирался поменять внешность и вернуться обратно, он верил, что следует искать ответ в архивах человечества.

— И что?

— Я предположила, вдруг это он? В моей памяти нет сведений, что этот сталкер успел покинуть пределы меня. И нет сведений, что остался. Здесь, в моём саду, его точно нет. Конечно, я могла пропустить факт ухода отдельного человека, память у меня обширная, мягко говоря, ну ты сам знаешь. Я ещё покопаюсь, хотя вряд ли... Ладно, предположение любопытное, но скорей всего натянутое. В твоём преследователе я не ощущаю знакомой волны...

— Погоди, погоди, а может, дядя не только внешнюю личину поменял? Каким-то образом внутренне изменился...

— Горький жизненный опыт меня убеждает, что всякое может случиться. Но в любом случае, если это один и тот же человек, где и как он обрёл способности, сопоставимые с твоими? Я не дарила этому сталкеру ничего подобного.

— Ты и мне не дарила, я с собой принёс, — проворчал мужчина.

Она улыбнулась, но промолчала. В каком-то уголке души мужчины всегда остаются мальчишками и гордятся собственной крутизной. Не стоит напоминать, что расцвести пышным цветом такие природные способности могли только в аномальной среде обитания. Любимый и сам прекрасно знает, что с самого момента зачатия был предназначен ей, и только ей. Судьбоносные даты рождений его родителей, апрельские ночи восемьдесят шестого и девяносто шестого, установлены доподлинно, и напарник примирился с фактом, что «независимый игрок» Несси изначально был не так уж независим.

Впрочем, о какой независимости речь, когда они все повязаны родством высшего порядка! Первая Попытка в своё время образно выразилась, что у тех, кто способен слышать Зону, кровь одной группы с ней. Именно поэтому, по-родственному, они и должны стараться взломать программу разрушения мира, заложенную в неё создателями. Если всё-таки те выродки человечества — не плод детского воображения, выросший на почве одиночества, щедро политый слезами сиротской горечи.

Воспоминания о словах Шутки промелькнули очень в тему, однако она не напонила их Несси. Также не сочла нужным вслух поделиться тревогой во всей полноте, напарнику и без того тяжелей некуда.

Признаки преследования любимый приносил из прошлого на себе, так сказать. «Отпечатки» прикосновений взгляда. Уж больно жгучего. Без этих едва уловимых энергетических отметин она даже не узнала бы о существовании загадочного прилипалы.

Спрашивается, как этому проныре удалось ускользнуть от взгляда Госпожи Аномальности и не оставлять следов в её памяти? Как ни копалась она в себе — не нарыла прямых следов. Ужасно не хотелось объяснять это версией, что все фрагменты

воспоминаний об этой сущности угодили в провалы. Для этого пришлось бы предположить, что «отпечатки волны» вычищалась умышленно.

КЕМ???

Само по себе это предположение становилось наиболее жутким из всех возможных и невозможных. По уровню жуткости с ним могла сравниться только версия, что незримый охотник не просто отслеживает её незаменимого бесценного напарника, но и каким-то образом прямо воздействует на него. Как минимум способен вогнать в изнуряющую тоску или придержать за шиворот в момент, когда жизненно необходимо удирать изо всех сил.

Глава тринадцатая. Практический дарвинизм

1

В рейд по Дикой территории на этот раз я беру напарника. Попутчик исключительно немногословный, что немаловажно. Нет, это не сталкер Немой, который примерно в этих же годах жизни Зоны прославился среди барыг своей молчаливостью и абсолютным успехом исполнения любой миссии, за которую брался. Мой нынешний напарник — даже не человек.

Ростик, брат Карины, топает справа от меня. Экземпляр, на порядок превосходящий своих «природных» собратьев. Он, как и Карина, появился в поздний период, фактически перед самой датой закрытия Зоны, и не успел реализовать себя как доминирующий вид. Усиленные мышцы, укрупнившийся размер, агрессия, зачатки интеллекта, возможность ментального общения, более прочная шкура — всё это давало ему существенное преимущество перед остальными образчиками его вида. Конечно, шкура Ростика не покрыта роговой чешуёй, как у его сестры, но всё же по свойствам не уступает лучшим армейским бронежилетам.

Имеется ещё одна отличительная особенность — наличие доминирующего гена, который влияет на количество щенят в помёте. Ежели Ростислав «подомнёт» под себя всех самок Дикой территории, то у следующего поколения в помёте будет всего по одному щенку, зато какому! Так сказать, перевод количества в качество. И мне требуется ему в этом всячески посодействовать.

«Ствол» в эту ходку беру эксклюзивный не только для данного периода, но и весьма любопытный даже для моих современников. Неясно мне, каким образом такие же энергоёмкие лучевики обманули эволюционное развитие и встали на вооружение раньше этих устройств. Ведь эти конструкции более экономны и не менее, а в некоторых ситуациях и куда более эффективны!

Гаусс-ружьё. ИМА-51, один из первых армейских вариантов, принятых на вооружение в России, неспешно вытеснял своих прожорливых конкурентов. Ещё бы! Используемый для питания энергопакет один и тот же, но если лучевик выедает его за три-четыре долгих мощных импульса, то ИМАшке хватает на сотню не менее эффективных выбросов смерти. Естественно, добавилась куча боеприпасов, и все эти иглы и шарики надо таскать с собой, но из-за необходимости оснащать лучевые и плазменные энерганы громоздкими охладителями — ничья, счёт один-один. Зато электромагнитный аппарат настолько универсален, что кажется, был создан специально для Зоны, не удивлюсь, если что-то подобное сотворят и зонные умельцы. Четыре слота под магазины позволяют стрелять из одного и того же ствола разными боеприпасами. Вот и сейчас у меня под каналом электромагнитного ускорителя торчат продолговатые коробки магазинов. Две из них напрессованы похожими на патроны цилиндриками ампул с транквилизатором, а две — композитными стержнями, спаянными из мелких игл.

Ампулки, ясное дело, предназначены для самок, а стержни, соответственно, для их дружков. Чумовую, конечно, разновидность игл я взял на вооружение. Как только стальной подарочек входит в тело, спаянные иглы раскрываются лилией и рвут плоть в клочья. И если учесть, что скорость выхода иглы регулируется в широком диапазоне и на пике достигает

скорости, которая и не снится любому огнестрельному оружию, — убийность системы вне конкуренции.

Пальцы правой руки лежат на переключателях подачи боеприпасов. Только бы в спешке не перепутать.

Рейд протекает удачно во всех смыслах. В этих годах из-за роскошного изобилия мутантов сталкеры практически не хаживали. За последние три часа ходки я ни разу не вмешался в «естественный» отбор — Ростик порвал всех конкурентов без напряжения. Вот только что загрыз троих самцов.

Ясный пенёк, что для большинства ходоков разница самец-самка в отношении псевдособак попросту отсутствует. И напрасно. Они себя ведут по-разному, и эту разницу можно использовать в своих целях. Но подобные тонкие вмешательства в процесс отбора — высший пилотаж, как и то, что я безошибочно чую, кто есть кто...

За очередным холмом нас поджидает сюрприз. Только-только мой напарник разделяется с матёрым псевдопсом, как из скрытого в кустарнике логова вылетает разъярённая самка огромного размера и яростно накидывается на Ростислава. Я тревожно слежу за мельтешением их тел и беспомощно повожу «стволом».

Выцелить взбесившуюся дамочку нереально, красная точка целеуказателя хаотически прыгает по обеим псевдособакам. А Ростик, падла, как истинный джентльмен не убивает леди. И когда я уже решаюсь пальнуть наудачу, он, улавливая моё намерение, хватается за сучку зубами и отшвыривает в сторону. Там она и остаётся с тремя ампулами успокоительного в брюхе, хотя в данном случае я уже готов был завалить строптивницу насмерть. Но вовремя передумываю. И правильно. Пока я обследую логово, спрятанное в кустах, мой славный напарник всё смотрит и смотрит на спящую самочку. Да уж. Любви все мутности покорны!

Причина ярости этой особи — самая естественная из всех возможных. В неглубокой норе, больше похожей на яму, тихонько притаились шестеро малюсеньких псевдощенят. В уродливых зверюг они вырастут потом, а сейчас комочки грязно-коричневого меха вытаскивают из депозита давно забытых чувств умиление. И оно ничем не отличается от чувств, возникающих при созерцании маленьких котят... Смотрю я, смотрю, а налюбовавшись, глубоко вздыхаю и выгребая их из ямы.

— Извиняйте, пушистики, но срок вашего подвига истёк, — говорю я им честно, как будто они меня способны понять.

На секунду призадумываюсь, как безболезненно их убить, шеи переломать руками или острым лезвием ножа горлышки вскрывать? Останавливаюсь на первом варианте и навсегда обрываю их едва слышное поскуливание.

А Ростик времени зря не теряет, он уже начал осеменять первую жену своего будущего огромного гарема.

Очередная миссия «естественного» отбора только начинается, и рейд на Дикую территорию — лишь один из шагов в суетливых движениях моих ближайших недель. Отдельные часы которых будут календарно разделены между собой годами и годами периодов существования аномальной реальности. Ух, до чего же нелёгкое это занятие — рыскать по пространству и времени...

Селекция — занятие ответственное. Организовать мутагенные совпадения, чтобы получился мутант нужных параметров, не так-то просто. Необходимо, чтобы совпали определённые факторы. Я, конечно, сам по себе отнюдь не Зона эпохи сталкеров. Масштабные явления новых монстров не по моим силёнкам, но и я кое-чего могу. Особенно когда вооружён точными указаниями, когда, что, где, с кем и каким образом.

Информация — оружие не менее страшное и универсальное, чем электромагнитный гаусс. Который при необходимости любым штырём или гвоздём, да хоть гайками или болтами, можно зарядить.

2

— Ох, до чего тяжёлая это работа, из болота тащить бегемота...

Мутанты окружили башню плотным кольцом и совершенно не собирались убираться восвояси несолоно хлебавши. Что их науськало, кто им скомандовал «Фас!», Штрих пока даже не пытался сообразить. Всему своё время. Главное, чтобы оно вообще осталось — время соображать. Только бы не лишиться единственной неоспоримой ценности, имеющейся у человека, — времени жизни.

Он залёг на крыше водонапорной башни и прикидывал, какой срок понадобится тварям, чтобы перестать грызться между собой и полезть вверх, по его тело и душу. Что вся эта разномастная орда собралась здесь из-за него, хроносталкер не сомневался. Иной причины просто не существовало. Монстры разных видов не жалуют друг друга. Хотя, по большому счёту, не особо-то они жалуют и подобных себе. В Зоне каждая тварь выживает в одиночку, даже стайные мутанты в любой подходящий момент норовят хапнуть ближнего.

Рекордер бездействовал. Последняя батарейка иссякла. Насущная необходимость — добыть новую. Но для этого надо спуститься вниз, разбежаться и перейти в любой другой час. Выжить, чтобы записывать... В этот момент ничего более важного для него уже не существовало. Возможность продолжить запись превратилась в символ победы над чернотой смерти.

— А ведь набрать скорость для перехода можно и другим способом, — по привычке думал вслух Штрих, выглядывая за край водяного бака и прищуренным взглядом оценивая дистанцию. — Гравитация пособит. Разбежаться по верхней площадке, сколько хватит длины, и сигануть... Успею ли настроиться за секунду полёта?

Но разве в перечне вариантов дальнейших событий был другой выход, оставляющий хотя бы шанс на успех?

Кто не рискует, тому не дожить до первого найденного и проданного артефакта. Тот не сталкер, короче. Где наша не пропадала! Наша пропадала везде.

Проржавевший листовой металл гулко загрохотал под ударами рифлёных подошв тяжёлых сапог бегущего человека...

ЖИВОЙ.

Успел.

Судя по возникшему ощущению даты, Штрих переместился в Зону периода этак начала сороковых. Он перевёл дух, выразился в адрес монстров кратко и абсолютно нецензурно. Прокрадываясь к одному из своих схронов, очень надеялся, что не встретит по дороге химерическую ворону или утокоящера, например. Зря, что ли, старался, тайком метался за Другим, препятствуя сводничеству, по возможности сводя на нет результаты направленной селекции! Своевременно уничтожал родоначальников, от которых впоследствии могли возникнуть такие веточки мутаций, что привычные псевдопсы показались бы ласковыми щенками.

В результате предпринятых мер, благодаря его посильным стараниям, некоторые монстры так и не появятся в Зоне. Он действительно способен влиять на происходящее. Результаты вполне реальны. В том, что сойдут на нет все факторы, способствующие появлению так называемых «пространственных пузырей» он уже убедился воочию, тщательно протестировав доступный период будущего. И кошмарные «газовщики», изрыгающие струи вонючего пламени попеременно с рычанием и матерщиной, больше не появятся в руинах бывших населённых пунктов...

Вообще, несмотря на царящий в Зоне любого года биологический и энергетический беспредел, вывод напрашивался в каком-то смысле похвальный для человечества. Тупая сила не помогала выживать. Существо, у которого сила мысли главнее мускульной, по-любому шансов на победу имело больше. Поэтому и доминировали те мутанты, которые вели происхождение от особей человеческого биовида.

Собственно, и сама она, аномальная часть мироздания, происходит от человека. Так или иначе. Во всяком случае, научилась всякому-разному и переняла множество свойств. Если кто-то сумеет вытащить Зону из мрачного болота черноты — славнейшего героя в истории человечества не сыскать! Геракл нервно закурит в углу. Или чем там они нервишки успокаивали, эти древние греки. Хлестали винцо, разбавленное водой, бедолаги...

И первейшим подвигом героя нового времени в обязательном порядке должно быть искоренение Другого. Этот злобный выродок точно Зону ничему хорошему не научит. Не зря же она его рекрутировала и сделала своей правой рукой. В любимчики Госпожи просто так, по слепому случаю, разве попадают?..

Штриха мучила безответная загадка. По какой причине Другой, смертоносный безжалостный посланец, тщательно страховал Луча в той многоходовке? Какую ужасную участь приберёт наймит Зоны для патриарха ловчих?! Причастен ли этот супершатун каким-то образом к страшному огненному сновидению о вертолёте президента и двух людях в его салоне?..

3

Она не находила себе места. Раздражённо нарезала круги по саду, рассекала травяные волны, даже натыкалась на кусты и деревья и не знала, что делать. Продолжить раздражаться, начинать злиться или всё-таки иронично разухмыляться... Ведь смеётся не тот, кто смеётся последним, а тот, кто способен смеяться над собой. Самое то. Впору.

Какой-то неуловимый мститель беспардонно вмешался в материализацию её жизненных планов! Она же не имеет возможности даже попытаться ухватить и прихлопнуть неожиданного противника. Нет у неё подходящих средств — сейчас и здесь. Ведь он шастает там, в прошлой Зоне, неподвластен прямому влиянию из закапсулированного мгновения будущего и самостоятельно скользит по тем временам, то есть в мрачных глубинах её памяти. При этом, гад такой, ухитряется не оставлять следов в тех участках памяти, что доступны воспоминанию!

Таким образом, схватить его способен разве что Несси, но дать напарнику точные координаты цели она отсюда не в состоянии. А там... Там для этого ему придётся раскрыться, сбросить маску и вступать в переговоры с нею дикой, необразумленной, а это само по себе хуже некуда. Это не просто нарушит планы, а заложит под них фугасную мину.

Но решать проблемы, встающие во весь рост, жизненно необходимо. Эта напасть — из таких, поднявшихся на дыбы. Стало быть, напарнику суждено справиться с новоявленным фактором угрозы, рассчитывая только на самого себя.

И эта воистину одиночная миссия может оказаться наиболее трудновыполнимой из всех, что он уже прошёл в процессе обороны человечества от Чёрной Зоны. После неё Несси уж точно по праву может считать себя настоящим мессией... хотя уж скорее Нессия. Он преподнесёт мир человечеству. Которое ни разу не заслужило спасения «на блюде с голубой каёмочкой», но это уже совершенно другая тема.

В эту минуту она вдруг припомнила своих «первых учителей». Дозонных жителей отчуждённой территории. Из её памяти они не выветрились в отличие от памяти человечества, которое предпочло позабыть об этих изгоях. «Большая земля» не замечала возвратных поселенцев, что вернулись в отчуждёнку ЧАЭС, в свои брошенные поселения, превратившиеся в некрополи. Никого особо не трогало, что с ними творится... Обособленные «хуторяне» и были первыми кандидатами в жертвы мутаций. А в порядке межкультурного обмена отплатили Зоне по полной программе, наполнив её нарождающийся разум желчной горечью заброшенности, жгучей болью одиночества и разъедающей кислотой ненависти ко всем другим существам и сущностям...

— Насколько я помню и понимаю себя, — сказала она волнам реки, к берегу которой прибрела, чтобы хоть как-то забыться, отстраниться от разливающегося в душе ледящего холода, — с огромной долей вероятности вполне могло стать и так, что Чернота распознала этого упорного мстителя. Дикая каким-то образом реагировала на его присутствие, но сочла нужным удалить из памяти всю информацию об этом. Добившись некоего результата, стёрла все свои наблюдения за ним и следы возможного взаимодействия с ним. Чтобы грядущее не знало о происках минувшего.

Если я, так сказать, просветлённая Зона будущего, яростно борюсь с самой собой, дикой и тёмной, то почему бы не предположить, что прошлое точно так же способно

противостоять дальнейшей участи, наступления которой не желает. От кого угодно убежать можно, даже от любимого человека, но куда деваться от себя самой? «Свет в конце туннеля может оказаться огнями приближающегося поезда...» — очень подходящее высказывание, тебе не кажется, подруга?

Понимаешь, однозначно лишь то, что всё и вся относительно. Одно и то же явление с разных точек зрения можно увидеть совершенно по-разному. Кстати, ярким примером того, насколько разными могут быть последствия, берущие отсчёт в одной и той же отправной точке, могут послужить «апокалиптики», упорно возникавшие в Зоне под разными названиями. Можно ведь искусно сыграть в предотвращение апокалипсиса, а можно попытаться честно докричаться, предупредить о его приближении... Знаешь, очень хорошо, что коварная Чернота не подтёрла в памяти слова, однажды подслушанные у первой учительницы, которая попыталась её учить любви, а не ненависти.

«У каждого свой ад. Не обязательно огонь и смола. Наш ад — это жизнь впустую...» Не знаю, кто сформулировал, но в Зоне Сталкеров это произнесла Шутка, говоря с Лучом. Остаётся надеяться, что мой Нессия тоже не забыл эту цитату.

Глава четырнадцатая. Встреча на болоте

1

В полдень на болотах тишина царит мёртвая в буквальном смысле этого слова. Вся живность, кажется, вымерла, и только редкие жабы в камышовых джунглях жужжат. Местные бродяги рассказывали, неделю назад случился панический исход мутантов, в основном кабанов. Грешным делом, все решили, что причина гона — предстоящий выброс; попрятались братья-сталкеры, а выброса всё нет и нет. Так и просидели в своих землянках и норах несколько часов, пока дошло, что истинной причиной бегства послужило что-то иное.

Что именно, никто не знал. Ни Косматый, ни Палец, ни Шелест не вернулись из последних ходок. Первые два ушли поодиночке, и неудивительно, что сгнули в топях, однако Шелест в экспедицию ушёл с тремя «очищенцами», увешанными оружием и боеприпасами, как новогодние ёлки игрушками и гирляндами. Это давало ему солидный шанс удрать в критической ситуации. Но, видимо, обстоятельства всё-таки не позволили.

Сталкеры поговаривали, что скорей всего болота целиком накрыл «пузырь», и больше туда никто не совался, кроме самоуверенных дураков. Они-то и служили более опытным ходакам «лакмусовыми бумажками», своего рода детекторами. Не вернулся бродяга, значит, ещё рано ходить по топям, богатым на артефакты...

Но мне же, как никому, известно, что «пузыря» в это время и в этом месте не было и нет! Проблема-то совсем не в аномалиях. «Ню-ню», — всё, что мне сказал повывавший всяческие виды старожил Кулик, когда я потопал в камыши напрямик, не внявши его совету. «Ещё один живой детектор», — посматривая мне в спину, перешёптывались сталкеры у костра. Да уж, в этом правы ребята на все сто. По сути, я всем детекторам детектор.

Гаусс в ранце сложен и хорошенько припрятан. На этот раз я им не воспользовался, не к месту он в болотах, да и лишних вопросов не вызовет. Вооружился я одной игрушкой из периода «подросткового созревания» Зоны. С виду в моих руках — простецкий двуствольный обрез с невнятной «примочкой», но это лишь с виду. Оружейник из южного сталкерского посёлка, гениальный умелец по прозвищу Кибер, на досуге вытворил сей шедевр.

Автоматический, скорострельный двуствольный обрез с отдельными магазинами под каждый ствол — каково?! Когда оружейник, будучи навеселе, мне его показал, я буркнул что-то типа: «Та ну тебя на фиг, молодых только разводишь...» Но демонстрация не заставила себя долго ждать, разогретый водярой мастер жажнул по куполу шатра, под которым мы сидели, и... тотчас был повязан местными шерифами. Отмазал я тогда Кибера,

отстегнул бабок кавказцам, что заведеньице держали, и дотащил до мастерской это невменяемое тело.

Эксклюзивный обрез, конечно, себе оставил в качестве бонуса. Не был он чем-то особенным и незаменимым, но пополнил мою коллекцию авторского оружия. Люблю оригинальные вещи. Надо ж хоть чем-то себя тешить. Который уж год субъективного времени в эпохе Зоны Сталкеров корячусь и пашу без отпусков и каникул.

Местами болото сильно фонит, и хотя мой костюмчик от радиации даёт полную защиту, обрабатывать его лишний раз совсем не хочется. На небольших островках твёрдой земли то там, то тут встречаются останки мутантов, даже не трупы, а обезвоженные и обескровленные мумии. Следы деятельности новых хозяев территории. За ними-то я сюда и пришёл, понаблюдать во плоти. Заценить, так сказать.

Вечереет, и обычному человеку здесь делать нечего. Собственно, и мне тоже, лучше бы с утра пораньше заняться тест-драйвом. А сейчас крейсерской трусцой до посёлка рыбаков добраться надо бы и там заночевать.

Новоявленных болотных тварей пока не чую, но здесь они, здесь — сомнений уже не осталось. На очередной поляне хаотично разбросаны разодранные рюкзаки, оружие, лоскуты чёрных униформ бойцов из клана «Очищение». И что самое странное... трупов не видно. По множеству следов можно сказать, что сталкеров окружило не менее двадцати особей. С этими «очистками» и был Шелест. Но среди всего этого разбросанного барахла в упор не видать ни его «винтореза», ни «глока», ни кевларового плаща, за который будущий коллега и получил имя. Потенциальный ловчий выжил, почти не сомневаюсь. Встречался я с ним как-то... по профессиональным вопросам, но не в этом году, а гораздо позже. Уже будучи ловчим, этот парнишка вычислил меня, учуял и настиг. Я не стал с ним тогда разговаривать, только поздоровался ласково и с ходу вырубил прикладом автомата. А что ещё оставалось делать?

Хаживал ли я по этому болоту, не помню. Сейчас мне остаётся разве что всматриваться в карту на дисплее КПК. До посёлка всего пара километров по прямой. Но в данном случае даже я напрямик не пойду...

Моя собственная чуйка срабатывает наконец. В заброшенном посёлке засел человек с характерным «излучением». Скорее всего он, Шелест, вроде больше и некому. Я осторожно пробирюсь камышами, выхожу к границе строений и залегаю за грудой железа, в которую превратился гусеничный трактор. Кучи гнилых брёвен и досок обозначают места, где некогда стояли хибарки. Сгнило всё до основания, остались только кирпичные здания какого-то производственного комплекса. Руины засеяны мёртвыми человекоподобными телами. Крышу центрального корпуса венчает сторожевая будка. В ржавых ободах некогда размещались прожектора. Хорошее место для снайпера...

Только и успеваю нос, высунутый было, за трак гусеницы спрятать! Почуял опасность ещё раньше, чем заметил блик оптики в чёрном проёме окна той самой будки. Пуля свистит совсем рядышком, чиркает по металлу и клюёт болотную почву, вздыбив фонтанчик склизкой жижи.

— Ты чё, охренел, Шелест!!! — ору я. Очень малая вероятность, что это не он.

Кричу я достаточно громко, чтобы выстреливший сталкер меня услышал. И не только он. Следует пауза. Любой театр позавидует её длительности, ох и треплет она мне нервишки! В западном направлении фиксирую появление целой толпы мутных, все они тянутся сюда. Отстреливаться от них доведётся на пределе моих «обычных» способностей, могу и за грань перескочить, особые возможности задействовать. Не хочется это проделывать под пулями снайпера.

Снайпера-ловчего. Пускай ещё и не посвятили его. У обладающего неподдельной чуйкой парня всё впереди. Ещё набегается за всякими-разными потенциалами, которые тащат свои безумные и не очень желания в Зону, сгорая от жажды воплотить их в реальность с её волшебной помощью.

— Прости, не признал! — кричит он в ответ спустя вечность. — А ты кто, собственно?!

— Я вольный бродяга! Верзилой кличут, за мной твари гонятся!!

Да с нотками отчаяния в голосе, чтоб звучало поправдоподобней.

— Знаю! На болоте их как грязи! — Невольно скалambuрился, Шелест на секунду задумывается и, вполне логично решив, что двоим отсюда выбраться шансов ровно вдвое больше, кричит: — Двигай сюда быстро, прикрою!

Как раз вовремя. Камышовые заросли шевелятся. Сквозь них ломаются монстры. Не успеваю добежать до корпуса, слышу тихое «похлопывание» «винтореза» на крыше. Шелест уже ведёт отстрел мутантов. Перепрыгнув искореженную железную дверь, уже стоя в дверном проёме, я оборачиваюсь. Из камышей выметается целая орда кровососов! Но эти — какие-то странные, непривычной наружности, разных размеров и покрытые тёмной шерстью. Хотя над окрасом её скорее всего всласть потрудились болотная жижа.

Очень шустро я влетаю на второй этаж строения и там узреваю чёрную дыру люка на потолке. Остатки ржавой лесенки, что некогда вела в сторожку, валяются тут же.

— Эй, брат-сталкер, каким же способом ты туда взобрался? — спрашиваю я, не отрывая взгляда от ведущего вниз лестничного пролёта, на котором вот-вот могут появиться мутанты.

Едва слышные хлопки выстрелов прекращаются, и вместо ответа на голову мне падает бухта капронового каната. Я прыгаю, ухватываюсь повыше, и сталкер начинает меня поднимать. Сам! Причём быстро поднимает. Это при моих-то ста кило без экипировки и оружия! Буквально пару раз успеваю руками поочерёдно канат хватануть и подтянуться. Третьим движением хватаюсь уже за края проёма люка...

Вскочив на ноги, вздёргиваю канат наверх, бегло осматриваю комнатуху и гляжу вниз через квадратное «окно» в полу. Шелест методично лупит туда из своего автоматического кольта. Комната под нами кишит набежавшими тварями, причём некоторые из них прыгают настолько высоко, что можно в упор рассмотреть волосинки, торчащие из уродливых носов. Несколько рыл коллега разворотил выстрелами, прочие мутные, уразумев, что им здесь покуда ничего не светит, разбегаются. Так же быстро, как и набежали.

— А вот вам, уроды позорные.

Шелест возвращает пистолет в кобуру, раскупоривает передний нижний клапан комбеза и показательно мочится через проём, вниз.

— Видал, как я их? — закончив победоносный ритуал, обращается он ко мне.

— Молодец! Только вот кого это — их? — пытаюсь я в деталях рассмотреть трупы, усеявшие пол нижней комнаты.

— И не говори. Зона полна сюрпризов. — Будущий коллега грустно улыбается и жестом указывает на болотные заросли, посреди которых мелькают чёрные фигуры. — Много их, невесть откуда взялись, и прибывает всё больше. Нас не меньше двух десятков атаковало, а сейчас их уже с полсотни. Это не считая того, что за двое суток я штук пятнадцать завалил. Жаль, патронов много перевёл, пока въехал, что в глаз валить надо, чтоб сразу башку разворотило. Регенерация у них бешеная.

— Так долго здесь торчишь? Жрать хочешь? — Я лезу в ранец за едой, но Шелест меня останавливает.

— Обижаешь, брат. Какой же сталкер без недельного запаса колбасных и прочих изделий выйдет в болота, — он указывает на пустые консервные банки, скопившиеся в углу сторожки, — ты лучше мне к «винторезу» боезапас подогрей.

— Звыняй, бананив нэма, — развожу я руками и добавляю: — Я хоть и давно в Зоне, а по болотам почти не лазил, как-то не приходилось.

Чистая правда, между прочим. Иногда в виде исключения я ничего не выдумываю по ходу.

Потенциальный ловчий полночи делится со мной впечатлениями нескольких последних суток. Из его эмоционального рассказа я узнаю, что твари эти, похоже, в отличие от всей прочей зонной мутности человеков сразу не убивают. Раскладывают на земле в позе звезды и чего-то ждут. Так мутанты поступили со всеми «очищенцами» из его маленького отряда. Шелест не стал ждать продолжения и убежал.

Ещё он повидал более чем странных зомби, которые передвигались очень быстро и вообще выбивались из привычных «норм» поведения особей этого мутного вида.

— Детектор на отсечение даю! — взхлёб информировал Шелест, энергично размахивая руками. — Сегодня видел одного полужомби-полукровососа, и он смахивал на майора Новиченко, который вёл наш отряд!

Из сказанного я делаю неизбежный вывод, что все сталкеры, забредшие на эти болота, были «обращены» и пополнили армию болотных тварей. Этим объясняется факт, что никто не вернулся с топей, и раскрывается причина столь прогрессивного роста количества мутантов.

Имелся ещё один непонятный момент, но он прояснится ночью, когда Шелест уже будет спать.

Я заступаю в дозор. Твари повсюду, я их чувствую. Как только мой изнурённый «напарник» засыпает, я извлекаю из рюкзака цифровой сканер, лучший из доступных мне, модели пятьдесят пятого года. Цепляю девайс на шлем и через него наблюдаю за мутными. Хороши монстры, быстрые, лёгкие, ловкие, и если бы не концентрировались в таких несусветных количествах на малой территории, то отлично вписались бы в «экосистему». Вот бы раскидать эту кучу по времени, равномерно в разные годы. Мыслишка мне нравится, вот только не даёт покоя один вопрос.

Как они превращают человека в себе подобную тварь?

Ответ приходит сам по себе. Тишину ночи всколыхнул слабый, едва различимый крик. Человеческий. Мгновенно определяю местоположение кричавшего, направляю в ту сторону свой цифровой бинокль и зуммирую картинку. Ночной режим визора силён в этой модели, и я прекрасно вижу тело сталкера, которое волочат двое болотных. Дотащив его до посёлка, они останавливаются и чего-то ждут, всё в точности так, как и рассказывал Шелест. Минут десять спустя к ним в окружении десятка крупных особей подваливает ещё один кровосос. От остальных его отличают необычные формы тела. Этот больше напоминает огромное насекомое, чем животное, пусть даже мутированное.

Тварь впирается в обездвиженного сталкера своими кровососущими отростками. Застыв, торчит над ним ещё с десяток минут... Когда же монстр, закончив своё мутное дело, отваливается от человека, и он, и все прочие болотные не мешкая разбегаются по камышам, бросив тело бродяги, бьющееся в судорогах.

— Значит, вот как вы размножаетесь, — шепчу я, провожая взглядом насекомоподобное создание Зоны.

За те минуты, что оно стояло неподвижно, я успеваю настроиться на него, как на цель. Теперь я знаю, в каком направлении и насколько далеко монстр от меня. Я даже могу ощутить его мутные чувства — голод, ярость, хищную потребность в охоте. Даже мерещится, что слышу, как бьётся сердце мутированного выродка.

— Тебя не депортировать, а просто грохнуть, — по-прежнему тихонько озвучиваю свои мысли.

— Определённо грохнуть! Не то разведутся, как тараканы на продуктовом складе. — Голос Шелеста вынуждает меня вздрогнуть.

Сталкер, видимо, тоже услышал крик бедолаги, проснулся и сейчас стоит рядом со мной, нацепив на шлем свой ЦБ. Как долго он наблюдал, я не знаю, потому что, сосредоточив внимание на злобном образчике мутного зонотворчества, даже не заметил, как потенциал проснулся и подошёл. Без шелестящего плаща этот бродяга передвигается совершенно незаметно. Будто владеет способностью прятаться «в тени». Как я.

— Что, испугался? — Шелест ухмыляется, приметив, как я дёрнулся от неожиданности. — Я всегда так тихо хожу, с детства. Меня пацаны в школе дразнили Челом-невидимкой.

— Недаром... Не пугай так, ниндзя хренов. А вдруг у меня защитная реакция сработает? — Я в шутку замахииваюсь на него.

— Реакция? Хе-х! Быстрее у тебя очко сработало. Не чувствуешь, чем пахнет?

Издевается, однако. Дерзкий. Нравится он мне. Чем-то меня самого напоминает. Долгий десяток субъективных лет назад и я тоже припёрся в Зону вот таким же зубоскалом-пофигистом... И стреляет парень хорошо. Почти как я. Да и силушкой мать-природа не обидела коллегу.

— Ну тебя, — отвечаю, пристально всматриваясь в болотный пейзаж. — Не прикалывайся зазря, накличешь. Лучше подумай, что нам делать. Пока один мутняк заражает сталкеров, а там, гляди...

— Верзила, самое лучшее, что мы можем сделать, это живыми отсюда выбраться и предупредить народ, иначе тут скоро и на танке не проедешь. И не только тут. — Шелест мгновенно сменил ироничный тон на серьёзный.

— План хороший, только вот каким макаром ты хочешь прорваться через сотню кровососов, пусть даже не таких злобных, как их соплеменники... э-э... сухопутные? — приподняв полумаску визиосканера, внимательно смотрю на ловчего.

На его лице отражается борьба противоречивых чувств. Он знает, что есть лишь один вариант, но озвучить его не решается. Шелест не очень давно появился в Зоне, однако уже не новичок и понимает, что даже на пределе своих возможностей мы не прорубимся сквозь толпу монстров. Необходимо, чтобы кто-то из нас увёл всё это мутное кодро в глубь топей. Подальше от другого, который тем временем ускачет из болот на полном вперёд. И если у второго шансы выжить достаточно высоки, то первый почти наверняка получает билет в один конец. Кто-то из нас должен стать героем посмертно. Именно это и не решается предложить мне коллега. Сам Шелест геройствовать не особо рвётся... Итак — он знает, я знаю и оба мы знаем, что каждому из нас отлично известно, что нужно делать. Вот такой расклад.

— Ты в болотах хорошо ориентируешься? — прерываю его размышления.

— Есть малехо... К чему ты клонишь? Я не попрусь туда подыхать! — вскидывается Шелест, решив, что я тонко намекаю на толстые обстоятельства.

— А тебя никто и не просит исполнять роль отвлекающего мяса, — криво ухмыляюсь. — Даже если ты всех уведёшь, то я всё равно не смогу быстро выбраться, троп не знаю. А значит, обоим толку мало от такой расстановки. Сделаем так. Я отвлеку их. К тому же у меня дельце есть к их... — я делаю паузу, призадумавшись, как определить «статус» той твари, — к их королеве, чтоб ей пусто было.

Шелест молчит. Парень не конченная сволочь, стыдно ему, и это отражается на лице. Но жить-то всем хочется, и не-сволочам — не меньше, чем негодяям.

— Давай я тебе перекину координаты одной хибарки, — сталкер достаёт свой наладонник и роется в нём, тыча пальцем по сенсорному дисплею, — лови по блютузу. В этой хатке когда-то, говорят, жил один отшельник. Там погребок есть, бункер в чистом виде, он там всё оборудовал. Если добежишь до нычки, то сможешь отсидеться, пока болота зачищать будут... если будут, конечно.

Я принимаю инфу на свой КПК и говорю ловчему:

— Ну ладно, нарушим традицию, присаживаться не будем. В дороге не прощаются... Если что, свидимся.

Переходя без проволочек от слов к делу, сбрасываю вниз капронку и соскальзываю по канату.

— Клювом долго не щёлкай, — задрав голову, советую я Шелесту, — выскочу из посёлка — драпай к нашим. Только ж ты дойди, постарайся.

— Не бойсь, утекать я умею. Мастер спорта по утеканию, — последнюю шуточку сталкер отпускает далеко не весёлым тоном, наблюдая сквозь дыру в потолке, как я шагаю к пустому проёму выхода на лестничную площадку.

Прыгая по ступенькам лестницы, я «раскочегариваю» себя до предела, который желательно не превышать в ходах по Зоне Сталкеров. Вполне достаточно, я так думаю. В таком состоянии хрен меня кто догонит.

Выбегаю в центр посёлка, сую два пальца в рот и громко, залихватски свишу. Этот свист предназначен специально для Шелеста, чтобы тот не задавал себе вопрос, с чего это

все твари резко вздрогнули и яростно ломанулись за мной. Импульс злобы и агрессии, посланный мною напрямик в головы болотных тварей, он ощутить не сможет. Всё-таки я кой-чему научился за десяток-то годов мытарств, в том числе и шифроваться от обострённой чуйки ловчих... хотя бы частично.

И понеслось веселье! Я бегу, почти не касаясь подошвами раскисшей почвы. Головы тварей, что прыгают на меня с разных сторон, разлетаются в брызги от порций крупной дробы, выпущенных в упор, прямо в рожи. Прорубив ряды встречных мутантов, я несусь навстречу королеве и её «гвардии». Прежде чем раскидать по разным временам огромный хвост монстров, тянущихся за мной, необходимо любой ценой грохнуть источник заражения...

И вдруг, в одно мгновение, все мои карты спутываются. В пределах лоцирования появляется ещё один ловчий, матёрый, посвящённый, давно и безнадежно не потенциал, а мастер своего дела. Я его не вижу, но исходящее от сталкера характерное «излучение» однозначно свидетельствует. Как не вовремя, блин. Королева и её телохранители двинулись напрямик к нему. Эх, амба мужику! Или там сталкерша?.. В Зоне далеко не всегда дистанционно определишь половую принадлежность, многие здешние женщины ну очень смахивают на мужчин не только внешне, но и внутренне.

Я бегу и гадаю, кто бы это мог быть? Тем временем два «магнитных полюса» в моей голове — мутантов и ловчего — совмещаются. Они встретились. Я мчусь быстро, как могу, но боюсь, что бежать уже поздно.

Однако проходит минут пять, а ловчий всё ещё жив! Чем несказанно удивляет меня. Более того, он уводит мутных на север, в поля аномалий. Очень смелое и правильное решение.

Ещё минута, и я резко теряю чувство цели. Причём это не ловчий исчезает, а королева. Что может означать лишь одно — она мертва. Ну, спасибо от всей души, коллега, облегчил мне работу! И уже с лёгким сердцем я активирую «хронорULEтку», особый артефакт. Он создаёт в радиусе примерно километра аномалию, подобную «карусели». Только в отличие от неё всех угодивших в неё живых существ раскручивает и раскидывает не в пространстве, а во времени.

Перед тем как меня вместе с болотными тварями, закручивает межвременная карусель, смутная тень какого-то чувства промелькивает внутри. Уже потом, разобравшись в ощущениях, я определяю, что это эхо жизни, донёсшееся от мёртвой королевы. Словно она пошевелилась, ожила. Прямо как в американских фильмах, где всячески убитые персонажи частенько открывают глаза и оказываются вполне живыми.

Что же там произошло? Неужели амба всё же подкралась к сильнейшему ловчему и ударила в спину?..

2

— Да-а, вчера мне пришлось тяжело... мягко выражаясь. Этой записи уже могло и не случиться. Но пронесло, тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо... Сколько раз мне доводилось улепёгивать от напастей Зоны, но чтобы вот так, по самой кромочке лезвия бритвы... Конечно, я мог бы бросить всё и рвануть в другое время, спасая шкуру, но... действительно бывают ситуации, когда совесть опрокидывает на лопатки инстинкт самосохранения. Я выжил, и это чудо можно считать наградой за то, что позволил совести взять верх над страхом. Иначе не объяснить, как мне удалось одолеть невиданного монстра... Вот бы какой-нибудь такой взбесившийся, вышедший из-под контроля госпожи Зоны мутант завалил Другого в схватке! Не всесильный же он, проклятый наймит. Ну, просто не может этот выродок быть абсолютно непобедимым, монстром из монстров. Разве он тогда шлялся бы где ни попадя? А он шатается тот там, то тут, обстрепывает разнообразные чёрные делишки, творит свои злодеяния. Я думаю, Другой всё-таки человек, в каком-то смысле, хотя с обязательной приставкой «супер». Значит, его, как любого человека, можно победить. Если застать врасплох. Или навалиться скопом. Или обрушиться с энергией, превосходящей его

силу. Пока госпожа-хозяйка опомнится, слуге уже придёт конец. Во всяком случае, остаётся на это надеяться. Она же не просто так, от нечего делать, его создавала! Значит, иногда ей сподручнее что-то вытворять не напрямую, а опосредованно, вот таким человекообразным орудием. Теоретически существует шанс успеть победить именно в этот миг задержки связи между инструментом и его владелицей. Если, конечно, все мои умопостроения хотя бы немного соответствуют реальности... аномальной реальности.

Но что могу сделать лично я? Пытаться как-то исправить последствия его вмешательств в зонные события — это понятно, этим я и занят. И всё? Неужели я только для этого слежу за ним, фиксирую происходящее, чтобы делать посильные попытки... э-э-э... впихнуть невпихуемое? Разве это не дорога, ведущая в никуда? Я же не знаю конечной цели, и мои старания могут дать обратный эффект, усилить результат его поступков... Хорошо, что ещё можно сделать? А ведь я могу... в разных точках времени надо запустить коллективную охоту на Другого! Давать сталкерам наводки, что это уже не человек на самом деле, а как бы супершатун. Маскируется, сволочь. И помогать бродягам выслеживать его. Нелегко будет поспевать везде, подталкивать и направлять процесс, но... для того ведь и предназначены организации, банды, кланы, партии, группировки! Чтобы сообща, во много рук, ног и голов, делать то, что не под силу одной голове, двум рукам и двум ногам, какие бы шустрые и неутомимые они ни были. Только сверхсущность вроде Зоны способна находиться во множестве мест сразу. Нам, просто сущностям, надо как-то выходить из положения, если хотим добиться успеха. Похоже, иного выхода нет, надо организовывать свою группировку. Точнее, подкинуть кое-кому из влиятельных здешних человек идею. А там, глядишь, из малой искры возгорится костёр, который сожжёт злобного супермонстра...

Штрих умолк. Невесело улыбнулся и покачал головой, будто сам не особенно поверил своим словам.

— И всё же, если никто не попытается, тогда вообще никаких шансов, что появится очистительный огонь... Я вот ещё о чём подумал. Луч как-то проговорился, что Зона с его помощью совершила апгрейд, раскрыв потенциал зарезервированного Несси. И высказал то ли предположение, то ли сомнение, что состоялось пришествие истинного Собеседника, предсказанное Китобоем. Шутка, добавил тогда Луч, с самого начала что-то ему не договаривала. Он был уверен, что ей известно нечто исключительное. Настолько важное, что в своё время она так и не решилась разделить с ним груз ответственности за это знание. Не потому, что не доверяла, а потому что есть ноша, которую не разделить даже с любимыми. У каждого свой крест, и каждый должен в одиночку его донести на вершину... Так вот, вдруг именно Несси в конце концов мутировал в это чудовище? И что делать мне, спрашивается, мне-то что делать с этим знанием?! Выходит, обретение полноценного собеседника не просветлило Зону, как свято верили ловчие. Наоборот, ещё больше омрачило её душу... И как мне поступить с Лучом? Ведь получается, я должен разыскать его и стереть с лица Зоны, остановить по всем правилам ловчих! Ещё до того, как с помощью наставника Несси, дяди Луча, состоится тот самый апгрейд. Весёлая перспектива, а?! Ничего не скаж-ж-жешь!

Штрих чуть ли не заскрежетал зубами от бессильной ярости, наполнившей его душу.

— Самое ужасное, что все эти телодвижения и умонапряжения в итоге могут оказаться бесполезными и напрасными! Если она уже создала супертварь уровня Другого, то сможет выродить повторно. Была бы нужда... В любом случае, прежде чем отправляться убивать Луча, я должен полностью убедиться, что это Несси превратился в беспощадного наймита... Да, и как это я не додумался раньше! Вдруг выяснится, что это никакой не Несси, тогда куда же сам Несси подевался-то?! Ведь именно он, по идее, должен был стать в буквальном смысле любимым человеком Зоны!

3

— Знаешь, подруга, всё-таки справедливо утверждение, что кто ищет, тот находит. Я нашла крохи информации о загадочном преследователе, не подтёртые тёмным прошлым. На их основе можно выстроить алгоритм, который поможет напарнику избегать ловушек. И

даже выработать некое подобие инструкции, как подстроить засаду этому неожиданному-негаданному охотнику за охотником, упорно крадущемуся по следу. Но вот что меня угнетает в этой связи... Я ещё не разобралась, почему эти крохи остались в памяти. Они были просто упущены, я ведь тоже способна совершать ошибки, как показывает опыт, или... эти воспоминания намеренно не были подчищены? Да, они очень глубоко спрятались, я могла и пропустить их, и это создаёт впечатление случайного недочёта, упущения. Это меня и тревожит, подозреваю хитрую ловушку... Кто же из двоих в итоге окажется умнее, а? Светлая или тёмная стороны Зоны? Кто победит — прошлое или будущее? Кому из нас удастся перетянуть канат настоящего... Представляешь, вдруг одолеет она, и твоё течение повернётся вспять, волны встанут дыбом и развернутся на сто восемьдесят?! Ладно, это у меня воображение разыгралось... Пойду-ка я в сад, подруга. Там происходит что-то странное, похоже, назрела необходимость более плотно заняться практическим садоводством. Такое впечатление, что некоторые спящие сталкеры заразились от неугомонной Шутки тягой к бродяжничеству, и под сенью Древосилов всё чаще отсутствуют подопечные.

Глава пятнадцатая. Наблюдение за наблюдателем

1

Догадка напарницы переросла в уверенность. Она уверена, что за мной ведётся постоянная, целенаправленная слежка в различных годах жизни Зоны Сталкеров. В Закрытой Зоне никому меня не достать, конечно, но как только я ухожу в прошлое «ниже» пятьдесят шестого и появляюсь в эпохе Сталкеров, меня подхватывают и за мной следят. Лично мне подобное допущение на первый взгляд показалось абсурдным.

Я наверняка заметил бы, почуял неладное. Конечно, теоретически можно предположить, что мои действия в экспедиционных миссиях явились причиной возникновения некоей организации по отлову загадочного меня. Например, «спецотдела» внутри сообщества коллег-ловчих. Но в одну из моих побывок, когда я в очередной раз «оттаивал» дома, в уютной недосыгаемости моя любимая, загадочно улыбаясь, озвучила идею уж совсем смелую.

Дескать, не группа людей наблюдает за мной, ведёт и пасёт меня. Не какая-то сталкерская организация, члены которой передают «по наследству» особое задание находить и отслеживать.

Скорее всего один и тот же человек.

Именно это предположение я пытаюсь определить в разряд галлюцинаций, возникающих на почве нервных переживаний. Не один час посвятил этому вопросу, обдумывая его в последних ходах. Потому как этот вариант предполагает существование другого человека, подобно мне, способного перемещаться во времени. Ну или какого-нибудь бессмертного и вечно живущего в Зоне супер-пупер-мена. Во что уж совсем не верится. Никто в Зоне не живёт бессмертно. Ну, разве что кроме неё самой... наверное.

Теперь я занят ловлей на живца. Приманка — я сам. Специально засвечиваюсь в людных местах всевозможных периодов существования Зоны. То там, то тут подкидываю информацию всяким бродягам и барыгам — где и когда меня можно найти. Даже забавы ради оставляю несмертельные травматические ловушки разного рода, понимая, что всё равно в них никто не угодит. Называюсь каждый раз новыми именами, но если ведётся целенаправленная слежка, то проблем с идентификацией меня возникнуть не должно.

Ходка, ещё ходка, и ещё одна, и ещё, и... «дубль пусто». Как я и предполагал, никаких загадочных преследователей. Загадочных-то не видать, а вот обычных — пруд пруди. Бандюки, которыми всегда кишела и кишит Зона, не один раз на хвост садились. Одиночки и группы сталкеров туда-сюда бегают, но у них простые, вполне логичные цели и задачи, не пересекающиеся с моими интересами в Зоне. Этот мельтешащий народ страшно мешает

порой. Разного рода ментальный шум и гам, который доводится постоянно воспринимать, раскалывает голову или «набивает её ватой». Это всё равно что искать неизвестно кого в толпе на станции метро в час пик. Приходится для чистоты результата эксперимента уходить в отдалённые, безлюдные районы Зоны и ждать там, томиться бездельем, по несколько суток просиживая «на пеньке».

И хоть бы один подозрительный тип заинтересовался моей таинственной персоной! Ни фи́га. Никого не засёк, ни одна преследующая скотина в «поле чуяния» не заявила. Хотел было уже забить на всё это, но дала о себе знать въевшаяся в натуру привычка — контрольный в голову.

Впрыгиваю в один из ранних периодов существования Зоны. Времечко, где в результате стечения обстоятельств появился и вовсю функционирует так называемый «выжигатель мозгов». А ведь раньше, до моих вмешательств, его там не было... Я-то помню!

Не было, не было, а вот уже есть. Зонная реальность начинает трещать по швам... Раньше я считал, что в этом изрядная доля моей вины. Хотя напарница успокаивала, что ход процесса остался в рамках задуманного ею. Мои ошибки и огрехи навредили не фатально, пресловутую судьбоносную «бабочку» я, дескать, ухитрился не раздавить своими тяжёлыми сапожищами. Теперь, выходит, вполне можно допустить, что виноват в погрешностях и искажениях не я, а гипотетический... э-э... как бы его обозвать... хроносталкер, что ли. Теоретически у него имеется точно такая же возможность корректировать события в Зоне Сталкеров, которой наделён и для которой предназначен я.

Да-а уж, накопились вопросы, которые требуют срочных ответов, вне очереди...

В область севернее Рыжего леса практически никто из здешних обитателей — в смысле человекoв, что живы в текущем отрезке времени, — попасть не смог бы. Пути на север в этот период напрочь перекрыты «выжигателем» и участками территории, по разным причинам совершенно непроходимыми.

Ближайшие сталкеры засели в Припяти на крышах с дальнобойными снайперками наизготовку. Но их интерес ко мне, как, впрочем, и к любым другим проходящим бродягам, мимолётный, я бы даже сказал, трёхсекундный. Именно этих секунд им обычно хватает, чтобы прицелиться и выстрелить в любого «прохожего».

Так что всех возможных транзитников перехватывают эти меткие ребята. Зовутся они «монолитовцами». Эти зонные деятели тем занимаются, что сторожат, охраняют от посягательств легендарный кристалл. Тот, что не существует в натуре, но успешно внедрён в массовое сознание. Значит, вполне реальный для тех, кто в него верит.

Уж не последователи ли Пацифика здесь рулят?! Сталкерёныша, которого я спас от клыков кабана... Если да, то становятся на свои места ключевые детали легенды. Той, что выросла из байки про кристалл внеземного происхождения. Забавно осознавать, что сказочка, на которую я и сам вёлся ещё в дозонной питерской юности, мною же самим и порождена. Ведь это я рассказал начинающему бродяге про Монолит. А он поверил, блин! И развил бурную деятельность. Отголоски его усилий выбрались за пределы Зоны и зацепили меня, оболтуса-подростка из дворов-колодцев василеостровских линий...

Ладно, как бы там и тут ни было, а реальность нынче именно такова, как она есть. Я буду последним лохом, если это изменение не использую.

Место для засады выбираю неспроста. Локация практически полностью исключает присутствие человекoв этого времени. Стоит лишь появиться за «выжигателем» телу, вольготно разгуливающему с ружьем наперевес, и сразу же станет ясней ясного, что оно сюда притопало явно не пешеходом.

Спрятался, сижу, поджидаю. И размышляю на тему. Похоже, мне уже хочется, чтобы догадка напарницы подтвердилась. Интересно, кто он, откуда взялся такой?! Пообщаться бы, за жизнь покалякать... Мою способность перемещаться по реке Хронос не только «в будущем» направлении мне подарила аномальная природа сверхсущности. Только мне, я это знаю доподлинно. Спрашивается, а этот... гм... упорный преследователь, севший мне на хвост, он-то где обзавёлся возможностью бегать по времени не только «туда», но и «сюда»?

Мелькает совсем уж параноидальная мыслишка, что это могу оказаться и я сам. Собственной персоной я, из очень далёкого будущего, отслеживающий меня сегодняшнего для того, чтобы... На этой недосказанности мысль оборвалась. Видимо, я всё-таки не полный параноик. Цель этой постоянной слежки за самим собой мои мозги выдумать оказались не способны.

Вокруг безлюдно. Выбросив из головы нездоровую тему, прислоняюсь затылком к стволу дерева. Сейчас я, маясь от безделья, сижу в кроне старого тополя, почти на самой его верхушке. Узкая рогатина, образованная стволом и одной из ветвей, комфортным лежаком или сиденьем не является даже в грубом приближении. Но уж кому-кому, а мне не привыкать. Такой у зонного бродяги образ жизни, одно сплошное неудобство. Вспомнить хотя бы старую хохму: «Предел мечтаний сталкера в разгар лета? Душевая кабинка! Обычный человеческий душ, мать его!»

Комбез, внешний слой которого сработан из хамелеонисто меняющей окрас хемикожы, сливается с листвой. Высмотреть меня сумел бы лишь тот, кто наверняка знает о моём присутствии в гуще листвы одиноко раскинувшегося тополя. Вид открывается потрясающий. Кажется, вся Зона просматривается как на ладони. Пустыри, редкие заброшенные строения, стайки вездесущих слепых псов и прочей мутности.

Вдали, из утреннего тумана, сереет Припять. Окраина Рыжего леса выглядит зловеще в любое время суток. Там, в лесу, ночные обитатели сменяются дневными, такими же смертоносными.

Мой верный гаусс лежит на соседней «лапе» дерева, я слегка его придерживаю рукой. Это убойное чудище покачивается в такт движениям ветви на ветру. В принципе огневая мощь потребуется лишь в том случае, если все адепты «Монолита» выдвинутся из Припяти, растянутся цепью и двинут в мою сторону.

В этом отрезке существования Зоны я вполне могу использовать свои бонусные сверхспособности. Вероятность быть обнаруженным на порядок меньше. Даже сама аномальная реальность этого «возраста», только-только разросшаяся на шестьсот километров, младенческая Чернота, ещё не способна проявлять остронаправленный интерес к моей персоне. Поэтому в этом году я имею полное право расслабиться... но сильно постараюсь этого не делать без крайней нужды.

И вдруг, совершенно не ожидаемый здесь и сейчас, этот самый острый интерес хлещет по моей нервной системе, как удар кнута по крупу задремавшей лошади. Я чуть не выпускаю гаусс, настолько этот импульс поиска внезапен и могуч! На фоне ментального молчания он грохочет как гром у самого уха.

Это ловчий! Не просто потенциал. Настоящий, матёрый, свирепый охотник! Я учуял лишь первый импульс, и тотчас же следует гробовая тишина.

Но я более чем уверен, что ловчий держит цель плотно.

Его цель — Я.

В этом времени опытные, сформированные ловчие ещё просто не существовали в природе. Значит, меня засёк не кто иной, как...

Импульса длительностью в микросекунду мне хватило, чтобы определить примерное местоположение следящего. Ну ладно, братишка-сталкер, пришло время вскрывать карты. Я бегло осматриваю окрестности в свой ЦБ и почти сразу замечаю полусогнутую фигуру, что прокрадывается в кустарнике между холмами. Бронекостюм у товарища армейский, и в руках автомат. Серьёзная пушка, далеко не пластилиновый «калаш» мадэ ин Китай. Тяжёлый «корд» десятой серии.

Ловчий крадётся, продвигаясь в моём направлении, и пока ещё не подозревает, что обнаружен. Он уверен, что останется незамеченным под прикрытием неровностей ландшафта и ветвей кустов. Наивный. Хотя как сказать. Безответный вопрос бьётся под моей черепушкой взбесившимся воробьём: «Как же это я не замечал слежку раньше?!»

Если именно этот ходячий сюрприз давно и неотступно таскается за мной по следам, то я урод слепоглухонемой. Пользуясь даже обычными сталкерскими навыками, должен был его засечь. А вот не сумел. Маскируется он более чем суперски, ничего не скажешь!

Очень осторожно, потихонечку, чтобы не спугнуть коллегу, я вытягиваю незримые нити-щупальца ко всем стайкам слепых псов, до которых только могу дотянуться. Тупые твари, сами не зная почему, начинают стягиваться к ловчему, отсекая ему пути отступления. Ещё немного, и они «организованной толпой» погонят его в мою сторону. Интересно, хроносталкер удивится, когда я неожиданно возникну перед ним, прыгнув с дерева?

Или поздоровается как ни в чём не бывало?

2

— Уф-ф, ну и денёк выдался! Бег по самой кромке лезвия бритвы становится привычным. Ясное дело, отправившись на охоту, будь готов, что жертва и мишень — далеко не синонимы. Мне кажется, Зона с помощью Другого повела ответную, целенаправленную охоту на меня. Впрямую меня ухватить она не может, не успевает засечь и навести прицел, я фактически в режиме невидимости, в одной и той же точке надолго не застываю, постоянно утекаю... Вот она и натравила своего верного помощника, целясь на упреждение. Ну а он и рад стараться! Управлять аномалиями и монстрами ему что два пальца об асфальт, при желании... И под его чутким координирующим руководством мутные порождения Зоны подстерегают меня, преследуют меня, травят меня. Только не на того напали, я дядя шустрый, ускользаю... Но сегодня чуть не вляпался, блин. Ура моему «корду» и его стопатронному магазину! Троекратное ура, ура, ура! Не зря я выбрал в основные эту неслабую пушечку. Оч-чень важный фактор — хорошее вооружение, хотя главное опыт, опыт — его ни за какие рубли не купишь, только за пот и кровь... Я вовремя скумекал, что это засада. Почти у самого тополя развернулся, «кордом» прогрыз брешь в строю сбежавшихся отовсюду псов, рванул прочь и совершил скачок в другое время и место. Другой ринулся вдогонку, вцепился в мой след, только вот преследовал недолго. Сразу остановить меня ему не удалось, он пытался преграждать мне путь, сдвигая аномалии, не преуспел и упорствовать не стал, отцепился. Это меня пугает больше всего. Уж больно легко он сдался. Словно не матёрый ходок, а новичок какой-то. Почему? Неужели произошло страшное?... Она изначально поставила Другому задачу не уничтожить меня, а пометить. Я-то воевал на полном серьёзе, без понтов, а он, сволочь, играл даже не в имитирующий войну страйкбол, а баловался пейнтболом. Обляпал меня заметной издали краской и отвалил, посмеиваясь в бороду... Тогда я вляпался без всякого чутья.

3

Прогулочные путешествия внутри себя она совершала не регулярно, а когда находилась в подходящем настроении. Телесному воплощению было приятно расхаживать по саду и любоваться растениями и обитателями. Чисто по-человечески, плодами своих трудов.

Однако с какого-то момента прогулки превратились в инспекционные обходы, которые требовалось устраивать постоянно. Большую часть своей запасённой энергии она тратила на защитные барьеры, нижний и верхний, что отгораживали её от планетарной энергетики и ноосферы человечества. Тем самым позволяя сохранять в неприкосновенности ожидающее, зависшее состояние. На всё, происходящее внутри себя, она тратила сравнительно мало сил и внимания. Во всяком случае, сопоставимо с усилиями, необходимыми для поддержания порядка обычными человеческими методами. И вот в один далеко не прекрасный день налаженный садовый быт начал трещать по швам и расползаться.

Работы прибавилось на порядок. Её телесному воплощению, аватару-женщине, всех беспокойных сталкеров приходилось буквально за ручки отводить к их Древосилам, чтобы спящие подпитывались. Охота к перемене мест обуяла людей, продолжавших жить в саду. Причём все произведённые проверки не выявили никаких отклонений от состояний, в которых они находились раньше. Люди продолжали спать и видеть сны, которые им нравилось видеть.

Но их тела почему-то больше не желали покоя. Они стремились перемещаться. Таким образом, сад всё больше превращался в обиталище толпы «лунатиков», которые медленно, заторможенно, но неустойчиво вышагивали в никуда. Каких-либо общих целей, популярных точек окончания маршрутов выявлено не было.

Сталкерские особи просто совершали ходки. Бессмысленные и безрезультатные, они следовали одна за другой, безостановочно.

А заботы эти организмы требовали всё большей и большей. Неустанной. Они просто умрут, если не будут периодически возвращаться под сень своих деревьев жизни и омываться дождём лепестков. Разве что взять и культивировать передвижной Древосил, портативный, и каждому дать в руки горшок с деревцем... Не исключено, что именно так и придётся поступить, если эта бродячая лихорадка продолжится, не сойдёт на нет.

Хотя, возможно, потребуется принимать кардинальные меры по восстановлению статус-кво. Стоило ей хоть немного отвлечься, ослабить контроль, и сталкеры начинали сбиваться в группки. Они сходились, соприкасались телами и в таком виде застывали надолго, будто общались через прикосновение. Но никакого обмена мыслями, словами, энергетикой зафиксировать не удалось. Люди просто собирались вместе и не торопились расходиться. Пока она их не разводила принудительно.

А количество причин, требующих отвлекаться, не уменьшалось. Наоборот. Всё более увеличивалось давление извне. Словно противникам надоело вести позиционную войну, и они пробовали её «шкуру» на прочность, на разных участках наращивая мощность натиска, стремясь проколоть защиту.

Но главной причиной по-прежнему оставалась необходимость снова и снова отправлять на войну любимого мужчину. И при этом ещё не говорить ему правду, уверяя, что здесь, дома, всё по-прежнему, всё хорошо. И — всё будет хорошо.

Напарнику с каждой ходкой в прошлое приходилось всё более несладко. К ремеслу боевого корректировщика, единственного в своём роде, прибавилась дополнительная работа. Упорный преследователь. Теперь, конечно, он станет заметней, и изловить его будет гораздо легче... может быть.

— Короче говоря, покой нам только... гм... снится, — пожаловалась она реке, на берег которой выбираться удавалось всё реже. Древосилов здесь не водилось, росли в основном обычные плодово-ягодные культуры, особенно много было вишнёвых деревьев. Ей нравилось держать их вечно цветущими, белопенные кроны очень напоминали облачка в чистом небе. Она любила смотреть в небо, но почти всегда была лишена этой возможности. Нормальная реальность застила и не позволяла. Вот именно поэтому юная, дикая Зона, разобитая на большую Землю, своё личное небо обычно разрисовывала мрачными, хмурыми тонами.

Глава шестнадцатая. Связь поколений

1

Мой извилистый зонный путь опять заводит меня в Болото.

Пересвет идёт за мной, отставая всего на пару шагов, и нервно зыркает по сторонам. Напарник мне нынче достался способный, более чем. Уже через несколько суток нашей первой учебной ходки продвигается тихо, аккуратно, как и положено ловчому. Его руки привычно направляют штурмовую винтовку на те участки густого камыша, откуда исходят хотя бы минимальные угрозы. Он ещё не понимает, почему интуиция в Зоне работает на полнейшем вперёд, и называет это будущее профессиональное умение очень просто и весело — чуйка. Возможно, именно благодаря Пересвету этот термин впоследствии и приживётся среди коллег. И когда я, молодой-зелёный, впервые столкнусь со своим собственным учителем, слово это будет для него привычным. Я услышу слово от него, и оно станет родным для меня.

Но одно дело «слушать» или «прислушиваться», совсем другое — услышать. Этому я сейчас и учу напарника, развиваю способность отчётливо расслышать подсказки внутреннего голоса. Который внутри Зоны — никакой не «внутренний», однако Пересвету рановато сообщать об источнике подсказок.

Нечасто случается, чтобы в Зоне у человека осталось его настоящее имя. Но этот сталкер Пересветом зовётся в натуре, так сказать, по паспорту. Его папа с мамой явно из «родноверов». Возможно, это имя осталось неизменным, превратилось в зонное, именно потому, что изначально было достаточно необычным, редко встречающимся. Готовым сталкерским прозвищем.

Он уже пятый ловчий из новичков, к которым я набился в напарники и ненавязчиво научаю уму-разуму. Тем самым помогаю новообразованному, недавно возникшему тайному клану выжить на самой ранней стадии его существования. Парням (и одной девушке) я представился Томагавком, который в ловчие был посвящён ныне покойным Ястребком. Тот, мол, приобщил и серьёзно обучил незадолго до своей гибели, не успел ни с кем из коллег познакомиться, вследствие чего никто из ловчих, ещё очень немногочисленных, даже не подозревал о моём существовании.

Ястребок этот, до того как судилось ему стать одним из первых человек, услышавших «голос» Зоны, был настоящим профессионалом. Киллером, воистину криминальной легендой большого мира, который раскинулся по ту сторону границы Чёрного Края, за ещё не достроенным Периметром, что прямо сейчас спешно возводится вокруг Черноты. А посему коллеги, заслышав липовую историю, мне искренне завидуют. Мол, фигасе, чувак, ну и сенсей тебе достался! Сталкер чуть ли не из первой пятёрки ловчих желаний.

Пересвет сейчас охотится за своей третьей целью. Обходной маршрут через болота проложил я. Местность для обучения — «то, что доктор прописал». И новые тропы на своём КПК отметить начинающему уж точно лишним не будет. Ходка по топам пока недолго длится, а мы уже с успехом отбились от кабанов и пары болотных тварей. Причём я-то мутных чую издали, но специально не подавал вида, для того чтобы мой напарник сам их засекал и меня предупреждал. Пускай руку набивает и глаз тренирует, ему от этого сплошная польза.

— Замри, Том, — предупреждает меня Пересвет. Его пальцы сжимают моё предплечье.

Прикинувшись шлангом, я делаю вид, что и не подозревал о присутствии болотного монстра, который притаился в засаде у нас на пути и только ждёт, когда мы приблизимся на расстояние убийственного рывка.

— Чего там? — Останавливаюсь, пригибаюсь пониже и осматриваюсь.

— Одна штука. Что-то большое, очень голодное, страшно злобное, но... терпеливое, что ли. — Напарник пробует описать мне ощущения, всплывающие в нём как бы из ниоткуда. На самом деле «по прямому проводу» от самой Зоны, но в этом он разберётся позже. Самостоятельно. А не поймёт — долго не проходит.

— Такие импульсы в наших думалках вызывают кровососы и болотные твари. Характерные признаки — ярость, голод, осторожность. — Я не упускаю удобного момента, чтобы вычитать короткую лекцию. — Не помнишь, когда те болотные на нас бросились, ты что-то подобное учуял?

— Тогда всё неожиданно случилось, Том... Если я чего и чуял, то разве что вонь нашего дерьма в штанах. — Под маской ученик наверняка улыбается. — И то после боя уже.

Пересвет вскидывает свою «первичку» и медленно топает навстречу твари.

Мутная, врубившись, что её засекли, кидается в атаку. Пересвет уже опережает меня на полдюжину шагов, когда тварь выскакивает из зарослей и бежит на него. Напарник «опрокидывается» назад, открывая для меня сектор обстрела. И пока он, лёжа на спине, дырявит монструозное туловище, я вскидываю свою СВДшку и не целясь бабахая. Пуля угодила в глаз мутной, она дёргает башкой, из её затылка брызжет фонтан тёмной жижи. Уже мёртвая, болотная тварь проскакивает по инерции несколько метров и валится прямо на Пересвета.

— Я понимаю, конечно, что в Зоне явно прослеживается нехватка женщин. Но это же не повод, вот так изменять элементарным вкусам и позволять на себя запрыгивать всяким, — с ехидной шуткой отшвыриваю тварь и протягиваю шокированному напарнику руку, чтобы помочь ему подняться на ноги. — Ещё интимный вопрос. А ты как вообще целуешься с такими партнёрами или без поцелуев обходится?

— Фу, зараза! — Парень, видимо, живо представляет себе акт поцелуя, глядя на щупальца мутной, и вскакивает. — Вот такой облом! Только заинтересовалась мной дама, и без того не красавица, так ты ей сверх того личико поспешил подпортить.

— Эт я по-дружески, — продолжаю шутить, пытаюсь немного успокоить стук наших сердец, заполненный от выбросов адреналина. — Она тебя не любила, и ты бы с ней не был счастлив, ваша семья быстро бы распалась. Это я тебе как бывалый зонный ухажёр говорю...

— А если бы детки случились? — выдержав паузу, добавляю я, чем вызываю у напарника приступ смеха.

Здорового, а не нервного, и это хорошо. Разрядка произошла.

— Ой, двигаем дальше, бывалый. — Переведя дыхание, Пересвет взмахивает рукой и первым трогается с места, желая опробовать свою интуицию и себя в качестве проводника. Быстро учится, молодец.

На самом деле в обход, через болота, мы идём от Агропрома к южному сталкерскому посёлку. Сообщество бродяг вновь пополнилось свежеприбывшими. Один из новичков является объектом нашего профессионального интереса. Дальнейшая походка протекает без особых приключений. Работаем мы в связке чётко, слаженно, как механические часы, выполненные опытным мастером. Лишь под конец перехода нам встречаются несколько групп без «знаков различия», но, решив лишний раз не париться, мы скрытно обходим их стороной.

Уже под вечер Пересвет выводит меня к посёлку. Его внутренний «джипис» ловчего очень даже неплохо функционирует, чему я искренне рад. Но цели в Южном уже нет, и чуйка напарника тянет севернее. Несмотря на близящуюся ночь, мы решаем не задерживаться и уходить прочь. Таким образом, в сумерках мы выходим на остатки дороги, до боли знакомой всем сталкерам. Той, что ведёт на север, к Свалке, и дальше, на Припять, и... к Станции. Как выглядит воочию противоположный конец этой дороги, ясное дело, узнать суждено лишь считаным единицам.

Но вопреки ожиданиям походка обрывается, не успев начаться. Пробежав не больше сотни метров, Пересвет застывает столбом как вкопанный. Я, задумавшись о своём, с разгона втыкаюсь в спину напарника.

— Что такое? — интересуюсь. Хотя, прощупав окрестности, уже сам понял что.

— Тиш-ше. — Он подносит палец к фильтрам намордника. — Кажись, тут...

— Где именно? — Я озираюсь по сторонам, пытаюсь вычислить, на какого именно потенциала из доступных в округе настроился Пересвет. Я-то чую далеко не единственного. — Там, на западе?

— Нет, прямо тут... где я стою. — Он смотрит на меня, и даже через стёкла маски видны его округлившиеся глаза.

Догадка озаряет его наконец-то, а я уже прикипел взглядом к асфальту. Чётко под нами — тоннель. Здоровенная «труба», просунутая под дорожным полотном...

«Бах!!!»

Глухой выстрел гремит неожиданно и заставляет нас вздрогнуть, даже меня. Стреляли из мощного пистолета, чего-то с немалым калибром. Поняв друг друга с полувзгляда, мы кидаемся к разным выходам из подземной трубы. Я уже прыгнул и лечу вниз, как вдруг подо мной возникает чей-то тёмный силуэт. И что мне остаётся делать? Лишь направить приклад винтовки в нужном направлении и слегка придать ему ускорения. Разбирать полёты лучше потом и с позиции силы.

— Гык! — Сталкер, которого я огрел, всплеснув руками, роняет автомат и рушится наземь, мордой вниз.

— Том, он его убил! — Из тоннеля выскакивает возбуждённый Пересвет и таращится на тело, распростёртое у моих ног. — И что теперь с ним делать? — спрашивает напарник.

— Хороший вопрос. — Я отчётливо ощущаю, что это тело, вырубленное мной, не простой сталкер, ох какой не простой; сильнейшая волна потенциала исходит от него. — Давай хоть глянем для начала, кто это.

Мой напарник переворачивает вырубленного на спину. Одной рукой он направляет в голову незнакомцу свой «стечкин», а другой срывает с него маску.

— Ё-моё! Это ж на-аш! — изумляется напарник.

Оглушённый мною сталкер моргает глазками, приходя в себя.

— Точно... наш...

Я мгновенно теряюсь. Причина моей растерянности — лицо, раньше скрытое намордником шлема. Его бы я ни за что не забыл!

— Знакомься, Том. — Пересвет помогает кряхтящему коллеге подняться на ноги. — Это Китобой Вик, наш главный коллега... которого, прошу заметить, вырубил два новичка.

Мой напарник нервно хихикает. Пересвету не по себе от случившегося. А я протягиваю коллеге руку для рукопожатия. Стараюсь, чтобы она не тряслась. Уж насколько не по себе мне!

В голове отчаянно переплетаются и путаются года и даты. Не может быть! Я не мог ошибиться! Передо мной тот самый потенциал, с которым я дрался тогда в лесу, задолго до рождения Чёрного Края, расширения Зоны и появления «ловчих» — избранных человек, с которыми аномальная сущность заговорила. Но ведь он должен быть мёртв!

Перед моим внутренним взором — окровавленная коряга, торчащая из его груди. Как он выжил?! Ещё до нашей встречи где-то подобрал какой-нибудь артефакт «дополнительной жизни»?

— Ну вы, блин, даёте. — Этот живёхонький дядя, никто иной, как легендарный Китобой собственной персоной, морщится и потирает ушибленный затылок. — Вы чё, салаги, на всех без разбору сигаете и рубите почём зря? А поговорить?

— Извини, Вик... не признали, — смущённо бормочет напарник, как будто он сам его оглушил, — к тому же тело, которое ты грохнул в трубе... моя цель... была.

— Да? — Китобой искренне удивляется. — И моя тоже... Нужно будет обмозговать схему на будущее, чтобы не пересекаться друг с другом и не перехватывать цели друг у друга.

Из их разговора мне становится ясно, что «неправильный» потенциал, чей труп лежит в тоннеле рядом с ветхим остовом автомобиля, не внял откровениям Китобоя, пытавшегося посвятить новичка в суть происходящего. Мало того, он рассмеялся ему в лицо и послал в очень влажное место. Сам же намылился чесать прямиком к Саркофагу, тащить в сердце Зоны очередное заветное желание.

Естественно, последовала «зачистка» непонятливого соискателя, представляющего реальную угрозу своим намерением, принесённым в Зону. Результат — минус одно стрёмное желание и минус одно потенциальное чудовище, способное вылезти обратно из эпицентральной «задницы». Ловчие как таковые совсем недавно возникли, а функцию свою исполняют без колебаний и задержек. Вот что значит, когда людей объединяют в организацию ясные, недвусмысленные цели и задачи.

Я стою в сторонке и слушаю, а внутри всё дёргается от нетерпения. Так и хочется побыстрее смыться, очень неуютно мне в присутствии этого ожившего Китобоя... Видимо, на том и прокалываюсь.

— Ну ладно. Вам есть о чём поговорить, а у меня дела, — лопается наконец моё терпение.

Я протягиваю руку — попрощаться.

Мной всецело овладевает желание свалить с глаз долой, чтобы меня случайно не узнал этот воскресший сталкер, которому судьба, оказывается, готовила участь первого патриарха ловчих.

— Ну, это уже предел наглости, — Китобой разводит руками, — мало того что старшего побил и не извинился, так ещё и не назвался. Ты кто, бродяга? Зона должна знать своих героев.

— О! Вик, это Томагавк, — встревает в разговор восторженный Пересвет, — он уже не совсем новичок! И угадай, кто его посвятил и натаскивал?

«Чтоб ты был здоров и не кашлял, напарничек! Кто тебя, блин, за язык-то дёрнул?!» — чуть было не заорал я вслух. Но сдержался. И мысленно же присовокупил куда более нецензурное выражение.

Моя легенда была рассчитана исключительно на «зелёных», неосведомлённых ловчих.

— А Ястребок, вот кто! Вик, твой кореш покойный, земля ему пухом, но не жгучим, — Пересвет выдаёт последнюю, «контрольную» порцию инфы.

Ну, всё, приплыли. Влип, кучерявый?

— Да ну? Ястребок погиб на моих глазах, когда мы вдвоём исправляли его же ошибку. Вроде той, что под дорогой валяется.

Китобой махнул рукой в сторону дыры, из которой появился перед тем, как я его вырубил.

— И он мне ни про какого ученика не рассказывал, а мы с ним кореша были, ничего не скрывали. — Ловчий подозрительно осматривает меня от подошв ботинок и до верхушки шлема. — Да и не брался он учить... Потому как терпения не имел и мог сгоряча пристрелить тупого студента...

Китобой замолкает, не сводя с меня испытующего, вприщур взгляда.

— Кто ты, по правде? — выдержав драматическую паузу, спрашивает он.

Шифроваться дальше просто глупо, а вариант, который я некогда провернул с Шелестом — оглушить и бежать, в данном случае не пройдёт. Даже если вырублю одного, второй успеет сдуру очередью меня перетянуть. Я поглаживаю пальцем триггер своей винтовки, горизонтально висящей на перекинутом через плечо ремне, и левой рукой стягиваю маску.

— Пипец! — коротко исторгает Китобой.

Узнал.

Мы торчим не меньше минуты, сжимая в руках стволы, и всё ещё не знаем, что нам дальше делать-то.

По сути, конфликт очень давний и возник на пустом месте, а значит, ни делить нам нечего, ни предъявлять друг другу. «Маски сняты», и я жду следующего шага. Опасаюсь, что патриарх потребует, а я буду обязан открыть карты. Хоть какие-то.

Больше всего на свете не хочется убивать коллег. Такой выход — самый аварийный...

— Вы знакомы? — нарушает молчание удивлённый Пересвет.

— Не то чтобы сильно, — я кривлюсь, вспоминая обстоятельства нашей первой встречи на узкой зонной дорожке, — но есть маленько.

— Ты, это... иди в посёлок, Пересвет, отдохни. Ночь уже, считай, вот-вот стемнеет. Дай потолковать двум старым приятелям.

Китобой, уж мне ли этого не знать, мужик опытный. Понимает, что предстоящий разговор будет... гм... серьёзным. И не хочет молодого подвергать опасности.

Мой напарничек хочет было возразить, но, встретив ледяной взгляд ветерана, даже не вякает. Молча разворачивается и скользит туда, где уже загораются фонари и костры сталкерского посёлка.

— Поговорим? — спрашивает Китобой Вик. — Или опять...

Его пауза красноречивее любых слов. Умный человек этот Виктор Стульник из южного причерноморского города, в Зоне прозванный Китобоем. Один из самых умных в истории Зоны Сталкеров, судя по всей информации о нём, которая мне известна. Хотя он обладает не самым мощным из возможных потенциалов. Со сталкершей Шуткой никто из ловчих первого поколения так и не сравнился. Недаром именно она первой из людей была замечена сверхсущностью, с нею был установлен контакт, Шутка восприняла информацию, услышала

обращение и даже пыталась ответить. Пусть и безуспешно, канал связи остался односторонним... Никто из них по собственной воле так и не сумел докричаться до Зоны.

— Поговорим. — Я принимаю решение. — Нам есть о чём.

Передо мной один из считанных по пальцам одной руки коллег, с которыми я действительно хочу поговорить по-настоящему.

В том самом коротком тоннеле под дорогой мы разводим костёр и, держа на коленях винтовки, чутко отслеживая возможные угрозы, беседуем о том, как «дошли до жизни такой». Труп потенциального ловчего, который не принял нашу правду и не остановил своё движение к исполнению желания, очень символично валяется поодаль. Напоминает нам о высшей цели, ради которой мы все берём на души грехи, которые не искупить.

Первым делом спрашиваю, как же будущий ловчий ухитрился выжить? Ответ получаю подробный, но туманный. Молодые, которых он тогда вёл, ему поведали, что после моего бегства с поля боя внезапно появился какой-то незнакомый сталкер, видимо, опытный бродяга. Сталкерята с перепугу того путника чуть не пристрелили, но каким-то чудом он убедил их, что вылечит проводника. Незнакомца допустили к бездыханному телу, и тот выполнил обещание. Или некий артефакт запредельной силы имел, или настоящую волшебную палочку. Исчез он раньше, чем Вик пришёл в себя, поэтому сам воскрешённый понятия не имеет, кто это был, а от молодняка толку мало.

Ну что ж. Вот оно как, выясняется. Если вы не верите, что за вами ведётся слежка, это ещё не значит, что за вами не следят...

Я начинаю с того, что объясняю Китобой, почему столько лет прошло, а я всё такой же. Затем в общих чертах описываю, в чём заключается моя проклятая миссия. Опускаю многие подробности, конечно, сославшись на то, что всей ночи не хватит, чтоб расписать. Не нужно ему знать «деталей, в которых кроется дьявол». Главное, что он теперь в курсе, как будет в дальнейшем развиваться тайное сообщество ловчих.

Китобой знает, что в будущем кому-то из людей всё же удастся установить двусторонний контакт с наделённой разумом, мутировавшей в сверхсущность аномальной реальностью. Новые собеседники, найдя общий язык с Зоной, приглубят её, утешат, и начнётся новый этап развития, и тогда не надо уже будет ловчим трястись от неизбывного ужаса, бегая напрямую по аномалиям и прорываясь сквозь монстрический строй каждый раз, когда появляется цель.

Высшая цель ловчих будет достигнута, всеобщая благодать накроет Черноту, осветит мрак, и всё, что раньше в ней было опасного для человечества, обретёт завершённую форму, и наконец-то явится миру истинный лик сего проклятого Края...

Вик поверил мне. Несмотря на то что он задавал много вопросов, а я на большинство из них отказался отвечать. Ловчий первого поколения принял мою правоту ловчего третьего поколения и согласился, что капля информации, просочившись в не то место и в не то время, способна привести к катастрофическим последствиям...

Когда первый луч рассвета проникает в наше убежище, спрятанное «во глубине зонных руд», я прерываю разговор на полужвуке, встаю, коротко прощаюсь и устремляюсь к выходу из туннеля. Долгие проводы — лишние слова. Всё, что надо, сказано. Информация внедрена.

Пора мне искать очередного начинающего ловчего.

— И куда мне теперь засунуть это знание?! — крикнул мне в спину Китобой. — Никто ж не поверит, что я говорил с коллегой из будущего!

В этот миг я вспоминаю, что мне рассказывал о легендарном Китобое мой собственный учитель, мой первый напарник, незабвенный Луч, ловчий второго поколения. Николай Котомин, человек, который первым из всех нас сумел не только услышать Зону, но и ответить. Любимый ученик Шутки, которая самой первой из всех нас услышала Её зов...

— Проще простого! Ты скажи, Виктор Сергеевич, что тебя озарило, — советую я патриарху, не оборачиваясь, — ну, вроде было видение о том, что сбудется! Хозяйка наша кроху информации ненароком обронила, а ты подобрал и коллегам передал.

Намордник я не успел натянуть. Хорошо, что Китобой не видит мою физиономию.

Возникшее ощущение, что я заблудился в лабиринте и нарезаю круги, почти наверняка отразилось на моей роже. Когда сталкер почти всё время вынужден ходить в маске, возникает побочный эффект. За ненадобностью атрофируется умение контролировать выражение собственного лица.

Круг замкнулся. В мире всё и вся движется по кругу. Попробуй с гарантией разберись, где причина, а где следствие. Разве круг бывает разомкнутым?

2

— Похоже, я допрыгался. Проклятый супервыродок взял в оборот ловчих желаний... У меня пока нет информации, есть ли в этом моя вина, или только доля моей вины, или я совершенно ни при чём. Но установленные мною факты двоякому толкованию не подлежат, Другой шерстит коллег. Он проводит среди кадровых ловчих строгую инспекторскую проверку. Можно сказать, выбраковку. Некоторых, отобранных по одной Зоне известным критериям, наймит безжалостно стирает. Ни за что ни про что. Будто эти люди не сформировавшиеся, опытные чистильщики, давно выбравшие свой путь, а какие-нибудь неопределившиеся потенциалы, от которых может исходить угроза Зоне! У меня тоже не было и нет выбора, поэтому я пытался ему помешать, спасти хотя бы кого-то, но везде и всюду просто не успеваю. Мне ведь приходится таскаться за ним в кильватере, ступать след в след, а не бежать впереди, размахивая чёрно-жёлтым флажком со знаком радиационной опасности и крича «Спасайся, кто может!». И всё-таки иногда я ухитряюсь хоть что-то сделать для наших. Несостоявшиеся жертвы даже не в курсе, кто им помог, а некоторые приняли меня самого за наёмника, явившегося по их жизни. Выкрутился... Категорически несправедливо — погибнуть от пули того, кого спасаешь. Хуже некуда подобная смерть! Так я думал ещё вчера... Сегодня я изменил мнение. Ниже любого дна всегда обнаруживается яма, куда можно провалиться... Из-за меня погиб целый отряд, я подставил коллег. Не появившись я там, они остались бы живы. На этих ловчих, видимо, легла моя тень. К ним прицепился мой волновой запах, на них попали брызги пейнтбольной краски, которой я помечен... Кольцо облавы неумолимо сужается. Теперь я обречён на полную изоляцию. Придётся держаться подальше от любого сталкера, который может быть случайно принят за меня. Обходить стороной всех людей, потенциально или реально обладающих особыми способностями и аномальной сверхчувствительностью, которую мы для краткости зовём чуйкой. Чего Зона добивается? Надо понимать, предотвращает создание особой группировки опытных ловчих, объединённых идеей отлова и уничтожения супершатунов. Ну и прочих новых супермонстров, возникновения которых в Зоне всегда все ждут и пуще всего боятся. Понятное дело, с хорошо изученным врагом бороться куда легче и проще, чем с новоявленным и непредсказуемым.

3

Женщина стояла на высоком берегу реки. Ссутулившаяся, изнурённая женщина, в глазах которой леденяще стыла вселенская усталость. Она обвела взглядом речные волны, в эту минуту бурные, взъерошенные поднявшимся ветром. Настроение женщины передавалось подруге.

— Знаешь, Припять, что меня бередит, не даёт покоя? Об этом преследователе я вынуждена судить по информации, которую скрупулёзно собрала в самых потаённых уголках памяти. Мои возможные действия относительно этого существа во многом основаны на этих отрывочных сведениях. Я даю напарнику ориентировки, а сама при этом не уверена, что избранные координаты и методы поиска приведут к цели. Я даже не знаю, стоит ли эта цель того, чтобы за ней столь упорно гоняться... не тратим ли мы понапрасну ресурсы и время. Пытаюсь узнать, но имеющихся данных недостаточно. Мой рыцарь, конечно, старается изо всех сил и дополняет информационную картину. Может быть, мы с ним сумеем...

Она продолжила делиться с подругой сомнениями и тревогами. Это длилось ещё некоторое время, речные волны вздымались всё выше, женщина всё сильнее сутулилась, словно груз ответственности пригибал тело книзу. Однако к тому моменту, когда из портала возник мужчина, женщина уже волшебным образом преобразилась. Только наедине с подругой она могла позволить себе не притворяться. Мужчина должен лицезреть её во всей красе. Любимый воюет за неё и достоин самой лучшей, прекрасной женщины. В его понимании, конечно. И она старалась радовать партнёра, которому мало что могла дать, по большому счёту, в чисто человеческом смысле. Но уж порадовать мужской взгляд — могла и хотела. Мужскую физиологию у неё тоже было чем радовать, в чисто человеческом смысле, и было чем хотеть. Для этого она выяснила, какие именно параметры и свойства ему наиболее подходят, и воплотила их все в этом женском организме. Аватар получился более чем удачным...

— А Китобой-то жив! — сообщил напарник вдруг, сразу же, вместо «здрасьте». Само собой, слова приветствия с успехом заменили его руки и глаза, но из уст первым появилось именно это сообщение.

С наслаждением ощущая, как её бока и спину сжимают крепкие руки любимого, она вспомнила, о чём речь, и сказала:

— Ты молодец, что исправил свой просчёт. Всё-таки прав был Китобой, говоря о предчувствии явления новых собеседников, и с его подачи эта легенда оказала сильнейшее влияние на мировоззрение ловчих...

— Без меня нашлись добрые люди, исправили, — произнёс в своей ворчливой манере напарник. И вдруг ухмыльнулся.

— Ты чего? — спросила она его.

— Да так... Вспомнил о том, что незамкнутых кругов не бывает по определению.

— О чём, о чём?!

И в этот момент он нараспашку открыл свои мысли, чтобы отчитаться о выполненной миссии, и ей стали известны подробности разговора с необъяснимо воскресшим Китобоем (во всяком случае, от Дикой Зоны ей в наследство не досталось никаких воспоминаний, каким же образом это произошло). Только теперь она узнала детали, в которых, как всегда, и скрывалась суть. Автором легенды о видении, предвещавшем пришествие истинного собеседника, оказался он сам же, истинный...

И её улыбка вторила улыбке напарника. Да уж, вселенский змей всегда скручивается в кольцо и норовит ухватить себя за хвост. Так и существует в вечной борьбе с собой.

Глава семнадцатая. Тройная опека

1

Если бы у меня появилась возможность увидеть своего солидного папу двенадцатилетним хулиганом, бегающим по двору и бьющим стёкла, то возникшие у меня чувства были бы наверняка похожими на те, что я испытал сейчас. Мой наставник — мастер ствола и подствольника, ликвидатор номер один, легенда из легенд Зоны, «бэст оф зэ бэст» среди всех поколений моих коллег, сейчас полз кустами и канавами, по широкой дуге огибая двух ничтожных пьяных бандюков.

Годиком-двумя позже — фиг бы он прятался. Да он даже крейсерскую скорость своего бега не замедлил бы, походя пристрелив этих гопников из пары своих любимых кольтов на ковбойский манер, навскидку. И бандитские фразы типа «стоять-бояться, козёл», «га, хто к нам такой сам лезет», «оп-ля, ребя, шара ввалила» скользнули бы мимо его восприятия, не прерывая тёплую мысль о шикарных котлетах любимого бара «Лихорадка».

Ну, собственно, каждый из нас когда-то ещё сиську сосал и под себя пудил. В Зоне все стартуют фактически одинаково, а вот дальше — уже по желанию и возможностям, и само собой, как ляжет карта удачи. В данном случае карта должна бы лечь очень чётко, правильно

и вовремя — без вариантов. И если ситуация потребует, то я самолично подтасую в колоду событий свой козырный туз.

Это была очередная серия ходок, связанных с подстраховкой значимых персон моей жизни. Отчаянно надеюсь, последняя. Уж очень хрупкое это сооружение, как выяснилось, — судьба человека. Вдруг чуть-чуть не так повернёшься, заденешь ненароком локтем, и рухнет, разлетится вдребезги. А там попробуй с гарантией догадайся, что именно удастся склеить из осколков...

Мой будущий учитель отважно покинул сталкерский посёлок в одиночку, без проводника или напарника, и теперь «полз». Его перевалочный пункт назначения — Старый Бар. Далее — везде... В этом отчаянном рейде первохода-новичка, московского журналиста Котомина, наивно уверенного, что ни единому человеку в Зоне он и даром не надобен, подстраховывал не только я. Восточнее на некотором отдалении скользяла одна из лучших сталкеров за всю историю Зоны. Сталкерша — точно самая лучшая.

Шутка, которая его сюда и заманила.

Я прокрадывался западнее, симметрично, на таком же расстоянии от Ника, ею незамеченный, и всё поглядывал в её сторону. С момента первой встречи каждый раз, вспоминая напарницу учителя, я рефлекторно тянулся рукой вниз. У меня возникало желание потрогать ягодицу, некогда простреленную Шуткой. Вот это женщина! «Шило в заднице» — сказано про неё, чуть ли не буквально, только вот с одним нюансом. Не простое шило, а шило солидного калибра. Я-то помню...

На подходе к Свалке я предпринял марш-бросок и обогнал «дядю». Помнится, я обожал его так называть, ведь он был гораздо старше меня возрастом в момент нашего знакомства в призонной округе. Ух, славно мы тогда крошили с обломков самолёта целую толпу снайперов... и я впервые увидел настоящую стрельбу по-македонски... и спас раненому Лучу жизнь, использовав «пламя» семейки Тимецких. Тот самый артефакт, который и привёл меня с берегов Балтики в Чёрный Край, когда Влад, пусть ему Зона будет пухом, но не жгучим, решил переться в самую черноту на розыски своего старшего брата Юрки Тимецкого. А я, заправский пофигист, от нечего делать прилепился к нему и оказался здесь просто за компанию, ещё не подозревая об уготованной мне участи...

Шутка немного задержалась, нарвавшись на нескольких кабанов, и приотстала. Если бы я тоже оттянулся назад, то в одной из узких лазеек этой территории мы бы с ней точно лбами столкнулись. Поэтому решение забежать вперёд и вести будущего учителя «на поводке» до самого Бара, расчищать ему тропу, показалось единственно верным.

По Свалке я пронёсся ураганом. Специально бежал во весь рост, с гауссом наперевес. Вся местная братва, засевшая по своим нычкам в засадах, поспешила выскочить на перехват наглого сталкера, не заплатившего «за транзит». Влом было их по одному отстреливать, я подождал, когда они соберутся в кучу, а потом вскинул свой ИМА. Пятьдесят разрывных игл и столько же бронебойных опрокинули навзничь почти всех, кто не сообразил вовремя рвануть когти в ужасе. Некоторые выжившие придурки, схоронясь за деревьями, сгнившими остовами техники и железобетонными коробами, открыли огонь. Там они все и остались с застывшими выражениями удивления на лицах.

С тем же успехом можно было использовать пачки маргарина в качестве бронепластин. Импульсный блок для разрывного и бронебойного магазинов сейчас настроен на максимум, и иглы летели с огромной скоростью, подобно метеоритам, что в оболочке огня пронзают атмосферу Земли. И пока не придумают бронежилет от метеоритов — брони, защищающей от снарядов электромагнитного оружия, тоже не будет.

Из руин, расположенных западнее старой тропы, никто даже носа не высунул. Может, и прятались там в засаде бандиты, но моя превентивная очередь изрешетила высокий ветхий забор, огораживающий остовы дряхлых построек. Тем сооружениям тоже досталось с лихвой, потому как плиты забора ненамного замедлили летящие стержни. Кто прятался в тех руинах, если не умер, то ретировался в сторону Агропрома, от греха подальше.

На северной границе территории ещё три фигуры мелькнули вдали, норовя двинуться в мою сторону. Я вскинул ИМА. Грудная клетка одного из них разорвалась от моего выстрела,

оголив обломки рёбер. Двое остальных прыгнули в какую-то канаву и залегли на её дне. Ещё бы, ведь расстояние между нами составляло не менее трёх дистанций прицельной стрельбы из их штурмовых винтовок, и нужно было быть полным кретином, чтобы после такой демонстрации силы надеяться преодолеть хотя бы половину этого пути живым.

Покинув Свалку, я залёг западнее, в кустах на неприметном холмике, и стал ждать, рассматривая через оптику скупой пейзаж. Путь предварительно расчищен. Сложностей с преодолением этого участка Зоны у моего будущего учителя не должно возникнуть, тем более что не я один его подстраховываю.

Фортуна, а именно так сейчас звали будущего Луча, появился в поле моего зрения спустя четверть часа. Явился как на ладони, потому что заросли и канавы на его пути закончились. И теперь он быстро бежал, пытаясь скорей преодолеть открытый участок местности.

Что-то мелькнуло перед ним. Я всмотрелся. Слегка размытый воздух можно было принять за аномалию, если бы это образование не передвигалось и... не имело два отлично знакомых буркала кровососа.

Эх! Не заметит и не завалит монстра Фортуна — он ещё бродяга совсем неопытный. И Шутка просто бессильна. Даже если она и засекла кровососа, то выстрелить не сможет — прямо на линии её огня спина Ника. Стрелять наудачу и я бы не рискнул, окажись на её месте. Да и себя выдавать, откровенно пристрелив тварь, перед самым носом ведомого, вряд ли входит в хитрые планы сталкерши... Хотя какие, к чёрту, планы, если угроза смертельна и...

Времени на размышления не оставалось. Я дёрнул мизинцем, нажимая кнопку подачи четвёртого магазина. Одной Зоне известно, почему я не снял его после ходок, в которых занимался селекцией мутных. Именно в этом магазине содержались ампулы транквилизаторов. Спецназовцы их применяли в миссиях, когда объект необходимо было взять живым.

Один за другим три продолговатых «кокона» ещё в канале ускорителя раскрыли тонкие когтистые лапки своих игл и превратились в подобия стальных пауков, брюшками которым служили композитные ампулы. Мощность импульса на них была настроена минимальная, поэтому два паучка просвистели мимо мутанта, но последний всё-таки впился ему в бок.

Было даже забавно наблюдать, как испугался Фортуна, когда прямо перед ним, взыв от боли, в воздухе проявился кровосос. Монстр ничего не понял, он стоял и тряс лапами перед лицом журналиста. Мышцы кровососа наливались жгучей болью и каменели с каждой секундой, ещё немного — и парализованный гад плюхнулся бы в пыль дороги. Но тут дядя вышел из транса. Весь магазин германской штурмовой винтовки он выпустил в область головы мутанта, превратив ту самую область в сплошные рваные тряпки.

Эта отчаянная очередь прогромыхала на фоне воцарившейся над Свалкой тишины подобно призыву церковного колокола. Эх, дядя, пожалел денег на глушитель! Неудивительно, что кое-где стали возникать фигурки бандюков. Повывлезали шакалы на запах наживы! И геноцид, который я им недавно устроил, ровным счётом ни на что не повлиял. Фортуна сам понял, что привлёк к себе излишнее внимание, и, справившись с шоком неожиданной встречи, уже топтал дальше.

Бандиты сбились в небольшой отряд, но, видать, уразумели, что не догнать им халявный хабар, и остановились на границе своих владений. Трое из них, сунув по два пальца в рты, хлётко и звонко свистнули. Заслышав этот свист, мой подопечный высоко подпрыгнул как ошпаренный и побежал ещё быстрее. Братва проводила его групповым хохотом и парочкой салютных залпов в воздух, чтобы пятки драпающего сверкали ярче. Бандюки ещё долго стояли, тыкали перстами в уменьшающуюся спину Фортуны и ржали.

И вот это самое перепуганное чудо когда-то станет легендарным сталкером, который своим мастерством зацепит мою душу за живое. Первая же увиденная мной перестрелка с монстрами в его исполнении засела в памяти рыболовным крючком, крепче, чем воспоминание о первой женщине. Тот пистолетный танец «по-македонски» мне никогда не

позабывать. Столько всего видел и пережил после... но и вправду самые первые впечатления всегда самые острые.

А бандюки пусть смеются до поры. Я-то знаю, что это за человечек неуклюже крадётся по Зоне навстречу своей судьбе. И если самым первым шагам и непосредственно ходить по Зоне я научился самостоятельно, то именно Луч показал мне, как по ней бегать, прыгать и даже, в некотором роде, летать.

Благодаря ему и я встретил свою собственную судьбу.

А сейчас мой сэнсей ещё даже не Луч. Пока он — журналюга, стремящийся к пресловутому Саркофагу за репортажем века. Столичный деятель, очень смутно понимающий, что именно он там хочет обрести... Такой знакомый и родной учитель сейчас был просто неузнаваем. Недоумение и удивление это зрелище у меня вызвало просто неопишущее. Всё равно что на вершине поднявшегося из пучин океана кракена узреть какого-нибудь спящего очкастого ботана лет пятнадцати от роду.

Но мы все когда-то делали первую ходку. Боюсь даже представлять, каким лохом тогда я сам выглядел в глазах старожила Луча.

2

— ...и никто из них меня не заметил. Даже сторожевой суперпёс Другой, которому Зоной положено унюхивать моё близкое присутствие. Я крался за ними всеми, а они были настолько увлечены первой серьёзной ходкой, случившейся в зонной жизни Луча, что назад не оглядывались и меня в упор не засекли. Теперь я практически убеждён, что в Другого превратился не кто иной, как Несси. Это он, больше некому. Иначе с какого перепугу этот монстр из монстров раз за разом нежно лелеет своего предшественника Луча, собеседника Зоны второго поколения? Точнее, ещё журналиста Ника... Я наконец знаю, что мне делать дальше. Я могу прыгать по разным годам жизни Зоны, вот и буду прыгать. Кому, как не мне, по силам предостерегать ловчих, спасать от происков Зоны. Но... э-э-э... напрямую делать этого нельзя, от самих ловчих мне лучше держаться подальше. Поэтому использую простых сталкеров, через которых смогу внедрить разнообразную информацию. Слухи и новости в Зоне растекаются исправно, вот и буду бороться словом — когда правдивым, когда лживым, когда вперемешку. В нужное время и в нужном месте сказанное слово может быть оружием страшней мини-гана... Перебежать в ночь прихода Котомина в Зону и убить Луч-Ника прямо в первые минуты, в лесу между блокпостом и южным посёлком, я всегда успею. Если сумею. В смысле, если смогу решиться убить Луча.

Штрих сказал всё, что хотел. Замолчал и посмотрел на доставшийся ему от Луча рекордер, спрятанный в зажатом кулаке. Эту запись он наговаривал почти шёпотом, лёжа в щели между наваленными в кучу железобетонными плитами, изгрызенными временем. Сюда он заполз переночевать, не успев добраться до одной из своих нор. И, видимо, в дальнейшем ему стоило поостеречься часто использовать заготовленные схроны. Главные козыри в его руках — мобильность, неуловимость и непредсказуемость. Всё своё ношу с собой и в себе. Ноги кормят волка, а сталкеру и подавно помогают не сдохнуть.

3

— Знаешь, подруга, от скуки я точно не помру! Появилась новая странность. В глубинах своей памяти я выуживаю воспоминания, которых не могла найти раньше. Очень важные, очень своевременные, только... они вдруг всплывают там, где их вроде бы и в помине не наблюдалось. Вот и думаю, не коварная ли это дезинформация, подкинутая тёмной Зоной? Закрадывается подозрение, что эти фрагменты воспоминаний как бы запрограммированы на выход из тени в тот самый момент, когда я начну активно искать свидетельства о конкретных событиях... Или всё-таки там, в прошлом, происходят реальные изменения, благодаря которым ко мне просачивается больше информации? За основное я пока что приняла именно это объяснение, хотя остаюсь насторожённой и всячески

перепроверяю воспоминания. Так вот, я анализирую этот всё более увеличивающийся объём данных и, в частности, среди прочего разбираюсь в имеющихся сведениях об этом неотступном преследователе... Понимаешь, реченька моя, я уже знаю наверняка, кто он, этот охотник. Действительно, бывший чёрный археолог, сталкер Гробокон. Но обретение этого знания не решило проблему, а наоборот, ещё более усложнило. Я не могу понять, что ему нужно. С одной стороны он ловчий желаний второго поколения, способный не только услышать Зону, но и ответить ей. Значит, по определению должен бы помогать ловчему третьего поколения Несси, истинному собеседнику, по терминологии ловчих. Человеку, способному свободно общаться с аномальной сверхсущностью, призванному выявить и поддержать в Зоне всё светлое и доброе... А с другой стороны, этот Вася ведёт себя как заклятый недруг, искренне считающий Несси врагом номер один! Он стремится изо всех сил оправдать своё прозвище Гробокон, угробить и закопать моего любимого напарника. Что это? Дикая чернота превратила Гробокона в своего наёмника и таким образом борется со светлым грядущим?.. Насколько я себя помню, тогда не испытывала ни малейшего желания помириться с окружающей реальностью и человечеством, наоборот, жаждала переть в будущее исключительно по пути агрессивной экспансии. Расширяться, расширяться, расти, сжирать пространство и жизни других, чтобы выжить самой... я и сейчас очень даже не против того, чтобы выжить, но убивать больше не желаю. Потому и впала в спячку, чтобы найти другие способы выживания.

Она перестала говорить вслух и оглянулась. В той стороне, откуда женщина пришла к берегу, простирался цветущий сад, в который её стараниями превратилась аномальная Чернота, ненавидевшая человечество. В отличие от серо-зеленоватых, однотонных речных волн сложенные из цветущих крон растительные волны были роскошно пёстрыми, разноцветными. Со стороны (кромку массива деревьев и обрыв над рекой разделяла обширная лужайка, покрытая травой, к счастью, по-прежнему ярко-зелёной!) её сад выглядел царством мира и спокойствия... В этот миг из-под крон выбрела человеческая фигура. Резко остановилась, будто наткнувшись на невидимую стену. Постояла неподвижно, словно разглядывая отдалённый и недоступный берег. Затем развернулась и побрела обратно. Но ей на смену, правее и левее, уже выбредали два... нет, три... четыре силуэта подопечных. Постояв на опушке, и они уйдут обратно, но это паломничество на край сада упорно становилось всё более массовым.

— Может быть, заложенные в прошлом «мины» и привели к тому, что здесь и сейчас во мне назревает неодолимое противоречие? — тихонько, почти шёпотом, спросила она.

Кого? Себя-светлую или себя-тёмную?..

Она долго, медленно добиралась сюда, к реке, назначенной в задушевные подруги и по этой причине искусственно обособленной от остальной территории. По пути хозяйка сада наводила хотя бы относительный порядок. Сталкеры почти безостановочно перемещались, забредали в кустарниковые заросли и запутывались в ветвях, топали напрямик по бутонам и стеблям, вытапывали цветочные кусты, некоторые пытались влезать на деревья. И все как один добровольно не возвращались к своим Древосилам. Они не сопротивлялись, когда она их отводила к лепестковым кругам, но сами туда не ходили. Более того, избегали Древосилы, старались обходить их стороной. Будто под сенью животворных деревьев располагались не источники энергии, а наоборот, нечто отнимающее, высасывающее силы.

Но не это выглядело самым угрожающим. Душа болела от того, что повсеместно прорастало всё больше стеблей, цветков и листьев тёмных, мрачных тонов. И что самое ужасное, почти на каждом Древосиле начали появляться чёрные лепестки. Рук не хватало обрывать их.

Глава восемнадцатая. Больше лучше, чем меньше

На подходе к Старому Бару я дал себе команду «вольно» и, держась на значительном отдалении, просто наблюдал за будущим Лучом. Без солидной оптики невозможно было различить его согнутую фигурку на фоне традиционно удручающих зонных пейзажей. Скрытно передвигаться Фортун уже подучился и больше не вынуждал ни меня, ни Шутку с замиранием сердец через перекрестие прицелов следить за исходом какой-нибудь потасовки, в которую он ввязался по глупости. Ещё немного, и Фортун благополучно достигнет перевалочного пункта, где и найдёт проводника к объекту «Саркофаг».

За него я уже почти не волновался. Дядю надёжно вела Шутка, которая приблизилась настолько, что практически наступала ему на пятки. Если надо, я мог и её рассмотреть через оптику. Вот она отлипла от ствола корявого тополя, мелькнула молнией, чтобы тут же слиться с покосившимся столбом, торчащим из почвы под углом градусов сорок пять. Замерла, прижалась спиной к насквозь проржавевшему продолговатому баку, что в доисторическую эпоху был молочной цистерной... А вот уже выглядывает из-за остатков автобуса. Очень долго всматривается в группу сталкеров, идущих к Бару, и, не определив в них явной угрозы, опускает винтовку.

Мой взгляд невольно останавливался на её спине и ниже, когда в процессе преодоления препятствий на пересечённой местности вдруг открывались любопытные ракурсы. И ракурсов этих было... немало.

Сталкершу плотно обтягивал хемикожаный комплект, который ничуть не скрывал её женские формы. Совсем не как при нашей первой встрече, когда под грубым «карманистым» комбезом даже нельзя было определить половую принадлежность преследователя. Её лицо крепко впечаталось в мою память. Не то, которое на фотке в баре «Лихорадка», а именно живое лицо, на которое я смотрел, когда оглушил её и на руках нёс к посёлку. Хороша Маша, да не наша. Эй, дядя, в чём-то мы с тобой сходимся на все сто процентов, нам обоим повезло с напарниками. Тебе с первой, мне — с окончательной.

В конце этой ходки, которая растянулась на три этапа, меня переполнило чувство гордости за проделанную работу. Вспомнились несколько эпизодов, когда даже легендарная Шутка, так сказать, прокололась, и если бы не я, обязательно сгинул бы наш будущий Луч, а вместе с ним и вся моя нынешняя реальность.

Чего только мне стоило увести с Хутора мегастаю, пока новоприбывший там разгуливал и ништяки собирал! Крысы, мало того что самые умные твари в Зоне, так ещё под воздействием излучений заимели себе настоящий, без условностей, коллективный разум. Натуральный множественный монстр, состоящий из тысяч мелких частей, и сдохнет он лишь тогда, когда умрёт самый последний его кусочек. А если хоть одна крыса выживет, тогда очень быстро чудовище полностью восстановится, при этом сохранив опыт и своеобразную «личность» предыдущей стаи. Связываться с крысами — последнее дело, да и они не горят желанием вклиниваться в нашу человеческую суету. Их идеал — чтоб нас бесследно слизнуло с лика бытия.

Ещё неприятно бредила мысль о том, что и я сам мог проколоться. Взять хотя бы тот момент, когда Ник впервые от кабана отбивался. Жуть! Холодным потом покрываюсь, прокручивая в голове эту сцену. Тогда Шутка мутанта на прицеле держала, а я всё решал, стрелять или не стрелять. Почему я тогда не удержался и всё-таки пальнул по кабану — одной Зоне известно. Было два практически одновременных выстрела. И ведь промазала Ленка, промазала... Я это заметил, уже когда труп кабана вблизи рассмотрел. Полбашки мутанту снести могла только моя разрывная игла.

За этим воспоминанием всплыло ещё одно, не из приятных. Был момент, когда Шутка опростоволосилась по полной программе. Накрылся бы Фортун коричневым мармеладом с головой! Шёл он в группе сталкеров, решивших наказать обнаглевших стражей апокалипсиса. Ленка знала о реальной силе тайной группировки и вызвалась провести на скрытую базу карательный отряд, нанятый торговцами. Всё как положено, заказчик платит авторитетному проводнику, авторитет — выполняет задание. Но в тот момент, когда Шутка увидела, какой именно отряд должна была провести по тайным тропкам Зоны, она готова

была отказаться даже в ущерб своей репутации. Только вот проблема понятна всем, кто имел дело с торговыми. Их контракты обратного хода не имеют.

Снаряжён был отряд в экзоскелетах закрытого типа. Колонна шагающих танков с непробиваемой бронёй, перемещавшихся со скоростью самых быстрых спринтерских... улиток. Планируемый Шуткой марш-бросок превратился в марш-ползок, выжравший её нервные клетки от макушки до пяток. И как сталкерша ни старалась выбрать проходы покороче, на место бойни они опоздали.

Конечно, помогли тогда наёмники — это факт. Вырвали Фортуна прямо из-под промывателя мозгов, но произошло это гораздо позже! Задолго до этого размазал бы журналиста один из стражей апокалипсиса залпом из мини-гана в упор, когда адепты положили в лесу всю первую, стихийно организованную команду, состоявшую из легковооружённых сталкеров. И всё. Не попал бы репортёр Котомин в плен к зомбированным фанатикам. Трупы в плен не берут.

Если бы я, плотно опекавший будущего дядю, тогда не съёс башку апокалиптическому паладину. Выходит, не случись меня там поблизости, наконец-то подоспевшей Шутке осталось бы разве что порыдать над останками несостоявшегося напарника, которого она коварно выманила аж из самой Москвы и на невидимом поводке притащила в Чёрный Край. И кто, получается, распределён исполнять главную роль в этом блокбастере?..

Всё-таки насколько приятно просто расслабиться и прислониться спиной к холодной ржавой рельсе, одиноко торчащей посреди руин заросшей трансформаторной будки. Так или иначе, операция уже позади. Ходка завершена. Но я продолжаю смотреть вслед уходящему наставнику, ностальгическим взглядом провожая его силуэт, с каждым мгновением уменьшающийся. Вот так же когда-то и он меня, молодого, довёл до Бара.

Посижу ещё немножко, я заслужил отдых.

Вот, отдыхаю. И вспоминаю забавные и не очень моменты, связанные с прошлым. Одной рукой удерживаю бинокль, а другой отстреливаю тушканов, я забрёл в их владения. Эх, милые зверушки, если бы все жизненные проблемы были такими же несущественными, какие создаёте вы!

2

— Я много раз пытался прорваться в будущее, но не сумел. Бился как муха об стекло... Да что там стекло! Если бы как стекло. Через него хоть видно, что там, по ту сторону. А здесь глухая, непроницаемая ни чуйке, ни взгляду стена. Воздвиглась в пятьдесят шестом и стоит незыблемо. Типа всё, приехали, конечная остановка времени. Так и не удалось мне двинуться дальше роковой даты, того дня, когда Зона вдруг начала заполняться наползающим белёсым мороком... наяву не удалось.

Штрих прервался, чтобы осторожно пошевелиться. Точнее, посокращать мышцы, напрягая и расслабляя их, борясь с онемением. Организму требуется напоминать, что он живой, что вокруг не стенки гроба. Остаток канализационного канала, в котором хроносталкер спрятался на этот раз, был совсем узким, но временный постоялец не держал обиду на окружающую тесноту. Всяко лучше открытой площадки, на которой его подловил кровосос. Не на того напал в буквальном смысле... на одного монстра в Зоне стало меньше, однако отступать пришлось экстренно. У этой трубы зато есть преимущество, она не завалена, есть второй выход, точнее, выполз. В тупике хорониться — последнее дело.

Это смерть, когда некуда бежать...

— Я снова видел сон, — продолжил Штрих после краткой физзарядки, больше похожей на конвульсии. — Мне приснился сказочный сад, весенний, полный растений в цвету. Среди прочих пород деревьев, растущих в нём, я видел невероятное, такое только во сне и увидишь... Как ни в чём не бывало, вперемежку с одновременно цветущими вишнями, яблонями, сливами, персиками, абрикосами и прочими производителями фруктов, в этом невероятном садике произрастало множество Древосилов... Да, да, я не оговорился, Древосилы во множественном числе. Почти никто в Зоне и одного-то полумифического

артефакта жизни не сподобился увидеть, а там их десятки, если не сотни! Но дальше — больше. Я вдруг увидел... живую-здоровую Шутку, которая по этому саду расхаживала, как у себя дома. Не бегала и не кралась, как в Зоне принято, а гуляла. Неторопливо и спокойно, не оглядываясь по сторонам и не выискивая возможные цели. Неужели так выглядит загробный мир? Райский сад, оказывается, не выдумка церковников?... Уж кто-кто, а Шутка в рай заслужила попасть, хотя и загубила при жизни далеко не одну душу соискателя желаний... и других душ тоже немало загубила, что греха таить. Зато послужила она человечеству немерено, заслуг уж точно на дюжину праведников хватит... Увидел я Шутку в раю, значит, и проснулся. И сразу же меня осенило ни с того ни с сего! Может быть, это тоже была Зона? Я видел Зону будущего, она там укуталась в морок безвременья и оцепенела, ждёт исхода битвы, которую ведёт её наймит Другой... ну, может, и другие наёмные солдаты, откуда мне знать, сколько человечков и не только на неё работают, может, и я сам, того не ведая, прислуживал... Вот поэтому тот самый миг оцепенения неподвижного настоящего непреодолимой преградой встал между прошлым и будущим. Я-то не остался в Зоне, наполнявшейся мороком оцепенения, а сбежал в прошлое. По этой причине был вычеркнут из списков личного состава завтрашнего дня, нет у меня полного права находиться в нём после того, что произошло. Моё бегство меня и превратило в пленника... Вот блин, опять заряд иссякает, уже пора сохранять в памяти рекордера этот трек. Всё трудней доставать новые батарейки. Как бы не оборвался мой дневник на полуслове... Никогда б не подумал, что какой-то простенький аккумулятор для меня будет не менее ценным, чем пища, воздух и вода. Неужели я всё ещё не потерял надежду, что мои записи не сгинут бесследно, не растворятся в тумане прошлого? Когда-нибудь они попадут в завтра...

3

— Знаешь, я неоднократно составляла планы, сооружала расклады, плела паутину событий... всё для того, чтобы переиграть собственную судьбу. Но труднее всего убежать не от внешних врагов, а от самого себя. Так говорят мудрецы человечества. Нельзя с ними не согласиться... А ещё человеческая мудрость гласит, что любой мир состоит не из того, что нас окружает, а из того, что нас наполняет. Другая мудрость утверждает, что на самом деле мир — не только то, что можно потрогать руками и увидеть глазами. Ярким подтверждением этому является моё фантастически-аномальное, но вполне реальное существование... Из всего этого можно сделать вывод: то, что тебя наполняет, — и сделает окружающий мир таким, какой ты не только увидишь глазами и потрогаешь руками, но и... воспримешь чуйкой, как выражаются ловчие. Такие дела, подруга. На этом завершу-ка я замысловатый философский пассаж о высших сферах и перейду к будничным материям.

Она сделала паузу, закрыла глаза и глубоко вдохнула. Тотчас же надрывно раскашлялась... Здесь, на этом заповедном участке берега реки, ею тщательно сберегалась удушливая атмосфера той Зоны, какой она была до закрытия. Чтобы не забывать, кем была. Поэтому женщина специально пришла именно сюда.

Откашлявшись, невесело улыбнулась и продолжила:

— Я вот что подумала... В доступных обработке и переосмыслению архивах памяти, общих для меня нынешней и меня прошлой, тёмной и дикой, имеется множество свидетельств оскудения. Ближе к пятидесяти шестому году появлялось всё меньше и меньше артефактов. Я... она творила их для того, чтобы посредством этих подарочков Черноты по всему внешнему миру распространять своё влияние. На всё человечество. Для этого же она и заманивала отдельных человек внутрь себя, превращая в сталкеров... Артефакты, как вирусные переносчики её воли и как дверки, сквозь которые она, обречённая оставаться на месте, всё-таки выходила наружу. С её подачи распространяя эти аномальные образования по миру, люди сами делали Зону сильнее. А потом она... я... начала бороться сама с собой. В результате артефактов становилось всё меньше. Я решила пойти другим путём, не ставить снова мир на уши, а попытаться договориться с ним. Но коллективный опыт человечества, выраженный в ещё одной мудрости, однозначно советует не делиться планами с богами,

чтобы не насмешить их. Я это поняла несколько позже, а вначале делилась планами сама с собой. А кто мне богиня? Я же сама себе богиня, так или иначе, творю что хочу на своём отвоёванном плацдарме... Вот и поделилась себе на беду. Никто и ничто не принесло мне столько вреда, сколько я сама... Но ключевое слово — попытка. Поэтому я вновь и вновь буду составлять планы и сооружать расклады, чтобы сплести паутину событий. Пока жива, буду воевать с тёмной стороной себя.

Она посмотрела на хмурые, беспокойные волны реки. Казалось, подруга, не имея возможности говорить вслух, всем своим видом показывала стоявшей на берегу женской фигурке, что понимает обращённые к ней слова.

— Чтобы жить, любя... Как это по-человечески, не правда ли? За что боролись, как говорится, на то и напоролась.

Глава девятнадцатая. Работа над ошибками

1

Наступил долгожданный и одновременно нежелательный час, когда я получил возможность отдохнуть по-настоящему. Честно признаться, этот час я сам приближал как мог. Работал на износ, почти без передышек. И вот в один прекрасный и одновременно ужасный момент все первостепенные задания оказались выполненными. Вдруг.

Жизненно важные действия на этот момент так или иначе, но завершены. Напросился невольный вывод, что я оказался более шустрым тактическим исполнителем, чем моя напарница стратегом-планировщиком.

Теперь что? Провести общую координацию дальнейших действий вообще и коррекции каждой последующей ходки в частности.

Так и произошло. На уровне, доступном моему восприятию, напарница целиком и полностью погрузилась в свои размышления и расчёты. Она анализировала негативные последствия и положительные результаты вылазок, которые совершила, используя меня. По её мнению, пользы от моих походов куда больше, чем вреда. Очень на это надеюсь... Когда она вступает в прямой диалог со мной и делится своими мыслями запросто, «по-человечески», я иногда позволяю себе приколоться. Очень трудно удержаться, когда женское тело, в которое она воплощается для удобства общения, с таким профессорским выражением лица принимается вслух что-нибудь планировать. Ну вот, например, говорит: «...отсчитывая экспоненту от точки вмешательства, сфера необратимых последствий составляет условную неделю, а значит, нам крайне необходимо...», а я вдруг как выдам: «...заняться любовью и оттопырится на полный вперёд!» Очень приблизительный пример, конечно, но суть ясна.

Однако хитрюга, естественно, предусмотрела и этот вариант. Мило улыбаясь, она отреагировала на мои шуточки по заслугам. То есть загрузила мне в КПК базу новых данных, символично помахала ручкой и выписала путёвку в «санаторий-профилакторий» с плотным графиком оздоровительных экскурсий.

Возмутился я, конечно, для вида, немного побуянил, но в конце концов отправился в продолжительную ходку. В моём компе появился длинный список миссий, вторичных по важности. Наше поколение взращённое на виртуальных игровых мирах, звало их бонусными заданиями, напрямую не связанными с основным квестом. Хотя эти самые «бонусы» — ничто иное, как следствия моих промахов и откровенных проколов в предыдущих ходках. Те из них, которые на данный момент уже вычислены напарницей. Она просчитала и, конечно же, не замедлила предпринять контрмеры на каждую из моих ошибок. И кому же, как не мне, теперь придётся проставлять ок'ейные «галочки» о выполнении всех этих заданий.

Ну, что же, поехали.

...Тусклый мерцающий свет и потрескивание костра в покосившемся старом доме с пустыми проёмами окон и сгнившей железной дверью выдавали присутствие людей.

Смеркалось, а потому подкрасться поближе не составило труда. Я подполз к самым стенам хибарки, залёг под прямоугольной дырой одного из окон и прислушался. Среди тихих сталкерских голосов различались басистые реплики Борьки Круглого. Значит, это его команда сегодня тут ночует. Я на месте.

Судя по тому, что дозорного не выставили, спать ещё никто не собирался. Скорее всего сейчас народ расселся у костра трапезничать в «привально-боевом порядке», так, чтобы окна-двери обозревать. Каждый своё «окно в Зону» пасёт, а пушки, снятые с предохранителей, на коленках лежат и в эти проёмы стволами смотрят. Хоровое чавканье лишь подтвердило мои предположения — ужинают бродяги. А значит, шлемы и маски снимали. Не ректально же они пищу принимают?

Недолго думая, я закинул в проём окна старую добрую вторую «Зарю».² Последовала яркая вспышка и умопомрачающий свист. Мой шлем автоматически блокировал излишние децибелы и канделы, а вот ребятам внутри несладко пришлось. Сумерки на секунду рассеялись, Ташкент, лето, полдень. Гранатный выхлоп наверняка притянул внимание местной живности. Тут же в помещении раздался дульный грохот обреза и коротко стрекотнул автомат, скорее всего АКСУ.³ Видимо, у кого-то пальчики рефлекторно дёрнули спуск, а возможно, случился невероятный факт, и какое-то тело в комнатухе ещё успевало соображать. Тогда это был профилактический залп. Неужели там, внутри, кто-то стоял на страже в спецкомбете? Так или иначе, а медлить нельзя.

Бесшумно просочившись в хатку через проём окна, я с размаху рубанул тыльником приклада по правому предплечью Круглого. Возможно, сломал. Предводитель взвыл, его турецкий помповик упал на пол и гроыхнул. Голень одного из сталкеров команды превратилась в кровавую мочалку. Ух, какая неприятная накладочка вышла!

Вопреки моим страхам в помещении все сталкеры пребывали в состоянии баклажанов, ну или там каких других овощей. Пока все отходили от шока, я доволот Борьку до окна. Сам вылез наружу, а его оставил внутри хатки и, спрятавшись за живым щитом, стал ждать, пока большинство народа в себя придёт. Очухивались сталкеры около десяти минут, ну прямо как дети малые! Где опыт, где привычка, где прочность нервной системы, где антишоковые артефакты, в конце концов?

Время шло, все семеро, не считая того, что с отстреленной ногой корчился на полу от боли, по мере «оттаивания» наставляли на меня свои стволы. Широкое тело атамана закрывало меня практически полностью. Виднелись лишь кисти моих рук в штурмовых перчатках, левая — с зазубренным ножом у горла Борьки, правая, на его плече, — с осколочной гранатой без чеки.

— Чё те надо?.. — нарушил молчание Круглый.

Боря явно хотел добавить своё знаменитое «выблядок», но его кадык стукнул в лезвие моего ножа, когда он сглатывал слюну, и предводитель решил не дразнить судьбу.

— Да так, сущие пустяки, — спокойно изрёк я, — вот, всё хотел познакомиться с вами, засранцами, а времени не находил. Звать меня Серёга, кликуха — Несси, как у того реликтового динозавра из шотландского озера. Убедительно прошу запомнить.

— Не сумлевайся, я уж не забуду, — хмыкнул Борька.

— Ну, в таком случае разрешите откланяться, — бодренько произнёс я и стремительно удрал в сумерки.

Такое развитие событий стало повторным шоком для группы сталкеров. Ещё бы! Отряду матёрых сталкеров с завышенным самомнением одиночка «взвесил тропических фруктов», и ради чего, спрашивается? Чтобы поиздеваться, познакомиться и свалить!

Когда взорвалась граната, оставленная мной под проёмом окна, выводя сталкеров из второго шока, я уже нырнул в соседний овраг и по нему спускался к реке. Из зоны возможного огня я вышел, а преследования не опасался. Ну, не совсем же тупые эти

---

² «Заря-2» — световая граната. Уровень звукового давления 172 дБ. Яркость вспышки 30 млн кандел.

³ АКСУ-74 — автомат Калашникова со складывающимся прикладом укороченный. Оружие исключительно эффективное в условиях ограниченного пространства.

товарищи? Хотя как сказать. Так бестолково попались, просто жуть. Расслабились старички, а это непростительно. По такой схеме привалы устраивать можно в местах заведомо спокойных, но не на подходе же к Припяти! Ворвись сюда кто помутнее да покровожаднее, выжили бы лишь те, кого монстры съесть уже не смогли бы. И то лишь потому, что мутность в округе матёрая и способ придумала, как мясо в свежести хранить: ранить жертву не смертельно и пасти до следующего перекуса. В этом свете ребятам урок лишь на пользу пойдёт. Жаль только случайного инвалида, скорее всего это была его самая последняя ходка в жизни.

Очередное место встречи в данном отрезке времени — сталкерский посёлок. Особо приятная для меня миссия. Поскакали...

На месте. Ещё раз на экран КПК глянул, что мы тут имеем? Третий костёр с левого края, Машка и Сашка, сёстры. Топаем, знакомимся. Ага, вот они, сидят в окружении трёх хмырей с похотливыми глазками, бренчащую гитарку слушают.

— Всем здравствуйте! Отдельный привет вам, красавицы. — Я выпрямился во весь свой немалый широкоплечий рост, опёрся на внушительный, отлично запоминающийся «шест» моего верного «баррета» и слегка поиграл бровями. — Давайте знакомиться! Я Серёга Несси, хороший парень.

У троих пацанов, давненько охмуравших девчонок и, видимо, уже сговорившихся с ними про секс, от моей наглости попросту отвисли челюсти. Самец самцу — всегда враг и завистник. У сталкерш реакция такая же — отвисшие челюсти от моей простоты и наглости, но в женских глазках пылает интерес, явный и неподдельный.

— Эх, как у вас классно! — Я скинул рюкзак с плеч, бесцеремонно приземлил пятую точку у костра, втиснувшись между девушками, и, сняв тактические перчатки, протянул руки к огню. — И песни под гитарку тут у вас, и компания приятная, тёплая...

— Ну, ты ваще припухший тип, — вдруг ожил гитарист, после того, как понял, что окончательно забыл слова модной дворовой песни, рассчитанной на уровень восприятия малолеток. — Хоть бы разрешения спросил к костру присесть!

— С каких это пор простым сталкерам нужно разрешения спрашивать, чтобы у огонька посидеть? — Я показушно округлил глаза и, по очереди повернув лицо направо и налево, обменялся взглядами со сталкершами. — Или вы, ребята, в Зоне новички, совсем зелёные? Правил не знаете? Подсесть к костру разрешение испрашивают только старожилы. Потому как боятся их все.

— Не учи учёных, — ожил второй парниша, тот, что побольше телом, и стал кидать гнилые намёки. — Грейся, конечно, правила мы знаем и уважаем, но вот только боюсь, что тёплого приёма тебе тут не получить. У нас своя компания. Понимаешь? А вот у соседнего костерка и спиртика нальют, и секретами поделятся запросто...

— У-у-у, как у вас всё запу-ущено, — протянул я ехидно, решительно встал, закинул рюкзак за спину, пристроил нелёгенький, зато хорошо запоминающийся «баррет» на плечо и, уходя, добавил: — Так бы сразу и сказал, мол, самки эти наши и мы не дадим тебе даже пообщаться с ними чисто по-дружески. Ну и ладно...

«Добавка» моя вызвала приступ тихого гнева у пацанят и взрыв негодования у зонных девушек на болезненной почве их эмансипированного разума.

— Ладно, девчонки, — выстрелил я контрольную прощальную речь, — прошу запомнить, я Серёга Несси. И когда вас утомят эти озабоченные мальчики, то настоящего мужчину вы сможете найти во-он за тем костром у сухого колодца.

Уходя, я отчаянно пытался сдержать смех. Всё, вечерок мужичкам я подпортил основательно, но миссию таки выполнил. Теперь эти девчонки долго будут меня помнить, возможно, даже вознамерятся найти, но только вот не найдут. Тем более, около того самого костра, что у сухого колодца. Нет у меня особого желания... да и времени не особо много. Вон сколько ещё «галочек» предстоит проставить. Длиннющий список заданий в КПК казался бесконечным.

Нужно потребовать разъяснений у напарницы. Каким это таким образом массированное распространение среди сталкеров информации о том, кто я и как меня зовут, исправит мои же ошибки?

2

— Здравствуй и живи, Самсон, мой единственный оставшийся напарник. Наконец-то я раздобыл для тебя аккумулятор и смогу прервать досадно затянувшуюся паузу в... э-э... в путевых заметках хроносталкера. Рабочее название исторической монографии, над окончательным подумаю позже, вдруг понадобится отчитаться перед потомками. Если они вообще ещё там живы, за мороком в грядущем... Чернота сожрёт всё человечество и не подавится, с неё станется.

Несмотря на то что предположение было высказано мрачное, Штрих улыбался. Перерыв, в течение которого он не имел возможности наговаривать свой аудиодневник, затянулся надолго, и в эту минуту изнывающий от одиночества человек праздновал его окончание. Одиночество — ужасное, гнетущее состояние, вне зависимости от того, добровольное или принудительное. От него заболевают в прямом смысле, не только в переносном, и по-настоящему страдают. Сейчас рекордер наконец «ожил», и Штрих испытал подлинное чувство радости. Словно из небытия вдруг вернулся настоящий напарник, слух о смерти которого оказался несколько преувеличенным... Долгожданный подарок ему сделал труп сталкера, искореженный гравитационной аномалией. Штрих оказался поблизости и первым успел к нему. Думал помочь бродяге, если тот жив, однако опоздал.

Зато в рюкзаке погибшего обнаружился целый кладёз сокровищ: от банки энергетических пищевых капсул до пачки пиропатронов, но главное, целая упаковка новёхоньких долгоиграющих «батареек»... и рекордер, «сонька». Найти подтверждение, что этот парень был очередным репортёром из тех «акул объектива и пера», которые во все времена упорно лезли и лезут в Зону, Штрих не успел. Подросли вторые и третьи соискатели поживы, и он оперативно смылся.

В унесённом трофейном рюкзаке, кроме рекордера, аккумуляторов и чудесного бонуса — исправного зарядного устройства для них, — ничто из вещей не указывало на профессиональный интерес усопшего неудачника. Разве что богатый ассортимент припасов. Этот человек явно тщательно подготовился к ходке. Но в Зоне, если тебе не улыбнётся зонная удача, то любые прибабасы в расчёт можно не брать, ничего не поможет. Исключением является разве что он, хроносталкер, после исполнения заветного желания сорвавшийся с поводка Госпожи. Только вот вряд ли в Черноте наберётся много таких, как он, поменявших источник удачи.

Если, конечно, замена действительно произошла. Хотя бы крохотный шанс на то, что он заблуждается целиком и полностью, всегда остаётся. Коварная Зона может запудрить мозги до такой степени, что и не заметишь ниток, уводящих «вверх и в темноту». Человек искренне верит, что неподвластен сверхсущности, а на самом деле рад стараться исполнять её аномальную волю. Может быть, и Несси тоже? Абсолютно уверен, что стал полноправным собеседником, а в жестокой реальности превратился в покорную марионетку Зоны...

— Самсончик, у тебя появилась подружка, маленькая, изящного дизайна японочка Соня. А может, тайваночка или континентальная китайночка. Тогда Со Ня... К счастью, из её батарей и ты кушать можешь, а то пришлось бы изменять старому верному напарнику и пользоваться новой... Не ревнуй, не ревнуй, она запасная, первый номер в списке твой и только твой. Я знаю, парень, ты тоже соскучился по общению, проголодался и жаждешь внести свежую информацию в кластеры своей памяти. Сейчас я улягусь поудобнее, размещусь в этой дыре и расскажу тебе пропущенное, что было и что есть. Обо всём, чем я занимался, пока ты поневоле бездействовал...

— Понимаешь, подруга, мероприятия по устранению последствий его беготни и вмешательств уже стали неотъемлемой частью общей стратегии, а не комплексом тактических контрмер. Настолько активно он пытается свести на нет результаты наших корректирующих операций. Удивительно, но факт, напарнику не удаётся его остановить. Уже не раз преследователь фактически попадал в ловушки, но чудом ускользал, словно кто-то его успевал спасти в последний момент. Возникает закономерный вопрос: что или кто за ним стоит? Наиболее вероятное объяснение, естественно, что это я... то есть она, прошлая я, исполнила его желания, наделила аномальной силой по полной программе, а затем стёрла информацию об исполнении. Я же инициировала способности Несси, значит, и чьи-нибудь ещё таланты могла выявить... Впрок, на чёрный день, подстраховалась, запаслась бодрым напарничком. Точнее, на светлый, ведь для прошлой меня темнота — символ процветания, а не упадка. Вот об этом я прекрасно помню, как жутко опасалась просветления. Уж это она из памяти не убрала, конечно же, намеренно оставила в неприкосновенности все метания и мучения накануне окончательного выбора. Я... она одновременно жаждала света и боялась, что превратится в слабое, слишком уязвимое существо... Да, согласна, сомнительной ценности участь — быть человеком, но в ней имеются свои преимущества, которые я познала и с которыми ни за что не расстанусь. Будь проклято одиночество, да здравствует любовь! Даже если это величайший из мифов, сотворённых человечеством, игра стоила свеч... Но упорный Гробокон, смертоносный привет из тёмного прошлого, с этим наверняка не согласен и свято уверен, что воюет за правое дело. Его тёмная напарница исчезла, растворилась в хлынувшем потоке света, но вместо себя оставила заместителя. И ладно бы он только своей беготнёй мешал и досаждал, этот неуловимый партизан! Проблема в том, что не только производимые им действия, но и желания способны напрямую влиять на происходящее. Если он чего-то сильно-сильно захочет, оно сбудется... И получится, например, как тогда, с блуждающим Лиманском, когда сила желания преследователя схватила, не отпускала Несси, придерживала и тянула... или когда наведённая ненависть вызвала у Несси нервный срыв... или... или... Что ж, всё по справедливости. Тёмной Зоне прошлого тоже никто не запретит бороться со светлым будущим. Сама себе богиня. В конце концов, иначе и быть не могло. Борьба света и тьмы в душе человека и делает человека человеком... Не будь её, не было бы и меня. Только на фоне зла можно различить добро. И наоборот.

Аватар-женщина выпрямилась, расправила плечи. Из смертельно усталой, изнурённой заботами и тревогами она прямо на глазах превратилась в гордую, несломленную и целеустремлённую. По-хозяйски прошлась берегом, поглядывая то на реку, то на сад, разноцветно пестреющий за охранной полосой прибрежного луга. На краю сада вдоль выстроившихся в ряд деревьев опушки кое-где просматривались человеческие силуэты. Подопечные сбивались в группки, и стояли, повернувшись лицами к реке. Они словно слышали призыв, подтянулись к берегу Припяти и теперь высматривали, что же там, за рекой, на том берегу, скрытом постоянной завесой непроницаемого, клубящегося серо-белёсого тумана.

— Но и мне никто не запретит отстаивать свою позицию. Что я и делаю, как могу, всеми доступными способами. Главное, конечно, отвоевать и сохранить память. Поэтому мой Нессия отправился в прошлое и внедряет информацию о себе. Он должен остаться в памяти сталкеров, должен помешать тёмной Зоне, пакостящей светлому будущему, стереть все до единого воспоминания о нём. Чем шире распространится информация, тем больше шансов, что она уцелеет, как её ни стирай. Достаточно единственной уцелевшей, сохранившейся копии, чтобы память вновь размножилась... пусть не станет меня, но он обязательно должен выжить.

Она остановилась, ещё раз осмотрелась. Вздохнула при виде особенно многочисленной группы сталкеров, темневшей на опушке, и опустила взгляд вниз, на сплошной травяной покров, отделявший её владения от земли.

— Знаешь, подруга, наиболее вероятные объяснения не обязательно единственно верные. Этот проницательный человек вполне мог за исполнением желаний обратиться не к ней... не ко мне. Что, если он пошёл другим путём? Возможность свободно передвигаться во времени и пространстве ему могла подарить непосредственно так называемая нормальная реальность, то есть Земля. Так сказать — очень подходящее словосочетание. О какой такой стопроцентной нормальности может идти речь, если в ней реально существовала возможность материализации, возникновения такой ненормальной твари, как я? Зародыш меня в ней вызрел, а не с неба свалился.

Глава двадцатая. Хроники скользящих корректировщиков

1

...Свалка, год.... Провёл бригаду Гвоздя через поля аномалий. Ударили неожиданно, с тыла, там, откуда вторжения никто не ожидал, — с северо-запада. Пацаны вырезали полбанды Савика, остальные сдались и присоединились к новому лидеру. Я активно не участвовал, лишь подстраховывал, обеспечивая им победу. Старого пахана прилюдно казнили — на фарш пустили, скинув в «мясорубку».

Запомнилось это действие. Вспомнился золотой век пиратов, книжки и фильмы на эту тему, когда связанный Савик, матерясь и волком воя, шёл по «рее». Реей служила ржавая рельса, которую некогда бывший пахан сам же и закрепил на втором уцелевшем этаже разваленного кирпичного здания. В аномалию под этой балкой не один десяток сталкеров сброшено. Распоясался Савик, пришлось власть менять на более лояльную. Интересно, сколько сам Гвоздь в паханах походит? Думаю, не больше месяца.

...сталкерский посёлок, год.... Ночью у костра, под приятные переборы гитары и хмельной шумок в голове, общался с бродягами. Устали сталкеры, из ходки практически пустые пришли. Им едва хватило пополнить запасы пищи для себя и для своих «калашей». Притащил к костру бутылку самогонки и относительно свежей колбасы. Сказал, что проставляюсь за «пламя», которое на халяву надыбал в чужом схроне. Когда большая часть народа откинулась на боковую, шепнул Боцману про тайную тропку вдоль берега Припяти и про дренажные системы на берегу. Как бы по пьянке проболтался, что по ним можно пройти — под полями аномалий к настоящему Клондайку артефактов. Поверил бродяга, в нычку себе на КПК маркеры проставил. Ну, что же, зонной удачи тебе, брат-сталкер!

...болота, год.... Слишком много болотных тварей в этом периоде времени. Засел в камышах и провёл отстрел мутантов «по охотничьей лицензии». На всякий случай выдвинулся в парочку рейдов. На предмет поиска твари, подобной той, что заражала сталкеров, вызывая в них мутации. Вспомнил, как мы здесь с Шелестом встретились.

Тут же случайно «помог» какому-то сталкеру, лысому с рыжей бородкой. Он бился с болотной тварью, дошло уже до применения ножа. Один выстрел... два трупа. Чистая случайность — пуля прошла голову мутанта навывлет и, кажется, заодно угробила сталкера. Хотел подойти и проверить, но в эту минуту какой-то ловчий нарисовался совсем поблизости. Ушёл от греха подальше, в глубь болот. Мне начинают нравиться местные пейзажи. Неплохо здесь, прямо санаторий-профилакторий своеобразный.

...Лиманск, год.... На северной границе уничтожил тройку наёмников, которые шли на заказ. Рано, ребята, рано. Ничего против вас не имею, но ваша мишень ещё не успела кое-что доделать. Через сутки, пожалуйста, мочите в своё удовольствие. Эх, если бы с вами можно было договориться, да хотя бы просто поговорить... Ну, сами виноваты, раз уж понимаете лишь язык стволов, то и разговаривайте с ними.

...Рыжий лес, год.... Для сталкеров это уже закрытая территория. Корнеходы развелись вовсю. Передвигаться безопасно здесь могут разве что бэтмены, спайдермены или Тарзаны. И то с дерева на дерево. Сижу на краю леса, жду в засаде, чтобы образец ткани мутанта заполучить. Чего только не скрещивала аномальность этих краёв, но чтобы растение и

насекомое... Гремучая смесь получилась, хорошо, что за пределы Рыжего леса эти твари не выходят или не могут выйти.

Вот уже третий маленький отряд сталкеров сгинул, а я не успел даже выстрелить. Совсем недалеко в лесу лежат «мамины бусы», причём на виду. Народ знает, что нельзя в лес соваться, но вот ведь она, недешёвенькая штукавина, — всего в десяти метрах от тропы лежит. Десять метров... А там «столовая» корнеходов. Они, наверное, под поверхностью земли в очередь за едой выстроились.

Одиночка-ветеран подбежал к границе леса. Посмотрел, подумал и давай в ковбоев играть! Заделал лассо из капронового каната и начал забрасывать в надежде артефакт петлёй накрыть.

Я наблюдал за его усилиями через оптику прицела. Случайно глянул на артефакт. И тут меня как ошпарило! Не «мамины бусы» это! Как глубоководные рыбы приманивают своих жертв светом огонька своего биологического фонарика, так и этот корнеход приспособился к непыльному способу кормёжки.

Спас ветерана, дал очередь бронебойными, взрыхлил почву. Отстрелил мутанту его... орган-приманку. И тут из земли выскочило ТАКОЕ! Ветеран вмиг ошалел, заорал, лассо бросил и на полном вперёд улепетнул подальше от леса.

Теперь моя очередь в ковбоев играть, чтобы отстреленный орган добыть. Коллекционерам сдам, может быть, додумаются, как этих тварей замочить.

...посёлок сталкеров, Старый Бар и Лиманск, год....

Распускаю слухи о гиблом месте между Тёмной долиной и Складами. Отпугиваю практически всех сталкеров от этой территории. По-разному, кого как, самых настырных тупо отстреливаю. «Наша служба и опасна, и трудна...»

...дикая территория в районе Бара, год.... Собрал за собой большой хвост голодных кабанов и вывел на сборный отряд из четырёх человек, нанятый торговыми. Мутанты своё дело сделали, отожрались и не торопясь разбрелись по Зоне. И как раз вовремя. На горизонте замаячила парочка зелёных сталкеров. Заметили разбитый отряд, подошли, мародёрством занялись. Ох и «повезло» вам, пацаны. Быстрее купите себе достойную амуницию. Удачи!

...вся Зона Сталкеров, от года ноль шестого и до пятьдесят шестого. Суета-а-а...

2

— Помереть от старости в своей постели мне не грозит! Бегаю, бегаю, мотаюсь, крадусь туда, проскакиваю сюда. «Тудой» и «сюдой», как говаривали в моём родном городе, помнится... И откуда силы берутся! Но тут уж кто кого перебегает, я Другого или он меня. В чём-то терпя неудачу, а в чём-то и выигрывая, всё равно буду путать ему планы и трепать нервы Зоне. Что у неё есть нервы, сомнению не подлежит, на то и живая. Жаль, человеком не стала, как хотели ловчие. Ради достижения этой цели мы изо всех сил старались, воспитывали, искали общий язык... Хотя нет, тут необходимо уточнить. Человек вовсе не обязательно носитель прекрасного, доброго, вечного. Именно человек показывал Зоне примеры запредельных злодеяний. Не то слово!.. Просто так принято, вкладывать в слово «человечность» некий позитивный смысл. Может быть, в попытке забыть, что мнимый венец природы — ещё та сволочь. Получается, эта грань между разными толкованиями человечности и есть линия отсчёта координат. По какую сторону ты окажешься, тому и будешь служить. Условно говоря, добру или злу в своём понимании... Ну что ж, пора шевелить конечностями и извилинами, чтобы не переступить грань, отползти от неё подальше и остаться на выбранной стороне.

Штрих решительно выключил «Самсон», спрятал рекордер за пазуху, проверил экипировку и оружие, снарядился для очередной ходки и перешёл от слов к делу. Дел было невпроворот, что да, то да. И постоянно прибавлялись новые ситуации, требующие вмешательства.

— История свидетельствует, что один человек вряд ли спасёт мир, но попытка не пытка... — проворчал Штрих, подтягиваясь на руках и высовывая голову из круглого

отверстия колодца, уводящего вниз. В подземных лабиринтах множество укромных местечек.

Опять же, здесь ближе к источнику, откуда он черпал силы.

3

— Пойдём, пойдём, моя хорошая. — Она взяла Шутку под локоток и повела к её личному Древосилу. — Ослабеешь, ходить не сможешь. Оно тебе надо? Уж извини, сейчас и здесь по-другому тебе не выжить. Надо подпитаться.

Направляемая твёрдой рукой сталкерша шагала безропотно, даже не пыталась сопротивляться, но у хозяйки сада вдруг возникло странное ощущение, что подопечная искоса наблюдает за ней. Изучает прекрасные черты лица телесного воплощения, критически осматривает роскошные женские формы аватара, будто оценивая, насколько привлекательна избранная и сотворённая внешность, способна ли составить достойную конкуренцию. Женщина остаётся женщиной даже после десятков огненных лет, проведённых в аду Зоны, даже спящая, даже... Стоп, о чём это я?!

Хозяйка спохватилась. Этого просто не может быть. Шутка не видит аватар, она спит на ходу. Первая Попытка не воспринимает реальность сада, её разум не чувствует остановленное, застывшее время. Мысленно сталкерша живёт в привычном мире. Пробирается по Зоне, исполняет миссии, останавливает соискателей, вербует или убивает потенциалов, помогает новым коллегам... в общем, первейшая из ловчих желаний упорно следует по однажды избранному пути. И наверняка Достойная Соперница тоскует по своему любимому мужчине, с которым разлучена стараниями Черноты... Но Луча в саду нет, он присоединился к исходу, успел выбраться за пределы Зоны, и хозяйке ничего не известно о его дальнейшей судьбе. Вот если она сумеет проникнуть в будущее, встретить долгожданный завтрашний рассвет, оставаясь живой и при памяти, тогда уж... Изучив параметры будущего, полученного в результате всех операций и усилий, узнает и судьбу Ника, несостоявшегося истинного собеседника, и сообщит проснувшейся Шутке.

Сейчас она наводила порядок. По замысловатым траекториям настигала сталкеров, стараясь никого не пропустить, и разводила по лепестковым кругам. По дороге, увидев почерневшие растения, нещадно выпалывала их. С Древосилами чёрного окраса справиться было сложнее, приходилось лечить, это дерево выкорчевать можно только в паре с подопечным симбионтом. Некоторых сталкеров приходилось вытаскивать из дебрей, в которых они застревали. За некоторыми приходилось далеко ходить, они успевали забрести чуть ли не на другой край замкнутой вселенной... Конечно, все эти хороводы в саду были всего лишь адаптированным отображением истинных энергетических процессов, происходящих в её недрах.

Так ей было удобней. Оставаться человеком, акцентируясь на внешней, сознательной стороне бытия. Подсознание, как и у всякого разума, функционировало скрытно и обособленно, там шли своим чередом ранее запущенные процессы, управлявшие борьбой за выживание. Им лучше не уделять постоянного внимания сознания, чтобы не оказаться в положении сороконожки, которая вдруг замерла на месте, задумавшись, какой лапой ступить.

Таким образом, внешне она предпочитала по-прежнему выглядеть женщиной. С каждым условными сутками всё более и более измождённой. Но только не в краткие часы возвращения напарника.

Да, вернётся Нессия, надо будет с ним посоветоваться...

— Что будем делать? — спросила у него, когда он вернулся; уже после того, как отдохнул в её объятиях.

Любимый мужчина сидел на плетёном стуле. Рядом на столешнице такого же ротангового столика лежали солнечно-оранжевые апельсины. Ему нравился этот фрукт, и она всегда материализовывала целую корзинку к его возвращению. Каждый раз со страхом ожидая, что ароматным частичкам солнца некому будет порадоваться.

— Не дождутся. То же, что и делали. Раз уж ты решила отказаться от соблазнительной идеи всех убить, одной остаться, то...

— Легко сказать. Мы с тобой всячески стремимся найти выход из тупика, а Земля тем временем так и норовит нас стереть со своего лица. Ей-то неинтересны все эти философские категории человечества, у неё своё представление о том, кому жить, а кому умереть. Я чувствую, силы мои катастрофически слабеют, как ни стараюсь выдержать напор. Значит, чтобы вновь быть сильной, я просто вынуждена не противиться естеству? Снова начну убивать людей и воровать энергию жизни... Мы жили рвём и надрываемся, исправляем ошибки прошлого, чтобы вырваться из тьмы и свести жертвы к минимуму, а в идеале вообще научиться жить, не убивая. Но выясняется, что зря... Без убийства не выжить, получается. Норма реальности.

— Да уж, надо стать воистину аномальным, чтобы вырваться из замкнутого круга нормы и никого не убивать, — сказал он тихо. — Но мы ведь не перестанем пробовать, правда? Иначе зачем было начинать этот кровавый кошмар...

И такая неизбежная, смертельная тоска сквозанула в этот миг в глазах мужчины, который вынужден убивать, убивать, убивать во имя своей любимой!!!

В этот миг она вдруг поняла, что ещё не совсем человек. Воистину человеком станет лишь в тот миг, когда исчерпает последнюю попытку и будет готова заплатить жизнью за отвоёванное право НЕ убивать. Потому что вопреки всем законам природы оставаться человечным в этом мире — вот настоящая аномалия.

Если станет, тогда и получит награду. Узнает, правда ли.

Глава двадцать первая. Химерические страсти

1

До того холодно, что кажется, эмаль на зубах трескается. Зато воздух чистый-чистый, морозный такой. Голова с непривычки кружится, и настроение не к месту весёлое. Зима, как всегда, по традиции, нагрянула неожиданно.

Броня в этой ходке — дело второстепенное. Сейчас ловкость более востребована. Потому и «костюмчик» выбрал, можно сказать, летний. Но хорошим бронежилетом не побрезговал, конечно. Спецназовский «Оберег-7М» с бронепластинами, переплетёнными композитными материалами, надёжно прикрывает тело, хотя и не греет. Топаю по хрустящему снегу, зубами стучу и обдумываю причины неудачной схватки. Под напором огня тварь отступила, но это не более чем тактический ход. Химеры не бегут, поджав хвосты. Кто живой остался после встречи с ними — тот знает.

Гложет то, что не успел воспользоваться специально припасёнными для этой встречи артефактами. Жменя осколков «мёртвого камня», способных остановить её бешеную регенерацию, так и осталась в контейнере на дне рюкзака.

В упор изрешетил гадину из «калаша». Прыгал вокруг неё, как наскипидаренная блоха, три магазина выпустил и, отлетев от удара её лапы в сугроб, напоследок из подствольника одарил. Граната слегка оглушила тварь, и я уж было обрадовался, что всё так славненько получаются — быстро и гладко. Но когда вставил острый серебристый камушек в специальное крепление самопальной «швайки» и пожелал завершить начатое, зверя и след простыл. Вдогонку ему над заснеженными холмами только моё протяжное «ё-о-о!» и раздалось...

Знал ведь, что раны химер заживают быстро. Но не настолько же! Видать, столкнулся с матёрой особью данного вида. Ясен-красен, что сперва полагалось поразить тварюгу артефактом. И уже после, лишив её главного козыря, расчленять-разрывать-расстреливать. Но тварь атаковала неожиданно. Ну, не учуял я её почему-то! И вообще гадина эта оказалась эксклюзивной. Как она попала в это время, в самое-самое начало, в декабрь две тысячи шестого?!

Есть подозрение, что именно он, тот самый импульс ноосферного модификатора в пятьдесят шестом году, повредил структуру Зоны на всей протяжённости её существования, до самого начального периода. Если это так, то всё может оказаться гораздо сложнее, и хаотические провалы из одного года в другой, перемешивание реалий разных периодов — далеко не единичны. Только бы ранение от этого «выстрела» не вызвало «внутреннего кровотечения», в результате которого — смерть... Мы с напарницей «переиграли» тот судьбоносный день, конечно, исправили по своему усмотрению. Но вот, получается, не все «брызги крови» удалось отмыть.

К своему удивлению, химера получила достойный отпор. Мутная тварь ещё не поняла, что из нас двоих охотник — я. А теперь ещё и охотник, взявший след. После короткой первой встречи появился ментальный поводок, который тянется за ней.

Эх, мне бы тугой лук или арбалет! Сварганил бы стрелу с мёртвокаменным наконечником. С расстояния куда легче было бы поразить цель, чем гоняться за ней с клинком. Вспомнил юность и в Ланселота, дурак, решил поиграть! А какой же рыцарь без меча?!

Вдруг в стороне раздался лёгкий хруст снега. Кто-то или что-то за холмом, у подножия которого я стоял, топало в мою сторону. Я накрылся хемикожаным плащом и лёг на снег, моментально превратившись в сугроб. Конечно, нынешние мутанты ноль шестого года нервно курят в углу по сравнению с флорой-фауной Зоны тридцатых-сороковых-пятидесятых. Но всегда нужно быть начеку. В этих годах даже на людях светиться крайне опасно. Сходя в первую ходку в начало сталкерской эпохи, я больше дров наломал, чем пользы принёс. После неё реальность местами исказилась до неузнаваемости. По большому счёту, это не повлияло на конечный результат, к которому мы стремимся, но всё же...

Человек с карабином наперевес быстро взобрался на вершину возвышенности и уже скатывался вниз по склону снежной горки. Я наблюдал за ним сквозь узкую щель, оставленную между плащом и покрывалом снега. В «ружьишке», по здоровенному магазину для восьми солидных патронов, угадывалась «Сайга 20К». Если бы пушка была посolidнее, то издали мужичок сошёл бы за настоящего зонного бродягу годов этак из двадцатых, из самого разгара «золотой эры» сталкеризма. Бронекосячок, конечно, подгулял. Шапка-ушанка, ватная телогрейка, валенки, варежки. Ко мне бежит, не обманул я его квазисугробом. Тормознул неподалёку, навёл на меня карабин и, чтоб меня псевдособаки драли, заговорил...

Это был седобородый дедуля в почтенных летах. Я бы меньше удивился, извлеки он из недр замусоленной телогрейки что-нибудь вроде мини-гана. Этот кривой суржик, смесь русского и украинского языков, прибывал окончательно, расчёсывая мои извилины граблями словес. По употребляемым словечкам и оборотам складывалось стойкое впечатление, что дед страшно набожный, несмотря на то, что и матюкливый не в меру. Встав в полный рост, я попытался не заржать от этого звукоплетения с вкраплениями неизвестных мне слов. Не получилось.

Половина смысла его речи потерялась в моём хохоте. Но дедуля был настроен жутко сурово, и нервишки его были на взводе, ствол «Сайги» нервно дёргался перед моим лицом. Я принялся успокаивать воинственного старца. Дескать, я ему не враг, а так — прохожий, по делам своим тут гуляю.

Любопытным и грозным оказался этот дедушка, как будто работал сторожем на вверенной ему территории. Что за дела такие у прохожего в зоне отчуждения атомной станции и почему это плащ-палатка цвет постоянно меняет, га?! Прямые вопросы требуют прямых ответов. Ну и как мне отбрехаться? Не адаптировать же правду жизни для его архаичного мировосприятия. Хотя...

Пришлось ответить, что я из секретного отдела МЧС и был прикреплен к экспедиции международной исследовательской лаборатории, что изучала влияние радиационного загрязнения на экологию. И вот нет больше экспедиции — всех учёных поубивал какой-то зверь, скорее всего мутант. А то, что всякими интересными штуками с ног до головы обвешан, так это европейские новинки, заделанные по последнему слову техники.

Поверил дед почему-то сразу и давай меня про зверя расспрашивать-выведывать. Хемикожу принял как должное. Ну, новинка — так новинка. Имечко моё спросил, а сам представился Лесником Михой, хуторянином-самосёлом. Лесником он был бывшим, но въелось это прозвище ему в душу, так и прилипло по жизни, став вторым именем. Много таких вот самосёлов вернулось в зону отчуждения спустя несколько лет после аварии на ЧАЭС, из разных соображений и побуждений вернулись и живут-обитают. Ещё не подозревают, что впоследствии почти всем выпадет судьба превратиться в зонных монстров, берущих своё происхождение от людей, под воздействием мутаций в Зоне, набравшей аномальную силу...

Я назвался сержантом Максимом Полищуком и сказал, что обязан топать дальше, что тварь выслеживаю. Дескать, кончить её надо, пока не перебила всех в округе. Дед неожиданно запросился в попутчики. Перечить я не стал, и мы, почти бегом, не медля двинулись дальше. Времени терять нельзя. Ветер следы на снегу быстро замёл, а мой незримый «поводок» натянулся до звона, как бы не порвался.

Дед был в форме, и на бегу мы даже поговорили, не сбив дыхания. Миха оказался бывалым охотником и свой карабин прикупил через сына давненько, как только Ижевский завод начал выпускать эту модель. Лесник обитал здесь, на берегу Припяти, жил не тужил со своей бабкой, даже соседями обзавёлся, такими же пожилыми самосёлами. Охотился на всякую живность, тогда ещё не мутированную. Сын из Киева посылки с водочкой и салом ему слал, с экскурсиями да экспедициями передавал. Что ещё человеку надо?

Живи-доживай себе в мире... Да вот не дали ему помереть спокойно.

— Жисть, мать иё, така сука, — вставлял Миха через каждые пару фраз, в смысле: «жизнь полна сюрпризов».

Буря была такая страшная, что они со старухой в погреб со страху спустились — переждать. А потом всё и началось.

— Вото иду я, сына, — рассказывал он мне, — а у грудях як защимит, як защимит! Боязно якось, й не можу пройти прямо, вертаюсь назад и стороной обминаю. Як ото Боженька водить, от беды отводить.

«Ого-го, — невольно подумал я, — дед, так ты же скрытый потенциал, из самых первых! Мог бы ловчим стать, если б дожил!»

Сколько времени с той поры прошло, Миха не помнил. Зима придвинулась. Недавно вернулся Лесник с охоты пустой, глядь, а бабка его, «ведьма стара та кохана», и соседи — мёртвые все. Как будто медведь их порвал. Только медведей тут никогда и в помине не было. Погоревал дед, схоронил бабку и соседей, могилки насыпал и за зверем-обидчиком в последнюю охоту двинул. Что ему теперь, без карги старой? Скучно доживать.

После этого разговора ясно стало, почему мой зверь ему так интересен и почему ко мне в напарники набился. Ещё по пути дед встретил отряд военных, также на куски порванных, и подумал, что два охотника — не один. Всё же у двоих больше шансов одолеть животину. Да и «калаш» тоже оружие справное.

— Так чего же ты автоматы убитых солдатиков не одолжил? — задал я ему закономерный вопрос.

— Дык, ружжо пристрелял поди. Всэ ж таки жекан да картечь не пулька калашовская. А к трещоткам часу нима ловчиться, — истощающе ответил Лесник.

Тут меня вдруг как озарило, об стену головой! Вот же придурок, всё про лук и арбалет думаю! На фига тебе лук, Робин Гуд хренов, когда есть «Сайга»?! Заряди не жаканом, а «мертвячком», — и дело сделано.

Я остановился, попросил карабинчик глянуть. Взял, осмотрел. Вполне подходит! Дальность и прицельность под вопросом, но если сравнивать со стрелами... Хм, не суждено мне побыть лучником даже на пять минуток, у меня другая участь.

Мы немного задержались в заброшенном строении. Навешал я деду лапши на уши — не одной вилкой и не один час снимать. Из контейнера отобрал кусочки артефакта нужного «калибра» и сказал, что это антимутагенная фракция. Мол, результат многолетней работы забугрянских НИИ. Гранулы, выращенные перед тем, как зверь напал. Дед проглотил сказку.

Да и как было не проглотить, увидев собственными глазами, что целый отряд военных не смог пристрелить страшную животину обычными пулями.

Охотник расковырял все патроны и заменил жаканы серебристыми камушками. Я ему доходчиво объяснил, что именно от него успех всей охоты зависит. Мол, я буду отвлекать тварь, а убить её сможет только он. Спросил деда на всякий случай, сумеет ли он выпелить зверя. Лесник сделал суровое лицо, насупился и коротко кивнул. Этим своим вопросом я его по-настоящему обидел, похоже.

Передвигались мы третий час. Чую — тварь всё ближе, скоро настигнем. Выписав огромную дугу, следуя за химерой, мы вышли к реке. Лесник подсказал, что впереди обрыв, а слева гиблое место, где радиационный фон такой, что любое мясо, даже мутированное, вмиг зажарится. Справа балка широкая, по дну которой ручеёк бежит, грязный и горячий, даже зимой не замерзает. Почему водичка там парит, неизвестно, но глинистая грязьца вокруг ручейка — похлеще болотных топей будет. Дед там своего пса на охоте потерял однажды. Так что тварь забрела в тупик, и если назад пойдёт, то в аккурат через охотников.

Меня резко окатила волна звериной злобы — химера близко. Леснику я приказал залечь за валунами известняка, а сам выдвинулся вперёд. Остановился, замер, осмотрелся вокруг. Взгляд, намётанный в бесчисленных ходах, не дал сбой. Вот она! Прячется в ветках заснеженных кустов. Злобными гляделками на меня пялится, сейчас нападёт.

Началось! Мутант выпрыгивает из своего укрытия и молча несётся на меня. Любой зверь естественным образом зарычал бы, бросившись в атаку. Эта же тварь молча и уверенно убивала.

Я побежал навстречу, выписывая зигзаги. Это мы ещё посмотрим, кто кого! «Гадюки-пятые» в обеих руках огнём плюются. Тело химеры, сотканное из стальных струн мышц, вибрирует от попаданий, но отступать зверюга и не думает! Взбухшие на шкуре кровяные розочки разорванной плоти моментально затягиваются. Куда же занозы пуль этот монстр деваёт?! Не переваривает же.

— Стреляй, Леший!.. То есть Лесник, блин! — ору отчаянно.

И тут как громыхнёт!!! Тварь взвыла, дёрнулась, на секунду замерла и, сменив решение атаковать меня, поскакала в сторону деда.

— Пали, Леший, пали!!!

Хотя уже можно и не орать, охотник Миха своё дело знает крепко.

Отчаянно бегу за мутной тварью и режу очередями по её ногам. Кровь брызжет из них фонтанами — есть попадание, работает «мертвяк»! Громыхнуло ещё пять раз. И вот после шестого выстрела химера валится как подкошенная, видимо, Лесник перебил ей позвоночник! Ух, какой герой дедуля! Ворошиловский стрелок!

— Ну, Миха, молодец! Охотник! — поражённый его меткостью или везением, осторожно приближаюсь к истекающему кровью и хрипящему мутанту.

От горячей крови валит пар. Лесник молча подходит к химере, распахивает свою телогрейку и извлекает из-за пояса топор с широким лезвием, тот, что предназначен для разделки мяса. Без церемоний одним махом отсекает ей башку и закидывает трофей в свой мешок. Тело мутанта в последний раз вздрагивает... Жесть! Очень надеюсь, что в массовом порядке подобные монстры в Зоне Сталкеров так и не появятся.

— Эх, Максимка, шо ни кажы, а цэ животное навряд чи от природы пошло, — заключает дед, рассматривая химеру. — Не творил Господь отаку страхитливу скотину.

— От людей, дедушка, от людей, — открыл я ему истинную правду, развернувшись и уходя прочь, чтобы войти в портал межвременного перехода где-нибудь в укромном уголке. — Последние пару тыщ лет почти вся мерзость в этом мире нашими стараниями появилась. Нам её и суждено ликвидировать, хочешь — не хочешь.

2

— Давно пора было сделать привал, а не просто краткую остановку в пути, но меня несло и несло, никак не мог перевести дух. Несло по следу Несси... Сегодня я остановился.

Вспомнил, что где-то как-то учёный, а не только следопыт и... м-м-м... нервотреп. Стало быть, должен сохранять способность мыслить аналитически-системно. То есть анализировать и систематизировать. Именно в таком порядке. Хорошо сказано, что первый признак наличия разума — способность сомневаться... Накопился богатейший материал для осмысления. Бегаю за Другим уже целую вечность, по ощущениям. Назначил целью и почти не упускаю из виду. Иногда он будто исчезает, но я уже понял, почему его не чую. Другой уходит в будущее, недоступное мне. Туда, в морок, из которого я сбежал и в который не могу вернуться. Если допустить, что мои сны не просто досуная фантазия, а навеяны чем-то реальным, — Несси отправляется на побывку в райский сад... Я тщательно сопоставил различные поступки и акции наймита, разложил по полочкам и впервые засомневался... Не допустил ли я фатальную ошибку, безоговорочно приняв Несси за исчадие зла? Развивая осенившую меня догадку о мотивах закрытия, неизбежно возникает мысль, что Зона закрылась очень даже неспроста. У аномальности мог быть и совершенно иной мотив, не менее сильный, чем желание победить нормальную реальность. Но совершенно обратный по смыслу. Она попыталась убежать от самой себя, избежать призывов своей натуры и заодно не позволить вмешиваться в свою жизнь людям, как они это делали раньше, не один десяток лет подряд вторгаясь в неё. Значит, Несси всё-таки выполняет с рождения предназначенную ему миссию. Он помогает живой сверхсущности быть доброй. Задача, поставленная ловчими, достигнута, и только я с какого-то перепугу решил иначе.

Один восточный мудрец хорошо сказал. Этот мир наполнен лучами солнца и луны, а человек погрузил голову в колодец и спрашивает: «Говорят, будто существует свет, если это правда, так где же он?» Эй, высунь голову из колодца, посмотри вокруг: весь мир — запад и восток — озарён этим лучом. Но пока ты находишься в колодце, луч не достигнет тебя... Я попробую поднять голову и увидеть луч. Ведь всё в подлунном мире относительно, и толкование одного и того же процесса зависит от точки зрения. Фашист и демократ по-разному представляют идеальное государственное устройство. Украинец и россиянин совершенно не одинаково реагируют на слова «национализм» и «независимость». Женщина и мужчина не дадут идентичные ответы на вопрос, зачем ложатся в одну постель... Добро и зло придумали люди, в природе ничего подобного просто нет и быть не может. Природа признаёт только безостановочный круговорот жизни и смерти. Но человек на то и обзавёлся такой хлопотной начинкой мозгов, как разум, чтобы сомневаться, выбирая, тудой ходить или сюдой? Путь должен быть как минимум больше одного, чтобы не забрести в тупик, из которого нет выхода... Ладно, что-то у меня в мыслях кавардак норовит образоваться, в такие дебри лезу, что совсем застряну. Выплюсь — продолжу. Конец текущей записи.

3

— Я не хочу быть такой, как меня запрограммировали. Во имя чего я боролась с собственной натурой, несущей смерть всем окружающим? Ради чего любовь к другому человеку изменила меня? Зачем же я переродилась, и вследствие этого всё произошло так, как произошло? Мы с Нессией приняли совместное решение бороться до конца. Он опять отправился на войну, к самому истоку, а мой вклад — держать оборону крепости, обеспечивать тыл и ждать его возвращения из вылазки. Чтобы побеждать, войну обязательно необходимо место, куда можно возвратиться с войны... Пока живы, мы оба, и он, и я, будем пытаться оставаться на избранном пути, не превращаться в обезумевших существ, любыми возможными и невозможными способами выцарапывающих жизнь.

Глава двадцать вторая. Смертельный принцип

1

Я его веду уже больше недели. Аккуратно веду, ни разу ему на глаза не попался, но из вида не выпустил ни на миг. А паренёк молодец! Неоднократно казалось, что всё, сейчас уж точно ему конец, и нужно вмешаться... Однако он выпутывался и шёл дальше. И это несмотря на то, что сталкер достаточно молодой. Не только в биологическом смысле, но и по «выслуге» зонных лет.

Хватает на лету, быстро учится, слушается опытных бродяг, без устали на ус наматывает премудрости Зоны. Всё это, конечно, идёт на пользу, но не гарантирует выживание в опаснейших миссиях, за которые парень берётся раз за разом после общения с барыгами Старого Бара.

Рано или поздно должен произойти тот переломный момент, которого я жду... Перерождение, что ли? Когда прежний безбашенный пацан умрёт, и появится не новый, а просто другой человек, будто из другого мира. Новый обитатель Зоны, один из её мифов.

Когда именно произойдёт этот момент, я не знаю. Что это будет — кровавое рубище с монстром, влёт в аномалию, подобранный злобный артефакт, может, ещё что-то, — я не знаю, но будет обязательно. И пропустить это событие я не имею права, потому что сгинет одна из фигур, активно участвующих в самой изощрённой «шахматной» партии за всю историю человечества и его порождений.

Обычно сталкерам в зонных столкновениях банально не хватает патронов, мужества, силы, чуйки, ума, воли или Зона только знает чего ещё. Этому парню в конце концов не хватило элементарной удачи.

В который раз я наблюдаю за ним и уже откровенно устаю ждать неизвестно чего. Одно дело знать, когда произойдёт событие, подкараулить и произвести требуемую коррекцию. И совсем другое — находиться в постоянном напряжении в течение многих дней-ночей и бдить, бдить, бдить...

В этот раз небо заволокли тучи, и начал моросить дождь, дополнительно раздражая. Паладины самой организованной в Зоне секты теснят троих сталкеров в глубь полуразвалившихся бетонных лабиринтов очистной станции. «Апокалиптиков» слишком много. Как говаривал один мой знакомец: «Энное количество десятков». Расстановка сил, мягко говоря, не равная.

«Мой» пацан опрокидывает на спину точными попаданиями из «винтореза» вот уже десяток адептов «Южной башни», а их количество не идёт на убыль. Даже наоборот, зомбированных психотроникой фанатиков становится всё больше и больше. Скорее всего где-то поблизости их бункер, из которого подтягиваются новые боевые единицы. Стражи Апокалипсиса стремятся раздавить троицу дерзких бродяг, выкравших главную тайну их жуткого сообщества.

Сталкер, что держит позицию слева от моего парня, жестами показывает ему, что патроны на исходе. Мой вундеркинд сдёргивает с плеча и толкает в его сторону «калаш», ранее снятый с трупа «апокалиптика». Автомат, прошуршав по влажной скользкой поверхности, что некогда была линолеумом, упирается в ботинки напарника. Вслед за автоматом отправляются два полных рожка.

Ещё один член команды засел справа, в глубине посёлка, и громыкает из ручного пулемёта. По комплекции он здоровый, как лось, и всё время ходит с этой громадиной на плече и с рюкзаком, доверху набитым боекомплектom. В секундных паузах, иногда прерывающих яростную перестрелку, он даже успевает метать гранаты, которыми обвешан с пяток до ушей. И каждый раз, когда на фоне прочего шума звучит басистое: «Э-э-эх!!» здоровяка, два его боевых товарища падают мордами вниз. Я пригибаюсь вместе с ними, хотя и спрятался на большом расстоянии. Кидает сталкер «ершей», а их осколки разлетаются достаточно далеко. И вообще в бою лучше уж лишний раз поклониться, чем пасть жертвой собственной лени... в буквальном смысле пасть.

Грохот и шум, которые поднимает здоровяк, создают иллюзию толпы. Как будто в тех руинах окопался целый отряд. На него и ведутся почти все стражи, что на руку двоим оставшимся похитителям. Из винтовок с глушаками они методично отстреливают фанатиков, прущихся мимо них.

За очистным комплексом начинаются административные постройки, переходящие в посёлок с названием, давно забытым всеми. Разваленные здания, обрушившиеся перекрытия, ямы и насыпи, ломаные улицы, заросшие кустарниками и деревьями, — всё это помогает мобильной троице. После того как на землю положена очередная волна преследователей, трое быстро отступают в глубь развалин. Разбежаться врассыпную сталкеры не решаются. Если разойтись в разные стороны, то шансы уйти от преследователей становятся выше, но зато резко уменьшаются шансы выжить в самой Зоне.

Тем временем «апокалиптики» теряют их из виду, и новая волна бойцов, растянувшись цепью, прочёсывает бывший населённый пункт. А сталкеры, как назло, нарываются на кодро слепых псов. Стрельба моментально выдаёт их местоположение. Мутированные твари всей стаей набрасываются на здоровяка, а он, хоть и обладает завидной огневой мощностью, но в ближнем бою неповоротлив. Не спасает его и «Берилл-5М». Парню фатально не везёт, но, вольно или невольно, задачу свою он всё-таки выполнил — оттянул на себя силы противника. И пускай это не адепты, а мутанты, суть от этого не меняется.

Как только стая окружает верзилу, двое остальных вмиг соображают, что их корешу ничего не светит, и стремглав убегают. Это не по-товарищески, но совершенно оправданно. В Зоне подобное часто случается, и если предаваться эмоциям, распускать сопли, это может привести к цепной реакции смертей. Фактически по принципу домино. Только и успевай вытаскивать из валяющихся рядов да на ребре удерживать доминошку своей собственной жизни.

Когда затихает громогласный рёв пулемёта, двое сталкеров переглядываются, традиционными жестами желают корешу царствия небесного, затем, пригибаясь, бегут дальше. Тишина длится недолго, вскоре слышится громохание автоматных очередей — это стражи разбираются с остатками стаи. Как только они закончат с монстрами, то возьмут след и быстро нагонят сталкеров. Новой схватки не избежать... Возможно, вот-вот наступит тот момент, которого я жду.

Неожиданно напарник моего пацана громко вскрикивает. Его нога угодила в капкан, оставленный здесь неизвестно кем. Дело — дрянь. Сквозь оптику я вижу кость голени в рваном обрамлении обнажившегося мяса. Парень истерически орёт и дёргается, тем самым усиливая адскую боль. Мой «поднадзорный» останавливается, возвращается к товарищу, глядит на его ногу... Что там долго разглядывать, и так всё понятно. Мой обхватывает ладонями голову друга и что-то ему говорит. Потом быстро, спокойно и хладнокровно забирает у него «первичку» и всё, что тому уже не пригодится. Оставляет только пистолет. Угодивший в капкан сталкер раскачивается и рыдает, как ребёнок, ему остаётся только смотреть в спину убегающего напарника.

— Не бросай меня, братан! — Этот крик рвёт мои нервы и ещё долго надрывным эхом звучит в ушах. — Не броса-а-ай меня-а-а, брата-а-ан!!!

Я задерживаю свою оптику на нём. Обезумевшие глаза смотрят на ствол в руке. Обездвиженный сталкер всё ещё не решается засунуть его себе в рот и потянуть спусковой крючок. Парню не хватает духу... Хочется ему помочь — и физические страдания облегчить, и от мучительного выбора избавиться.

Я помогаю. Мне даже показалось, что он улыбнулся, когда пуля, отосланная мной на помощь, входит ему в голову, освобождая от вечного гамлетовского выбора.

Теперь моё внимание целиком и полностью приковано к цели. Мой паренёк, молодой да ранний, обойдя по большой дуге своих преследователей, мчится что есть сил назад, к очистным сооружениям. Манёвр хитрый, коварный, и может привести к успешному результату...

Эй, мой верный неуловимый преследователь, вдруг ты сейчас за мной наблюдаешь, учись, пока я жив! Пользуйся удобным случаем, я же не вечный.

— Впервые за долгий срок я выбываю из гонки... Ха, вот Другой возьмёт и натворит что-то необратимое! Действие выпадет из поля моего зрения, останется недоступным анализу... Впрочем, если наступит конец этого света, я вряд ли узнаю. Меня просто не станет. Хотя... возможен и другой вариант, в буквальном смысле. Бытие изменится, трансформируется... э-э-э... мутирует, хе-хе, и превратится в нечто... гм... другое. Я останусь жив, но заметит ли моё сознание произошедшие изменения бытия? Может быть, я и так уже нахожусь в совершенно другой реальности, сформированной вовсе не из тех причин, которые я... э-э... по привычке считаю истинными. Просто перепутал различные миры, выпал из того, что считал своим, и барахтаюсь на чужой территории... Даже если этого не произошло, нет никаких гарантий, что не произойдёт. Человечество по мере развития прогресса мысли приняло концепцию виртуальных миров. Осталось пойти дальше и наконец принять, что любой виртуальный, который человек способен вообразить, — точно такой же реальный. Просто не здесь, не сейчас и не с тобой. И наоборот, происходящее с тобой здесь и сейчас... для кого-нибудь — абсолютно виртуально. Если ты играешь в компьютерные игры, то почему бы кому-то или чему-то не играть тобой и в тебя? Такая вот киберпанковская философия получается, стоит лишь задуматься о том, что одновременно существует множество миров и в любом из вариантов...

Штрих сделал паузу. Не выключая рекордер, грустно улыбнулся. Совсем грустно. Радоваться нечему, собственно. Ещё вчера у него имелась чёткая и ясная цель, и жить было просто, несмотря на невероятные сложности, постоянно возникавшие на пути достижения. Сегодня она вдруг начала размываться, словно в глаз, смотрящий через оптику, попали слёзы или капли дождя, и очертания цели, накрытые перекрестием прицела, поплыли, раздвоились, растроились...

— Я утратил смысл. Больше не вижу его в стремлении догнать Несси, подстеречь и поразить в удобный для удара момент. И Луча я убивать не хочу. Раньше тоже не хотел, но допускал необходимость устранения. Сейчас не допускаю. Вообще, пока не разберусь, что к чему с этим бытием, я не имею права ничего допускать. А уж если разбираться, то с самого начала. С момента моего появления в Зоне. За точку отсчёта можно принять разговор в пещерке, когда я рассказывал Лучу о причинах, которые привели меня сюда, в эту Зону. О своих идеях насчёт существования прошлых Зон в других эпохах истории. О том, что либо эта — не первая аномальная сущность, либо — что она одна, но появляется на Земле не впервые.

И заброшенная черномыльская зона отчуждения была просто очередной подходящей колыбелью, но вовсе не причиной возникновения здесь территории со свойствами, аномальными по отношению к остальной планете. Я тогда ещё не знал, где искать ответы, внутри неё или вне. Теперь понимаю, что важно не это. Важно, что ответы можно найти только тогда, когда правильно сформулированы вопросы. Пройдёшь мимо ответа и в упор его не заметишь, потому что не о том спрашивал... А потом вдруг растерянно поймёшь, что эта Зона, по которой гонялся за Несси, — реально другая. Не та, которая его госпожа, напарница или кто она ему. Мне бы побывать в ней, поговорить с ней, но откроется ли будущее для меня хоть когда-нибудь?..

Штрих опять замолчал. Не выключая рекордер, осмотрелся вокруг, в миллионный раз, наверное, вбирая в зрачки мрачные, знакомые до тошноты пейзажи Зоны, своей тюрьмы.

— Поэтому мне ничего другого не осталось, как развернуться и уйти в обратную сторону.

Больше добавлять было нечего, и хроносталкер отправил «Самсон» в небытие. Каждый раз, нажимая кнопку «выкл.», Штриху оставалось лишь надеяться, что не в бесповоротно-окончательное, что сделанная запись — не последняя.

3

— Я не говорила об этом любимому и очень боюсь ему говорить, но тебе скажу, реченька моя. Ох, надо мне выговориться, совсем не вмоготу... Всё больше признаков того,

что реальность Земли может победить. Факторы, которые влияют на меня извне, становятся всё сильнее, и мне с ними уже не совладать... Одно меня утешает, что окружающее человечество, которому я вернула территории, прозванные Предзоньем, уже почти забыло обо мне. Исчез Периметр, люди не помнят о том, что когда-то реально существовал Чёрный Край, из памяти человечества это мрачное воспоминание почти стёрлось. Примерно так, например, спустя десятилетия стала мифом реальность СССР в восприятии потомков... Я прекратила через артефакты распространять своё влияние, чтобы добиться поставленной цели. Я хочу возникновения за пределами меня закрытой реальности, в которой люди проходят мимо и не видят. Я для них как бы заговорённая, а в те области, где было Предзонье, вернулась нормальная реальность. Может, не совсем такая, какую она могла бы быть, не случись Чёрный Край вообще... Но по крайней мере что-то похожее, имеющее вероятностное право на существование, с привычными для людей законами природы.

Она взмахнула рукой в сторону клубящегося на том берегу реки непроницаемого тумана.

— Там, на месте кладбища миллионов душ, которых я погубила, должна вновь расцвести жизнь! Ох-хо-хо, я так этого хотела, когда приняла решение оставить человечество в покое, лишив соблазна беспокоить меня... Но удалось ли задуманное? Я не знаю. В ответ на мой неожиданный демарш нормальная реальность тоже закрыла мне доступ в себя. Непроницаемость с обеих сторон. Крепость в осаде. Враг не проберётся внутрь, но и осаждённым не выбраться наружу. За пределы застывшего, оцепеневшего настоящего... и прошлого. Того прошлое, которое всё-таки можно как-то изменить. Этим и занимается напарник. Ради того, чтобы попытаться открыть будущее и узнать, состоялось ли искупление вины. В этом будущем больше всего на свете я хотела бы оказаться вместе с любимым. В реальном времени, в настоящей реальности. Но при любом раскладе, увы, это кажется невозможным. Земля стремится наказать меня по своим законам. Напомнить, что любовь — это иллюзия, рождённая людьми, и что удел живого существа — одиночество. И реальность материнской планеты почти одолела меня, своё уродливое, нежеланное дитя... Об этом я боюсь говорить любимому человеку. Ему и без того тяжело приходится, хуже некуда, ежесекундно доказывать, что и один в поле воин. Человеку надо обязательно верить, что в победе есть смысл, даже если он сражается за... иллюзию.

Глава двадцать третья. Новорождённый

1

Ход операции резко вырывается из-под контроля моего «поднадзорного», когда он в упор натывается на «апокалиптика», приотставшего от основного отряда. И прежде чем едва слышный хлопок снайперки вольного сталкера гасит фанатику свет в очах, тот успевает дважды громыхнуть из своего помповика. Один заряд лупит в «молоко», но второй попадает если не «в десяточку», то уж край цели всё-таки задевает... Похититель тайны сектантов левой рукой сжимает бедро, из которого ручьём вытекает кровь. Это заметно даже с моей отдалённой позиции. Судя по всему, кость не задета. Сталкер не падает на землю. Сильно хромая, почти волоча ногу, он всё же скрывается в большом провале, что ведёт к подземным коллекторам. Решение, конечно, самое верное. Куда ему, раненному, дальше бежать... Но там, в тёмном лабиринте, я ему уже не помощник. Если не полезу в преисподнюю вслед за ним.

Мало того что сейчас на грохот выстрелов сбегутся все «апокалиптики», так ещё под поверхностью наверняка мутных тварей на целый зоопарк соберётся.

При любом раскладе пацан лишь ненадолго отсрочил свою смерть. На месте преследователей я бы забросал подземный лабиринт гранатами. Самый рациональный способ. Это отлично понимает и сталкер. Ему ничего иного не останется делать, как на свой

страх и риск пробиваться через подземные коммуникации, а уж там, как ни крути, «бабка надвое сказала». Монетка жребия судьбы любую из сторон может показать.

Ух! Ну, наконец! Вот он, тот самый момент, когда необходимо моё вмешательство. Выждав, пока к провалу сбегается большинство стражей, я начинаю действовать. Вот два тела в хорошо защищённых комбезах выдернули чеки из мощных килограммовых УГ-1000... Но стоит им занести руки, чтобы метнуть, как из их шлемов брызжут тонкие струйки крови.

Иглы пронзают навывлет. В этот раз вместо разрывных «спак» я стреляю из «гаусса» высокоуглеродистыми стержнями. Всё-таки броня «Стражей Апокалипсиса» не из глины, а меня устроит лишь стопроцентный результат. Фанатики растеряны, некоторые, глянув на упавшие под их ноги супергранаты, отчаянно пытаются укрыться за чем-либо, а кое-кто из них, вскинув оружие, затравленно высматривает снайпера... остальные ещё только выбегают из руин и вообще ничего не понимают.

Всех их объединит смерть. Кого-то она встречает в фонтанах осколков после спаренного разрыва, кого-то иглой в голову, но спустя считанные мгновения все «апокалиптики» уже выстраиваются стройной шеренгой на «том берегу».

Паренёк тем временем попал в передрагу. Чувствую его боль. Пора.

Я врубаю диггерский фонарик и прыгаю в черноту подземелья. Сразу же слышу отчаянный крик, совсем рядом, и отрывистые выстрелы «беретты» молодого... Чудом успеваю. Под «тенью» я, и матёрый бюерер меня не чует, даже когда в упор высаживаю его мутантные мозги. Урод собирался обрушить на пацана вторую порцию ржавых труб. Куда большую, чем та куча обломков, из-под которых сейчас торчит часть туловища упавшего человека. Меньшая часть.

Хотя и этого ему хватило выше крыши. Сталкер хрипит и плюётся красным фаршем. Что оно такое, обед, смешанный с кровью, или действительно фарш из внутренних органов, неясно. Я опоздал! Столько пас его и банально опоздал на полминутки! Переполненный горечью этой мысли, подбегаю к нему и хватаю обломки труб, раскидываю их остервенело. На лице, чёрном от грязи, белеют глаза, выпяченные, округлившиеся от страданий и отчаяния. Окровавленные зубы скрежещут от боли.

— Держись, братан, держись, — заговариваю с ним, высвобождая его тело из-под пресса труб.

— Оставь меня! Дай подохнуть спокойно, бандюковая сука! — прекратив скрежетать, цедит он сквозь зубы. Соображалка у парня явно сошла с рельс, если, конечно, это не предсмертный бред уже. — Нет у меня ни хера, — не унимается он. — Весь хабар скинул, когда тикал!

На всякий случай я отбираю у него оружие и ташу на горбу в свой излюбленный схрон, координаты которого мне некогда сдал Шелест. Пацан мямлит ещё несколько невнятных фраз и вырубается. Так лучше. Таранить его в убежище под аккомпанемент проклятий — не радужная перспектива...

Очнулся он лишь трое суток спустя. Подлатал я его к этому времени хорошенько, всеми возможными средствами. Безусловно, не брезговал артефактами. Только вот один неприятный момент всплыл, черепушка у пацана оказалась проломленной. Долбанный карлик и его трубы! И хотя все раны уже затянулись под воздействием тех ништяков, которыми я молодого обложил, не факт, что мозг остался без повреждений.

С нетерпением жду, когда же он придёт в себя. И ожидаюсь.

— Хде... я-а? — слипшиеся губы ворочаются с невероятным трудом.

Интересно, почему, когда человек приходит в себя, он задаёт именно этот вопрос? Словно в беспамятстве просто обязан залететь куда-нибудь за край света!

— На болотах, вестимо, братан. — Я улыбаюсь, заслышав вполне связную речь и увидев глаза, в которых светится искра разума.

— Хде-хде?... — испуганно переспрашивает он и пытается подняться, но ремни, которыми я его притянул к обеденному столу, послужившему и операционным, не позволяют.

— На хрена... ты меня с-связ-зал... — уже со злостью в голосе цедит он сквозь зубы. Ничего, ничего, если злитесь, значит, будет жить. Эмоции — это хорошо, с головой всё в порядке. Хотя время покажет.

— Дёргался ты много, сильно мешал. А что, совсем ничего не помнишь? — Я улыбаюсь как могу лучезарно, чем немного его успокаиваю.

— Помню... конечно. — Он напрягается, пытаясь отделить недавние реальные события от последующего горячечного бреда. — Ты меня... вытащил из посёлка. — Память возвращается к нему. — Сектантов там было... как мошки. Как ты... мимо них прошёл?

— Не мимо них, а по ним, по ним, братан. — Я старательно отшучиваюсь.

— Не Братан я, — раздражённо огрызается он, — меня... Энержи зовут.

Невольно усмехаюсь. Ишь ты, как пафосно! Полоснув лезвием ножа по ремням, освобождаю сталкера. Тоже мне, Энержи.

— Мама моя дорогая... Это всё твоё? — Он узревает артефакты, которыми обложен.

— Теперь твоё, — я всё ещё улыбаюсь, но теперь загадочно, — честно заслужил.

— С чего бы... щедрость такая... постой, ты что, меня пас? И дал пацанам сгинуть? — Котелок его уже варит мыслишки, но явно не доваривает.

— Ну был там, ну видел, — я развожу руками, — помочь смог лишь тебе, братан.

— Я не... — Сталкер недовольно морщится от очередного «братана», но замолкает на полужвуке, когда я ему протягиваю пачку «Примы».

Он прикуривает и жадно затягивается сизым дымком. Выпущенное облако поднимается к потолку подвала, который выкопан под неприметным, заросшим камышом домиком.

— И всё-таки почему ты мне помог? Ведь мог бы преспокойно уйти. — Он прищуривается, глядя на меня. Совсем оклемался, болезный. Неудивительно, с такой-то подпиткой от ништяков made in Zona!

— Э-э, как тебе сказать. — Мне понадобится изложить подобие правды, потому как беспардонная ложь, далёкая от логики, имеет свойство рано или поздно всплывать на поверхность. — Вот сегодня, я помог тебе. Завтра ты кому-то поможешь. Послезавтра этот кто-то поможет ещё кому-то, кто когда-нибудь поможет мне. Я не сильно сложно объясняю? Всё в мире взаимосвязано, главное, не рвать связи.

— Не то чтобы сложно, а вообще ни хрена не понятно. — Он встряхивает головой, будто освобождаясь от паутины моих слов.

— Ладно, если коротко, как аукнется, так и откликнется, — цитирую я шикарную народную мудрость, — так оно тебе понятнее?

— Намного. — Он опять очень глубоко затягивается, будто хочет в пару затяжек выкурить всю сигарету.

— Вон там, — я указываю пальцем на разложенные вдоль стены зелёные и коричневые ящики, — разживёшься на пушку и петрушку. Лишнего не бери, место никому не сдавай. А мне пора. Засиделся я с тобой.

Подхватываю свой рюкзак и начинаю карабкаться по лестнице, что ведёт в хибарку над нами.

— Вот так и уйдёшь?! — наблюдая, как исчезают в люке подошвы моих ботинок, вопит мне вслед юный сталкер.

— Да! Вот так и уйду, — отвечаю я, но перед тем, как с низкого старта рвануть через болота, наклоняюсь, просовываю голову обратно в люк и спрашиваю: — Кстати, скажи ещё раз, как там тебя зовут, братан?

Пауза совсем небольшая.

— Братан! Братан меня зовут! — едва сдерживая смех, отвечает парень и добавляет тише, спокойней: — Хрен с тобой, пусть Братан. Новая жизнь — новое имя.

— Вот что значит правильно сформулировать вопросы!.. Самсон, ты мой единственный слушатель, кроме меня, ни единая живая душа об этом ещё не знает. Так что если вдруг сдохну, уж постарайся не сгинуть бесследно! Попадись кому-то на глаза, донеси к людям свою флэш-память, которую я заполнял информацией. У вещей тоже свои судьбы, и может быть, вы тоже как-то способны влиять на них? Я же нашёл тебя, спрятанного в пещере... и ты оказался очень ценной находкой.

Штрих погладил записывающее устройство, сделанное в Новосибирске по южнокорейской лицензии. В Зону этот российский «Самсон» модели 439САС прибыл на теле будущего патриарха ловчих и спустя много лет после явления репортёра Котомина оказался единственным уцелевшим исправным рекордером.

— Ладно, теперь серьёзно. Похоже, это самая важная запись из всех, сделанных мной. Триумфальный отчёт об удавшейся экспедиции. Теперь я совершенно уверен, что истинные желания исполняются обязательно, просто всему своё время. Я хотел избавиться от власти линейного течения времени и получил освобождение. Хотя сначала думал, что всего лишь перебрался из одной камеры в другую. Немудрено для пленника, запертого в замкнутом коридоре размером в пятьдесят лет и лишённого права на будущее. Но ведь на самом деле не этого я хотел, не будущее манило меня. Я с детства стремился исследовать прошлое. В конце концов, пусть с задержкой, желание археолога сбылось! Видимо, я не сразу заслужил исполнение в полном объёме... чем я его выслужил, стараюсь не думать, да и не об этом речь. Итак, я развернулся к будущему задом и, полный решимости по самую макушку, погрузился к самой ранней дате, доступной моему проникновению. Фактически минута в минуту с собственным рождением. Ни на секунду раньше я не проникал до этого... Никакими словами не передать моё ошеломление, когда ощущение даты, каким-то образом встроенное в моё сознание, вдруг наполнило меня убеждением, что я после разбега, набора скорости и прыжка выскочил РАНЬШЕ по времени! Понимаешь, Самсон, я неожиданно осознал, что нахожусь за пределами отмеренного пятидесятилетия. В одном из дней истинного прошлого, без всяких переносных смыслов, во времени, истёкшем ещё до моего рождения! Я прорвался сквозь роковую ограничительную дату и... и попал именно туда, куда страстно желал всю жизнь... даже сейчас не могу без волнения об этом говорить... Словно вдруг открылся запертый шлюз, моя лодка вошла в него и опустилась на другой участок русла реки.

Путешественник посмотрел на официантку, что в этот момент подошла к соседнему столику. Девушка, вся во внимании, застыла с блокнотиком и карандашиком в руках, готовая принять заказ. Клиентки и клиенты, три девицы в блестящих блузках из ацетатного шёлка и плиссированных мини-юбках, и два парня в цветастых рубашках с отложными воротниками и в брюках, ширине клёша которых позавидовали бы революционные матросы, громко смеялись и не менее громко разговаривали. Здесь и сейчас, в Ницце семидесятых годов двадцатого века, беззаботно веселящихся людей в подобных лёгких одеждах было не счесть.

На немолодого мужчину, что сидел в одиночестве неподалёку и говорил не то сам с собой, не то с какой-то странной крохотной коробочкой на незнакомом, кажется, славянском языке, компания не обращала внимания. В курортной столице французского Лазурного Берега кого только не встретишь! Отличный город для того, кто хочет затеряться в толпе.

— Погуляли бы они в таком виде по Агропрому или Свалке... Хе-хе, вот уж точно весело было, когда я со всеми своими сталкерскими причиндалами вывалился на киевскую улицу в конце девяностых годов. Хорошо хоть ночью. Первому Терминатору и то полегче было, он голый прибыл, а я... блин, увешанный оружием, как Терминатор после того, как обжился в прошлом. Но ничего, сориентировался. Тотальная маскировка — моё жизненное кредо.

Он невольно улыбнулся одной из голоногих курортниц, сидевшей за соседним столиком к нему лицом и на миг остановившей взгляд на нём, получил ответную улыбку, но подлинного интереса к нему это юное создание не проявило, понятное дело. Для этих изнеженных французишек он просто небогато одетый, малопривлекательный иностранец, наверняка скучный и ворчливый, как все старпёры... Этого впечатления он старательно

добивался, выбирая в лавке маскировочную одежку. Настоящий мужчина в представлении мадамзельки — этакий надутый хлыщ с волнистыми патлами, танцующий диско в вечера до утра. Который наверняка не знает, с какой стороны у штурмовой винтовки предохранитель и сколько секунд жизни осталось после того, как выдернута гранатная чека.

Какое счастье, что в истории человечества всё-таки случаются периоды, когда возможны целые поколения вот таких не знающих! Ради этого стоит вписывать своё имя в проклятые списки добровольных спасателей мира.

— Мои головокружительные приключения в глубинах истории я подробно опишу позже. Сейчас, будем считать, фиксируется вводная часть отчёта о происхождении... э-э-э... структурно весьма сложного, локального искривления пространства и времени, наделённого собственным сверхразумом, для краткости именуемого Зоной. Если эти записи кто-нибудь услышит в будущем, знайте, я доподлинно выяснил, что её никто из людей специально не зачинал и не порождал. В этом не замешаны никакие зловерные тайные логи, жаждущие поработить человечество, и ни в коем случае не коварные завоеватели-инопланетяне. Возникает она по совокупности, сама Земля разжигает костёр её жизни, а люди подливают масла в огонь. Самозарождение происходит, когда совокупное ноосферное поле человечества резонирует с планетой определённым образом, реализуя накопившуюся потребность. Но всегда бывал какой-то последний толчок, фактор, благодаря которому начиналась цепная реакция и происходил сдвиг реальности. В этот раз возникновение сдвига произошло из-за взрыва Чернобыля и потом из ещё какого-то более позднего события, мне пока не известного. Таким образом, Земля и человечество могут считаться её коллективными родителями. Сама реальность способствует самозарождению аномальности. Зона — плоть от плоти нашей, дух от духа нашего, средоточение искажений наших разумов... Далеко не впервые нечто подобное появляется в истории человечества.

Он опять улыбнулся. В этот раз повернулся и посмотрел на него юноша, сидевший к нему спиной. Видимо, девушка тому что-то сказала о пожилom иностранце, болтающем с коробочкой. Молодой человек улыбкой не ответил. Нахмурился, отвернулся и что-то резко выговорил девице. Возможно, парень решил, что она слишком большое внимание уделила какому-то старику. Ревность — не самое лучшее свойство разума, но такое человеческое...

— Да, не раз и не два вспухали на теле планеты. Разных масштабов, от совсем маленьких до Чёрного Края диаметром шестьсот км. Может, бывали и побольше, но я пока не знаю... И каждый раз нормальность сначала творила, а затем подавляла и уничтожала аномальность. На память оставались легенды о разных мифических существах, магии, волшебстве, всемогущих талисманах и непобедимых мечях, о драконах, вампирах, человекоподобных орках, гоблинах, троллях и тому подобной якобы небывальщине, но на самом деле очень даже... э-э... реальщине. Пространственно-временные аномальности исчезали, но оставляли о себе обрывки воспоминаний, внедряясь в память других живых разумов. При этом каждый раз вместе с ними исчезала адсорбированная, впитанная часть человечества. Быть сталкером не каждому дано, в Зону попадают личности определённого склада, которых мать-планета, похоже, считает слишком независимыми, и потому тщательно подчищает. Но главная функция, выполнявшаяся Зонами, — в нужный момент они смертельно пугали человечество, воочию демонстрируя, что будет, если отходить от реальности и в фантазиях стремиться к чему-то отличному от привычного мироздания. Земля не только живая, но и хитрая. И не такая уж безобидная, как её пытаются представить всяческие экологи, что шаманят о вреде, наносимом природе. Она позволяет венцу творения разгуляться, а потом случается жёсткий укорот. Атланты, видать, не слабо погуляли, раз она их безжалостно утопила. Интересно будет глянуть на сталкеров Атлантиды, но так глубоко в прошлое я ещё не могу нырять... На данный момент и не нужно. Я нашёл подтверждения своим догадкам. Я, можно сказать, торжествую, почти все мои гипотезы подтвердились. Но почивать на лаврах некогда. Теперь мне пора возвращаться в тюрьму. Хочу встретиться с другим узником. Отвык я от райского солнышка, как это ни парадоксально, мне в аду свободней дышится... К тому же одна гипотеза всё ещё ждёт своего подтверждения.

— Мой Нессия хотел быть рыцарем Ланселотом, каким он его себе представлял, честным и безупречным. Но во мне пришлось ему учиться не только безукоризненно владеть мечом, но и виртуозно лгать. Дезинформация — такое же оружие, как использование добытой информации. Я не знала, что это будет настолько тяжело, врать любимому человеку. Но в этой жизни мне, кажется, придётся испытать чашу грехов до самого дна. И что самое гнусное, добраться к финалу, не искупив их, как ни старалась... разве что...

Она резко замолчала. Долго не произносила ни слова. Река, будто почуяв, что мешать нельзя, пригладила волны и превратила свою поверхность чуть ли не в зеркало. Мутное, тёмное, но гладкое. Мёртвый штиль лёг на воды Припяти. У хозяйки формировался замысел, и подруга помогала как умела.

— А почему бы и нет? — наконец нарушила мёртвую тишину женщина; в её голосе сквозило сомнение, однако с каждым произнесённым словом он креп. — Идея лежала на поверхности, но как говорится, хочешь что-то получше спрятать, оставь на видном месте. Человек ведь жив, пока о нём кто-то помнит. Вот нам и запасной план... План Зэ. Или план Джи, обыграем ключевое слово гэйм... Только бы не получить слово, начинающееся на эту же букву «гэ», с другим смыслом и на другом языке...

Река заволновалась. Зашелестели, а потом заплескались и зашумели волны. Припять будто звала женское тело, стоявшее на внутреннем берегу главной реки Зоны. Не смогла больше молчать и тоже захотела поговорить, выразить мнение. Вступить с собеседницей в диалог.

Глава двадцать четвёртая. Преисподний флот

1

Разветвлённая сеть катакомб под всей Зоной всегда являлась её нижним фронтом в борьбе за место под солнцем. Они и созданы были самой Зоной, чтобы максимально эффективно противостоять ненормальной, с её точки зрения, реальности планеты Земля. Вообще-то лабиринтом подземных туннелей и коридоров эта структура выглядит в человеческом восприятии, а на самом деле... В человеческом лексиконе нет слов для описания истинных лиц Зоны. Вообще всё, доступное восприятию обычных людей, — лишь тень, эхо, отголосок, бледная копия её истинного облика. По этой причине напарнице для прямого общения со мной пришлось воплотиться в женщину. Даже ко мне ей приходится, мягко говоря, снисходить, а я всё-таки человек не совсем обычный. Далеко не.

Так вот, этот фронт незримой для человечества «нижней» войны моя напарница всегда держала под своим стопроцентным контролем. Не привлекая к «манёврам» и «операциям» людей, вездесущих на поверхности планеты. Она как-то справлялась сама. Хотя одному Богу, если Он есть, и ей самой известно, каких усилий это требовало и требует — удерживать плацдарм, отвоёванный у так называемого нормального мира. Именно поэтому катакомбы всегда слыли местами крайне опасными, и редко какие смельчаки отправлялись в ходки по ним. А если и уходили, то эти экспедиции, как правило, почти для всех становились последними. Там, внизу, незримо и вроде бы неощутимо для человеческого восприятия бурлили сражения между... скажем так, различными толкованиями законов природы, а эти процессы на самом деле для жизни куда губительнее, чем самые заклятые религиозные и межнациональные войны людей.

Даже мне неведома энергетическая, физическая, химическая, материально-временная или какая там ещё сущность противостояния реальностей Земли и Зоны. Я ведь остался человеком, и мне просто не дано... коротко говоря, объять необъятное. Достаточно того, что я ВЕРЮ в реальное существование всего происходящего. Не поверил бы — только бы меня здесь и видели... Точнее, и в упор бы не увидели.

Но для любой из реальностей, похоже, справедливо утверждение, что рано или поздно у всего и вся заканчивается срок годности. Мне, конечно, известно как никому из людей, что напарница отвоёвывает место под солнцем не только у человечества с моей посильной помощью. Ещё она борется за выживание с врагом, которому усилие отдельно взятого человека, даже сверхчеловека — что слону дробинка, если не песчинка. И потому я никогда даже и не пытался предлагать себя в качестве солдата «другого фронта». Там, «внизу», шла война совсем иного рода, в которой я ничегошеньки не смыслил и зримой помощи оказать не смог бы при всём желании.

А вот, оказалось, и отдельно взятый человек может пригодиться в борьбе стихий. Конечно, если он хоть чуточку сверх...

Говоря человеческим языком, под поверхностью Зоны обитал монстр, Безымянный. Давно там был. Создала его Зона, и выполнял он функцию... ну, кого-то вроде маршала. Генерального командира пограничников, стерегущих рубежи соприкосновения реальностей — аномальной и нормальной. Безымянный потому, что наверху достоверно никто ничего не знал о его существовании, и как-нибудь эту тварь зонную обозвать, соответственно, просто было некому. А из тех немногих, очень немногих сталкеров, что живыми возвращались из лабиринтов катакомб, почти ни у кого ясным рассудком и не пахло. Неудивительно, что как бред воспринимались отрывочные сведения о несусветном монстре подземелий, по сравнению с которым даже кровосос и контролёр — просто безобидные зверушки.

Но вот однажды главный подземный пограничник «сломался».

— Аномальное сплошь и рядом! — возмущённо сказала мне напарница после моего очередного возвращения в будущее. Эпоху существования, запретную для посторонних проникновений. Домой, в Закрытую Зону.

Я не удержался и от души рассмеялся. «Кто бы говорил?!» — невольно подумал при этом и тут же получил лёгкий пинок под некогда раненную ягодицу. Мои мысли для напарницы — распахнутый блокнот.

— Нет, ну ты сам посуди, — продолжала она, обиженно надув губки, — где это видано, чтобы дитё мать родную стремилось убить? Скажи, что это нормально и естественно.

— Аномально, однозначно, — я согласно кивнул, потягивая через трубочку прохладный лимонад. Когда я возвращаюсь домой на побывку, моя любимая напарница старается меня баловать. Я заслужил вообще-то. Служу, а не прислуживаю.

— Этот Мымр меня сильно разочаровал. — Она гневно сжала кулачки и насупилась. Обычно это означало, что у меня появилась работа. Пора собираться в следующую ходку.

— А почему, собственно, Мымр? — спросил я. — Он же всегда был Безымянным.

— Потому что где-то нарыл себе мымру, — сообщила напарница.

Что ж, с логикой не поспоришь. Даже логикой аномальной. Женской, хе-хе.

— Опишу ситуацию так, чтобы ты понял... Её не должно было быть. Я не планировала ему самку и тем более не создавала. — Негодование напарницы в буквальном смысле наэлектризовывало воздух. — Это Земля постаралась, подкинула ему пару, и теперь он свихнулся на почве страсти. Вместо того чтобы ликвидировать обвалы в защитных слоях, он роет свои «левые» норы, оттягивая энергию на собственные нужды, нарушая всю структуру катакомб и ослабляя мою защиту. Если его Мымра принесёт потомство и они всей семейкой начнут себе гнёздышко расширять, можно считать, что нижний фронт прорван с тыла, и в прорыв хлынут атакующие силы. Позиционная война превратится в бойню. Я могу не осилить активную борьбу на оба фронта, и моя преждевременная смерть станет лишь... вопросом времени, как бы иронично это ни звучало. Я сама хочу распоряжаться сроками и параметрами своего существования, поэтому Мымра нужно остановить. Представляешь, что может случиться, если в пятьдесят шестом у меня не хватит сил вовремя закрыться от постоянных вторжений по верхнему фронту, от алчных притязаний человечества?

— Ого, как всё серьёзно! — Меня бросило в дрожь.

Значение того, что происходит внизу, — выше уровня даже моего восприятия (как ни каламбурно это звучит), и потому я не в состоянии оценить во всей ужасающей красе. Но я

способен воспринять происходящее опосредованно, «на понятном мне языке», проецируя на человеческие чувства.

Если Зона не образумится, и продолжится состояние её духа, которое мы коротко зовём Зоной Сталкеров... тогда, вместо того чтобы остановиться и закрыться, она ещё больше расширится, и...

Той Зоне, которую люблю я, уж точно НЕ БЫВАТЬ.

Я не мог позволить кому-либо или чему-либо отобрать её у меня. Иначе полностью утратится весь смысл существования моего мира, моей жизни, моей души.

Если для сохранения моей любви придётся уничтожить чужую любовь, я уничтожу.

Эх, как же это по-нашему, по-человечески...

Достаточно скоро после этого разговора я уже бежал по одному из тоннелей. Выглядающий ровесником средневековых рыцарей красный кирпич вперемежку с железобетонными плитами, которые выглядели свежоотлитыми, смотрелся неестественно. Изюминками в пейзаж вкраплялись такие же странные детали. Если бы какой-нибудь сталкер, пробегая здесь, отвлёкся от своего страха и огляделся, он узрел бы своеобразный винегрет разных эпох истории. Мой диггерский опыт и опытом-то особым назвать нельзя, но всё же как-то резали глаз старые, наполовину вмурованные в стены рваные линии телефонной связи советских времён в гнилой оплётке с... оптико-волоконным кабелем внутри. И таких анахронизмов здесь встречалось превеликое множество. Сразу было видно, что катакомбы созданы искусственно, причём сработаны на скорую руку. По этому поводу не премину сделать напарнице замечание. Вернусь — побеседуем.

А сейчас нужно максимально быстро добежать к подземному залу, в котором Мымр устроил генеральскую резиденцию. Находится ли он там сейчас, или нет — предстоит выяснить. Возможно, наш разлюбезный монстр покинул старое обжитое гнездо и роет своей будущей многодетной семейке новый дом... Но хотя бы самку в этом самом генеральном штабе застать можно. Там она, там должна быть. Вообще говоря, если считать её неожиданное появление случайностью, то хватило бы завалить лишь эту Мымру. Погоревал бы Мымр немного и к исполнению своих обязанностей вернулся... Именно это я себе и решил перед ходкой. Зачем убивать это великолепное зонное создание, царя подземелий! Ведь повинна во всех его и наших бедах только Мымра. Поэтому надо ликвидировать причину, а не следствие. И все дела.

Но гладким и стройным любой замысел кажется на этапе планирования. Реализация может внести коррективы...

Противник явился неожиданно. Толща грунта сыграла роль экрана. Моё экстрасенсорное восприятие глушилось по максимуму, я мог прощупать только пространство прямо по коридору и в нескольких ближних комнатах. И когда возникло чувство тревоги, я решил остановиться и на всякий случай попятился назад. Перестраховка меня и спасла... В том месте, где я должен был оказаться, если бы бежал дальше, ОНО и появилось.

Нечто большое проломило стройные ряды кирпичной кладки стены. Чёрное, с горящими красными глазами и наружным скелетом, как у краба или насекомого. Клыкастая морда, внешне похожая на собачью, таранилась в моём направлении и щурилась от света моего налобного фонаря. Бывший Безымянный предстал во всей красе. А то, что из темноты его выхватывал именно слабый свет налобника, придавало ему ещё более зловещий вид. Зловещий в квадрате! Фонарь я тут же погасил и переключил визор на ночной режим.

Огромное тело, покрытое шипами костяных отростков, вывалившись из «левой» норы в тоннель лабиринта, встало на свои кривые задние лапы и теперь готовилось кинуться на меня. Лапы-лопаты с огромными шипами тянулись ко мне. Такие ручонки и броню танка без труда порвут, как бумажную салфетку!

— А ну тебя на фиг! — Я вышел из оцепенения и выпустил весь магазин твари в морду. Умирать совсем не хотелось.

Ни одна пуля Мымра даже не царапнула, все они отскакивали от монстрической морды, как горох от стены. Подземный обитатель издал пронзительный высокочастотный

визг, от которого у меня треснула оптика в камерах. При этом сам гад даже пасти не разинул. Раскрой он её хоть немного, мигом бы наелся свинца.

Я сорвал с себя маску и врубил тактический фонарь на все его люмены. Ослеплённый Мымр резко дёрнулся и бросился в мою сторону.

— А, чтоб тебя, жучила долбаный! — Я бросил автомат наземь и потянул из-за спины «гаусс».

Я успел выстрелить по твари лишь один раз. Эффективность убойной силы электромагнитной винтовки сильно снижалась низкой скоростью перезарядки. Но Мымр ведь не знал этого! И раненый монстр, почуяв моё превосходство в лобовой схватке, спасовал. Он тут же канул в твердь бетонного пола, без проблем, словно в воду погрузился. Только фонтан осколков раздробленного материала взметнулся к потолку тоннеля. Чёрная дыра свежееобразованного хода кашлянула клубами пыли и щебня, и воцарились предательская тишина и спокойствие.

Спустя несколько секунд моя чуйка вновь полоснула бритвой по нервам. Я отчаянно рванул вперёд, а на том месте, где на бетоне остался мой брошенный автомат, буквально взорвалось пространство. Мымр, рассекая лапами воздух, вынырнул из пола в круговерти дроблёных камней и, пробежав по тоннелю несколько метров, опять нырнул в землю.

Ещё одно скользкое попадание заставило монстра отступить. Но чтобы убить его, нужно было жакнуть прицельно промеж мутных глазёнок, ну или в хребет выцелить, и скорее всего это необходимо проделать не один раз. А для этого Мымр должен оставаться на линии огня достаточное время. Да и стрелять в стремительно перемещающееся создание — занятие не из лёгких. Кто имеет подобный опыт, тот поймёт.

Ничего не скажешь, встретились два равных противника. Жучила под землёй ходит, как у себя дома в тапках. А я хоть и с заглушённой чуйкой, но всё же не талое мороженое на блюдечке. Это уже не охота получается, как я представил себе ходку вначале. Это поединок двух опытных воинов. Ещё шесть раз Мымр выпрыгивал из земли, пытаясь подловить меня в тоннеле. Ещё два раза я успел его зацепить убойной пушкой. После этого всё надолго стихло.

Длинная пауза натянула струны нервов до предела. С замиранием сердца я стоял и ждал, когда в очередной раз дёрнется внутри что-то острое, холодное и неприятное, но ничего не происходило. Лишь пару раз слегка дрогнула окружающая земля.

Противник явно задумал что-то нездоровое, моя тревога нарастала. И когда с очередным «землетрясением» треснуло напольное бетонное перекрытие, меня вдруг осенило. Этот гад решил устроить обвал и похоронить меня заживо! Как ошпаренный я помчался по тоннелю в направлении подземного зала, только там можно было себя чувствовать в относительной безопасности. В глубине катакомб позади меня раздался страшный грохот, пол под ногами заходил ходуном, как при настоящем сильном землетрясении. Я в буквальном смысле галопом поскакал по тоннелю, пару раз падал, но тут же поднимался и бежал дальше. Грохот за спиной нарастал, мой организм стремился вперёд на пределе сил.

Если верить карте, в темноте мерцающей на экране КПК, то за следующим поворотом откроется подземный зал. Но неожиданно свет фонаря выхватил из темноты кирпичную кладку. Тупик, проход замурован. На карте ничего подобного не было! Т-твою душу! Придётся воспользоваться нежелательным приёмом и засветиться по полной программе. Другого варианта выжить уже не осталось...

Бахнула аномалия, активированная мной в центре стены. Ещё осыпались дроблёные кирпичи кладки, а я уже прыгнул в дыру, образованную в стене «трамплином». Аномалия жакнула ещё раз, добавив мне ускорения. И хотя пояс, увешанный гирляндами артефактов, несколько компенсировал удар, но швырнуло меня неслабо. Я сжался в комок и в полёте рефлекторно развернулся спиной к земле, закрывая своим телом то единственное, что сейчас могло спасти от Мымра, — мой «гаусс». Удар от падения был достаточно сильным, мало не показалось.

В детстве я своих друзей частенько посылал куда подальше, пользуясь бородатой сетевой фразой: «Убейся апстену!» Теперь жизнь в ответ грустно пошутила. Сейчас я, слегка контуженный, лежал на скалистом уступе в бесконечно большой и тёмной пещере. Эхо от шума моего экстремального броска гуляло где-то в сталактитах под высокими потолочными сводами.

Грохот обвала из глубины катакомб принёс и выплюнул в подземный зал фонтан осколков породы и конструкций тоннеля. Когда затихло эхо и улеглась туча пыли, я выбрался из-под камней, стёр пылюку с фонаря и осмотрелся.

Картина незримой подземной войны предстала передо мной во всём своём ужасающем масштабе. Спелеологи умом бы тут явно двинулись. Для человека с очень плохим зрением этот подземный зал выглядел бы вполне естественным природным образованием. Но то, что я увидел в свете фонаря, наводило ужас своим безумием. Постатомная страна чудес!

Большая часть свода якобы естественного подземного зала состояла из знакомого до боли в спине бурого кирпича. Вместо сталактитов с него свисали ржавые рельсы и перебитые железобетонные столбы с огрызками арматур. Местами свод напоминал огромную промышленную свалку, которая, наплевав на нормальную гравитацию, примостилась не в котловане, разверзшемся под ногами, а прямо над головой.

Кривой рваной линией, почти у самого пола, шла граница фронта. Там «рукотворная» кирпичная кладка плавно растворялась и переходила в природную скальную породу. Аномальность и нормальная реальность жёстко вытесняли друг друга. Даже некоторые сталагмиты торчали из пола, наполовину как природные образования, а наполовину «сделанные» из кирпича, бетона и ржавых арматурин.

— Капец! — невольно вырвалось из ретранслятора моего шлема.

Тут же в ответ раздался грозный рык. Я резко повернулся в сторону раздавшегося звука и вскинул «гаусс». Левая рука автоматически пристегнула фонарь к полукольцу быстрого крепления, которое у меня всегда висело на подствольной RAS-планке.⁴

Это была Мымра. Женская особь с явными признаками беременности — брюхо непомерно вздутое, как пузырь. Здоровенная, однако! Больше самца, куда больше, в несколько раз! Да как же они спариваются-то?!

2

— Странное, противоречивое существо человек! В тюрьме тоскует о свободе, на свободе норовит вернуться в привычную среду обитания. Вернётся и снова начнёт ныть, как было хорошо на солнышке нежиться... Это так, лирическое отступление. Вернусь к аналитической систематизации. Рассмотрев происходящее под другим углом зрения, я перестал гоняться за Несси, как за врагом. Теперь я за ним не менее активно гоняюсь с другой целью. Наоборот, чтобы найти его и поговорить с ним. Обсудить дела наши скорбные. Наши, ключевое слово... Но он-то этого не знает! Его перчатка-усилитель ждёт в одном из моих схронов, если тайник не разграбили... А Несси ждёт удара в спину, и он готов его парировать. Он даже допускает вероятность, что пропустит удар, я верю, что меня принимают всерьёз, не держат за лоха. Хотя я лох, самый настоящий! Думал, что борюсь с чернотой, и выпустил из виду свет, без которого тьмы просто не видно. Добро должно быть с кулаками, иначе не победит ни в коем случае. Ну никак не получается обойтись без кулачного боя! Ну такой мир, что ж ты с ним, блин, поделаешь! Для одержания победы над злом его обязательно придётся излавливать, ставить на колени и лупить прямой наводкой точно в башку или где у него там средоточие разума, контрольный из чего получится, хоть из гранатомёта... Животрепещущий вопрос, всегда ли, все ли Зоны, случавшиеся в истории, так

---

⁴ RAS (Rail Adapting (Adapter) System) — система рельсового интерфейса, кронштейн, используемый на различных видах стрелкового вооружения для обеспечения унификации креплений прицелов (оптических, коллиматорных) и прочих вспомогательных принадлежностей, в том числе тактических фонарей, лазерных целеуказателей, сошек и др. Она же Планка Пикатинни, она же, в некотором приближении, RIS (Rail Integrated System).

яростно боролись за свою жизнь?! И где в сложившейся фронтовой обстановке следствие, а где причина? Она не умирает, потому что познала любовь и потому сильнее всех предыдущих, или страстно хочет выжить, потому что любит?..

Штрих вынул из кобуры и посмотрел на убойное чудище, с которым в Зоне не расставался. Револьвер «смит-энд-вессон» 460-й модели, из нержавеющей стали, пятизарядный, под сверхмощный, удлинённый «магнумовский» патрон. Тяжеленный, он неслабо грузил руку, тянул её к земле. В отличие от левой руки, на ладони которой примостился лёгонький «Самсон» и которую без особых усилий можно было воздеть к небу.

К этому оружию слово *пушка* подходило без всяких кавычек, и предназначалось оно для контрольного выстрела. Обязательного после удара в спину.

— Ничего себе весы жизни и смерти... — проворчал хроносталкер, раздумчиво взвешивая на обеих ладонях револьвер и рекордер.

3

— Знаешь, в какой-то момент я вдруг избавилась от многих сомнений. Во мне будто погода прояснилась, из памяти ушла какая-то туча, и солнце понимания осветило потаённые, непроницаемые закоулки. Теперь я уверена, подруга, что на самом деле самозародилась, а всех этих злоумышленников-родителей выдумала и приписала себе сама, так многие дети-сироты изобретают несуществующих родителей. Не скажу, что это осознание меня обрадовало, всё-таки странно себя ощущать даже не рождённой вследствие непорочного зачатия, а вообще... не рождённой. Но с другой стороны, я живу, и это куда важнее. Почти так же важно, как то, что люблю... Я много чего ещё поняла вот так сразу, вдруг, в миг озарения. Словно пооткрывались подвалы памяти, раньше закрытые. У меня странное ощущение, что эта сокровищница информации появилась неспроста, её кто-то принёс и мне отдал, и самое поразительное, что ей можно верить! Это меня даже смущает, ведь столько лжи было, есть и... будет. Если вообще хоть что-то будет. В чём я уже начинаю сомневаться. По всему нижнему фронту массированное наступление, а сил держать оборону почти не осталось... только тс-с-с, ни слова напарнику! Ну да ты у меня умница, болтать не привыкла. За что и цена.

Глава двадцать пятая. Разрыв контроля

1

Сонная тварь оскалилась и, совершая угрожающие выпады, плевалась в мою сторону. Густая пена брызгала из её пасти. Уродина сидела на возвышении, нагромождённом из всего, что только сумел натащить сюда Мыр. Семейным гнёздышком это можно было назвать лишь в первом приближении. Что же, возможно, и получится обойтись малой кровью. Я быстро пробежал по некоему подобию моста из скальных пород и очутился у подножия семейной пирамиды — так я для себя обозвал эту кучу мусора. Теперь наверх!

Мыра разошлась не на шутку, она принялась взахлёб лаять, ну точно как разъярённая собака, только громче раз в десять. И тут же с вершины горы в меня полетели тяжёлые элементы конструкций, плиты, рельсы и разного рода тяжёлые штуковины. Едва увернулся от покорёженной стальной крышки люка какого-то бункера... Железяка вспорола брюхо бетонному коробу, с которого я долей секунды раньше успел убраться, и, гроыхая, улетела дальше. Старый трансформатор килограммов на сто буквально просвистел надо мной. Битка фонарного столба, невесть откуда взявшегося здесь, чуть не смела меня к чертям собачьим. И все эти прелести Мыра швыряла одной лапой. Но когда она обеими конечностями, кряхтя от натуги, занесла над своей башкой огромный шмат, оторванный от корпуса... тепловоза, я не на шутку озадачился и выстрелил.

Сомневаясь в том, что один выстрел в голову сможет завалить эту злобную тварь, максимально совратившую Безымянного с пути истинного, я отстрелил ей левую кисть, больше похожую на клешню. Мымра взвыла, и железнодорожная махина рухнула на неё сверху. Эффект от падения многотонной железяки был подобен удару кувалды по спелому помидору. Огрызок теплового угодил ей в точности на вздутый живот, внешний скелет не выдержал и лопнул, оголяя кровавое месиво. Красные брызги ударили мне в щиток шлема. Стерев этот фарш ладонью в перчатке, я поднялся на вершину пирамиды обломков.

Мымра лежала и умирала, её тоскливый стон, заполнивший весь подземный зал, молотил по барабанным перепонкам, ухитрившись прорвать акустическую защиту шлема. На мгновение мне стало по-настоящему жаль монструозную тварь... Как ни крути, она-то не виновата, не ведала же, что творила. Я направил «гаусс» ей в голову, тварь всё поняла и испустила последний тоскливый, щемящий душу вой. Спустя ещё мгновение я освободил её от мук. Стоны прекратились.

Покончив с делом, я уже решил, разогнавшись по крутому склону груды обломков, с разбегу нырнуть в потоки реки Хронос и вернуться в убежище Закрытой Зоны. Но тут из чёрной дыры прохода в один из многочисленных тоннелей пуль вылетел Мымр. Он издавал звук, очень похожий на человеческий крик отчаяния, и стремительно приближался. Пока я сделал первый прицельный выстрел, он уже преодолел половину склона пирамиды.

Попадание пришлось в сустав передней лапы. Брызнула кровь, лапа неестественно вывернулась, оголяя мясо, и спустя пару мощных прыжков отломилась. Но это практически не замедлило монстра. Второй залп, нацеленный ему в голову, прошёл мимо неё, но металл, разогнанный до невероятной скорости, всё же угодил Мымру в брюхо. И видимо, выстрел повредил что-то очень и очень важное. Бывший Безымянный взвыл, последний раз прыгнул и всей тяжестью тела плюхнулся на камни. Он был смертельно ранен, но упрямо отказывался умирать. Напрягая последние силы, выпуская из пасти кровавые пузыри, упорно полз на вершину... Мне показалось, что он вот-вот соберёт всю оставшуюся энергию в последний импульс и прыгнет, чтобы разорвать меня на части.

Воспользовавшись небольшой паузой, я сменил позицию, сместился в сторону и укрылся за ошетилившимся месивом рельс и шпал. Прицелился, на этот раз уродливая башка получит своё... Но что-то во мне не позволило сделать последний выстрел. Я опустил «гаусс» и встал. Противник продолжал карабкаться, только полз он совсем в другую сторону, не по моей душе. Подземный обитатель пытался доползти туда, где лежала его мёртвая подруга...

Оцепенел я в буквальном смысле. Что это, если не любовь?! Я стоял неподвижно и молча смотрел. Мымр наконец дополз до вершины, оставшейся при нём передней конечностью дотянулся до любимой, взял в эту свою «руку» её правую «кисть» и, тяжело похрипев с минуту, испустил дух у её «ног».

Я приблизился к мёртвым телам. Ещё раз глянул на усопшего ренегата, изменившего своей создательнице Зоне. Умный, сильный хищник, поставленный охранять подземелья, уснул. Неприятное ощущение засосало под ложечкой, я остро сожалел, что пришлось его убить. А ведь во всём виновата она! Я со злостью ткнул носком ботинка лапу Мымры.

И в этот миг свет фонаря выхватил на её запястье что-то блеснувшее... Я присел, чтобы лучше рассмотреть предмет, привлёкший моё внимание. Это оказался стальной прямоугольник, прикрученный саморезами прямо к костяному панцирю. Надпись на нём содержала длинный цифровой код и несколько символов. Ряд цифр заканчивался чёткой надписью, которую просто невозможно было трактовать многозначно:

«Лаб. № 12. Вед. спец. проф. Ю. Назаров»

Эта маленькая пластинка свидетельствовала о том, что тварь выводилась кем-то искусственно и с вполне определённой целью. Полученная информация требовала срочного осмысления. Всё говорило о том, что у нас имелся тайный враг, которого мы до этого момента не смогли распознать.

Или это нижний фронт вступил в союз с верхним?

Но главный вопрос: зачем напарница послала сюда меня, банального охотника с пушкой наперевес? Как такое могло произойти, что её собственное порождение вышло из повиновения... Почему этот неотъемлемый элемент Зоны вдруг стал недоступен её прямому влиянию, оборвал поводок, вышел из-под контроля... До такой степени, что пришлось использовать меня в качестве лекарства, призванного утихомиривать взбунтовавшийся внутренний орган.

2

— Вынужден признаться, что растерян. Давно не помню себя в таком подвешенном состоянии. Так или иначе, почти всегда достаточно быстро находил решение проблем... Но не в этой патовой ситуации. Я прочёсываю Зону как проклятый. В разные времена, в разных точках, меня уже некоторые особо наблюдательные сталкеры встречают подозрительными взглядами, скоро начнут стрелять. Маскировку по полной программе в бешеном темпе движения просто некогда соблюдать... Я не могу найти Другого. Пропал, и вся недолга! Сгинул бесследно. Как будто почувствовал, что я его намерен разыскать во что бы то ни стало, и спрятался от пресловутого удара в спину. Но этого просто быть не может, уж в чём, в чём, а в трусости он замечен не был. Однако нигде, никогда я не могу найти свежих следов его присутствия. И за пределами Зоны я не ощущаю его... Неужели он взял отпуск и не вылезает из будущего, куда нет доступа моей чуйке? Или, так сказать, под землю провалился...

Штрих задумчиво посмотрел вниз, на усеянную битым кирпичом почву. В эту минуту он сидел в одном из бывших дворов города Припять, ещё не совсем разрушенного, лета две тысячи двадцать шестого. Где-то в этом году по Зоне ковыляет новичок, которому ещё только предстоит получить гордое имя Луч, а прихода в Черноту двух его разновозрастных будущих учеников, оболтуса-пофигиста из северного Питера и чёрного археолога из «южного Питера», Николаева, ещё ждать и ждать.

— Вообще, конечно, у Несси вполне могут быть внятные причины держаться подальше от сталкерского пятидесятилетия существования Зоны. Моё тотальное прочёсывание дало результат, несмотря на то, что Несси я нигде и никогда не обнаружил. Зато собрал коллекцию наблюдений, на совокупность которых ещё не решил, как реагировать. Хоть смеяться, хоть плакать. Странностями это не назовёшь, слишком неадекватное слово. Ненормальными явлениями разве что. Но в аномальной Зоне это прозвучит как глумливое издевательство. И прозвучало бы, если... если бы это не было именно так. А оно так. Более того, на самом деле я скорей всего обзрел только верхушку айсберга. Моя способность, мой дар, он же и проклятие, позволяет мне первым увидеть. Я могу воспринимать события в комплексе, системно, поэтому и увидел. Совсем не это хотел видеть, но вот, никуда не денешься... Происходят некие самопроизвольные изменения в реальности. Раньше было так-то и так-то, я-то помню, в разных временах побывал, а теперь вдруг стало иначе. Я уношу с собой память в другое время, поэтому она уцелела, не изменилась вместе с реальностью... Вроде бы лишь детали разнятся, некоторые моменты, не глобально, но общее впечатление тревожащее. Неужели кто-то оказался сильнее меня и всё-таки сумел на Зону повлиять напрямую? Тогда запущен процесс, который не остановить. Вряд ли это моё желание сработало, даже мне слабо верится, что заветные мечты исполняются дважды, а моя уже реализована и от этого мира мне больше ждать нечего. Вывод напрашивается неутешительный. Исчезновение Несси — не исчезновение. В изменившихся реалиях ему просто не нашлось места. Но с таким же успехом места в реальности и мне не найдётся? Тогда куда смотрит моя покровительница? Или я фатально заблуждаюсь, что она у меня есть?

3

Некоторые из спящих норовили проснуться. Их разумы, погружённые в режим полного забвения, пытались отряхнуть морок сновидений и войти в пограничное состояние дрёмы. Из которого останется сделать всего лишь один короткий шаг — и распахнутся врата яви.

Хозяйке сада пришлось оперировать более действенными методами. Она уже не брала сталкеров за ручки и не отводила их обратно к личным Древосилам. Происходящее вынудило ограничить свободу передвижения. Теперь ветви шевелились, гнулись, тянулись почти до защитного слоя травы, не выпускали подопечных из-под древесной сени. Перед тем, как заработала эта контрмера, люди уже не просто сомнамбулически разбредались. Они двигались целенаправленно, тело к телу, собирались в компании и хватались за руки. Некоторые крепко обнимались... Если проснутся, то могут впасть в шок. Поймут, что обожаемой ими Зоны нет и в помине и Предзонья уже нет, а окружающая реальность совсем не то, к чему они привыкли. Страшно представить, что начнётся в саду, когда невольные постояльцы решат, что такая «древесная» жизнь их категорически не устраивает...

— Во сне человек проживает лучшие мгновения! Во сне можно быть кем хочешь, а не кем придётся, — с досадой сказала она Шутке, перед Древосилом которой остановился её аватар-женщина. — Зачем же вы хотите проснуться? Здесь холодно и страшно, здесь предают друзья и осаждают враги. Здесь за каждое лишнее мгновение жизни требуется расплачиваться.

Ей в пору было самой себе сказать в точности эти же слова. Краткое просветление миновало. В памяти опять всё перепуталось, смешалось, затуманилось. Она обескураженно признала, что события разворачиваются не так, как планировалось, точнее, её планы завели не туда, куда хотелось. И главная проблема не в том, что вмешивался этот упорный Гробокос со своими попытками исправить последствия коррекций.

Из воспоминаний периода Зоны Сталкеров начали всплывать не только какие-то явления и эпизоды, которые она *не помнила*. Подобные внезапные воспоминания и раньше случались, и она подозревала в этом происки Дикой Зоны, заложившей мины фальш-памяти. Нет, теперь в её разум словно вторгалась какая-то другая, совершенно неизвестная ей память, высверкивали воспоминания, которые не укладывались в картину мира. Коротко говоря, новоявленные воспоминания выстраивали целую параллельную память. Она помнила и тот вариант, и этот — поэтому терялась, не всегда разбирая, где ложная картина, а где реальная. Это было бы похоже на шизофрению, если бы обе вселенные не помнились одновременно. Они не затмевали одна другую, не переключались. Накладывались, переплетались, но не сливались и не взаимоисключались.

Происками собственного тёмного прошлого это наглое вторжение уже было не объяснить.

Из некоего неизвестного ей источника велась направленная трансляция, пробившая все защиты и беспрепятственно вторгнувшаяся в её разум. Это казалось невозможным, но, увы, оказалось возможно.

— Что скажешь... э-э... подруга? — спросила она Шутку.

Но сталкерша сидела под деревом и молча смотрела на неё пустыми, отсутствующими глазами.

Что случится с хозяйкой сада в тот момент, когда эти глаза станут осмысленными и эти уста разомкнутся, чтобы ответить?..

Глава двадцать шестая. Расхождение

1

И началось. С того момента, как мне в руки попала эта табличка, видимо, случайно забытая создателями на теле мутанта, всё пошло наперекосяк.

Я сразу почувствовал, что окружающая реальность начала видоизменяться. Внешне вроде бы всё осталось на своих местах и при своём изначальном виде, но скрытые от

обычных человеческих глаз тайные стороны сути вещей стали рваться, как изношенные струны. И вот эти «дзынь» лопнувших зонных «струн» с того мгновения я уже непрерывно ощущал... Хотел было смыться отсюда и вернуться к напарнице с ужасным сообщением, но — не тут-то было!

Сколько я ни пытался, а выбраться из этого временного отрезка так и не смог. Что-то наглухо закупорило локальное время, в котором я сейчас пребывал. Я вновь стал обычным человеком, обречённым плыть по линейному течению в одном направлении — будущем. Из вольного путешественника по реке Хронос я превратился в её безвольного пленника... Значит, я теперь сам по себе и сам за себя? Получается, что так.

Но это ещё были цветочки. Выбираясь на поверхность из подземных лабиринтов, я столкнулся со встречным потоком мутантов, прибывающих в катакомбы. Причём складывалось впечатление, что их кто-то специально на меня натравил. Сначала это были тушканы, псы и прочая мелочь, а потом явились твари посерьёзнее. И только благодаря подробной карте катакомб, имевшейся в моём КПК, мне удалось, отбившись, выбраться на поверхность. К счастью, конфигурация лабиринтов ещё не изменилась.

Однако и на поверхности меня ждал приём более чем радушный в кавычках. Район выхода патрулировало звено военных «вертушек». Они выкашивали пулемётами всё живое и неживое, что хотя бы чуть-чуть шевелилось. Я сразу сообразил, что уж эти здесь точно по мою душу.

Руководствуясь принципом, что лучшая защита — это нападение, я выстрелом из «гаусса» прямо в пилотскую кабину сбил один из вертолётчиков и отступил назад в катакомбы. И пока две оставшиеся боевые машины рыхлили пулями землю в том месте, откуда секундами раньше раздался мой выстрел, я пробежал по короткой ветке подземного тоннеля и, вернувшись наверх тремястами метрами западнее, расстрелял ещё одну «вертушку». Пилот последнего вертолёта решил не рисковать и увёл свою машину в сторону блокпоста. В упавших «вертушках» никто не выжил, разбились и сгорели все, к сожалению. Так хотелось допросить их «с пристрастием»... Но всё равно я уже знал наверняка, что военные, хотя вроде и не особо суются в Зону, тут явно замешаны в чём-то по-настоящему серьёзном.

И раз уж я наглухо застрял в этом «здесь» и в этом «сейчас» Зоны Сталкеров, то принялся внимательно следить за воздушными патрулями. Может быть, они наведут меня на чей-то след. Есть старая и проверенная хитрость: хочешь что-либо хорошо спрятать — положи на видное место. Вот и я стал искать необычное в привычном. Любой нормальный сталкер или бежал бы прочь, едва завидев-услышав «вертушки» интервьюак, или схоронился бы, от греха подальше. Что ждать сталкеру от военных в Зоне? Только смерти, больше ничего, так было всегда.

Но теперь я, напротив, преследовал их и тщательно отслеживал. Сам не видал, но от сталкеров изредка слышал, что военные что-то периодически сбрасывают в Зону с вертолётчиков. Многие, в том числе и я, решили, что это радиоактивные или токсичные отходы, но проверить догадку никто не решился. Ещё бы, проверка эта слишком сильно ударила бы по здоровью, окажись предположение верным. И сейчас самое время восполнить данный пробел в памяти напарницы. Если, конечно, осознавая себя Зона, в пятьдесят шестом закрывшаяся от притязаний человечества, действительно запомнила. Могла ведь и не делиться со мной информацией по каким-то причинам высшего порядка.

А передвигаться по нынешней «малосознательной» Зоне мне становилось всё труднее и труднее. Нет, с мутной живностью я справлялся на ура, у меня свои методы борьбы с зонными монстрами, но вот люди... С этими пришлыми монстрами куда сложнее справиться. Как я понял, на меня была объявлена самая настоящая охота. Сначала я сталкивался с маленькими отрядами наёмников по два-три человека. Хотя и профессиональны были убийцы, но противостоять мне у них силёнок и умения не хватит. Правда, оставил всё-таки один из этих гадов в моём левом бедре пулю, не уследил я...

После того как подряд полегли четыре группы «диких гусей», к охоте подключились сталкеры-одиночки и бойцы различных группировок. Перед смертью «языки» из уничтоженных групп, ненадолго пережившие сотоварищей, все как один говорили мне, что

за мою голову назначено баснословное вознаграждение. Торговцами, дескать. Но я-то догадывался, что ноги растут из задницы, обтянутой военной формой, а на торговых проныр попросту надавили. Или же вояки за мою голову назначили вознаграждение ещё большее, чем провозгласили торговцы, а барыги захотели ручонки нагреть. На то они и барыги.

Несмотря на тотальную травлю, я всё-таки выследил один из воздушных патрулей. И даже успел выйти к месту, где летуны сбросили небольшие контейнеры, размером с кейс среднего объёма. Внизу ещё никого не было. Я подобрался поближе и стал ждать. Спустя несколько минут за грузом явились пять человек в скафандрах наивысшей степени защиты, явно из «яйцеголовых» научных, и трое в экзоскелетах, чью принадлежность к каким-либо зонным кланам я не определил. Пятеро в скафандрах шустро подхватили контейнеры, у которых имелись удобные ручки для переноски, и не мешкая скрылись в густом кустарнике, растущем на ближайшем холме. Я обошёл холм с другой стороны, но никого там не обнаружил. Не иначе как эта возвышенность и есть «гнездо» загадочных ребят, о которых мне до сих пор ничего не было известно. Что уже само по себе более чем странно.

Неужели провалы в памяти Зоны настолько глубоки? Или... всё, что сейчас и здесь происходит вокруг меня, просто не могло остаться в её памяти, потому что РАНЬШЕ всего этого и не существовало?! Не в том смысле «раньше», что по времени в прошлом, а в том, что ещё ДО внезапного и необъяснимого, резкого изменения окружающих реалий. Мы с напарницей тоже всю дорогу стремились корректировать и направлять ход событий в выгодном нам направлении, однако поступательно. Тут же прямо революция какая-то! И я в самом её эпицентре... Неужели мы допустили ошибку, когда чуть ли не единственный раз изменили принципу эволюционности и взорвали ту проклятую машину в зловещем московском бункере?! Но если бы мы допустили вероятность, в которой реально был задействован ноосферный модификатор, то Зона не смогла бы закрыться от вторжения людей. И непрекращающееся давление по верхнему фронту привело бы к ужасным последствиям. Вместо того чтобы отгородиться и остановить собственный рост, она расширилась бы куда больше. Вспухла на многие тысячи километров, и...

Неужели все наши усилия напрасны???

Я принял решение. Буду штурмовать замаскированный объект и раскалёнными докрасна плоскогубцами вырывать из его обитателей всю информацию, которой они владеют.

Сказано — сделано. Получилась самая настоящая обезбашенная атака в моём сольном исполнении. Локальный армагеддец, один из наиболее ярких эпизодов моей и без того не скучной жизни... Так или иначе, главное, что я добился цели и захватил базу.

Подземный комплекс, в котором я навёл шороху, оказался некоей совершенно секретной лабораторией. Прямо здесь, в Зоне, а не где-то в Москве или в другой точке необъятных просторов бывшего СССР. И судя по всему, эта вотчина научных существовала с самого начала. С начала возникновения Зоны, с рождения аномальной реальности.

Но почему о ней и её персонале никто никогда не слышал?! Разве возможно здесь, в Зоне, существовать и ни разу нигде не засветиться? Более того, ухитриться спрятаться от самой Зоны.

Под землёй я увидел много чего характерного. Например, встретил там разнообразную зонную живность, запертую в клетках. Не иначе, эти яйцеголовые олухи занимались форсированным выводением мутантов. Там были даже химеры и контролёры, благо, что накачанные транквилизаторами. Также я обнаружил образчики монстров, которых никогда не видал раньше. И вообще никто из людей Зоны ещё не видел... Лично я бы никому не пожелал с таким страхолюдством повстречаться впредь.

На месте разжиться нужной информацией не получилось. Как только обитатели базы поняли, что не в состоянии меня удержать, они активировали систему самоуничтожения. Только и успел я отрубить руку одному сотруднику и забрать его КПК. А когда убегал оттуда, в одной из клеток неожиданно обнаружил знакомого человека, ловчего по кличке Гонец. Ясное дело, помог коллеге выбраться и едва не поплатился за это жизнью. Едва мы

отдалились на сотню метров от холма, гроыхнуло так, что вся Зона вздрогнула, кажется, и подземный взрыв навечно скрыл лабораторию под бесчисленными тоннами земли. На месте холма почва осела, и теперь это место представляло собой рельефную «впуклость», а не выпуклость, как прежде.

Что за страшный секрет охраняли обитатели бункера, если без колебаний похоронили его вместе с собой?

Часть ответов на интересующие меня вопросы я получил от Гонца, а кое-что извлёк из данных трофейного наладонника. Оказывается, в самом центре бункера существовала некая аномалия, неизвестная мне прежде. Как она там возникла, неведомо, но эти учёные товарищи использовали её на всю катушку.

Воздействие аномалии нельзя было заметить сразу. Она меняла, если можно так выразиться, информационную структуру живых существ. Человек и любая другая живая тварь, пройдя сквозь неё, сразу ничего не ощущали. Но мгновенно изменялись многие из «тонких материй» этих обречённых организмов. Также искажалась ДНК абсолютно всех их клеток. И спустя некоторое время мутации «выходили наружу». В результате человек мог преобразиться в кого угодно. В снорка, излома, контролёра, в любого мутанта, которые в Зоне считались произошедшими из хомо сапиенсов сапиенсов. Скорее всего здесь и Мымра была создана из кого-нибудь...

Свидетельства об этих и прочих бесчеловечных экспериментах я нашёл в отчётах покойного яйцеголового. Самое мерзкое заключалось в том, что эти сволочи в первую очередь целенаправленно отлавливали потенциалов, обладающих хотя бы крохой необычных способностей разума. Тех же, за которыми охотились ловчие желаний. Да и самими ловчими не брезговали обитатели суперсекретной базы. Судя по заметкам учёного, из ловчих получались «самые любопытные и матёрые экземпляры». Собственно, если бы не я, и Гонца ожидала бы эта печальная участь.

Так что общая картина нарисовалась гадкая и тревожная. В «пищевой цепочке» Зоны неожиданно появился ещё один хищник, который стоял на ступень выше ловчих. И при этом о существовании этой «породы» никто ничего не знал, даже ОНА. Ходили, конечно, байки про «хозяев Зоны», но думаю, что они ничего общего с этими уродами не имели. Хотя как знать... Теперь я уже ни в чём не могу быть уверенным.

Как только я попрощался с Гонцом и он скрылся в зонных дебрях, унося с собой весть о новом опаснейшем враге, на меня опять вышел отряд охотников за головами. На этот раз мне пришлось отступать, ибо преследователи насчитывали около трёх десятков хорошо экипированных бойцов. Одному человеку, пусть даже и такому крутому, как я, противостоять опытной команде весьма проблематично. Поэтому умнее ретироваться.

Я уходил скрытно, от куста к кусту, от ямы к яме, от укрытия к укрытию, так быстро, как только мог. Но неожиданно на моём пути нарисовались руины. В результате беглого сканирования я обнаружил там более дюжины «диких гусей», явно засевших в засаде. Пройти руинами и выжить было почти невозможно. И я, хочешь, не хочешь, свернул с маршрута, идя по которому можно было оставаться незамеченным. Взял, да и двинул на всех парах по открытому пространству.

И как только я себя обнаружил, началась конкретная травля. Меня принялись загонять буквально как животное на коллективной охоте. Противопоставить их объединённой огневой мощи мне было нечего, и я бежал-бежал-бежал. Но когда к преследованию подключились «вертушки», поднятые по чьей-то команде, ситуация превратилась уже в совсем аховую. На свой страх и риск я начал открыто и нагло ковырять зонную реальность и позволил себе много «лишнего», несмотря на запреты напарницы. А что оставалось делать...

Но всё равно это не спасало. Преследователи гибли во вновь возникших аномалиях, вертолёты горели и падали, но на их места являлись всё новые и новые преследователи. И когда я понял, что мне вряд ли удастся уйти живым, прямо передо мной вдруг чудесным образом возникло серое окно наведённого портала. Через такое же напарница забирала меня после взрыва бункера, запрятанного глубоко под поверхность российской столицы.

Это ОНА, наконец-то меня нащупала и спасает! Теперь уж я могу не опасаться за своё будущее... хотя бы самое ближайшее, хотя бы за неуловимо краткий последний миг.

2

— Ей-богу, никогда раньше не уставал до такой степени... Почти не сплю, постоянно на ногах... даже рекордер включаю не каждой ночью... как сумасшедший ношусь по Зоне. Странно, назад, в вожделенное прошлое, меня больше совершенно не тянет... хотя там я мог бы отдохнуть, а потом снова сюда... но почему-то опасаюсь, что не смогу обратно вернуться. Такое ощущение, что стоит лишь повернуться спиной, на миг отвлечься, и всё исчезнет... потому и бегаю как угорелый. В прошлое я пробился и сразу насчёт этого успокоился, а вот в будущее всё сильнее и сильнее тянет... Внутри будто всё дрожит, не могу успокоиться, заснуть хоть на пару часов — целая проблема... Будто зов оттуда слышу, но не могу ответить, и это меня мучает. Эх, не нравится мне то, во что фрагментарно превращается Зона! Пока что фрагментами, в деталях... хе-хе, штрихи меняются. Ей-ей, уже хочется эвакуироваться на фиг, только вот сбежать в убежище прошлого, в период до Зоны — это признать поражение. В будущее мне надо проскочить, в будущее... Для кого же я старался... стараюсь, записываю... Прошлых предупреждать бесполезно, человечество раньше никогда не слушалось предостережений, наступало на те же грабли и получало по лбу... Да, насчёт Несси полный провал, это я готов признать. Видать, ошибочка вышла, коллега, зря я тебя сволочью считал, а?... Понимаю, эта Зона не просто так, от нечего делать, заморозилась, и не надо было мне вторгаться в её планы, ох не надо... Не от хорошей жизни она была вынуждена закапсулироваться, впасть в спячку. Ей тоже не нравится, во что она превращается... Возможно, примерно это уже не раз совершали её предшественницы. Может быть, именно благодаря этим аварийным выходам сверхразум, аномальный для этой планеты... каждый раз как-то ухитрялся спрятаться, переждать... Способы в зависимости от окружающих реалий могли быть самими разными, вплоть до съёживания в магический талисман... вроде философского камня. Или, например, внесение кодированной, воздействующей на подсознание информации о себе в книгу, почитаемую и читаемую множеством людей... Не метод спасения важен, а результат. Это я выяснил наверняка, больше никаких зон инкогнита, и об этом должны, должны узнать в будущем... Только с помощью нас, людей, ей удастся выжить, удержаться в реальности, она не будет вынуждена раз за разом исчезать, прятаться... Человечество может и должно научиться сосуществовать с ней, заключить дружеский союз и правильно пользоваться потрясающими возможностями соотечественницы. Мы же земляки, слышите, в одной колыбели родились... Сдохну, но доберусь! Не-ет, доберусь, а там и сдохнуть не стыдно...

3

Отправляя Нессию в ходку, что могла стать последней, она уже понимала, что может больше и не встретиться с ним. Почти со стопроцентной вероятностью — вот-вот должен был наступить тот судьбоносный момент, которого она так боялась... и который отодвигала всеми силами и надеялась, что сумеет избежать... Но от судьбы не убежишь, от себя не спрячешься.

И напарник ушёл в лабораторию, разъедающее душу воспоминание о реальном существовании которой наконец-то проявилось сквозь морок забвения.

Последнее, что она могла для него сделать, это сохранять внешнее спокойствие, пока он не канул в прошлое. Она не была уверена, что любимый ни о чём не догадался, но если понял, почуял, сердцем почувствовал — то виду не подал. Тоже берёг её до последнего... Проводив любимого тоскливым взглядом, она всецело бросилась в отчаянную контратаку. Бороться с реальностью, которая уже буквально в каждое следующее мгновение могла её стереть, сил практически не осталось, но... ещё не стёрта, жива! А пока живу — надеюсь!!

Исчерпывая остатки жизненной энергии, она установила портал в постоянном режиме, чтобы рыцарь мог вернуться, если выживет в бою. Этот проход исчезнет только вместе с его королевой, исчезновение и её смерть совпадут. Однажды осознав себя живой и обнаружив в себе душу, она не прекращая искала вариант будущего, в котором им с любимым суждено было существовать вместе. Но жестокая нормальность, похоже, оставила им только одно совместное право — погибнуть вместе. Права жить вместе они лишены. Спрятавшись от внешнего мира, обороняясь по верхнему и нижнему фронтам, ей удалось разве что оттянуть неизбежный конец, сохраняя и смакуя ощущение наивысшего счастья... Единственная причина, по которой сумела продержаться и предпринять отчаянную попытку изменить судьбу.

Ведь защищала самое драгоценное мгновение из всех, что обрела в этой жизни.

Глава двадцать седьмая. В тартарары

1

По ту сторону портала тишины и спокойствия, обычных для закрытой Зоны будущего, не осталось и в помине. Звуки стрельбы, гроыхание разрывов гранат и свист вертолётных лопастей сменились на гул и грохот не менее громкие. Да что ж это такое?! Из огня да в полымя?

Окружающее пространство горело, плавилось, рушилось и осыпалось. Оплавлялось, кажется, даже небо. Всё вокруг было укутано в красно-жёлтое марево, плетённое ослепительными узорами выверков молний, как при выбросе. И только небольшой островок, место, где стояли мы, я и она, всё ещё напоминало тот ставший привычным райский сад, созданный ею для нас двоих и для горстки перерождённых сталкеров, не покинувших Зону, которую они считали своим домом и потому жить за её пределами не захотели. Всё то же зелёное покрывало травы и клочок синего-синего неба над головами.

Любимая, неизменно прекрасная в своём человечьем воплощении, стояла молча и неотрывно смотрела на меня. О-о, этот взгляд! В её глазах стыли горькие слёзы. Значит, дела совсем плохи...

Я шагнул к ней и крепко-крепко обнял. Задать хоть какой-то из сотен терзающих меня вопросов я просто не смог. Ответные объятия были настолько отчаянно жаркими, как и последующие поцелуи, что я почти решил — всё, уже конец. Любимая пытается в последний раз насладиться нашей близостью. Вот-вот явится смерть, перед которой — не надышаться...

— Всё, всё! — Она вдруг разорвала объятия и отстранилась. — Совсем нет времени! Я смогу их сдерживать, но совсем недолго.

— Кого это «их»? — задал я вполне резонный вопрос, хоть уже знал примерный ответ.

— Сейчас нет времени что-либо объяснять. Возьми. — Она протянула мне самый обыкновенный флэш-носитель памяти. — Здесь вся необходимая информация. Я выиграю для тебя ещё немного времени, чтобы ты успел узнать. Но здесь и сейчас тебе уже нельзя оставаться, совсем скоро начнётся настоящий ад.

— А прямо сейчас, значит, не ад?! — Я обвёл руками пространство, бьющееся в агонии за пределами островка стабильного «старого мира».

— Вот ещё, возьми. — Любимая пропустила мимо ушей мои слова, двумя руками подняла лежащий на траве тяжёлый сталкерский рюкзак и протянула его мне. — Тут всё, что тебе необходимо для последней ходки.

Ух, как же мне «нравится» это словосочетание: «последняя ходка»! Особенно из её уст. Звучит как приговор. Я принял рюкзак и ещё раз крепко обнял любимую.

— Всё будет хорошо, — попытался я успокоить напарницу, хоть ещё даже не знал, что же именно произошло и происходит.

— Я знаю. Иначе и быть не может. — Она ещё раз меня поцеловала, жарко-прежарко, как умеет одна она во всём этом подлунном мире, и слегка оттолкнула руками.

Секундой раньше я уловил едва различимый, но очень знакомый, характерный звук. Где-то за моей спиной открылся портал. И лёгкое движение рук любимой отправило меня в эту пространственно-временную нору. Тут же привычная круговертъ перехода унесла меня от неё прочь, в неизвестном во всех смыслах направлении. Что же, вполне разумно, хоть и обидно. Длинные проводы — лишние слёзы...

То место, где я очутился, было знакомо до боли. Раздолбанная подстанция всё так же стояла на холме и всё так же выглядела мрачно и зловеще. Покосившиеся столбики бетонных опор, поваленные и сгнившие цилиндры масляных выключателей и торчащие из земли ржавые балки ЛЭП вперемежку со скоплениями аномалий. Ничего не изменилось с тех пор, как я перехватил в этом месте курьера, несущего наёмникам флэшку с заказами. А может быть, всего этого ещё и не произошло. Всё зависит от того, какой год сейчас «на улице».

Бесцеремонно выгнав из логова на подстанции семейную пару псевдособак, я устроился в их гнёздышке. Пока информация с флэшки закачивалась в мой КПК, я разложил на земле содержимое рюкзака.

Ой-ёй, как всё до боли знакомо! Тут было много чего, но некоторые вещи невольно ввергли меня в состояние дежа-вю. Термокомбинезон высшей степени защиты. Пара бухт капронового каната, универсальные карабины. Два бесшумных пистолета-пулемёта с магазинами увеличенной ёмкости под усиленный патрон. Десятка полтора ярко-белых артефактов в одноразовых упаковках. И мощное взрывное устройство, что наверняка активирует огромную и разрушительную аномалию.

Всё как тогда, в столичном подземном бункере-лаборатории. Нехорошее предчувствие кольнуло внутри, и неприятный холодок побежал по жилам...

Тихий сигнал оповестил о том, что процедура закачки данных на КПК завершена. Что там у нас? Карта с объектом «Х», тропки к нему прорисованы, отмечены ловушки, поля мин и автоматические турели, схемы помещений, какие-то коды доступа, ещё чёрт его знает что... ни фига себе комплекс! И всё это здесь, в Зоне?! О, видеофайл.

Дисплей КПК мигнул и тут же выдал картинку. Это была она. Человеческое воплощение моей любимой напарницы воспользовалось вэб-камерой ноутбука для записи послания... Стало быть, она даже не знала, успеет ли при встрече сообщить мне обо всём непосредственно.

Перестраховалась и, как выяснилось, далеко не зря. Её глаза тревожно метались, глядя то в камеру, то куда-то в стороны, а голос дрожал от волнения. На заднем фоне уже было отчётливо заметно, что окружающая реальность начинает «плавиться» и растворяться.

«Любимый мой человек, если ты это смотришь, значит, ситуация хуже некуда. Мы ошиблись, когда решили, что удары ноосферного модификатора по мне производились из московского бункера. Это лишь одна из наших роковых ошибок, но самая главная... Те люди, которых мы уничтожили, наоборот, пытались нейтрализовать излучение другого модификатора. Того самого, который был и продолжает быть причиной всех наших бед. Я старалась не акцентировать на этом раньше, но ты и сам догадывался, что в моей памяти существуют некоторые провалы... много провалов. Они вызваны именно тем, вторым излучателем, который всегда был тут, прямо во мне. Не вовне, а внутри.

Я не могла о нём знать и тем более помнить! Они тщательно за собой подчищали и постоянно удаляли из моей памяти информацию о своём присутствии. Эти нелюди — группа учёных, некогда работавших на правительство. Они здесь были с самого начала. Это именно они провели эксперимент, который стал первопричиной всего. Я наблюдала за твоей последней походкой. Именно тогда они и засветились, начиная с той самой таблички. Но как только я наконец что-то уловила и поняла, эти твари атаковали нагло и бесцеремонно. Они бы не смогли победить, но им кто-то очень сильно помог. Человек, такой же, как и ты. Тот самый преследователь, которого мы так и не смогли перехватить. Он перемещался следом за тобой и свёл на нет результаты многих коррекций. В результате я не просто лишилась тузов в рукаве, но ещё и потеряла те козыри, которые всегда имела. Сейчас мне что-то предпринимать уже слишком поздно. Но у тебя ещё есть шанс на последнюю попытку... Я

отправила тебя в „аварийную зону“. Не спрашивай, что это такое! Плюс в том, что они о тебе здесь ничего не знают, не смогут увидеть, засечь и, главное, совершенно не ожидают твоей атаки. Не теряй времени, я не знаю, сколько его осталось у нас. Я успела вычислить местоположение их подземной базы. Все данные уже должны быть в твоём компьютере. Уничтожь их любой ценой, но умоляю, останься в живых! Ты должен жить и помнить обо мне. Человек не умирает, пока о нём помнят.

Наверное, это всё. Остальное не столь важно. Не забывай, мой Нессия, я люблю тебя. Эта любовь и сделала меня человеком...»

Изображение замерло. Она неподвижно смотрела на меня бездонными чёрными глазами ещё несколько секунд, затем сомкнула веки, скрыв черноту. Изображение погасло. Запись кончилась.

Времени на рефлексии нет. Я сейчас инструмент, исполняющий работу. Выживу — буду рыдать от горя. Главное — выжить. И помнить.

Картина происходящего несколько прояснилась. Больше не теряя ни секунды времени, я затрамбовал всё разложенное на земле назад в рюкзак. Распихал по кармашкам и примочкам магазины, схватил пистолеты-пулемёты и крейсерской трусцой отправился в пункт назначения. Во все детали предстоящей ходки вникал на бегу. Не прекращая движения, изучал схемы помещений и вырабатывал план действий.

Пока я продвигался аккуратно, не светился, но когда уже доберусь до самой лаборатории, ничто меня не будет сдерживать. Тогда я использую весь свой скрытый потенциал, почти всегда сохранявшийся в глубокой тайне от окружающих. Маскироваться уже нет смысла. Вот только бы не выдать себя заранее.

Бункер расположен на окраине Лиманска, куда никто никогда не суётся из-за большой плотности «диких гусей» на квадратный метр. А вот и он... Я спрятался за фрагментом обрушенной стены и достал бинокль. Руины как руины, ничего примечательного, если бы местами не торчали из земли небольшие «скворечники» вытяжек старого бомбоубежища. Там, внизу, они и сидят. Вентиляция здесь не такая, как в столице, — по ней ничего вниз не отправишь. Придётся прорываться с боем, так глубоко, как смогу, а там уже и оставить сюрприз. По указанным напарницей данным после активации устройства возникнет симбионт размером с маленький стадион. Бомбу в принципе можно оставить и на поверхности — вполне достанет до этих уродов. Но прежде необходимо обесточить модификатор. Иначе его излучение всё нейтрализует, и смертоубийственная аномалия не активируется.

— Ну что, сталкер, полный вперёд? — спросил я сам у себя и выпрямился во весь рост.

Ответом мне было содрогание земли под ногами.

Небо в один миг почернело, и мне показалось, что разом взвыли все твари в Зоне, имеющие голос. А воют они лишь в одном случае — когда бежать уже некуда. Неужели я опоздал?!

Я мчался к замаскированному входу в подземелье, когда начался феноменальный по мощности выброс. Никогда в Зоне ничего подобного не происходило, даже когда она резко выросла в шестнадцатом году и образовала Чёрный Край диаметром шестьсот километров. Сам не знаю, как я это узнал, но понял сразу и поверил безоговорочно. Земля вздрогнула так сильно, что я не удержался на ногах, упал и покатился по щебню. И только-только успел вновь подняться на ноги, как кусок пространства, в котором я находился, обрушился...

И я вместе с окружающей реальностью рухнул прямиком в бездонную тьму.

2

— ...и самое настоящее чудо, что я продолжаю записывать! Ура, живой! Между этой и предыдущей записями считанные сутки по моему субъективному биологическому времени, но... боюсь даже загадывать, КОГДА я... Где я, понятно, всё там же, в Зоне. Только в какой Зоне? Да, я перепрыгнул через пропасть, пробил стену... Мне кажется, Чернота внезапно ослабела, её со страшной силой придавили извне, чуть кишки не выпустили. В этот миг

слабости для меня всё-таки открылось будущее, и я, проклятый изгой, вернулся в закрытую Зону, из которой сбежал в тот день, когда она закрывалась... Всё, что я здесь вижу, убедило меня, что я не так уж плохо устроился! Вот если бы остался, тогда был бы одним из этих... Я брожу в саду Древосилов, смотрю на тех, кто не сбежал, и радуюсь, что не оказался среди них. Так и проторчал бы под каким-то из деревьев и не видел бы собственными глазами хмурый рассвет двадцать пятого октября тысяча девятьсот семнадцатого года или огненный, наполненный грохотом разрывающихся авиабомб рассвет двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого... Если вдруг только появится возможность, я обязательно расскажу, какое отношение к процессам, предшествующим событиям тех дней, имеет наша аномальность... Да, перед этим я побыл пленником в Зоне, под завязку набитой рыщущими кровожадными сталкерами и монстрами, но как по мне, лучше уж быть полноценным бойцом на самой ужасной войне, чем вот как эти мужчины и женщины — древесным придатком... Да, я понимаю, что она людей таким образом спасала, заботливо кормила грудью, но подобная участь — точно не по мне. Молодец я, что сбежал! Только вот моё поведение после побега... Я не просто лох, а полный, законченный, хронический лох. Я сражался с чудовищами, которых сам себе придумал! Она тут вернула человечеству почти всё, что отняла. Пыталась пойти другим путём, чтобы как-то выжить, оставаясь человеком, не возвращаться к тому состоянию, которое чёрным ужасом наползало на мир... А Несси, как я и подозревал, на самом деле не предатель. Он истинный собеседник переродившейся Зоны, а я, вместо того, чтобы помочь им справиться с кучей проблем, только палки в колёса вставлял и планы нарушал... Ловчий, называется, ё-моё, воспитатель Зоны! Если бы я мог себе позволить впасть в шок, уже впал бы. Да-а, натворил я дел... Самое гнусное, что нечего и пытаться найти способы исправить собственные ошибки. Поздно, поздно... Да у меня и собственных проблем может навалиться, мало не покажется... Луч однажды рассказывал о том, как впервые ехал в Зону из Москвы на поезде. Ему запомнились слова одного случайного попутчика, и он их мне пересказал. Разговор в вагоне зашёл о двойниках, которые есть у каждого из нас где-то на планете. Тот человек считал двойников напоминанием. Таким способом реальность намекает, что смертного скопировать недолго. Так что не стоит особо задаваться, губу раскатывать, бытие ещё одного такого же изобразит в момент, без проблем. Не уникален ты, человеке, как минимум ещё одна копия существует... Я к чему об этом вспомнил. Моё-то заветное желание освободиться от власти линейного течения времени исполнила не аномальность, а самая что ни на есть нормальность. Моя истинная покровительница — сама реальность Земли. Если она от меня не отвернулась... не удалила за ненадобностью, не заменила двойником, не выбросила на помойку истории... Вдруг моё мнение хоть что-то да значит ещё? Сейчас я больше всего на свете хочу, чтобы все эти замороженные сталкеры проснулись и чтобы мы отсюда выбрались! Эта Зона кончается, к сожалению, и лучше бы нам всем из неё успеть убраться подобру-поздорову, не то...

3

На речной берег она приползла. Ноги совсем не держали. Хотелось застыть и не шевелиться, закрыть глаза и больше не поднимать веки, чтобы не видеть рушащееся мироздание. Но она не могла себе позволить сдаться, признать поражение... и пока жива, пока в сознании, до последней мысли будет держать портал открытым, даже если это уже не имеет смысла.

Ползя к реке, женщина видела просыпающихся, избавляющихся от иллюзий подопечных. Они оглядывались по сторонам, в ужасе нечленораздельно восклицали, некоторые вскрикивали. В этих звуках слышался один вопрос: «Куда я попал?!» Каждый человек пробуждался в неведомом, резко отличном от привычной среды обитания пространстве, так что совсем не удивительно для первой минуты яви. Это уже во вторую минуту появятся другие вопросы. Ещё и как появятся! Но ей уже будет не до ответов наверняка.

Сад горел. Первыми трансформировались в пепелище обычные деревья и кусты, и от них уже не осталось даже воспоминаний.

Чёрные лепестки летали повсюду. Чёрные круги под сгорающими Древосилами разрастались, начинали смыкаться между собой. Защитная трава жухла, расползались голые проплешины. Проглядывала иссушенная земля. Она трескалась, из змеящихся трещин сочилась болотная жижа, валили клубы удушливого чада, с шипением вырывались красные, белые и синие языки пламени, и всё это яростное буйство сверху припорошивал чёрный снег лепестков...

Больше всего в жизни она хотела упорядочить хаос, с самого рождения творившийся в ней. Мечты хаоса, желания хаоса превратить в стройный, красивый внутренний мир. И вот хаос возвращался рикошетом, поражая и разум, и душу, сметая и стирая материальные воплощения, те, что она успела создать.

Девиз «Остановись, мгновенье!» уже не реял на её растоптанном знамени. Время сдвинулось и понеслось галопом, устремляясь в будущее. Всё такое же неизвестное и всё такое же негостеприимное. В котором ей, такой, места не нашлось.

Сознание угасало. Перед глазами плыли тёмные пятна. словно зримое отображение множатых провалов в памяти. Подсознание ещё что-то творило, отчаянно пыталось продлевать жизненные процессы, но эти попытки уже были ничем иным, как конвульсиями агонии.

Память истаявала прямо на глазах. Возвращалась темнота, наполнявшая её всю жизнь до того момента, в который она осознала себя человеком и даже решила, что видит свет в конце тоннеля. Увы, это были всего лишь огни приближающего поезда в ад...

Тонкий человеческий силуэт, кажется, женский, появился в поле зрения, вырос, увеличился в размерах, закрыл собою небо — человек наклонился над телом-аватаром. Предсмертная галлюцинация или кто-то из бывших подопечных, пробудившихся и невольно брошенных на произвол нормальности...

Вот такая она, смерть, отстранённо подумала женщина, замирая на берегу ошалевшей, вздыбившей волны чуть ли не до неба реки, куда всё-таки сумела доползти, расплатившись последней каплей жизненной энергии. В эту секунду ты есть, а в ту — тебя уже нет. Исчезнет память — исчезнешь ты.

Но какое-то из твоих желаний будет последним. Самым последним. Арьергардом всей уходящей жизни. Вот оно.

Повернуть ключ в замке люка аварийного выхода, и...

Глава двадцать восьмая. Game Save

1

Не то чтобы я смирился с тем, что умер, но почему-то лежал в этой темноте абсолютно спокойно и даже не пытался пошевелиться. Пустота. Ни тепло, ни холодно, нет ни единого звука или какого-то другого фактора раздражения извне. Только я, темнота и тишина. Уютно. Такое странное умиротворение и предательское спокойствие... Видимо, сказалась нечеловеческая усталость. Стоп! Я оцениваю своё состояние, мыслю, а значит, я...

— Колян! Очнись, Колян, ты живой?!

Кто-то орал и отчаянно меня тряс, вцепившись пальцами в мой разгруз... мой разгруз?!

Я ещё не открыл глаза, но уже точно знал, что на мне дешёвенький chest rig⁵ в оливе, забитый магазинами под «калаш». Также я знал, что на карабинных креплениях жилета висят две РГДхи, а в отделении для карты примостились три последних письма от Светланы. Но я же не пользуюсь стандартными разгрузами!

---

⁵ Chest rig (англ.) — «разгрузочный» жилет определённого типа (дословно — «грудная клетка-пояс»). В разговорном варианте больше известен как «лифчик». Олива — цвет «разгрузки».

И кто такая эта Светлана?!

И самое смешное заключалось в том, что я знал ответ на этот вопрос. Света — моя жена, месяц назад умершая от рака. Собственно, ради любимой я и отправился в Зону на поиски артефакта, который смог бы её исцелить. А сейчас, опоздав с изысканиями, я в паре с Тимохой шёл к Монолиту, шёл со своим единственным заветным желанием... Желанием? Охренеть!!! Последнее, что я помню, а точнее, помнит Колян, — нас накрыл выброс.

Я открыл глаза. По ним тут же ударил яркий дневной свет, я прищурился и прикрыл ладонью стёкла противогаза. Сверху нависал напарник в таком же потёртом противогазе, как и мой «ГП-седьмой».

— Фух-х! Ну, ёлки-моталки, напугал ты меня. — Тимоха отпустил мой жилет, помог подняться и неуверенно протянул мне мой же «калаш». — Подумал, что он тебе уже... э-э... не того-этого. Как я из грота вылез, вижу, ты в канаве растянулся. Не добежал ты, Колян, с гулькин нос до норы. Пульс у тебя нащупал, а пинать стал, гляжу, ты как овощ. Решил, что кирдык тебе. Уже даже хотел пристрелить из жалости. Ну, сам понимаешь, мозги выжгло, думаю, и в зомбаки тебе дорога прямая. А друга от такой участи избавить — самое оно...

— Ай, мля! Что за... — Я схватился руками за голову, которая неожиданно взорвалась острой и нестерпимой болью.

— Сядь-сядь, посиди. — Напарник заботливо дотянул меня до ближайшего валуна и усадил на него. — А хрена ты хотел? Тебя, брат, выбросом накрыло! Не знаю, какую божественную задницу ты зацеловал прежде, чтобы тебе сейчас так повезло. Мало что выжил, так вроде ещё и при уме остался. Ведь остался же?

— А сам-то как думаешь? М-м-м. — Я стянул противогаз и кончиками пальцев помассировал виски. — Такое ощущение, Тимоха, что мне в черепушку влили пол-литра кетчупа с острым перцем. Не ты ли, засранец, постарался, когда я в отключке был?

— Гы, шутишь, значит, всё в порядке. — Напарник окончательно успокоился и убрал палец с триггера своего «винтореза». — А вот противогаз-то на рожу натяни. После выброса пылюки радиоактивной подняло — мрак. Оно тебе надо, рентгены-хрены глотать? На вот, лучше этого хлебни, трохи попустит.

Тимоха протянул мне свою особую флягу. Я отказываться не стал. Обжигающая жидкость щедрым потоком хлынула по горлу и потянула на себя поводья боли. Обжигающее тепло медленно заполнило тело, и спустя пяток минут адская головная боль несколько поутихла, а ко мне вернулась способность соображать. Итак, кто я?

Серёга Несси, как я себя всегда помнил, или Колян Любоход, которым я себя сейчас осознаю. Кто я, матёрый хроносталкер, лучший из ловчих желаний, наделённых даром общаться с Зоной, или отчаявшийся новичок, двинувший к Монолиту со своим долбаным желанием? А ответ напрашивался весьма близкий к маразму... Я — два в одном.

И только сейчас я обратил внимание на отражение своего лица в луже под ногами. На меня смотрело чужое лицо, да и по комплекции моё тело сейчас было совсем другим. Но самое ужасное, что лицо это мне было до боли знакомо. Ещё бы! Это его я каждый раз вижу в зеркале... Вот блин! В моей голове перемешались мои собственные воспоминания и воспоминания сталкера-первохода, в теле которого я очнулся. Критически необходимо их разделить и разложить по разным полочкам. И самое главное — не дать теперешнему напарнику достаточно весомых причин, чтобы пристрелить меня здесь и сейчас, как мутанта какого-нибудь с аномалией разума. Нужно выиграть время и во всём разобраться, а пока ладно — пусть рулит этот Колян.

— В голове реальный кавардак. Бр-р-р! — Я потряс головой и натянул противогаз. — А что, кто-то, кроме меня, ещё выживал после выброса?

— Всяко бывало, конечно, но подобное крайне редко, — неохотно ответил Тимоха. — Я даже знавал одного такого. С головой у него слегка не в порядке стало после выброса, ну оно и неудивительно, такой удар в мозг выхватить! А в целом парнишка тот как был, так и остался хорошим человеком. Правда, недолго по Зоне пробегал.

— Что?! Свихнулся, мутировал, зомбанулся?!

Я с замиранием сердца ожидал ответа.

— Та не! Не фантазируй ерунду. — Напарник хихикнул и махнул рукой. — На пулю бандюковскую нарвался в перестрелке. Травма сказала, рассеянным стал, всё в своих мыслях блуждал. Доблуждался, ё-маё... У него в голове тоже, как ты сказал, кавардак случился. Ну, хватит об этом. Ты как вообще, готов дальше идти? Или ну его, этот Монолит? Зачастили выбросы. Пяткой чую — дела недобрые. Может, отсидимся с недельку?

— Да, ты прав, так и сделаем. Я не в состоянии стояния. — Кивок моего противогаза несколько удивил и успокоил напарника, который, видимо, думал, что я не отступлюсь и захочу упрямо тащиться дальше. — Не хочу, чтобы из-за меня мы на пару сгинули. Хреновый напарник — хуже врага.

— Во-во, усвоил наконец. А выброс, я гляжу, тебе ещё и на пользу пошёл, мозгу вправил. — Тимоха откровенно рассмеялся. — Ну что, назад на Агропром?

— Эх, опять к этим «очищенцам» грёбан... — начал было я, но сквозь стёкла противогаза напарника заметил в его глазах удивление и прервался на полуслове.

— Ты хотел сказать, к «долговцам», — поправил меня Тимоха. — Ну, раз группировка «Долг», значит, логичнее их «долговцами» обзывать. Согласен?

— А разве не очищением они занимаются? Ну, там, чистят Зону от разных опасных мутантов и артефактов. — Я попытался неуклюже смягчить конфуз.

— По сути, конечно, да. Только они всё равно «долговцы», а не «очищенцы». — Мой проводник махнул рукой, дескать, ладно, проехали, и глянул на дисплей своего КПК. — Надеюсь, нашу тропку не испоганило выбросом, не то придётся топтать дальше, к Янтарию.

— А что, тогда в гости к бой-бабам наведаемся, оттянемся! — выскочила из меня шутка, которая должна была быть смешной. Кто ж не знает, что последнее место в Зоне, где мужикам позволят «оттянуться», это логово свирепого женского клана...

— К каким таким, на фиг, бабам? — Тимоха посмотрел на меня с некоторым сочувствием. — Ты чё, Колян?

— Как это к каким? К зонным амазонкам, диким и свирепым женщи...

Я осёкся. Ч-чёрт, и кто меня за язык тянет?!

— М-м-да, поспешил я с выводами, трепануло тебя куда сильнее, чем я думал. — В глазах напарника читалась жалость. — Колян, толпы женщин в Зоне никогда не было и, наверное, не будет. Жаль, конечно, иногда их так не хватает, что отдал бы даже «мамины бусы», будь они у меня, за сутки-другие в койке с грудастой девахой! Ну что, двинули?

Я кивнул и отправился следом за Тимохой. Но в голове уже бунтовала и проламывала череп разъярённая толпа вопросов. Пока мы крались кустами-оврагами, я успел немного изучить карту на своём... то есть на КПК Коляна. Первое, что меня шокировало, — это то, что существенно изменилась география Зоны.

Судя по спутниковой фотке, исчезли руины и уцелевшие постройки многих известных мне локаций. Второе, что бросилось в глаза, — пометки на самой карте. Если верить им, то существенно изменились названия группировок, да и самих группировок стало меньше, чем в той Зоне, которую помнит Несси, которую помню я. И если отсутствие самих локаций можно было объяснить деструктивной активностью аномалий, то как же быть с изменением названий?

Да и по ходу нашего продвижения по Зоне я заметил несколько ненормальностей. Это были отклонения от Зоны, привычной для меня. Плотность аномалий по всему маршруту следования значительно снизилась. Мутантной живности тоже стало в разы меньше и по количеству, и по разнообразию видов.

Но самая-пресамая мерзость заключалась в том, что я абсолютно ничего не чувствовал. От моих особых способностей не осталось ровным счётом ни-че-го. Я не то чтобы не смог докричаться до любимой, я даже не слышал её невнятного шёпота, который пронизывал пространство Зоны всегда, всегда, с первого моего шага в неё...

Плюс ко всему тело Коляна было в разы слабее, чем моё родное. Зрение тоже барахлит, явно не стопроцентное. Руки с «калашом» трясутся. О какой прицельной стрельбе может идти речь?! А одежда-экипировка — смех один. На мне сейчас была простая куртка с

капюшоном, бронепластинами и не пахло. Полный облом, я — обычный человек, самый что ни на есть сталкер-новичок...

— Лягай!!! — отчаянный крик Тимохи выдернул меня из омута размышлений за миг до того, как мне в живот впились пули.

Острая боль смешалась с негодованием и нежеланием понять, что меня подстрелили. Но как?! Я же ничего не увидел, не услышал, не учуял!

Мы нарвались на патруль военных. Вокруг гроыхала стрельба, Тимоха отступал кустами, пытался скрыться, огрызаясь короткими очередями. А я стоял, как баран, и смотрел на свои окровавленные руки, которые отчаянно пытались остановить потоки крови.

Мой автомат упал и сейчас валялся в грязи под ногами. Ещё я успел глянуть в сторону патруля, и тут что-то твёрдое сильно стукнуло мне в лоб. Последнее, что я увидел, — опрокинутое небо и густые красные капли, налипшие на стёклах моего противогаза изнутри.

Я провалился в бездну, и свет погас.

Не то чтобы я смирился с тем, что умер, но почему-то лежал в этой темноте абсолютно спокойно и даже не пытался пошевелиться. Пустота. Ни тепло, ни холодно, нет ни единого звука или какого другого фактора раздражения извне. Только я, темнота и тишина. Уютно. Такое странное умиротворение и знакомое предательское спокойствие... Видимо, сказала накопившаяся запредельная усталость.

Стоп!

Я мыслю, а значит, я...

ОПЯТЬ?..

2

Готов он был к чему угодно.

Так ему казалось. После всего, что довелось пережить и навидаться в Зоне, после всех блужданий в прошлом, в глубинах времени до Зоны... наступающее время, будущее после Зоны, он готовился принять с распростёртыми объятиями. Невзирая ни на какие параметры окружающей среды.

Возвращение на «большую землю» вряд ли могло чем-то удивить...

Но вопреки ожиданиям не просто удивило, а поразило! Единственное, к чему после стольких лет, проведённых на безжалостной войне реальностей, оказался не готов бывший узник Зоны и бывший хроносталкер, так это к безмятежному МИРУ.

На этот раз после прорыва силового барьера сменилось не «когда», в котором Штрих пребывал, а «где». Сразу же стало понятно, что реальность вокруг кардинально изменилась. Невооружённым глазом видно. Хотя пространственно сталкер никуда не делся, находился в точности там же.

В недрах Зоны.

Только эта зона была совершенно другой, абсолютно не похожей на ту, привычную, казавшуюся единственно возможной после стольких-то ходок. Эта была не смертоносная. Верней, тоже смертельно опасная, но как-то... абстрактно, что ли. Чисто теоретически. Вероятностно.

И почему-то именно этот факт шокировал бывшего Гробокопа неизмеримо сильнее, чем головокружительное перемещение в какой-нибудь запредельный фантазмагорический континуум.

Штрих разгуливал в зоне отчуждения Чернобыльской атомной электрической станции. Он, Василий, один из туристов группы, которую автобусы возили по городу Припять и станционному комплексу.

Слово-то какое фантастическое — «гулять»! Попробовал бы кто-нибудь погулять в ТОЙ Зоне...

Подобные экскурсии проводились здесь регулярно — это было фактом, против которого не попрёшь. И никого не волновало ни в малейшей степени, что где-то как-то когда-то существует реальность, для которой подобный факт совершенно невероятен. Да, и

здесь предпринимались меры предосторожности против радиационного заражения, но — только против радиационного. И здесь они были скорей показухой, чем жизненной необходимостью.

О том, что в этой зоне днём с огнём не найти ни единого настоящего сталкера, даже не хотелось вспоминать.

Человеку, долгие годы прожившему, практически не снимая бронекостюма, ложившемуся спать с прикладом автомата под головой вместо подушки и множество раз смывавшему с себя кровь чудовищных мутантов, находиться в мирной, туристической псевдозоне было дико! Голова в буквальном смысле шла кругом от полного обалдения. Выживать в мирной среде обитания ещё надо учиться и учиться!

Однако некуда деваться, маскировка и ещё раз маскировка. Терпеть, наблюдать, соображать, куда попал...

И каждый раз стискивать зубы, чтобы не застонать, увидев что-нибудь до боли ЗНАКОМОЕ.

Вот в этом месте он привык видеть разрушенный корпус, в котором однажды не разминулся с ватагой снорков, а теперь увидел сооружение целёхоньким. А вон там легендарное «чёртово колесо», ажурный его силуэт на фоне неба зловеще чернел, когда Штрих прокрадывался мимо, и казался истинным символом Зоны... теперь же аттракцион выглядел заброшенной ржавой железякой, не разрезанной на металлолом только потому, что материалы из отчуждёнки считаются заражёнными. Однако самым настоящим испытанием для нервов оказался вид законсервированных блоков ЧАЭС. Автобусы приблизились чуть ли не к самому эпицентру! Чтобы дойти от Периметра досюда, до этой черты, столько людей отдали жизни...

Василий стоял в непосредственной близости от наиболее вожаемой из всех возможных точек Зоны. Сюда стремились тысячи и тысячи сталкеров, добирались единицы, и уж торчать здесь столбом — ни единому в башку не взбрело бы... А он стоял, не в силах шевельнуться, и секунда за секундой оставался живым. Так бы и проторчал до ночи, оцепеневший и растерянный, если бы не чья-то рука, тронувшая его за рукав обычной демисезонной куртки... и когда бронекомплект успел обернуться этой несерьёзной одежкой?..

— Эй, мужчина, в автобус, в автобус! Отъезжаем.

Экскурсовод. Очкастый паренёк лет двадцати пяти, ручки-веточки, личико библиотечной крысы. Такие ботаны в настоящей Зоне почти не появлялись, а если и заносила их нелёгкая, то не дальше первой ходки чаще всего...

Туристы ехали обратно — на выезд из зоны отчуждения. Охренеть, здесь это совсем просто — взял и выехал! А потом взял — и снова въехал. За небольшие деньги. Туда, сюда, обратно, тебе и мне приятно... Туристы, ё-моё, искатели сильных впечатлений! Адреналинщики грёбанные... В этой проклятой местности ко всей планете чуть амба не подкралась со спины, а они сюда фоткаться на фоне Саркофага катаются!..

Чтобы хоть немного успокоиться, единственный в этом мире настоящий сталкер отвернулся от окна, опустил горящий злостью взгляд и сосредоточился на своём движимом имуществе, так сказать. Провёл инвентаризацию. Внутренний карман куртки не слабо оттягивало что-то тяжёлое. Пальцы нащупали рифлёную рукоять... Ну, куда ж сталкеру без оружия! При нём остался револьвер, суперубойный смит-энд-вессон, особое орудие контрольного выстрела. Из оружия больше ничего. Вообще странно, по какому принципу *остались* вещи? Рекордер ясно, «Самсончик» последнее, от чего Штрих желал бы избавиться. Ещё — перчатка Несси...

Эта единственная перчатка и эксклюзивный револьвер в распоряжении — и внезапная, непривычная мысль о том, что с ним будет, если обнаружатся эти смертоносные причиндалы на выезде?! Должны же местные стражники хоть там проверять экскурсантов, вдруг какой придурок потянет наружу подобранный в отчуждёнке сувенирчик вроде стеклянной бутылки восьмидесятых годов двадцатого века... Кстати, а какой нынче год-то на дворе?

Но Василий побоялся спрашивать у соседей, хотя только таким способом смог бы узнать, какой день сегодня. Никогда не изменявшее хроносталкеру точное ощущение даты напрочь испарилось вместе со многими другими вещами, деталями экипировки и особыми способностями... Чуйка безмолвствовала, как и не бывало её. Ставшее привычным за многие годы шестое (или шестнадцатое?) чувство пропало. Почти оглох... или ослеп... нюх пропал... Как дальше-то жить? *На ощупь?*.. Пользуясь только обычными зрением, обонянием и слухом...

И зачем усиленная рукавица? А ведь... можно не только ударить, но и протянуть кому-нибудь руку и вытащить из пропасти. Усиление природных способностей никогда лишним не будет. И не важно, с чьей помощью и каким образом. От силы отказываться — грех. Если сила применяется, чтобы помочь слабым...

Вот с помощью револьвера можно, пожалуй, делать лишь одно. Стрелять.

Только убивать...

Или нет?

Ещё можно не стрелять.

Всегда есть выбор, даже когда мерещится, что выбора нет.

Василий ехал дальше, с каждым оборотом колёс автобуса приближаясь к долгожданному выходу, и мучительно размышлял, избавляться или не избавляться от оружия. Как именно избавиться, сталкер придумал сразу: сыграть, изобразить срочную нужду без проблем, а в придорожных кустах не только органическую частицу себя можно оставить.

И вот ещё животрепещущий вопрос: в тот миг, когда он на это решится, перестанет ли быть сталкером?..

Тем временем в комфортабельном салоне автобуса ожил дисплей телевизора. Сопровождающие, вероятно, решили, что мероприятие окончено, и уже можно просто скрашивать время на обратной дороге. Транслировался какой-то старинный кинофильм. Василий заставил себя присмотреться и достаточно скоро угадал, о чём там.

Это кино именовалось «Обитаемый остров», экранизация по мотивам книги величайших писателей двадцатого века, братьев Аркадия и Бориса Стругацких, в том числе подаривших русскому языку слово «сталкер» и вложивших в слово «Зона» абсолютно новое значение. Это зрелище явно поставил режиссёр, который саму книгу в детстве не читал, и её вселенная не участвовала в формировании его мировоззрения, потому творец душой не проникся, предпочёл внешнюю сторону и наваял цветастую лубочную картинку. По большому счёту, оставил от сути первоисточника рожки да ножки, как всегда случается, когда далёкие от темы люди вторгаются в чуждую им, не обжитую и не почуянную область. Если бы не великолепная, местами гениальная актёрская игра, в том числе и самого режиссёра, этот опус вообще не стоило смотреть. Разве что ради вот этих слов главного героя, прозвучавших в салоне, когда впереди показалась башенка пропускного пункта на выезде из отчуждёнки...

«Неохота идти. Ох, неохота... Кстати, Вепрь, имейте в виду и расскажите своим друзьям. Вы живёте не на внутренней поверхности шара. Вы живёте на внешней поверхности шара. И таких шаров ещё множество в мире, на некоторых живут гораздо хуже вас, а на некоторых — гораздо лучше вас. Но нигде больше не живут глупее. Не верите? Ну и чёрт с вами. Я пошёл».

3

...Скрежет пробуравил и пронзил. Словно железом по стеклу, садистски, безжалостно, он вывернул нутро наизнанку и породил мучительную дрожь. Но эта внутренняя спазматическая реакция странным образом на неуловимое мгновение остановила рвущиеся извне разрушительные вибрации, не позволила окружающему взорвать сознание и разнести его на мелкие кусочки сразу, единым махом. Ключ, провернувшись в заржавевшей, никогда не использовавшейся скважине замка, рассыпался в прах, но успел выполнить своё

предназначение... Человеческая фигура, склонившаяся и увеличившаяся, больше не заслоняла небо. Она прыгнула в сторону и растворилась, пропала из виду. И это был последний чёткий образ, схваченный и удержанный памятью. Уже в следующее мгновение рухнувшей в алчно разверзшуюся, непроглядную тьму неизвестности...

Глава двадцать девятая. Быть человеком...

1

Отражение облаков в воде под ногами настолько чёткое, что возникает странная иллюзия. Если всмотреться, кажется, что стоишь над бездной и вот-вот провалишься в небо. Ржавый болт падает и тонет в облаках, порождая на поверхности воды кольца волн, и тем самым рассеивает иллюзию. Следующие пять-шесть метров путь чист, аномалий нет. Я топаю дальше, отмеряя рифлёными подошвами своих башмаков те самые метры до позиции следующего броска. Рука давно устала метать железяки. Но иначе нельзя.

Начались Болота, здешние тропки мне не знакомы. Верный «винторез» за плечами, а сзади плетутся трое яйцеголовых в своих «космических» скафандрах. Двое идут молча, но их главный — ещё тот фрукт, нудит за троих.

— Кстати, я совершенно не вижу причин волноваться. Согласно результатам наших исследований, следующий выброс произойдёт... — Профессор спотыкается и буквально на секунду замолкает. Как же хороша эта секунда, только она неизбежно проходит, и пожилой мужчина продолжает толкать свою нудную речугу. — ...не ранее чем через два месяца, четыре дня, плюс-минус семь часов. Интенсивность его составит три балла по шкале Бермана, что в две целых и тринадцать сотых...

Я резко остановился, жестом прервал его болтовню и снял с плеча «винторез». Не знаю, что со мной не так, но спустя уже пару месяцев пребывания в Зоне я стал замечать, что иногда нутром чую опасность. Тело отзывается каким-то странным, внутренним ощущением, такие ещё называют «шестое чувство». Вот и сейчас всё вроде бы спокойно и обычно, однако в груди что-то предательски кольнуло. Не к добру.

И как подтверждение моих опасений над нашими головами вдруг пронеслась чёрная туча ворон. Впереди раздался треск веток, и прежде, чем я успел отреагировать, нам навстречу выпала толпа разношёрстной живности. Кабаны, крысы, слепые псы и чёрт знает кто ещё! Они стремительно пронеслись мимо нас, но не нападали. Профессор чуть было не пальнул в эту толпу из своего пистолета. Я остановил его. Пусть лучше бегут дальше, а мы переждём и продолжим путь...

Я точно знал, что это не моё собственное воспоминание. Если бы это был я, то уже нёсся бы в авангарде гона. Помчался бы бешеным галопом до ближайшей норы, как только узрел эту тучу ворон. Но сейчас я лежал в темноте и даже не пытался пошевелиться, лежал в тёмном уголке и со стороны наблюдал это «кино» про монстров, несущихся мимо...

Когда последний мутант скрылся в зарослях, я ещё несколько секунд стоял и не знал, что делать дальше. Тревожное чувство не покидало меня. Профессор зашевелился за моей спиной, что-то невнятно буркнул, и мы отправились дальше. Некоторое время болты можно было не кидать. Животные вытоптали едва заметную тропку, а в Зоне по этим звериным тропам ходи смело, не опасаясь аномальных сюрпризов.

Так мы дошли до старой «железки». Пустые раздолбанные вагоны, покорёженные аномалиями рельсы. Я поднялся на насыпь, и то, что увидел за нею, повергло меня в ужас. На нас быстро надвигалось красно-жёлтое марево в плетении ярко-белых молний. Выброс! Мы отчаянно побежали назад, но я точно знал, что спасения нам уже не будет...

«Кино» закончилось, а свет так и не включили. И опять эта темнота и пустота. Ещё немного, и ко мне придёт ужасная головная боль.

Плата за ещё одну попытку, за ещё одну жизнь...

В тишину вклинились раскаты грома и шум дождя. Где-то рядом разговаривали два человека. Я прислушался к их диалогу.

— ...опуская все подробности, скажу, что ничего подобного я ранее не видел. — Поговору в одном из них угадывался махровый интеллигент, скорее всего это был какой-то учёный муж. — Энцефалограмма свидетельствует о серьёзном повреждении нервной системы. Однако показатели остальных функций организма просто отличные. Парадокс!

— Считаете, это связано с выбросом? — Голос второго был несколько грубее и твёрже, ни дать ни взять начальник.

— Вне всякого сомнения! Впрочем, я пока не могу найти этому рационального объяснения, — ответил ему первый.

В этот момент мой разум и это тело слились окончательно. Жизнь вернулась в полупустую оболочку. Вернулась вместе с адской болью. Я дёрнулся.

— Кажется, он начинает приходить в себя, — заметил тот, чей голос звучал грубее.

Дальше я не слышал ничего, просто утонул в потоках боли. Не знаю, сколько ещё прошло времени, пока боль утихла, прошёл паралич и я смог пошевелиться. Но дождь уже закончился. Я открыл глаза и встал с кровати. Меня штормило, всё расплывалось, а отголоски недавней адской пытки ещё поклёвывали череп изнутри.

Я находился внутри ветхой дырявой хибары. Облезлая комнатуха была скромно обставлена старой мебелью. Тут стояла двухъярусная кровать, несколько столов с каким-то оборудованием, ржавый рукомойник, а сквозь множественные дыры в потолке виднелось небо. Кроме дневного света, который проникал сюда через все эти дыры и оконные проёмы, комнатуху подсвечивал монитор, что синел на столе двухоконной таблицей «коммандера». У окна спиной ко мне стоял человек. Услышав скрип кровати, он повернул голову.

— Очнулся? Это хорошо, — прозвучал голос, который я до этого условно окрестил «голосом начальника». И, как выяснилось позже, не ошибся в своих предположениях.

Другого человека в комнате уже не было. «Начальник» подошёл ко мне. Я бегло осмотрел его. На вид почти ничего особенного — штаны, армейские ботинки, наколенники, солидный разгруз. Но вот куртку камуфляжной назвать было трудно. Она была ни дать ни взять бело-голубая и могла обеспечить хозяину хорошую маскировку разве что на потолке этой комнатухи, испещрённом такими же светлыми пятнами неба.

— Ну, что же, с возвращением на этот свет, сталкер. Как самочувствие? — поинтересовался «начальник».

— Голова разламывается... в глазах круги, плывёт всё... ёлки... — я отвечал честно. А какой смысл врать?

— Помнишь, что с тобой произошло?

— Так... Помню, что вёл экспедицию учёных в сторону Болот. Потом... потом был выброс... Потом всё, — опять же честно ответил я и решил слегка разрядить обстановку: — Это я в раю или в аду? Или это чистилище так на Зону похоже?

— Ха-ха-ха! Шутишь, это хорошо, значит, жить будешь, — практически лысый мужик рассмеялся и вполне дружелюбным тоном продолжил: — Моя фамилия Лебедев, я начальник группы и отвечаю здесь за всё и за всех. И за тебя, кстати, пока ты тут. Себя мы называем «Чистое Небо». Сейчас ты на нашей базе. Ребята подобрали тебя на Болотах после выброса...

И тут как стукнет мне в голову милицейской дубинкой одно воспоминание родом из детства! Помню, как-то летом предки меня в деревню сослали, а как раз тогда в местный клуб добрые дяди из города свезли допотопные компы, ещё чуть ли не пентиумы. Благотворительностью они так занимались. И я вместе с деревенскими ребятами все дни напролёт геймился в игры, что остались на жёстких дисках машин. И одну игру я запомнил навсегда. Воспоминание о ней, кстати, и стало не последним из весомых стимулов, благодаря которым я двинул в Чёрный Край за компанию с Владом, младшим братом Юрия Тимецкого.

Игра так и называлась — «Чистое Небо». Одна из самых первых в бесконечном цикле компьютерных игр про сталкеров и Зону. И то, что сейчас со мной происходило, было не

просто похоже на эту игру, всё происходило чётко по её сюжету, и даже разговор был практически дословный, насколько я его помню. Но это же реальный бред! Этого просто не может быть!

Лебедев мне что-то говорил, а я стоял и тихонечко сходил с ума. Это же чума какая-то! Невозможно! Хотя, с другой стороны... это объясняет все те перемены, что произошли в Зоне. Привычная для меня Чернота шестисот километров в диаметре катастрофически мутировала, ужалась и сейчас разительно напоминала ту самую, небольшую размерами игровую Зону. Так вот откуда эти названия группировок и многие другие несоответствия с той реальностью, в которой я родился и вырос, в которой преодолел Предзоне и заявился в реальную, не игровую Зону!

Но не принимать же за истину эту догадку? Хе-х, игра?! «Графика» слишком хороша, как для игры. Хотя... а кто находится по ту сторону монитора?.. Что же происходит? Моя реальность попросту исчезла, и я попал в игру? Не-е-е, это глюки, подвязываю с ними. Нужно немного успокоиться и попытаться найти всему этому рациональное объяснение.

— ...эта цепь событий, не простое везение. — А Лебедев тем временем перечислил мне те счастливые случайности, в результате которых я остался жив. При такой плотности удачи на единицу времени всё это называть случайностями было категорически невозможно.

Я стоял с округлёнными глазами и открытым ртом. Видимо, Лебедев это заметил, а потому решил позволить мне немного «отдышаться».

— Ладно, прервёмся на время, приходи в себя, а мне нужно закончить работу. — Начальник козырнул и неспешно вышел из комнаты, оставляя меня наедине с моей паранойей.

Подведём итоги... Я успел побывать в пяти разных телах и единственное, что остаётся неизменным, так это моя память. Я — Серёга по прозвищу Несси. Это раз! Все сталкеры, в которых я «просыпался», перед этим попадали под выброс, и все как один чудом выживали. При этом мне, бонусом, доставались фрагменты их воспоминаний. Это два. Все реалии Зоны изменились и сделались прямо как в игре, в той самой, в которую я шпился ещё пацаном. Это три. На контакт с НЕЙ выйти не получилось, как ни пытался, — четыре. Никаких других бонусов, в виде зонной чуйки и прочих уникальных способностей, до этого момента я так и не получил. Это пять.

Видимо, мои возможности были целиком и полностью ограничены способностями, потенциалом и навыками того тела, в котором я нахожусь. Вот это, теперешнее, например, лучшее из всех, что бывали до него. Находясь в нём, я хоть что-то стал ощущать. И это что-то разительно напомнило те ощущения, которые я испытал, когда во мне впервые зашевелилась чуйка...

В связи с этим возникал вопрос: «Где же моё собственное тело?» А вдруг, когда я его найду, ко мне вернётся всё, что я имел? А вдруг вернётся вообще ВСЁ! Вдруг опять оживёт привычная мне, родная реальность, и всё встанет на свои места.

Я должен разобраться в происходящем. Я обязан найти ответы на все возникшие вопросы.

Недаром я оказался в самом начале, в приквеле, так сказать, всей этой вселенной, в том виде, какой её история показана в игре. В той самой игре, которая отображает с детства знакомую мне реальность.

Игра воспроизводит аномальную Черноту искажённо, словно колеблющееся, постоянно изменяющееся отражение в речной воде, но всё-таки копия до боли похожа на такую Зону, какая она есть... какой БЫЛА... какой я ПОМНЮ ЕЁ.

Что разгляжу я, вглядываясь в волны Припяти?

Немного успокоившись, я отправился в разведку по базе «Чистого Неба». Лишний раз убедился, что всё именно так, как я и предполагал. Реалии страшно похожи на игровые. Но о том, что это всё-таки не игра, что я не сижу за компьютерным столом перед дисплеем, а ЖИВУ, мне напоминали голод, усталость, боль и всё то, что может ощутить лишь живущий человек на своей собственной шкуре и только в реальной жизни. Не в виртуале.

Пообщался я и с тем махровым интеллигентом, чей голос услышал первым. Этот учёный рассказал мне много интересного, чего я не запомнил, конечно, когда играл в детстве. А кто запоминает, что говорят фоновые персонажи? Так вот, он обронил фразу, что Зона возникла «в результате ошибочных действий человека». Причём он это сказал так, как будто знал, о чём говорил. Какую же вы тайну скрываете, профессор? Какую тайну скрываете вы все, «голубые куртки»?..

Может быть, в этой тайне содержится ответ на вопросы, почему виртуальный герой способен мучиться от тоски по любимой и верить в то, что он по-прежнему живой человек.

2

Василий привычно бродил. Не по Зоне, а по Киеву. Реальному, не уничтоженному, не смятому предзонным хаосом городу. Населённому тысячами, миллионами живых человеческих душ, не сожранных аномальной реальностью... Переполняться впечатлениями он уже притомился, поэтому просто бегло фиксировал их. Чтобы вечером по обыкновению в очередной раз наговорить аудиозапись и сохранить её в памяти верного «Самсона».

Главным шоком был, конечно, обескураживающий факт, что в реальном мире нет Зоны. Той, которая Чернота, ЧК, Чёрный Край. Вот просто нет её, и всё тут!

Что-то похожее здесь существовало лишь в качестве серии компьютерных игр, и только. Он узнал об этом почти сразу, как покинул экскурсионный автобус на какой-то площади. С краю майдана, в витрине одного из магазинчиков, настоящий сталкер увидел плакаты с до боли знакомым логотипом и ринулся внутрь... Частично это напоминало игры «S.T.A.L.K.E.R.», в которые и он сам играл в детстве, только из всех названий частей цикла совпадали всего два, самые первые. «Тени Чернобыля» и «Чистое Небо». Прочие были незнакомы. Начиная с третьей части, вместо «Эпицентра Желаний» и прочих аддонов на прилавках красовались совершенно другие игры. Василий пообщался с продавцами, изучил вопрос и осознал, что сталкеры и монстры этого мира имеют очень и очень опосредованное отношение к реальной Зоне.

Здесь они либо литературные персонажи, либо Г.Г. игр, либо фанаты-ролевики, в реале изображающие этих самых героев-персонажей. Всё. Ни одного артефакта в целом мире, ни одного человека, который нагло не соврал бы, произнеся что-то похожее на фразу: «Этот хабар я добыл в Зоне!»

Единственный человек, способный этим словосочетанием изречь чистейшую правду, шёл по улицам ожившего Киева. Он смотрел на живых, не стёртых Зоной киевлян и вспоминал, *как было раньше*. Сталкер понимал, что вокруг бурлит прекрасное будущее, во имя реализации которого сражался и он. Бывший Штрих искренне радовался, что жизнь восторжествовала, и всё же... тосковал, зверски тосковал по ней, настоящей, не бутафорской, не литературно-игровой Зоне. Лишь тень которой существовала в мире. Этой тени, не хватит на то, чтобы прикрыть его от жгучего солнца реальности...

Василий бродил до самого вечера. Когда сгустились сумерки, он наконец впустил в мысли осознание, что пора бы и ему ЖИТЬ. Значит, где-то ночевать, что-то есть, пить, как-то приспособливаться. Здесь не Зона, здесь «климат» иной. С оружием в руках и чуйкой в голове пропитание и ночлег не добудешь, в натуре придётся вспоминать, как выживать внутри человечества... Как противоборствовать здешним монстрам, аномалиям и ловушкам. Остаётся надеяться, что не придётся тайком пробираться в отчуждёнку за перчаткой и револьвером, прикопанными под кустами неподалёку от КПП с той стороны.

Это уже будет настоящая сталкерская ходка...

И в эту минуту последний сталкер вдруг услышал музыку. Она полилась из окна дома, у которого его застигло осознание суровой неотвратимости — обустроить житие-бытие. По стилю звучания мелодия напомнила что-то очень знакомое, но пока не раздался голос поющего, Василий не смог узнать, что именно заиграло.

А потом послышались слова...

Этой песни группы «КИНО» выживший сталкер почему-то совершенно не помнил! Судя по незабываемому голосу и манере, наверняка пел Виктор Цой, вечно живой в памяти всех, кто слушал и слушает его песни и помнит о нём. Василий тоже слышал и хорошо знал все альбомы. Но этой совершенно не помнил! Не было её в репертуаре группы. Вот не было, и точка. Была бы — такую разве забудешь?..

В сети связок
В горле комом теснится крик,
Но настала пора,
И тут уж кричи не кричи.
Лишь потом
Кто-то долго не сможет забыть,
Как, шатаясь, бойцы
О траву вытирали мечи.
И как хлопало крыльями
Чёрное племя ворон,
Как смеялось небо,
А потом прикусило язык.
И дрожала рука
У того, кто остался жив,
И внезапно в вечность
Вдруг превратился миг.
И горел
Погребальным костром закат,
И волками смотрели
Звёзды из облаков.
Как, раскинув руки,
Лежали ушедшие в ночь,
И как спали вповалку
Живые, не видя снов...
А «жизнь» — только слово,
Есть лишь любовь и есть смерть...
Эй! А кто будет петь,
Если все будут спать?
Смерть стоит того, чтобы жить,
А любовь
стоит того, чтобы ждать...⁶

Миру, в котором родилась такая песня, последний из живых сталкеров уже начинал симпатизировать.

3

Свет не зажёгся, а вспыхнул. Моментально. Вот его ещё не было, и вот он уже есть. Не яркий, не дневной, скорей тусклый и мутный, серенький, как бы предрассветный, но — далеко не тьма.

Пробуждение не сопровождалось переходным дремотным состоянием.

Она сразу осознала, что проснулась и жива. Никаких сомнений.

«Ощупала» себя. Вроде всё на месте. Структурно такая, как и была. Но...

Ощущала она себя не такой, как раньше. Обновлённой, ИНОЙ, живущей как-то иначе, чем раньше, но — не менее живой.

---

⁶ Виктор Цой, «Легенда».

Вот только с памятью неважно. Путалась память, плыла и раздваивалась. Постоянно возникало ощущение deja-vu — этот вывод она сделала, подробней осмотревшись и тщательней «ощупавшись». Многое лишь казалось знакомым и привычным, но при близком рассмотрении и подробном анализе ощущений оказывалось каким-то... не таким. Это словосочетание прямо-таки просилось в ключевые. С «разночтениями» и отличиями придётся свыкаться, разбираться в них и обживаться. Ладно уж, разве имена и названия деталей важнее всего?.. Главное, сохранить суть!

Ничего не попишешь, жизнь продолжается. За что боролась, на то и... Вот только докопаться бы, как это всё начиналось, откуда она взялась, как сюда пришла, как докатилась до подобной жизни. Навести порядок в памяти, укротить хаос и осознать себя.

Не сдаваться!

И найти своего Нессию — где бы он ни был и кто бы он ни был. Даже если для этого понадобится бесконечность времени и бесконечное количество жизней.

Её и тех, кого она любит, не так-то просто стереть с лица Вселенной. Враги — не дождутся. Так или иначе надо суметь уцелеть.

Ночь осталась позади. Светает.

Настала пора встречать утро нового дня.

Эпилог. Играем в жизнь!

— Мы пришли, можешь снять повязку. И не пытайся следовать за мной, это бесполезно, — прозвучал за спиной голос бойца «Чистого Неба». — Когда захочешь вернуться на базу, найди одного из проводников на рыбацком хуторе.

На этот раз я не стал оборачиваться. Да и следовать за ним не было особого желания. Смысл? Ну, узнаю я дорогу на базу. Что дальше? С Болот-то всё равно не выбраться без проводника. Придётся выполнять свою часть соглашения. Да и новое тело совсем не помешает вначале «обкатать».

Я стоял перед корявым, наспех сбитым из досок мостом. Наверняка здесь подобных сооружений великое множество, по этой воде ходить — задарма радиацию глотать. А вокруг до горизонта простирались камыши и топи. Кое-где над зарослями возвышались зловещего вида коряги, кваканье жаб наполняло пространство, а где-то вдали были слышны редкие пистолетные выстрелы.

— Наёмник, вижу, тебя вывели на Большие болота. Будь предельно осторожен и не пытайся строить из себя героя, — появился на связи голос Лебедева. — Загляни в ПДА, там должны быть отмечены наши отряды. Советую тебе двигать к ним, на рыбацкий хутор.

Надо же, такая заботливость! И это невзирая на то, что он практически уверен: я — самое что ни на есть порождение Зоны.

Зачем-то вернулся перед выходом на задание, хоть и верил, что это плохая примета. Так и есть — плохая... Я случайно подслушал разговор Лебедева и Каланчи. Все результаты моих анализов и тестов тканей уже были готовы. С моим ДНК что-то там явно не в порядке, и профессор в итоге идентифицировал меня как некую копию реального человека. Возможно, сотворённую самой Зоной. Таким образом, вот оно как: я, а точнее, это тело — самый что ни на есть шатун.

Порой некоторые факты лучше не знать, но только не в моём случае. В душе угольком затлела надежда впервые за эти безумные дни и ночи. Возможно, это ОНА позаботилась обо мне. Сейчас контакт установить не представляется возможным, но любимая всё-таки сумела изобрести способ меня сохранить, не потерять безвозвратно. И пусть этот способ странноватый в человеческом восприятии, однако в его эффективности я уже убедился.

Я помню — значит я живу.

Интересно, сколько всего у меня в запасе жизней?

Каланча поставил на меня клеймо, а Лебедев принял эту информацию к сведению. Но благодаря тому, что ситуация на Болотах сложилась не в их пользу, командир решил

использовать мой потенциал в своих целях. Тем более что «данное порождение Зоны не знает, что оно таковое, и враждебности не проявляет». Это всё очень хорошо, «начальник», только знай: после завершения миссии спиной к тебе и твоим бойцам я не повернусь точно.

Шорох в камышах за мостом насторожил. Я глянул в бинокль. Так и есть, первая делегация встречающих. Там в зарослях мелькнуло мерзкое асимметричное тело. Это плоть, и скорее всего не одна. Ну что же, полный вперед, сталкер!

Я взял в руки обрез. Хорошо, что стволы проверил, две стреляные гильзы так и остались в них, когда меня возле форпоста второй раз накрыло выбросом. Два красных цилиндрика с жёлтыми капсулями упали на влажную землю. Я на ходу перезарядился. Нужно стрелять в упор, тогда одного патрона на каждое уродливое рыло должно хватить.

Так, осторожненько переходим, чтобы доски не скрипнули под ногами. Вот они, на маленьком островке, свободном от камыша, шастают. А вот эти две твари очень даже удачно стоят — рядышком... Огонь! Два выстрела, прозвучавших с секундной паузой, свалили две уродливые туши и переполошили остальных тварей. Ого, сколько их тут! Штук пять, не меньше. Я на всякий случай отступил к мосту, перезарядился и опять ринулся в бой.

На этот раз всё произошло менее удачно. Плоть, резко выскочившая на меня из камышей, получила сразу два заряда. Сдали нервы. А та тварь, что бежала за первой, ударила меня своей кривой конечностью. Брызнула кровь. Увернувшись от второго удара, я побежал, а когда перезарядился, резко повернулся и продырявил гадине башку. Последняя плоть получила не только дробь в свой уродливый бок, но и три пули из моего ПМ прямо в морду.

Что же, отделался лёгким испугом и одним комплектом перевязки. Рана не глубокая, но кровь лучше остановить сейчас, дальше уже может не остаться времени. Я воспользовался советом Лебедева и всё-таки глянул на карту ПДА. Определив направление, выдвинулся на рыбацкий хутор. Камыши, прогалинки, кусты и следы прежней деятельности человека — пейзаж скромный. Ага, вот и крыши построек. Впереди тот самый хутор.

Ещё немного пробежав по зарослям и пройдя по доскам моста, я вышел к деревянным постройкам, перемахнул через остатки забора и оказался в центре поселения. Наши уже отбили атаку бандитов, оставили здесь пару бойцов-сталкеров и проводника в голубоватой камуфляжной куртке, а сами двинули дальше. Судя по стрельбе, они сейчас штурмовали какую-то вышку, что торчала невдалеке. Я побежал туда. Думаю, им не будет лишней моя помощь, а мне их прикрытие совсем не мешает.

Ещё один мост на пути. Пробежав по доскам, я очутился среди своих, и как раз вовремя. Едва успел пристрелить кабана, неожиданно напавшего на них. Бандюки отчаянно отстреливались, но, судя по щедрым матам, летевшим с их стороны, уже сдавали свои позиции. Снизу остались лишь трупы, и двое «пацанов», укрывшиеся на вышке за мешками с песком, поливали свинцом пространство под нею.

Короткими перебежками, от укрытия к укрытию, я обежал вышку по дуге и зашёл с тыла. Старая железная лестница вела наверх. И пока те двое бандюков отвлекались на остальных, я тихонько поднялся по ржавым ступенькам и выстрелил дуплетом из двух стволов одному из них в спину. Он перелетел через мешки и рухнул вниз. Второй грязно ругнулся и шмальнул в меня наугад из своего обреза. Я едва успел спрыгнуть вниз по ступенькам. Несколько дробинok рикошетом от железных стоек перил попали мне в лицо. Больно, бл... лин! Хотя всё-таки не столько больно, сколько неприятно.

Так, всё, не рискую больше, нужно выжить! Я быстро спустился, и когда бандюк выскочил на лестницу, чтобы ещё раз в меня пальнуть, я оказался уже внизу за его спиной и безжалостно расстрелял гада из ПМ. Всё, кажется, это был последний. Наши подтянулись, заняли позиции и стали осматриваться. Правильно, а куда спешить?

Ну, что же, руки всё помнят, и помнят хорошо. И большое, сильное тело пусть и не моё, но в нём я себя ощущаю очень... комфортно, что ли? Так что шанс добраться до эпицентра у меня на этот раз очень высокий. А добраться в это Богом забытое место надо! Где, как не там, остаётся мне искать ответы на все вопросы, почему и как случилось то, что случилось. И даже если я не доберусь, всё равно, стоять на месте — смерти подобно. Не важно, в игре я или в реальности, необходимо шевелить конечностями и извилинами. Я

мыслю и помню, значит, я живой, а что является сталкеру лучшей и, по сути, единственной настоящей наградой? Жизнь, конечно же. А уж кому-кому, но мне необходимо выживать во что бы то ни стало.

Я должен помнить любимую и нести память о ней сквозь все испытания...

Чем дольше проживу я, дух сталкера, воплощённый и закодированный в информацию, без проблем копируемую и вездесущую, тем выше вероятность реализации Зоны. Чем больше распространится информация, тем больше шансов, что она уцелеет. С каждым запуском игры увеличиваются шансы на то, что геймеры, которые сидят за своими компьютерами, погружённые в обожаемую виртуальность, и играют в меня или против меня, вынесут частицы этой памяти из игровой вселенной в реальный мир. Каким бы он ни был и где бы он ни был. Пока живые, захваченные и воодушевлённые легендой о сталкерах аномальной Зоны, играют и перевоплощаются, я, Нессия Зоны, буду возрождаться вновь и вновь.

В этом Её лучшая, и, по сути, единственная награда за попытку быть человеком там, где правила игры устанавливали монстры.

Кто умер, но не забыт, тот бессмертен. Любая живая сущность не умрёт, пока о ней не забывают другие живущие. И, быть может, однажды виртуальная Зона вновь обернётся реальной. Только бы дождаться. Только бы выжить...

— Ох-хо-хо, Самсон, в настоящей, не игровой Зоне я бы знал, что делать и куда направить следующий шаг. Но здесь я зелёный, как свежая травка, первоходок. В реальном мире только мне одному довелось остаться от неё. Осколок иной реальности... точнее, аномальности. И уцелевшему обрывку очень даже радостно в кавычках осознавать, что натворил. Пора подбивать итоги... Она пыталась стать человеком, её действия были направлены на то, чтобы вернуть жизни и земли, отобранные в двадцать шестом, а я-то был убеждён, что смертоносный хаос черноты расширяется и поглощает всё новые территории... В итоге не без моего посильного вклада Зоне пришлось не только вернуть человечеству отобранное, но и проиграть нормальной природе. Исчезла та реальность, в которой я, чёрный археолог, пришёл в Зону за ответами на волнующие вопросы. Погиб Луч, и погиб президент, и где-то в саду безвременья сгинула Шутка, первая из ловчих. Интересно, а Несси, последний из нас, исчез там же, или... Мы, ловчие желаний, напрасно думали, что несчастному человечеству просто некуда деваться от Черноты и её некуда девать с Земли. Аномальная Зона есть, мол, и надо рядом с ней, вместе с ней жить. Больше негде пока. Но выяснилось, что очень даже есть где и есть как... Я-то знаю теперь. Но сомнительная это награда мне, хранить память о тех, кого больше нет. Хотя чего ж я ещё хотел-то?.. Хроносталкер Штрих — творение Земли, моё желание выполнила нормальная реальность, поэтому я и был неподвластен желаниям аномальной Зоны. Я был наёмником нормальности. И она меня наградила — оставила жизнь!

На этой пафосной ноте он прервался, замолчал, однако не выключил рекордер. Не потому, что пауза не грозила затянуться, а по той причине, что уже принял решение перестраивать сознание и не заикливаться на зонных привычках. Без проблем, доступных аккумуляторов вокруг имелось сколько хочешь, факт, и продолжать существование в режиме тотальной экономии не стоило. Это могло превратиться в паранойю, в «комплекс ветерана» войны. Возвращение к «нормальной» жизни, хочешь, не хочешь — это реальность, данная в ощущениях, и вести себя подобно сталкеру в недрах Черноты — неразумно и даже вредоносно, придётся маскироваться под обычного человека.

Но до чего же хочется продолжать быть сталкером!..

«Хе-хе, помнится, один мудрец сказал, что, когда природе надо что-то сделать, она создаёт гения... Не уверен, что это обо мне, однако постарался я для матушки-природы, убедившей меня, что Зона — вражина проклятая, ох, на славу постарался! Выслужился, получил наградные и с почётом отправлен на пенсию. Но...»

Он снова сделал паузу и задумчиво посмотрел на прохожих, которые суетливо торопились по своим делам мимо окна кафешки, столик в которой занимал последний

сталкер. Только ему торопиться было совершенно некуда и незачем. Существование в бешеном темпе сталкерской жизни завершилось. Ради чего жить дальше — он пока не имел понятия. Цель дальнейшей ходки ещё предстояло сформулировать. Главное, *правильно*. Чтобы не остаться без хабара, необходимо знать наверняка, что ищешь.

«Но другой мудрец заметил, что если в мире жив хоть один человек, который помнит кого-то или что-то — оно продолжает существовать. Военному пенсионеру, отправленному на покой, разве запретишь вспоминать врагов, против которых воевал?.. Ни один человек не застрахован от ошибок. Даже сверхчеловек. Даже сверхсущность, которая захотела и стала человеком. На то и люди мы... И у нас никто не отберёт право на попытку. И на попытку исправить ошибку. В этой реальности осталась только игра в Зону. Здешний „СТАЛКЕР“ — исчезающее эхо, отзвук, тень чёрной были... Но пока в Зону хотя бы играют, она жива. А там, глядишь... не успею и обрасти пенсионерским жирком, как вновь позовёт меня Припять! Только неразумные живут одним днём. Разумные обязательно задумываются о завтрашнем, и если по-настоящему пожелать, чтобы...»

Он резко замолчал. Крепкая, ещё далеко не старческая с виду рука, сжимающая верный «Самсон», опустилась на столешницу.

За окном стояла одна из прохожих. Стройная, подтянутая, средних лет черноволосая женщина в чёрной кожаной куртке и кожаных же брюках. Она смотрела внутрь кафе, и сидящий за столиком пожилой мужчина понял, что возникающая словно из ниоткуда незнакомка не просто так, от нечего делать, здесь стоит, что она смотрит прямо на него. И не просто смотрит, а видит его.

А ещё через секунду *он её узнал...*

Она улыбнулась ему и энергично замахала рукой. Дескать, а ну-ка двигай сюда, брат-сталкер! Нечего рассиживаться на привале и ждать смерти, только в движении — жизнь.

Вскочив со стула и шагнув к выходу, мужчина уже понимал, что пресловутый «покой» скончался, толком не народившись. Без шуток, реальный шанс исправить собственную ошибку — вот, призывно машет рукой.

И с этой минуты он — уже не последний ловчий этого мира.

Теперь нас как минимум двое.

— Я ищу Луча, ты не знаешь, где он? — вместо приветствия быстро спросила она коллегу, выскочившего на улицу.

— Нет! Но если мы с тобой здесь, то могут быть другие уцелевшие. — Он тоже не тратил времени зря, тотчас перешёл к сути.

Сообщить ЕЙ об огненной гибели Луча и Бедлама язык не повернулся. Чем чёрт не шутит, а вдруг и вправду *смерть можно переиграть?!*

— Я не чую его, понимаешь... Тебя-то я сначала почуяла, а уже потом узнала.

— Ты можешь чують?!

— Могу. И ты сможешь, если захочешь. Если по-настоящему захочешь...

— Да понимаешь... я однажды захотел по-настоящему и получил по полной программе. Наверное, потому больше не...

— Раз получилось, значит, ещё сможешь. Главное — цель. Мы ловчие желаний или где, спрашивается?!

— Вот именно, где мы, — буркнул он. — Я тут по ходу изучил тему. Ничего не осталось, кроме игр и книжек...

— Ха, и это ты называешь ничего?! Это не ничего. Далеко не! Это уже очень много...

— Да я уж сообразил, когда тебя увидел. — Он наконец улыбнулся в ответ. Поверил, что перед ним — не мираж. В груди разливалось тёплое чувство. Холод одиночества, леденивший душу ещё пару минут назад, отступал и съёживался. Так выжить вполне можно, спиной к спине против всех напастей и врагов...

— Мне бы новое имя, — неожиданно для себя сказал он и поторопился объяснить, даже не ей, а самому себе: — Прошлые уже не годятся, больно узкоспециализированные. Это тебе повезло с универсальным прозвищем. Я, кстати, не сумел узнать, кто тебя назвал и почему...

— Ха, вспомнил седую древность!.. Ладно, как-нибудь расскажу. Но сначала я тебе о другом рассказать должна. Из такой задницы успела в последний момент вырваться, глубже некуда... А ты — будешь Соратник. Хотя мы с тобой, похоже, благодаря совершенно разным причинам не выпали из реальности.

— Ничего-ничего. — Мужчина невольно расплылся в улыбке до ушей. — Напарница моего напарника — моя напарница!

Её взгляд вдруг опустился, и она внимательно посмотрела на рекордер, зажатый в его кулаке. Синяя точка индикатора трудолюбиво светилась.

Невыключенный «Самсон», бесценное наследство московского репортёра Николая Андреевича Котомина, незабвенного сталкера Луча, продолжал исправно фиксировать звук.

— Хе-х, я тоже столько всего рассказать... должен, — чувствуя, как у него подкатывается комок к горлу, выдавил Соратник. — Такое пережил, коллега... такого навидался, не поверишь...

— Я поверю, не сомневайся, — проворчала собеседница, взяла нового напарника под руку и настойчиво повлекла прочь от места привала. — Нам ли, сталкерам, не верить в чудеса... А ну, показывай, где ты видел эти игры и книги! Будем посмотреть. Разберёмся, откуда растут лапы у этих...

Первая из ловчих взяла след.

Конечно, Соратник не имел ни малейшего понятия о том, сумеют ли они добраться к своей цели, вернутся ли домой, на территорию *своей Зоны*. Но в тот факт, что именно с этой партнёршей вероятность возвращения неизмеримо выше, он с этого мгновения уверовал безоговорочно.

На пару с ней даже навсегда застрять в нормальной реальности не так страшно. Хотя лучше бы разыскать Луча, вдруг да не сгорел наставник, восстал из пепла небытия? И Серёгу-Несси встретить... чисто по-человечески попросить у Другого прощения.

Только бы успеть раньше, чем до нас всех доберутся силы, которым я задолжал за исполнение заветного желания.

— Мы с тобой, Самсон, опять вне закона... природы, — прошептал Соратник, поднимая зажатое в кулаке записывающее устройство и поднося его к губам. — Ну что ж, это судьба, кому-то ведь надо вовремя ловить вредные и лишние мечты человечества... Может, в следующий раз получится лучше, не как всегда. И слитное желание многих человеческих разумов, жажда вырваться из опостылевшей нормальной реальности наконец-то породит дивный новый мир. Материализует не ад земной, но рай... э-э-э... землю обетованную, полную жизни, а не чудовищное кладбище убитых надежд. Вот оно, наше будущее. Надо не убегать от него в прошлое, а бежать к нему. Как бы далеко оно ни находилось...

— Что ты сказал? — спросила Шутка, искоса глянув на Соратника. В её загоревшемся взгляде сверкнуло весёлое отчаяние.

— Я завершил свою историческую хронику. Ответы получены. Конец записи, — ответил он и выключил рекордер.

* * *

Ваня торопился домой. Он едва дождался окончания уроков и теперь летел как на крыльях. Не пройденные локации властно звали вновь погрузиться в свои дебри, ещё не изведанные тропы манили, воображение изнывало в ожидании встречи с новыми героями, коварными аномалиями и ещё не побеждёнными монстрами... Пока все уровни не будут пройдены вдоль и поперёк, заядлому геймеру покой только снится — это закон природы!:-)))

Включив компьютер и запустив игру, можно было уйти из скучного однообразного реала и с головой погрузиться в другой мир, совершенно не похожий на этот, где о свободе даже и мечтать не стоило. В мире Зоны всё зависело от тебя самого. Наблюдательность и сообразительность, скорость реакции и цепкость памяти способны превратить обычного парня в непобедимого героя.

Иногда Ване даже нравилось воображать, что он и живёт-то по-настоящему не здесь, когда ходит в школу, возвращается домой, спит, ест и как-то сосуществует с другими людьми. Живым он бывает лишь в те часы, когда перевоплощается в сталкера, отправляется в очередную ходку, уничтожает монстров, преодолевает аномалии, добывает хабар и борется с врагами за право жить и продолжать движение...

О том, что нужно нормально пообедать, Ваня и не думал. Подхватив с полки на кухне пакет чипсов и добыв из холодильника бутылочку «колы», он прямым курсом проследовал в свою комнату. Пока родителей нету дома и никто не нудит, надо срочно пройти наметившийся трудный участок, там, на пристани, возле корабля...

Парень плюхнулся на кресло перед столом и включил комп. Предвкушая, как сейчас загрузит «С.Т.А.Л.К.Е.Р.» и отправится во вселенную любимой игры, он рванул зубами уголок пакетика и затряс головой, пытаясь надорвать пластик. На секунду внимание отвлеклось от монитора, а когда взгляд вернулся к экрану...

Вместо ожидаемых заставок десятиклассник неожиданно увидел незнакомое название:

«ЭПИЦЕНТР ЖЕЛАНИЙ».

Аддон был совершенно неизвестным. Тем не менее надписи на этой заставке, впервые в жизни увиденной Ваней, утверждали, что загружается нечто иное, как третья часть обожаемой игры. Парень без промедления впал в шок, его переполнило изумление, что неудивительно. Ждёшь одно, а получаешь абсолютно другое. Где это видано? Должно появляться то, что было установлено на диск и во что хочется играть, а ничего другого и даром не надо!

Недоумённо пожав плечами и прокомментировав происходящее несколькими короткими, но энергичными словами, Ваня отвернулся от монитора. Потянулся за валявшимся на кровати мобильником, чтобы позвонить Димону, тоже геймеру, входящему в доблестное братство фанатов сталкерской Зоны. На всякий случай надо бы уточнить, известно ли другу о существовании такого странного варианта загрузки.

Поднеся телефон к уху и вновь повернувшись к монитору, парень облегчённо перевёл дух. На дисплее загружалась свежесшедшая третья часть, «Зов Припяти», а не какой-то «левый» эпицентр, вывалившийся бог знает откуда!

Ваня ничего не сказал Димону о компьютерном глюке. Просто сообщил, что случайно нажал вызов на телефоне, и дал отбой. С наслаждением хлебнул «кока-колы», захрустел чипсами и «закликал» клавишами и кнопками «мышки», возвращаясь в то место, где он вчера, а точнее сегодня ночью, сохранял игру.

Уже через минуту парень наварлся на бойца вражеского клана. Опытный геймер выстрелил первым и убил сталкера.

г. Николаев.

26 апреля — 4 июля 2009 г.,

26 апреля — 15 августа 2010 г.

АВТОР БЛАГОДАРЕН всем многочисленным читателям, которые поняли и приняли первую часть диалоги, и питает надежду, что во второй части, завершившей повествование о жизни Зоны в будущем, все желающие нашли ответы на вопросы, заданные в книге «Ловчий Желаний»... Но ОТДЕЛЬНОЕ СПАСИБО АВТОРА — Елене С., Игорю К., Сергею К., Владимиру К., Павлу К., Андрияшу К., Илье К., Ольге К., Дмитрию К., Елене К., Андрею А., Александру Т., Ивану Л., Наталье Л., Ивану Ш., Александру С., Вячеславу С., Максиму П., Виктору С., Лене «York», Дмитрию Р., Любови Р., Константину Т., Владимиру А., Ларисе А., Семёну Ф., Иннокентию О., Николаю И., Сергею Н. и Алисе «S.»...